

Славянский АЛЬМАНАХ

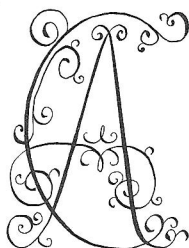

2009

Министерство культуры Российской Федерации
Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский АЛЬМАНАХ

2009

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2010

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2009. — М.: Индрик, 2010. — 464 с.
ISSN 2073-5731

Четырнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», прошедшей в 2009 г. в Дни славянской письменности и культуры в Саратове, а также круглых столов, проводившихся в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

© Институт славяноведения РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Индрик», 2010

ISSN 2073-5731

Содержание

От редколлегии 6

Пленарное заседание

Гиппиус А. А. (Москва). Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты 7
Кириллин В. М. (Москва). Похвальные речи Пахомия Логофета: К вопросу о риторическом мастерстве писателя 32
Турилов А. А. (Москва). Кирилло-мефодиевская традиция и собрание рукописей Научной библиотеки Саратовского государственного университета 50
Попкова Н. А. (Саратов). Собрание рукописей и старопечатных книг Научной библиотеки Саратовского университета 60
Крючкова О. Ю. (Саратов). Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров 67

История

Флоря Б. Н. (Москва). Летописец Даниила Галицкого и «Моление» Даниила Заточника как памятники древнерусской общественной мысли XIII в. 85
Кочегаров К. А. (Москва). Россия и славянские народы в XVII в. 110
Лециловская И. И. (Москва). Научная мысль в Хорватии и Славонии в XVIII в. 120
Макарова Г. В. (Москва). Контакты между русскими и поляками в начале XIX в. и их отражение в походных записках русских офицеров (1812–1813 гг.) 132
Аристова Л. Ю. (Москва). О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи «славянского единства» в России 150
Досталь М. Ю. (Москва). Н. И. Надеждин на пути к романтизму (Парадоксы и славистические опыты) 166
Ващенко М. С. (Москва). Хорватская тема в русской общественной мысли 1830–1870-х гг. 176
Козловцева Е. Н. (Москва). Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX — начало XX в.) 188

<i>Сератионова Е. П. (Москва)</i> . Чехи в России (вторая половина XIX — начало XX в.).....	196
<i>Аксенова Е. П. (Москва)</i> . Саратовский университет в истории славяноведения (Первые годы деятельности историко-филологического факультета).....	205
<i>Киреева Е. В. (Саратов)</i> . Славист профессор СГУ Т. М. Акимова (К 110-летию со дня рождения).....	214
<i>Тыкалин А. С. (Москва)</i> . Проблемы межгосударственных отношений и национально-территориальных споров в социалистическом лагере (По материалам Президиума ЦК КПСС 1953–1964 гг.)....	225
<i>Исаева О. Н. (Саратов)</i> . Македонский дискурс в современной историографии.....	238

История культуры

<i>Терентьева Е. Ю. (Москва)</i> . Лингвистические особенности номинаций праздников Православной Церкви в русском и болгарском языках.....	246
<i>Полозова И. В. (Саратов)</i> . Библиотеки Иргизских и Черемшанских старообрядческих монастырей (К вопросу изучения рукописного певческого наследия).....	258
<i>Хачаянц А. Г. (Саратов)</i> . Древнерусская певческая традиция в рукописном наследии старообрядцев: канон и интерпретация.....	275
<i>Косик В. И. (Москва)</i> . Русские зодчие в Югославии.....	283
<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . Историческая биография как попытка реконструкции творческой личности: «Роман о Прешерне» И. Ваште.....	301
<i>Созина Ю. А. (Москва)</i> . Между сокровенным и плакатным: военные стихи советских, македонских и словенских поэтов.....	314
<i>Анисимова Д. Ю. (Москва)</i> . Ментальные и эмотивные предикаты в лирике П. Яника и М. Руфуса.....	331

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва)</i> . Общеславянские лексические соответствия в пространственно-временном аспекте.....	344
<i>Орлова Н. М. (Саратов)</i> . Универсализм и смысловая динамика концептов библейского истока.....	369
<i>святи. Федор Людоговский (Москва), диакон Максим Плякин (Саратов)</i> . Литургические языки в Slavia Orthodoxa: современная ситуация....	380

Публикации

<i>Соколовская О. В. (Москва)</i> . О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги).....	400
<i>Носкова А. Ф. (Москва)</i> . К истории выборов 1947 г. в Учредительный Сейм Польши.....	419

Рецензии

<i>Королькова П. В. (Москва)</i> . Новый труд по изучению славянской литературной сказки.....	427
<i>Дронов М. Ю. (Москва)</i> . Еще раз о Карпатской Украине.....	436
<i>С. О. Шмидт (Москва)</i> . Исследования и материалы по истории польского общественного движения середины XIX в.	440

Хроника

<i>Шведова Н. В. (Москва)</i> . Конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы».....	446
<i>Силкин А. А. (Москва)</i> . Конференция «Человек на Балканах глазами русских наблюдателей (конец XIX — первая половина XX в.)»....	450
<i>Валева Е. Л. (Москва)</i> . 20 лет со времени начала демократических перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе.....	456
Сведения об авторах.....	460

Content

От редколлегии..... 6

Пленарное заседание

<i>Gippius A. A.</i> The Sts Cyril and Methodius Tradition in Rus' and Birchbark Literacy	7
<i>Kirillin V. M.</i> Eulogies by Pachomius Logophet: About the Rhetoric Mastership of the Writer	32
<i>Turilov A. A.</i> The Sts Cyril and Methodius Tradition of the Saratov State University and the Manuscript Collection of the Research Library	50
<i>Popkova N. A.</i> The Manuscript and books printed in Cyrillic type Collection of the Research Library of the Saratov University	60
<i>Kriuchkova O. Yu.</i> Dialect Corpus as a Source of Lingua-cultural Study of Russian Popular Dialects	67

История

<i>Florya B. N.</i> The Letopisets of Daniel of Galich and Praying of Daniel the Immured as Monuments of the Old Russian Social Thought of the 13th century	85
<i>Kochegarov K. A.</i> Russia and Slavic Peoples in the 17th century	110
<i>Leshchilovskaya I. I.</i> Scholarly Thought in Croatia and Slavonia in the 18th century	120
<i>Makarova G. V.</i> Russian-Polish Contacts in the Beginning of the 19th cent. and their Reflection in the Memoirs of Russian Officers (1812–1813) ...	132
<i>Aristova L. Yu. M. O.</i> Bodyansky, N. V. Gogol and the Formation of Idea of “Slavic Unity” in Russia	150
<i>Dostal' M. Yu. N. I.</i> Nadezhdin on his Way to Romanticism (Paradoxes and Slavistic Experiences)	166
<i>Vashchenko M. S.</i> Croatian Theme in the Russian Social Thought of 1830–1870-s	176
<i>Kozlovtseva E. N.</i> Russian Nurses in Serbia and Bulgaria (the second half of the 19th — the beginning of the 20th cent.)	188
<i>Serapionova E. P.</i> Czechs in Russia (the second half of the 19th — the beginning of the 20th cent.)	196

<i>Aksionova E. P.</i> The Saratov University in the History of Slavic Studies (The First Years of Activity of the Historical-Philological Faculty).....	205
<i>Kireeva E. V.</i> Specialist in Slavic Studies in the Saratov State University T. M. Akimova (by the 110th anniversary)	214
<i>Stykalin A. S.</i> Problems of Interstate Relations and National-Territory Contradictions in the Socialistic Union (On the Materials of the Presidium of the Central Committee of the CPSU 1953–1964).....	225
<i>Isaeva O. N.</i> Macedonian Discourse in Contemporary Historiography	238

История культуры

<i>Terentieva E. Yu.</i> Linguistic Peculiarities of Nomination of Festivals in the Orthodox Church in Russian and Bulgarian Languages	246
<i>Polozova I. V.</i> Libraries of the Irgiz and Cheremshan Old Believers' Cloisters (About Studies of Manuscript Singing Heritage).....	258
<i>Khachayants A. G.</i> Old Russian Singing Tradition in the Manuscript Heritage of Old Believers: Canon and Interpretation.....	275
<i>Kosik V. I.</i> Russian Architects in Yugoslavia	283
<i>Starikova N. N.</i> Historical Biography as an Attempt of Reconstruction of Creative Person: Novel on Presherne by I. Vashte	301
<i>Sozina Yu. A.</i> Between the Inmost and the Poster: Military Poems by Soviet, Macedonian and Slovenian Poets	314
<i>Anisimova D. Yu.</i> Mental and Emotive Predicates in Lyric of P. Yanik and M. Rufus	331

Языкознание

<i>Vendina T. I.</i> Common Slavic Lexical Correspondence in Space and Time Aspect	344
<i>Orlova N. M.</i> Universalism and Semantic Dynamics of Concepts of the Biblical Source.....	369
<i>priest Fedor Ludogovsky, deacon Maksim Plyakin.</i> Liturgical Languages in Slavia Orthodoxa: Contemporary Situation.....	380

Публикации

<i>Sokolovskaya O. V.</i> On the Beginning of the First Balkan War of 1912 (Several Letters of the Queen of Hellenes Olga)	400
<i>Noskova A. F.</i> About the History of Elections of 1947 to the Constituent Seim of Poland	419

Рецензии

<i>Korol'kova P. V.</i> A New Work in the Sphere of Studies in Slavic Literary Fairy Tales	427
<i>Dronov M. Yu.</i> Once More about the Carpathian Ukraine	436
<i>Shmidt S. O.</i> The Studies and Documents for the History of the Polish Social Movement in the middle of the XIXth century	440

Хроника

<i>Шведова Н. В. (Москва).</i> Конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы»	446
<i>Силкин А. А. (Москва).</i> Конференция «Человек на Балканах глазами русских наблюдателей (конец XIX — первая половина XX в.)»....	450
<i>Валева Е. Л. (Москва).</i> 20 лет со времени начала демократических перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе	456
Сведения об авторах	460

От редколлегии

Ежегодно 24 мая в России широко отмечается День славянской письменности и культуры. По традиции среди разнообразных мероприятий, приуроченных к этому празднику, проводится международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» и ряд круглых столов с соответствующей тематикой.

Начиная с 1996 г. подобные конференции проводились в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери. Материалы этих научных форумов легли в основу тринадцати выпусков «Славянского альманаха», выходящего в свет в мае каждого года к предстоящей конференции. Настоящий, четырнадцатый выпуск альманаха предлагает вниманию читателей материалы научной конференции, прошедшей в 2009 г. в Саратове, а также круглых столов и симпозиумов, проводившихся в Москве в Дни славянской письменности и культуры. Наряду с этим в альманахе помещены статьи, близкие по проблематике к проводившимся научным мероприятиям. Материалы альманаха затрагивают актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов.

Структура альманаха традиционно состоит из следующих разделов: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Начиная с данного выпуска публикуемые статьи сопровождаются краткими аннотациями на русском и английском языках и сведениями об авторах. Редколлегия «Славянского альманаха» надеется, что ежегодник может способствовать дальнейшему всестороннему изучению славянских народов и распространению знаний о славянском мире.

А. А. Гиппиус
(Москва)

Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты¹

Статья посвящена вопросам происхождения традиции делового письма на Руси и ее соотношению с церковнославянской книжной традицией. Появление в Новгороде первых берестяных грамот в 30-х гг. XI в. трактуется как «побочный продукт» распространения церковного образования при Ярославе Мудром. Тесное переплетение светского и церковного начал в жизни древнего Людина конца рассматривается как фактор, обусловивший расцвет деловой письменности в этом районе города. Ключевые слова: *средневековая Русь, Древний Новгород, берестяные грамоты, деловая письменность, кирилло-мефодиевская традиция, светское, церковное.*

В рукописном наследии Древней Руси — наиболее обширной отрасли письменной традиции, основанной славянскими первоучителями, берестяные грамоты занимают совершенно особое место. Находясь на периферии этой традиции, они вместе с тем являются ярчайшим свидетельством того преобразующего воздействия, какое создание оригинального письма оказало на различные аспекты жизни средневекового славянского общества.

Прочерченные на бересте частные письма и деловые записи XI–XV вв. известны в славянском мире только на Руси и в общеевропейской перспективе также предстают как исключительное явление.

Внешне эту исключительность создает соединение бересты как писчего материала с техникой письма твердым инструментом по эластичной поверхности. И то и другое по отдельности встречается в разных культурных традициях. Написанные чернилами древнеиндийские берестяные книги и античные восковые таблички-церы, на которых, как и на бересте, писали заостренным металлическим или костяным стилосом, являются в этом отношении «сводными сестрами» берестяных грамот, совпадая с ними в одной из двух своих внешних характеристик (заметим, что как чернильные берестяные книги, так и церы были в разное время известны и на Руси).

Более близкие соответствия в иных культурных ареалах берестяные грамоты находят в функциональном плане, как памятники

делового, «практического» письма. Китайские и японские мокканы², клинописная переписка купцов древней Месопотамии, греческие папирусы бытового содержания из египетского Оксирина³, латинские грамоты на тонких деревянных табличках, найденные при раскопках римских фортов Виндоланда и Карлайл в Британии⁴, наконец, рунические документы XII–XIII вв. на обструганных деревянных палочках из норвежского Бергена⁵, — все эти письменные традиции содержат примеры текстов, подчас разительно напоминающих по содержанию, а и иногда и по форме, древнерусские письма и записи на бересте.

Специфика каждой из названных традиций делового письма обуславливалась не в последнюю очередь характером отношений, в которых такое письмо находилось с корпусом авторитетных для своего времени и региона письменных текстов, т. е. литературой. На Руси (и шире — в славянском мире) эти отношения определялись двумя факторами. Важнейшим из них была незначительность языковой дистанции, отделявшей живую восточнославянскую речь XI–XII вв. (даже в такой наиболее специфичной ее форме, как древненовгородский диалект) от литературного церковнославянского языка, воспринимавшегося восточными славянами как высокая, кодифицированная форма родной речи. Языковая доступность книжной культуры открывала возможность для распространения письма в быту, обуславливала ту легкость, с какой человек, освоивший азбуку и научившийся читать церковные книги, мог использовать этот навык для записи любого высказывания на родном языке.

Вторым фактором был строго конфессиональный характер церковнославянской литературы, возникшей в результате перевода на славянский язык корпуса основных христианских текстов. Среди европейских письменных традиций славянское письмо выделяет, как известно, именно его миссионерское происхождение. И греческое, и латинское, и скандинавское руническое письмо, хотя и являлись в разное время и в разной степени носителями христианской традиции, не были связаны с ней от рождения; появление христианства — в случае с греческим и латинским, и принятие его — в случае с руническим письмом, заставляло письмо уже сложившимся. Славянское письмо было создано специально для записи основ христианского вероучения, создано, по словам черноризца Храбра, святым мужем, что сообщало самому этому письму ореол сакральности.

С точки зрения перспектив распространения делового письма данное обстоятельство могло бы сыграть роль негативного фактора,

сдерживая это распространение как нарушающее конфессиональную чистоту письменной традиции. Выход миссионерского письма за пределы конфессиональной сферы есть, вообще говоря, не что иное, как его профанация (в буквальном смысле этого слова), со всеми вытекающими отсюда проблемами. Свидетельством озабоченности, которую бурный рост светской грамотности мог вызывать в клерикальных кругах, является знаменитый вопрос Кирика Новгородца, заданный им епископу Нифонту где-то в середине XII в.: «Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будутъ знати?»⁶. Характерно, впрочем, что Нифонт не удостоил этот вопрос ответом («Ти онъ помолче», как сказано в «особой» редакции «Вопрошания Кирика»): представление о сакральности письма как такового воспитанному на византийской традиции новгородскому иерарху было, естественно, чуждо; существование же, параллельно с церковной книжностью, светского делового письма было в эту эпоху уже свершившимся фактом.

Откуда берет свое начало деловая письменность древней Руси и в каком отношении находится к книжной традиции? В общеславянской перспективе вторичность употребления письма в практической сфере по отношению к его употреблению в сфере конфессиональной не вызывает сомнений и прямо проистекает из хорошо известных обстоятельств возникновения славянской письменности. Значит ли это, что так же обстояло дело и на Руси или же знакомство восточных славян с письмом предшествовало массовому распространению на ее землях церковнославянской книжности? Полуторавековая дистанция, отделяющая появление первых достоверных памятников древнерусской письменности от эпохи Константина и Мефодия, делает эти вопросы предметом разноречивых спекуляций.

Традиционная точка зрения связывает начало письменности на Руси с актом крещения Владимира Святославича в 988 г., сразу после которого Владимир, согласно «Повести временных лет», «нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное»⁷. Параллельно с этим «каноническим» взглядом существовало и существует представление, согласно которому Русь знала письмо и до официального крещения.

Вопрос о существовании у восточных славян оригинальной письменности в докирилломефодиевскую эпоху в настоящее время принадлежит скорее к истории науки, и здесь мы его касаться не будем. Серьезного обсуждения заслуживает лишь возможность раннего знакомства восточных славян с кирилло-мефодиевской пись-

менной традицией в двух ее графических воплощениях — глаголическом и кириллическом. Теоретически такое знакомство вполне могло иметь место и помимо процесса христианизации — в ходе развития торгово-экономических связей Руси с Византией и Болгарией. Графические следы его остаются, однако, более чем скромными вплоть до конца X в.

Ни одной достоверной буквы глаголицы от этого времени с территории Руси до нас не дошло. С кириллицей ситуация более сложная. Несколько археологических объектов с надписями, датированных в пределах X в., традиционно рассматриваются в качестве свидетельства использования кириллического письма на Руси в коммерческой и административной сфере до официального крещения. Если бы такое использование имело место, были бы все основания считать традицию бытового письма, представленную берестяными грамотами, генетически связанной с этим коммерческим письмом дохристианской эпохи.

Именно такой взгляд представлен в последнем по времени концептуальном очерке ранней истории письма на Руси, принадлежащем перу известного британского русиста Саймона Франклина. Столетие с середины X по середину XI в. С. Франклин рассматривает как время «вызревания» русской письменности, не подразделяя его на периоды до и после 988 г.: «Структура сохранившихся свидетельств использования письма спустя полстолетия после официального крещения существенно не отличается от структуры сохранившихся свидетельств его использования за полстолетия до официального крещения. Никакой очевидной разделяющей черты около 988 г. не обнаруживается»⁸. Отмечая при этом, что «самые ранние образцы славянского письма на Руси происходят из неконфессиональных контекстов», С. Франклин, по существу, признает независимый от книжной традиции генезис делового письма на восточнославянской территории. Формирование письменной культуры в этот «период созревания» шло, как полагает исследователь, двумя относительно независимыми друг от друга путями: катализаторами его были, с одной стороны, церковные институты, а с другой — спонтанная коммерческая и административная деятельность. В том, что касается раннего появления письма в торгово-административной сфере, эта концепция сближается с изложенной в монографии А. А. Медынцева, обобщающей эпиграфические свидетельства распространения грамотности в домонгольской Руси⁹, — с той разницей, что А. А. Медынцева, следуя устоявшейся традиции, сохраняет за крещением Владимира

значение исторического рубежа в развитии древнерусской письменной культуры, которое отрицает С. Франклин.

Фактическое основание, на котором базируется представление о пусть и ограниченном, но все же достаточно заметном использовании на Руси славянской грамоты в «дохристианскую» эпоху, оказывается при ближайшем рассмотрении на удивление шатким. Круг реальных свидетельств такого использования, приводимых в обзорах А. А. Медынцева и С. Франклина, образуют всего четыре предмета: корчага из Гнёздова со знаменитой надписью, печать Святослава Игоревича и новгородские деревянные цилиндрические бирки (цилиндры) №№ 6 и 7, предположительно датированные 970–980 гг. Достаточно ли этого, чтобы говорить об освоении славянского письма в деловых контекстах в эпоху до официального крещения? Если бы атрибуция названных свидетельств как восточнославянских надписей указанной эпохи была абсолютно надежной, ответ на этот вопрос, по-видимому, должен был бы быть утвердительным. Между тем достоверность такой атрибуции в каждом из четырех случаев оказывается сомнительной¹⁰.

Гнёздовскую надпись с уверенностью считать кириллической невозможно: хотя записанное слово (скорее всего, притяжательное прилагательное *Горуня*, называющее имя владельца) — несомненно славянское, письмо может быть и греческим¹¹. С другой стороны, существует значительная вероятность того, что амфора, принадлежавшая одному из «русов», совершивших военные и торговые экспедиции в Византию, была куплена или захвачена в Причерноморье с уже процарапанной на ней надписью, которая в таком случае вполне может представлять собой памятник болгарской, а не русской эпиграфики¹². Атрибуция печати Святослава Игоревича основывается на княжеском знаке, а не на надписи, которая прочтению не поддается¹³; даже угадывая в ней, вслед за Н. П. Лихачевым, буквы СТЛА, нет никаких оснований считать надпись кириллической, а не греческой (что теоретически более вероятно, учитывая, что печати от русских князей требовала, согласно договору 944 г., Византия).

Наиболее сложно, можно сказать драматично, обстоит дело с новгородскими цилиндрами. Надпись на цилиндре № 6, представляющая собой записанную кириллицей полноценную славянскую фразу, до самого последнего времени служила главным (а по сути дела — единственным) свидетельством использования на Руси кириллического письма в административных целях до официального крещения. Между тем датировка обоих цилиндров основывалась не

на стратиграфии, а на далеко не бесспорной атрибуции нанесенных на них княжеских знаков. После открытия на Троицком раскопе в 1999 г. комплекса из 38 таких же цилиндров, происходящего из слоев середины XI — первой четверти XII в., проблематичность датировки сделалась особенно явной. Как замечает В. Л. Янин, «отсутствие других аналогичных находок столь раннего времени, как будто, переносит цилиндры №№ 6 и 7 в контекст несколько более позднего времени, хотя формально хронологические рамки их датирования по-прежнему замыкаются между 973 и 1051 гг.»¹⁴. При всей осторожности этой формулировки из нее вытекает вполне однозначный вывод: как памятники «дохристианской» древнерусской письменности новгородские цилиндры более рассматриваться не могут. А с ними и сама эта письменность отходит в область «виртуального».

Принципиально иная картина наблюдается по другую сторону от 988 г. Здесь славянское письмо появляется сразу, тиражированное и заявленное на монетах Владимира в качестве одной из составляющих новой идеологической и культурной программы¹⁵. Свидетельством административного использования кириллического письма в первые десятилетия после крещения являются также печати Святополка, Ярослава и Глеба Владимировичей¹⁶. Наконец, с сенсационной находкой Новгородского воскового кодекса¹⁷ реальностью сделалась и книжная культура этой эпохи. В свете этих материальных свидетельств почву под ногами обретают и гипотезы, возводящие к концу X и началу XI в. протографы ранних редакций Устава Владимира и Русской правды, первые шаги древнерусской агио- и гимнографии, летописания.

Таким образом, если по одну сторону рубежа 988 г. свидетельства использования кириллического письма на Руси оказываются при ближайшем рассмотрении мнимыми, то по другую его сторону, для первых же десятилетий после официального крещения, число их медленно, но неуклонно прибывает. Акт Владимира предстает, таким образом, не эмблематичной датой, но вполне реальным началом русской письменной традиции. С другой стороны, нет оснований говорить об опережающем, по сравнению с развитием церковного, книжного письма, распространении на Руси «коммерческого письма» и его независимом, в рамках древнерусской ситуации, генезисе.

Славянское письмо, созданное солунскими братьями как орудие распространения христианского вероучения, было слишком прочно связано с христианством, чтобы усваиваться и развиваться вне его. И хотя к середине X в. кириллическое письмо у южных славян

успело выйти за рамки собственно церковной сферы, возможность первоначального восприятия его Русью из нецерковных, коммерческих контекстов кажется в принципе сомнительной. Теоретически можно, конечно, представить себе русского купца X в. осваивающим кириллическую азбуку по надписям на болгарских амфорах как идеологически нейтральную «информационную технологию», облегчающую ведение торговых операций. Но так ли велика была коммерческая выгода и стоила ли игра свеч? Более реалистично было бы связать древнейшие (до конца X в.) свидетельства практического использования письма на Руси с начальным распространением на ее землях христианства. Но, как мы уже видели, необходимости в этом нет, поскольку надежные свидетельства такого рода просто отсутствуют.

Как массовое явление, каким оно становится в XI в., деловое письмо является на Руси не продолжением тянувшейся с середины X в. светской традиции, а таким же, как в свое время в Болгарии, «побочным продуктом» развития книжной культуры. В этом отношении чрезвычайно показателен тот факт, что Новгородский восковой кодекс — сколь бы уникальной ни была эта находка — хронологически почти на четверть века опережает появление первых берестяных грамот. Важно также, что береста как писчий материал впервые заявляет о себе не в коммерческой или административной сфере: древнейшие из найденных к настоящему времени грамот — иконка с изображениями Христа и св. Варвары (№ 915 И 30-е гг. XI в.; рис. 1) и азбука (№ 591, 30-е гг. XI в.; рис. 2).

Можно думать, что началу делового письма на бересте предшествовало ее использование в околоцерковной сфере, в частности — при обучении грамоте, носившем на Руси, как и во всем православном славянском мире, катехитический характер и осуществлявшемся на основе Псалтыри. Новгородский восковой кодекс далеко не случайно содержит именно текст псалмов — использование его как учебного пособия кажется наиболее вероятным.

По-видимому, именно с прогрессом школьного образования следует связывать внезапное появление берестяных грамот спустя примерно сорок лет после крещения Руси. Этот скачок — одно из проявлений общего всплеска письменной активности, приходящегося на середину XI в. «Открытие светской концепции письма», как с полным основанием характеризует данный феномен итальянский рустист Ремо Факкани¹⁸, требовало наличия определенной культурной среды, которая в первые десятилетия после 988 г. еще отсутствовала.

БЕРЕСТЯНАЯ ИКОНА (915-И)

Рис. 1. Грамота № 915 И (30-е гг. XI в.). Берестяная иконка. Св. Варвара.

Чтобы это открытие произошло, должно было вырасти поколение грамотной элиты, воспитанное в уже христианизированной стране, на основе уже возникшей — пусть и в очень ограниченных масштабах — местной письменной традиции; поколение, воспринимавшее письмо как данность, а не как культурное откровение, обретенное вместе с религиозным обращением и немислимое вне и помимо церковных институтов.

Выход на историческую сцену этого нового поколения засвидетельствовала известная запись, читаемая под 1030 г. в летописях Новгородско-Софийской группы: «Сем же лѣтъ иде Ярославъ на чюдь, и побѣди я, и постави град Юрьев. И приде к Новуграду. И събра от старость и от попов дѣтии 300 учити книгам. И преставися архиепископ Акимъ; и бяше ученикъ его Ефреъмь, иже ны учаше»¹⁹. Слова

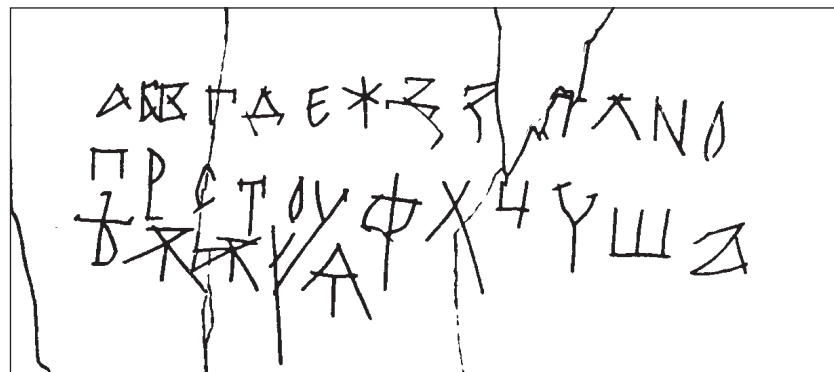

Рис. 2. Грамота № 591 (30-е гг. XI в.). Древнейшая русская азбука.

«иже ны учаше» придают этой информации особую ценность как показанию от первого лица, принадлежащему одному из учеников, севших за парты в 1030 г. по приказанию Ярослава. К этому поколению первых новгородских школьников могли принадлежать и поп Упырь Лихой, переписавший в 1047 г. для князя Владимира Ярославича «ис куриловице» (т. е., по-видимому, с глаголического оригинала) рукопись Толковых пророков, и писец Остромирова евангелия 1057 г. дьякон Григорий, но также и авторы первых надписей-граффити в Новгородском Софийском соборе и первых берестяных грамот.

Итак, бытовая письменность на бересте возникает на Руси во второй четверти XI в. как побочный продукт развития церковного школьного образования. Характерно, что два древнейших известных ныне берестяных письма, не являясь церковными документами, затрагивают вместе с тем, каждое по-своему, жизнь Церкви. В грамоте № 246 предметом конфликта выступает «честное древо» (по всей вероятности, крест-реликварий с фрагментом Истинного креста), а в грамоте № 247, представляющей собой донесение новгородской администрации в связи с ложным обвинением в краже, упоминается сумма, взысканная с участвующего в деле смерда в пользу епископа.

Собственно церковные тексты составляют лишь около 5% от общего числа берестяных грамот, но само присутствие их в репертуаре ранней берестяной письменности исключительно значимо. Церковное письмо на бересте составляет своего рода промежуточное звено между церковной письменностью на пергамене и светской письменностью на бересте. Можно думать, что оно служило и образ-

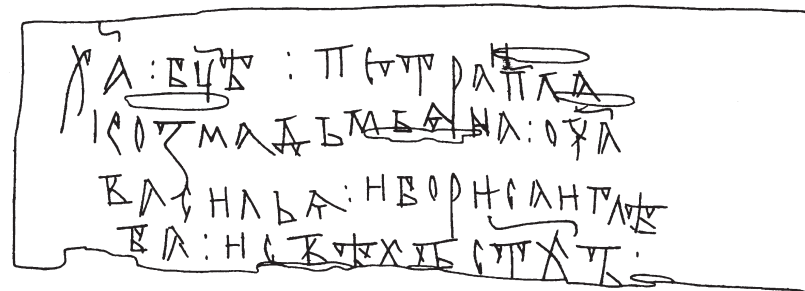

Рис. 3. Грамота № 906 (3-я четв. XI в.). Ключевые слова отпуста (среди святых — Борис и Глеб).

цом, примером для подражания, которому следовали авторы первых записей на бересте светского характера. Поп, записавший «конспект» богослужебного отпуста, завершающего церковную службу (грамота № 906, 3-я четв. XI в. — древнейший документ, упоминающий св. Бориса и Глеба; рис. 3), и ростовщик, составивший список своих должников (см. грамоту № 526, того же времени), — оба делали записи для памяти, облегчавшие выполнение ими их социальных ролей, и надо полагать, что второй при этом ориентировался на первого, перенимая практику письменной фиксации информации, принятую в Церкви. Мирская деловая письменность возникала, таким образом, буквально на пороге храма, а если учесть активную вовлеченность клириков в дела светской администрации (о чем см. ниже), то и непосредственно в его стенах.

Если светское деловое письмо было действительно обязано своим появлением влиянию церковного, то должна существовать корреляция между уровнем развития одного и другого. Именно это мы наблюдаем, сопоставляя два основных комплекса новгородских берестяных грамот домонгольского времени, найденных на Неревском и Троицком раскопах. Хотя по своей площади Неревский раскоп в полтора раза превосходит Троицкий, количество «троицких» берестяных грамот, относящихся к домонгольскому времени (295), вчетверо превышает число «неревских» (74). При этом если среди грамот Неревского раскопа церковные документы отсутствуют вовсе, то среди грамот Троицкого раскопа они насчитывают 29 документов, т. е. составляют около 10%.

Эти различия могут быть, теоретически, объяснены независимо друг от друга. Интенсивность светской берестяной переписки и документации на территории, исследованной на Троицком раскопе, объясняет элитарный характер населения этой части древнего Людина конца и присутствие здесь светских административных структур. Масштаб этого присутствия в полном объеме раскрылся в ходе раскопок 1998–1999 гг., когда были исследованы напластования XII в. усадьбы «Е» и выяснено, что в середине этого столетия усадьба служила местопребыванием крупного судебно-административного центра общегородского значения²⁰. Среди фигурантов берестяной переписки, отразившей деятельность этой судебной инстанции, — видные политические деятели своего времени, такие как посадник Якун Мирославич и боярин Петр Михалкович, в 1156 г. выдавший дочь за новгородского князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого²¹.

Относительно большой удельный вес церковных документов в письменной продукции усадеб Троицкого раскопа объясним уже тем, что улица, диагонально пересекавшая эту территорию, носила название Черницыной. Переписка монахинь располагавшегося на ней Варварина монастыря дошла до нас в берестяных грамотах № 657, 682, 717 и ряде других. Неподалеку, напротив усадьбы «Е» относительно Пробойной улицы Людина конца находилась не менее знаменитая усадьба «А», на которой в 1970-х гг. была исследована мастерская новгородского художника XII в. Олисея Петровича Гречина и найдены адресованные ему грамоты. Олисей Гречин — персонаж, также известный летописи. Он расписал в 1195 г. надвратный храм Ризоположения в новгородском Детинце, а в 1193 г. был одним из претендентов на выборах архиепископа²².

Важнее всего, однако, что светская жизнь и жизнь церковная, столь интенсивно протекавшие в этом районе Новгорода, были теснейшим образом связаны между собой. Ярче всего их переплетение демонстрирует фигура того же Олисея Гречина, бывшего не только церковным художником и священником, но также боярином и администратором высокого ранга. Сын уже упомянутого Петра Михалковича, он в конце XII в. на пару с посадником Мирославом (Мирошкой) Несдиничем разбирает судебные дела, подобно тому, как это в свое время делал его отец вместе с Якуном Мирославичем. Два адресованных Гречину письма весьма выразительно представляют две стороны его личности. Это — заказ на написание двух икон се-рафимов (№ 549)²³:

Покланѣние ꙗко попа къ Гръциноу. Напиши ми шестокрїленаа ан҃гла 2 на довоу иконокоу на верьхо деисѣсоу. И цѣлоую тѣ. А Бѣ за мѣздоу или ладивьсѣ.

‘Поклон от попа Гречину. Напиши для меня двух шестокрылых ангелов на двух иконках, [чтобы поставить] сверху деисуса. Приветствую тебя. А Бог вознаградит или сладимся (о цене)’

и записка, посланная посадником непосредственно в ходе судебного заседания (№ 502):

ꙗко Мирслава къ Олисеви ко Грциноу. А тоу ти вѣнидѣте Гавько Полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь вѣтаеть. Ать ти видьло, како ти было ꙗко Ивана ꙗль, постави и пѣредь людьми, како ти взмолвить.

‘От Мир(о)слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет (т. е. перед теми свидетелями, которых он назовет)’

Теснейшие личные и экономические узы связывали с жизнью боярских усадеб Людина конца и находившийся в гуще городской застройки Варварин монастырь. В грамоте № 675 Пелага сообщает Олфимье, что деньги, предназначенные для монастыря св. Варвары, находятся в городе, у Жирослава:

+ Покланѣние ꙗко Пелаге ка Оѣимие. Съ стѣе дѣля Варьвре вѣверице твое въ городъ ꙗко Домацка, а оу Жирослава соуть. А потоснисѣ въ городъ. А стѣе Варьварь тѣлиця, сторова ли?

‘Поклон от Пелаги Офимье. Вот, деньги твои от Домачка, [предназначенные] для [монастыря] святой Варвары, в городе; а лежат у Жирослава. Поспеш же в город. А телка святой Варвары здорова ли?’

Жирослав с высокой вероятностью идентифицируется с новгородским посадником, трижды занимавшим этот пост в 1170–1175 гг. По убедительному предположению А. Е. Мусина, Офимья (Евфимия) — дочь Жирослава, тождественная упоминаемой в Новгородской летописи «Жироскиной дочери», основавшей в 1198 г. Евфимьевский монастырь — очевидно, в честь своей небесной покровительницы²⁴. Такого рода контакты делают понятным, почему

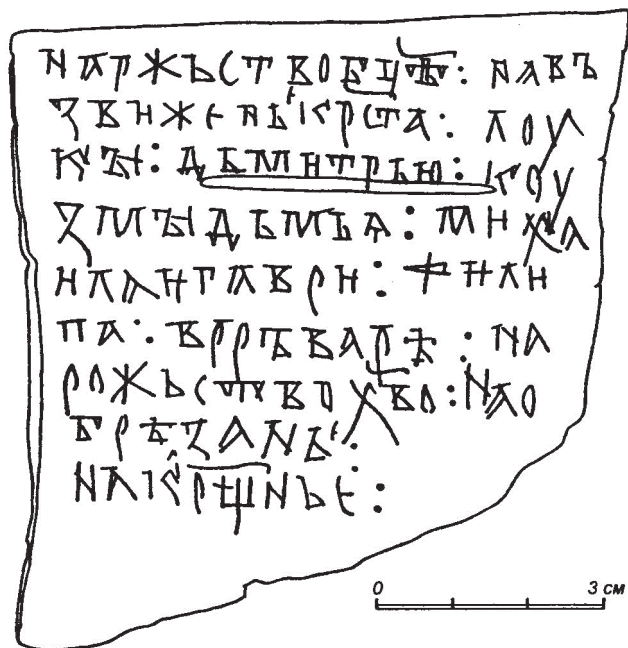

Рис. 4. Грамота № 913 (3-я четв. XI в.). Перечень церковных праздников.

в ходе политических пертурбаций XII в. Варварин монастырь неоднократно становился местом временного заточения новгородских княгинь.

Такое же взаимопроникновение мирского и церковного мы застаем на этой территории и в более раннюю эпоху. Уже упомянутая усадьба «Е» и в середине XI в. имела общественное назначение: сюда стекалась дань с окраин Новгородской земли, и именно здесь были в большом количестве найдены деревянные замки-цилиндры. Однако с усадьбы «Е» происходит и уже упомянутая берестяная иконка с изображением св. Варвары (что очевидным образом связано с существованием здесь в дальнейшем Варварина монастыря); здесь же была найдена и Новгородская восковая псалтырь, открывающая собой историю древнерусской книжной культуры.

Первоначальный синкретизм берестяной письменности Новгорода, соединение в ней светского и церковного начал, ярко иллюстрирует пара ранних документов, найденных на той же усадьбе «Е» в одном археологическом контексте и носящих смежные номера.

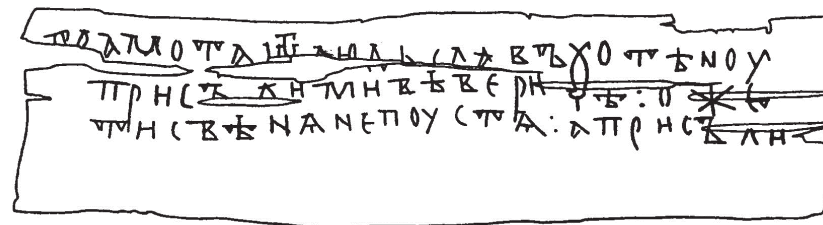

Рис. 5. Грамота № 912 (3-я четв. XI в.). Письмо от Людъслава к Хотену.

Грамота № 913 (3-я четв. XI в.; рис. 4) — великолепный образец книжного письма на бересте — заключает в себе перечень важнейших церковных памятей с сентября по январь. По словам А. А. Зализняка, «автор писал на бересте с той же тщательностью и эстетизмом, что и при переписке церковной книги. Внешний вид текста сходен, например, с календарными записями в составе Остромирова евангелия»²⁵.

Грамота № 912 (рис. 5) написана, скорее всего, тем же почерком, но представляет собой документ совершенно иного рода. Это частная записка:

Грамота Ѡ Людъслава къ Хотѣноу. Присъли ми вѣрверицѣ. Оже ти Свѣня не пуся, а присъли.

‘Грамота от Людъслава к Хотену. Пришли мне деньги. Даже если не пошлешь Свеня, все равно пришли’.

Считать оба документа написанными рукой Людъслава нет оснований; скорее всего, Людъслав просто прибег к услугам церковного писца. Такая ситуация была, по-видимому, типичной для раннего периода развития берестяной письменности, и она многое объясняет в ее характере, в частности — преобладание среди ранних берестяных грамот документов, написанных красивыми книжными почерками. Постепенно, по мере того как берестяное письмо «демократизируется», становится достоянием более широкого социального круга, качество почерков падает, а графические нормы все более удаляются от книжных стандартов²⁶.

При всей неординарности локальной социокультурной ситуации, с которой знакомят нас берестяные грамоты Троицкого раскопа, она во многом отражает общий характер социальной организации древнерусской Церкви. По характеристике А. Е. Мусина, «духовен-

ство изначально не составляло обособленного социального слоя на Руси, а включалось непосредственно в систему княжеского окружения и боярской патронимии»²⁷. Это положение дел, как мы видим, и создавало питательную среду для возникновения и распространения деловой и бытовой письменности, ту почву, на которой письмо, как важнейший атрибут христианской культуры, встречалось с устными практиками повседневной жизни.

Плодом этой встречи и является феномен берестяного письма, рассмотрение которого требует по этой причине двойной перспективы.

Как средство коммуникации, выполняющее конкретные прагматические функции, берестяная переписка обнаруживает преемственность в отношении традиции устных «речей», бывших у восточных славян в дописьменную эпоху единственной формой передачи информации на расстоянии. Эта преемственность проявляется в первую очередь в использовании местного диалекта (аналогичным образом — преемственностью в отношении традиции устного обычного права — объясняется и восточнославянский языковой облик «Русской правды»). С другой стороны, ряд особенностей текстовой организации берестяных писем позволяет думать, что текст письма нередко зачитывался адресату вслух доставившим письмо гонцом, т. е. доходил до него в устной форме, — запись текста лишь гарантировала достоверность передачи сообщения²⁸. См., например, начало грамоты № 771 (нач. XIV в.): **Офимиа каже весте къ тобѣ: грѣнѣ серебра присли на дѣвке...** ‘Офимья сообщает тебе весть: пришли гривну серебра за девку’. Текст представляет собой точную запись устного объявления, которое посланец Офимья должен был сделать не названному по имени адресату.

Как принадлежность письменной традиции, берестяные письма встраиваются в составляющую ее иерархию текстов. Располагаясь на низшем этаже этой иерархии или даже у ее подножия, они могут содержать или же не содержать в себе признаки сознательной ориентации на верхние, книжные этажи, характеризуя тем самым уровень культурных амбиций пишущего. Почерк может изобличать профессионала или «любителя», графическая система — быть книжной или бытовой, а используемый языковой идиом — характеризоваться тем или иным соотношением диалектных и наддиалектных древнерусских черт. На уровне организации текста ориентация на книжную традицию находит выражение в этикетном формуляре берестяной переписки.

Обратим внимание на адресную формулу грамоты № 912, характерную для древнейших берестяных писем²⁹. Хотя слово *грамота* как обозначение письма представляет собой заимствование из греческого (*ta grammata*), о прямом влиянии византийского эпистолярного этикета на древнерусский в данном случае говорить не приходится: в начале византийских писем это слово не встречается. Это означает, что как элемент адресного формуляра оно является местным изобретением, сделанным на основе книжной традиции, конвенцией письменного общения, выработанной первым поколением корреспондентов по берестяной переписке. Возникновение этой формулы соблазнительно объяснять влиянием модели, по которой строятся названия многих канонических церковнославянских текстов, имеющих в своем абсолютном начале слово *кѣнигы* (ср., например, начало Четвероевангелия: «Книги рожества Иисуса Христа сына Давидова сына Авраамля»). Начать грамоту словом «грамота» было также естественно, как начать книгу словом «книга».

Как местный конструкт на книжной основе следует, по видимому, трактовать и адресную формулу со словом *покланяние*, также не находящую прямых аналогов в формуляре византийской эпистографии и при этом явно имеющую церковнославянское происхождение. Возможным источником могли послужить такие тексты, как, например, Огласительные поучения Феодора Студита, некоторые из которых формально представляют собой послания; в начале одного из них читаем: «Братие и отци! Целую васъ и нынѣ написаннымъ покланениемъ, взлюбленная моя чада, и покланяюся комуждо васъ, целую и обლობызаю»³⁰. Отсюда уже — один шаг до адресной формулы *Покланяние от X-а к Y-у*, тем более что еще один формульный элемент этого текста — приветствие *цѣлую васъ* — находит прямое соответствие в этикетном формуляре берестяных писем. Примечательно, что связку *покланяние* (в начале письма) + *и цѣлую тя* (в конце) мы находим в грамоте № 682 (2-я пол. XII в.), написанной монахиней Варварина монастыря:

Покланяние ѿ Харитание ко Съѣни. Ежъ то [т]и есьмъ посылала 3 резане Михальви на повои, да же ти выдалъ, да молю ти сѧ, госьпоже ка моѧ, да посьль во борожь и рыбиць выдалъ ти. И целую тѧ.

‘Поклон от Харитании Софье. Что касается того, что я послала Михалю три резаны на повой (плат), то пусть он отдаст (очевид-

но, повой). Да еще прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье (вероятно, соленую рыбу) и [свежих] рыбок. Приветствую тебя’.

Однако второй документ со сходной структурой этикетной части (Торжок № 10, кон. XII в.) носит уже сугубо светский характер:

Ѡ Онуѡрьѡ къ матери. Пошьль Петрѡ къ тебе поемъ конь и матьль Лазаревѡ. А воротите конь и матьль, а самого послѡ сѡмо. Али не послешь, а таку же ми вѡсть присли. И покланяю ти сѡ и цѡблую тѡ.

‘От Онуфрии к матери. Пошел Петр к тебе, взяв Лазарева коня и плащ. Верните (Лазарю) коня и плащ, а самого [Петра] ты пошли сюда. Если же не пошлешь, то пришли мне об этом вестъ. Кланяюсь тебе и приветствую тебя’.

Духовная, в частности монашеская среда, была, таким образом, не только источником распространения грамотности, но и законодателем эпистолярного этикета. Выработанные в ней формы письменного обращения с готовностью подхватывались и пускались в ход грамотными мирянами, становясь общепринятыми. Этот механизм освоения светским обществом форм письменного выражения, принятых в духовной среде, не ограничивался стандартными элементами формуляра, но подчас приносил и более изысканные плоды. Пример тому — грамота № 752 — женское любовное письмо конца XI в., автор которого закончила обращение к своему возлюбленному следующей тирадой:

... ци ти боудоу задѡла своимь бѡзоумьемь, аже ми сѡ поцьнешѡ насмихати, а соудитѡ Бѡ и моѡ хоудость.

‘...Буде даже я тебя по своему неразумию задела, если ты начнешь надо мной насмеяться, то судит [тебя] Бог и моя худость’.

Самоуничжительная формула *моя хоудость* ‘мое ничтожество’, калькирующая соответствующий греческий оборот, неоднократно встречается в писаниях духовных лиц (см., например, в Киево-Печерском патерике: «И кто не вѡсть мене, грѡшнаго епископа Симона, и сея сборныя церкви, красоты Володимерское, и другыя,

Суждалскыя церкви, юже сам создах?! Колко же имѡета городов и сел, и десятину собирают по всей земли той, — и тѡм вѡсѡм владеет *наша худость*»³¹).

Упоминания Бога в берестяных письмах представляют в связи с нашей темой особый интерес. В общей сложности они представлены в 18 документах, относящихся к домонгольской эпохе (17 из них происходят с Троицкого раскопа, что лишний раз характеризует культурную среду, сложившуюся в этом районе Новгорода). Различаясь степенью стереотипности, они никоим образом не ограничены письмами духовных лиц, демонстрируя глубокое проникновение христианского мироощущения в повседневную жизнь древнерусского человека. Приведем лишь несколько примеров из писем вполне светского содержания:

№ 675 (сер. XII в.): **... (къ Миля)те. Братъ Милѡто, Кыеве Бѡгъ мѡжи нама послоухо былѡ. Фофоудѡ былѡ твоихъ 9 рѡкль ѡ собѡ...**

‘[От ... к Миляте]. Брат Милята! В Киеве Бог был свидетель между нами: из твоих фофудий (драгоценных тканей византийского производства) девять выговорил я себе’.

№ 548 (2-я пол. XII в.): **(От ...)бѡга къ Моиславоу и къ Миките. Цѡмоу, бра(те), Бѡ не бѡишисѡ? А ѡ вѡдь, ожѡ ж вѡсѡ есте тѡварѡ Ольскы(нѡ). А ѡзѡ не едино былѡ — ѡрамѡрѡ а инихо моуже 3. [...] А правите имѡ товарѡ, Бѡ сѡ боѡче.**

‘От ...бога к Моиславу и к Миките. Почему ты, брат, Бога не боишься? Я же знаю, что у вас есть товар Олески (Олексы). А я не один был, — [был еще] Яромир и трое других мужей [...] Так доставьте же им товар, побойтесь Бога’.

№ 705 (нач. XIII в.): **+ Покланяние Ѡ Домажира ко Яковоу. [...] А ныне слышю боленоу сестроу. Оце ю Бѡ поемете, а просоли сыно ко мене со ее знатебоу, оте побоуде сыно оу мене, а ѡ сѡ имо потешоу, и посолоу ю опѡте во городо. Пакры ли не оуправѡше того, а ѡ тѡ передамо свѡтее Богородице, ко нее же еси заходиле роте.**

‘Поклон от Домажира Якову. [...] А теперь я слышу, что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее „знатьбой“, пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю ее („знатьбу“) обратно в город. Если же не исполнишь

этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил роту (клятву)».

Монументальность самовыражения, обнаруживаемая авторами ранних берестяных писем подчас по самым заурядным жизненным поводам, сама по себе говорит о многом. Бытовое письмо древней Руси не низводило освященную именами славянских первоучителей письменную традицию до уровня повседневности, но приподнимало саму повседневность, приобщая ее к ценностям христианской культуры. В связи с этим нельзя не упомянуть и такой особенности оформления берестяных грамот, как знак креста, которым открываются многие документы (письма и деловые записи) домонгольского времени. Выполняя роль символической инвокации, крест в начале письма придавал ему, помимо практического, также идеальный смысл, характеризуя переписку как осуществляемую между братьями по вере (именно в этом смысле, скорее всего, следует понимать и обращение *брате* в двух только что приведенных текстах). В более поздний период этот графический прием выходит из употребления; параллельно из адресного формуляра берестяных писем исчезает грецизм *грамота*, а церковнославянское *покланяние* уступает место нейтральному *поклонь*. Бытовая и деловая письменность все более обособляется от книжной, утрачивая тот неповторимый лоск, который придает ее ранним образцам сочетание яркости диалектной речи с тщательно дозированным церковнославянским влиянием. Превращаясь в рутину, употребление письма в быту понемногу перестает быть тем, чем оно было для древнерусского человека в XI–XII вв. — одной из форм выражения его христианского самосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 09-04-00177а), в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Некнижная письменность средневековой Руси в общеславянском контексте: берестяные грамоты и эпиграфика»).
- 2 См.: Миура К. Попытка сравнительного анализа русских берестяных грамот и японских мокканов // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 235–252.

- 3 См.: Факкани Р. Graeco-Novgorodensia. I // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 329–338.
- 4 См.: Антонец Е. В. Введение в римскую палеографию. М., 2009. С. 35–41. Сопоставление папирусов Оксирина и виндоландских документов с берестяными грамотами см. также в: Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950–1300. Cambridge, 2002. P. 35–46.
- 5 Runic inscriptions from Bryggen in Bergen // <http://www.nb.no/baser/runer/eindex.htm>.
- 6 Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. (РИБ. Т. 6.) С. 40; Щанов Я. Н. Кирик Новгородец о берестяных грамотах // Советская археология. 1963. № 2. С. 251–253.
- 7 Повесть временных лет / Подг. Д. С. Лихачев. 2-е изд. СПб., 1996. С. 53.
- 8 Franklin S. Writing, Society and Culture in Early Rus. P. 123.
- 9 Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII в. М., 2000.
- 10 См. подробнее: Гунтуц А. А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси (О книге: S. Franklin. Writing, Society and Culture in Early Rus, с. 950–1300. Cambridge, 2002) // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 185–187.
- 11 Это признает и А. А. Медынцева (см.: Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси... С. 31, 246).
- 12 См.: Нефедов В. С. Археологический контекст «древнейшей русской надписи из Гнёздова» // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. (Труды ГИМ. Вып. 124). С. 66.
- 13 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 38–40. № 1.
- 14 Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2000. С. 61.
- 15 См.: Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв.: Каталог и исследование. М., 1995. № 1–51.
- 16 См.: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. М., 1998. Т. 3. С. 13–19.
- 17 См.: Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3–25.

- 18 Факкани Р. Некоторые размышления об истоках древненовгородской письменности // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 227.
- 19 Полное собрание русских летописей. СПб., 2002. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. С. 63.
- 20 См.: Янин В. Л. У истоков новгородской государственности... С. 6–30.
- 21 См.: Гиппиус А. А. Петр и Якша. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 18–31.
- 22 См.: Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 136–156; Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси. М., 2005. С. 11–25.
- 23 Тексты и переводы берестяных грамот приводятся по изданию: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. Полную электронную публикацию см. на сайте: <http://gramoty.ru>.
- 24 См.: Мусин А. Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви по данным новгородских берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 110–111.
- 25 Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 281.
- 26 См.: Зализняк А. А. Древнерусская графика со смешением ъ-о и ъ-е // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. С приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 607–611.
- 27 Мусин А. Е. Социальные аспекты истории древнерусской Церкви... С. 122.
- 28 См. подробно: Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 203–213.
- 29 О хронологическом распределении различных видов адресных формул и их семантической структуре см.: Зализняк А. А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 150–159; Он же. Древненовгородский диалект. С. 36–37; Гиппиус А. А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: Сборник статей. М., 2009. С. 274–295.
- 30 РГБ. Собр. МДА. Ф. 304. № 52, XIV в. Л. 116.
- 31 Древнерусские патерики / Подг. Ольшевская Л. А., Травников С. Н. М., 1999. С. 22.

Gippius A. A.
The Sts Cyril and Methodius Tradition in Rus'
and Birchbark Literacy

The paper discusses the origin of pragmatic writing in Early Rus' and its relationship to the Church Slavonic tradition. The emergence of birchbark literacy in Novgorod at about 1030 is treated as a by-product of the spread of church education under the reign of Yaroslav the Wise. The intermingling of lay and ecclesiastic affairs in the life of Liudin konec of Novgorod is shown to have produced the breeding ground for the proliferation of birchbark writing in this part of the city.

Keywords: *medieval Rus', ancient Novgorod, birchbark literacy, pragmatic writing, Sts Cyril and Methodius Tradition, laic, clerical.*

В. М. Кириллин
(Москва)

Похвальные речи Пахомия Логофета: К вопросу о риторическом мастерстве писателя

В статье рассматриваются ораторские сочинения Пахомия Серба. Выясняется их текстуально зависимый характер и на этом основании делается вывод о невозможности считать писателя мастером красноречия и представителем орнаментального стиля «плетения словес».

Ключевые слова: *панегирик, плетение словес, риторический, рефлексивный, шаблонный, заимствование, святой, мощи, почитание, литература.*

Имя афонца и троицкого иеромонаха Пахомия Логофета, или Серба (книжника, работавшего на Руси примерно с середины 30-х до середины 80-х гг. XV в.), обычно связывают с эпохой расцвета в древнерусской литературе особой экспрессивно-эмоциональной, риторико-панегирической, орнаментальной повествовательной манеры, известной нашим старинным грамотникам как «плетение» или «извитие словес», а самого носителя указанного имени, соответственно, рассматривают наряду с предшествующими ему мастерами словесного искусства — святителем Киприаном, митрополитом Киевским и всея Руси († 1406), и Епифанием Премудрым, духовником Троице-Сергиева монастыря (умер после 1420 г.)¹. Действительно, хотя бы учитывая все сделанное Пахомием, его по праву можно считать крупнейшим «списателем» своего времени: он посвятил чтимым на Руси собственным подвижникам во Христе с десятков жизнеописаний, двадцать один канон, четырнадцать служб, несколько похвальных слов и сказаний, упрочив таким образом славу русской святости, — столь плодовитых авторов не было у нас ни прежде, ни после, по крайней мере до XVII в. Уместно также отметить признание Логофета русским книжным сообществом, а его творений — Церковью. Во-первых, об этом свидетельствуют отзывы безымянных, к сожалению, современников: по убеждению биографа святителя Ионы Новгородского, Пахомий был грамотником искусным в «книжных слогах»², автору же приписки к тексту Жития святителя Евфимия Новгородского он представлялся как совершенный «в божественном писании, и во всяком наказании книжном, и в философском истинном учении», как превзошедший «мудростию и разумом

всех книгчий», как явившийся «в нашей земли, многих жития святых написав и славословием украсив памяти их действием Св. Духа по чину добре»³; во-вторых, авторитетность пахомиевых текстов подтверждается знаменитым собранием «святых книг» «на душевную пользу» — Великими Минеями Четвыми (куда были включены его агиографические труды), и богослужебными месячными Минеями (состав которых пополнился чуть ли не всеми его гимнографическими сочинениями).

Творческая биография Логофета в целом вполне репрезентативно описана и адекватно оценена⁴. Однако очевидно, что не все его произведения изучены исчерпывающе, например, в текстологическом, литературоведческом, лингвистическом аспектах. Что же касается словесного мастерства писателя, то, вопреки его похвальной репутации среди древнерусских книжников, в науке на этот счет утвердилось по существу уничижительное сравнительно с характеристиками Киприана и Епифания Премудрого мнение. Так, по В. О. Ключевскому, имевшему в виду только агиографические сочинения Пахомия Серба, все его значение для развития русской литературы состояло лишь в том, что им был создан образцовый, «холодный и монотонный стиль», стандарт, лишенный «таланта», но удобный для подражания, при котором живая конкретика рассказа подменялась риторикой⁵. Московский митрополит Макарий (Булгаков), тоже опиравшийся на материал жизнеописательных текстов книжника, различал в них, так сказать, *рефлексивные* и *новеллические*⁶ разделы повествования и при умолчании о вторых первые⁷ характеризовал как неудобопонятные, неискусные, скудные мыслью, неизобретательные, напыщенные, растянутые, неточные, маловразумительные⁸. Мнение о творческой заурядности Логофета разделял и Е. Е. Голубинский⁹. В середине XX в. представитель русской науки за границей Ф. Г. Спасский, обратившись к гимнографическим творениям писателя, также не нашел слов для положительной характеристики их художественного качества под стать вышеназванным научным авторитетам¹⁰.

Специально надлежит остановиться на мнении священника В. М. Яблонского. Последний в своей посвященной Логофету монографии (единственной на сегодняшний день) предпринял наиболее развернутый обзор его наследия и дал наиболее основательную характеристику его писательской манеры. В поле зрения исследователя оказались и агиографические, и гомилические, и гимнографические труды Пахомия. Отмечу здесь лишь наиболее значимые для моих последующих суждений выводы ученого. Как лицо сообщающее и рассуждающее, Пахомий следовал «путем искусственной тропологии и фигуральности», прямо, буквально заимствуя из ряда памятников «элементы

византийской похвально-агиографической речи» (эпитеты, сравнения, уподобления, антитезы, гиперболы, анафорические и тавтологические повторы, авторские обращения в виде вопрошаний, а также утвердительных или отрицательных восклицаний). Яблонский намечает круг использованных Пахомием славяно-русских переводных памятников и в отдельных случаях даже приводит текстовые параллели. Вердикт его так же нелицеприятен. «Витийство» Логофета «искусственно-книжно и натянуто-неестественно», отличается «деланностью» и шаблонностью риторики. Соответственно, в его сочинениях представлены «не картины оратора-художника, живущего идеями и чувством, а работы мозаика-ремесленника, механически сцепляющего в ряд узорчатые камешки»¹¹.

Наконец, известны суждения в тоне положительного признания. Так, в свое время А. И. Соболевский, характеризуя агиографическую работу Пахомия Сербя, полагал, что она выполнена «в литературном отношении мастерски»¹². «Витийство» Пахомия и его «пристрастие к общим местам» с опорой на «личный вкус в области стиля» затем констатировал А. П. Кадлубовский¹³, как бы признавая самостоятельность этого автора. По-видимому, из этого же убеждения исходит и Г. М. Прохоров, когда о рефлексивных пассажах Логофета пишет следующее: «В риторических вступлениях, отступлениях, похвалах и т. п. язык Пахомия искусственно усложнен, витиеват и приближается к стилю гимнографической литературы — стихир, канонов и акафистов...»¹⁴. Жаль, что при этом исследователи совсем никак не подтвердили своих выводов ни примерами, ни доказательствами.

Полагаю, отмеченная выше сдержанность исследователей относительно художественного качества созданных Логофетом текстов все же более оправдана; но вместе с тем, на мой взгляд, подобная оценка оставляет пространство и для более предметной и показательной аргументации.

Поскольку Пахомия причисляют к когорте древнерусских риторов, постольку должно было бы ожидать, что именно в своих собственно риторических текстах он наиболее ярко проявил ораторское искусство. Согласно же Яблонскому, его перу принадлежат: Похвальное слово преподобному Варлааму Хутыньскому (около 1438 г.)¹⁵, Похвальное слово иконе Знамени пресвятой Богородицы (30-е гг. XV в.)¹⁶, Похвальное слово на Покров Богородицы (1459–1461 гг.)¹⁷, Слово на перенесение мощей святителя Петра (80-е гг. XV в.)¹⁸. Вкупе с этой группой сочинений книжника ученый рассматривал также Похвальное слово преподобному Сергию Радонежскому (начало 40-х гг. XV в.), однако лишь как результат редакторской обработки текста, созданного ранее Епифанием Премудрым¹⁹, что бес-

спорно. В советское время В. А. Кучкин пополнил означенную группу Похвальным словом святителю Александру (1459 г.)²⁰.

Таким образом, сегодня Пахомия Сербя можно считать автором по крайней мере пяти гомилетических произведений. Все они изданы²¹, но при этом все в равной степени не подвергались анализу в плане их литературно-повествовательного построения и художественного достоинства.

Похвальное слово преподобному Сергию Радонежскому²² как текст преимущественно епифаниевский мало информативно относительно словесного мастерства Пахомия, тем более что не выяснена и степень причастности последнего к этому тексту. Зато прочие тексты весьма показательны. Прежде всего, нужно отметить, что большинство содержащихся в них фрагментов рефлексивного свойства не являются самостоятельными построениями Логофета, а изъятые им из произведений других авторов.

Самым характерным в этом отношении является Похвальное слово Александру (ПСА). Будучи в чистом виде панегирической речью, в которой совсем не нашлось места для изложения фактов, оно, как выяснилось, почти полностью скроено на основе епифаниевского Похвального слова Сергию Радонежскому (ПССР). Вот некоторые примеры:

ПССР	ПСА
<p>...смирennemудрый и целомудренный, благоговейный и нищелюбивый²³, страннолюбный и миролюбный, и боголюбный; иже есть отцам отец и учителем учитель, наказатель вождем, пастырем пастырь, игуменом наставник, мнихом начальник, монастырем строитель, постником похвала, мльчяльником одобрение [...] молитвенник крепок, и чистоте хранитель, целомудрия образ, столп терпения: иже поживе на земли аггельским житием и възсия в земли Русей, аки звезда пресветлаа; иже премногую его добродетель людем на плъзу бысть многым, многым на спасение, многым на успех душевный [...] ночьюскому же чину аки лествица, възводящая на высоту небесную... болящим въ мнозех недузех посетитель, изнемогающим укрепление, малодушным утврждение, безвременным печалник, обидимым помощник [...] грешником кающимся верный поручитель и всем притекающим к нему, аки к источнику благопотребну²⁴.</p>	<p>Бе бо муж смирен и целомудрен²⁵, благоговейн, нищелюбивый, иже есть отцем отец, мнихом начальник, постыником похвала, молчалником одобрение, молитовник крепок, чистоте рачитель, целомудрия образ, терпения столп, аггельским житием на земли пожив и в Русей земли просия, яко звезда пресветла. Многа же и иная удивленна достойна створи святыи, елика не предана быша zde множества ради такова отца течения, такова исправления, такова чудес действия, такова сего чудотворца исправление, таковы труды, ими же от юности Богу угоди и бысть многым на успех и многым на спасение, мнишьскому же лику аки лествица, възводящи на высоту небесную; изнемогающим укрепитель, обиженым помощник, кающимся верныи поручник и всем притекающим к нему, аки к источнику благопотребну²⁶.</p>

<p><i>Сего же угодника своего, преподобнаго отца нашего и преблаженнаго Сергия, тако Бог почте его и тако прослави его, яко да молитвами его мнози от болезней здравы бывааху и мнози от недуг исцеление приаша, мнози от бесов избавишася и многоразличных искушений очистишася. Толико бо Бог прослави угодника своего не токмо в той стране, в ней же живяше святей, но и в иных градах, и в далних странах, и в всех языцех от моря даже и до моря, не токмо в Царствующем граде, но и въ Иерусалиме [...] И мнози к нему приходяаху, не токмо ближнии, но издалече и от далних градов и стран, хотяще видети и слышати слово от него и велику плъзу и душевное спасение приемлюще от поучения и дел его: учаше бо и творяше, якоже в Деанних святых апостол речеся: «Понеже начат Исус творити же и учити»; иже убо словом учааше, то же сам делом творяше...»²⁷.</i></p>	<p><i>Сего же угодника своего тако Бог почти и тако прослави не токмо в Русьстей земли, но и во иноверных, яко да молитвами его мнози от болезни здравы бывають, слепии прозирають и мнози от тяжких недуг исцеление приаша, и мнози беснии от бесов свобожени быша и от многоразличных искушении очистишася. Толико же Бог прослави молебника своего, не токмо в той стране, иде же живяше, но слышатися имени его и многим чудесем в иных градах и странах, бяше бо Бога възлюбил всем сердцем своим. И мнози к нему приходяаху от далних градов и стран и велику ползу приимаху от учения его, учаше бо и творяше, яко же и в Деаних святых апостол речеся: «Нача Исус творити и учити» (Деян. 1: 1²⁸), еже бо словом творяше. То же сам делом творяше, поживе бо на земли житие чисто и непорочно, благоугодно Господеву»²⁹.</i></p>
<p><i>Мнози же убо елицы к нему веру и любовь имуще не токмо в животе, но и по смерти к гробу его присно приходяще, и с страхом притекающе, и верою приступающе, и любовию припадающе, и с умилением приничюще, и руками объемяюще святолепно и благоговейно, осязающе очима, и главами своими прикасающася, и любезно целующе раку мощей его [...] с слзми глаголюще к нему: «О святче Божий, угодниче Спасов! О преподобниче и избранниче Христов! О священная главо, преблаженный авва Сергие великий! Не забуди нас, нищих своих, до конца, но поминай нас всегда в святых своих благоприятных молитвах к Господу [...] Помяни нас, недостойных, у престола Вседержителя. Не престай моляся о нас к Христу Богу [...] Се бо мощей твоих гроб пред</i></p>	<p><i>Мы же верою и любовию припадающе, очима и темены прикасающася и руками объемяюще, любезно целующе раку честных твоих мощей. И что убо възможем тебе въздати на похваление твое? Аггела ли ты наречем, яко во плоти бестелесно пожил еси, о святче Божий, о угодниче Спасов, о преподобниче благый и избранниче Христов, о всечестнаа главо? Не забуди нас, твоих раб, помяни нас в своих святых молитвах, яко имаши дръзновение к небесному царю. Не презри нас, верою и любовию чтущих тя непрестано, нас моляся Христу Богу. Се бо мощи твоих гроб пред очима нашими видим есть всегда, но святая твоя душа невидимо с аггельскими воинствы, с бесплотными лики, с небесными силами у престола Вседержителя, в лепоту достойно веселится, яко живу ти сущу</i></p>

<p><i>очима нашими видим есть всегда, нь святая твоя душа невидимо с аггельскими воинствы, с бесплотными лики, с небесными силами у престола Вседержителя и в лепоту достойно веселится. Нам бо сущи сведущим тя, яко живу ти и по смерти сущу». Тако бо писано есть пророком, глаголющим: «Душа праведных в руце Божии, и не прикоснется их мука; упование их испльнь бесмертия, яко Бог искуси а и обрете их достойны себе; яко злато искуси а и яко всесьждежения приат а; яко благодать и милость в избранных его, и посещение на преподобных его». «Праведници бо, — рече, — в веки живут, мзда от Господа и строение их от Вышняго; сего ради примут царствие красоты и венец доброты от руки Господня. Память праведнаго с похвалами бывает, и благословение Господне над главою праведнаго; аще и преставится праведный, в покои будет; старость бо честна не многолетна, ни в числе лет изчтена есть; седины же суть разум человеку, лета же старости — житие нескверно [...]». И рече праведник: «Понеже убо смирихся и спасе мя Господь. Сего ради обратися душа моя в покой твой, яко добро сътвори тебе Господь, яко изъят душу мою от смерти, очи мои от слез, нозе мои от възползновения; угодих пред Господомъ въ стране живущих. Се покой мой в век века, zde вселюся; изволих приметатися в дому Бога моего паче, неже житии ми в селех грешничих...»³⁰.</i></p>	<p><i>чюдеса творити. И по смерти такожде подаеши источник чудес неисчерпаемый приходящим ти с верою к раце мощей твоих. Тако бо писано есть пророком глаголющим: «Душа праведных в руце Божии (Прем. 3:1), сего ради примут царствия красоты и венец доброты от руки Господня (Прем. 5: 16). Память праведнаго с похвалами бывает» (Притч 10: 7). Аще и преставится праведник, в покои будете, старость бо честна немноглетна, ни в числе лет изчтена есть, седины же человеку разум, но лета старости житие бескверно. Тем же и апостолу Павлу глаголющи: «Понеже убо смирихся и спасе мя, сего ради обратися душа моя в покой твои, яко изъят душу мою от смерти и очи мои от слез и нозе мои от поползновения. Угодих пред Господом в стране живущих (Пс. 114: 5–8). Се покой мои в веки веку и zde вселюся, яко же изволих (Пс. 131: 14)». Да сию жизнь добре проводящи, да ныи Бог молитвами его спасает нас и будущаго века благаа улучити»³¹.</i></p>
---	--

Сравнение текстов показывает, что Пахомий Серб свой панегирик святителю Алексию почти полностью скопировал из фрагментов чужого произведения. Собственно ему самому оставались лишь несколько фраз связочного назначения, да и те были всецело шаблонными или опять-таки заимствованными, как, на-

пример, начальная: «Се настойт, братие, светоносное празднество предивнаго отца нашего новаго чудотворца Алексия митрополита», взятая с некоторым сокращением и переадресацией из написанного ранее святителем Киприаном Слова похвального митрополиту Петру³² («Се настойт, братие, светоносное празднество и пресветлое тръжество святителя отца нашего Петра»³³). Объем собственноручных пассажей писателя в рассматриваемом тексте исчезающе мал. Самым большим из них является завершительное хвалебствие Алексия с молитвенным обращением к нему в виде хайретизмов («И сия ти, елико по достижну, от нас похвала в архиереех преизящнейши [...] И паки к нему же усердно возопием несомненную верою и непрестанным гласом: О пресвятый отче [...] Радуйся, пресветлый светилниче... Приими от нас, святе, в славу отца и сына и святого духа и ныне и присно и»). Но этот раздел в жанровой сущности своей, по содержанию и форме есть так же жестко ограниченная каноническим шаблоном поэтическая структура, к тому же в отдельных списках Похвального слова Алексия³⁴ отсутствующая.

Рассмотренному тексту несколько уступает в плане панегирической несамостоятельности Слово о перенесении мощей святителя Петра (СоПМП). Прежде всего, несомненно, в силу его заметного структурного отличия от Похвалы Алексия. Дело в том, что Логофет, посвятив на этот раз свое вдохновение Петру, не ограничился только рефлексией, т. е. размышлением и рассуждением о нем. Заданная тема требовала развернутого рассказа о событии. Поэтому значительную часть Слова, текстуально примерно половину, составляет новеллическое повествование о случившемся 1 июля 1472 г. перенесении останков первого московского святителя по случаю строительства в Московском Кремле нового здания Успенского собора. Но начинается и завершается это произведение пространными пассажами, представляющими собой авторскую речь о необходимости и трудности прославления святых угодников, о феномене подвижничества во Христе. На сей раз в качестве исходного материала Пахомий Серб использовал посвященное Петру же сочинение своего предшественника, митрополита Киприана — Слово похвальное (СПП). Действительно, наиболее яркие в идейно-художественном отношении пассажи Слова на перенесение мощей святителя Петра суть заимствования из написанного московским митрополитом Киприаном в конце XV в. панегирика «чудотворцу Петру». Только один пример:

СПП	СоПМП
«Праведных душа в руце Божиия», — <i>рече божественый пророк, и паки: «Радуйтесе, праведнии, о Господе!» И: «Правым подобает похвала!» И: «Похвалаему праведнику, възвеселятсе людие!»</i> . Понеже убо онех божественных мужей, иже от юности путь к добродетели ведущий, жесток быти и супротивен, мнящеися, и всего себе Господеви възложиша, темже проповедующе сих, яко да с всеми благыми повестыми же и дель в благая умиляеми, и всеблагаго Бога о всех всегда похваляюще. <i>Глаголет бо: «Прославляющего мя, прославлю, и ищуще мене обрящут благодать»</i> . Не бо есть на лица зря Бог, но сердца и помышления весе, яко же речетсе: «И несъделанное мое видеста очи Твои и в книзе Твоей вся напишутся» ³⁵ .	«Коль благ Бог израилев правых сердцем» (Пс. 72: 1), — <i>рече божественый пророк. И паки: «Незлюбивии и правии прилепляхуса мне»</i> (Пс. 24: 21). И инде: « <i>Радуйтесе, праведнии о Господе!» И: «Правым подобает похвала!»</i> (Пс. 32: 1). И: « <i>Похвалаему праведнику, възвеселятсе людие!»</i> (Притч 29: 2). Кое бо множае веселие и избыток, еже святым похвалу приносити, похвала бо святых обыче и на самого Бога възходити, и превозносити и в лепоту. <i>Глаголет бо: «Прославляющего мя прославлю»</i> (Пс. 90: 15). И паки: «Приемляй вас мене приемлет и слушаай вас мене слушает» (Лк. 10: 16) ³⁶ .

То, что текст слова Похвального Петру имел жизнь вне своей первоначальной оболочки позволяет иначе и, очевидно, точнее сформулировать известный историко-литературный тезис: вступительная часть киприанова сочинения по распространении последнего была затем не «переработана применительно к другому событию, Перенесению мощей митрополита Петра»³⁷, а была чуть ли не полностью использована как литературная основа для нового произведения, в которое другой писатель, Пахомий Серб, прямо ввел примерно две трети ее текста.

Труд Киприана Пахомий использовал не однажды. Еще раньше он обращался к нему как к источнику при работе над другой своей орацией — Словом похвальным преподобному Варлааму (СПВ), памятником, по отзыву Яблонского (теперь ясно, ошибочному), весьма выразительным «для характеристики „слогней“ славного ритора». В этом сочинении на заимствовании построены начальный и завершающий разделы. Опять-таки лишь один пример:

СПП	СПВ
<p>...до места, и елицы прихождааху к нему, с радостию духовне учаше временнаа преобидети, вышняа искати, и тако кыйждо, свое приношение получив, отхождааше с радостию въ свояси. Таковыми же учении всех к вере наставляя и духовною силою, светлейши солнца сияя, являшеса. Такова суть блаженнаго сего святителя Петра учения, такова того богогласнаго языка провещания, такова изречения боголюбезная душа, тем же от Христа въистинну услышит: «Благый рабе и верный, от мале бысть верен, надо многими ты поставлю. Вниди в радость Господа своего, вниди в небесный Мой чертог, вниди, идеже възселе вниди, приобщиися Моя трапезы, вниди, царствуй со Мною. Твоя бо молитвы и услышах, твоя труды, яже подъят Мене ради, не призрех. Аще бо жестокому и непокоривому роду еврейскому обетованную землю даровах, не паче ли тебе царствовати даруя? Аще ли тем манну с небесе сведох, тебе ли от трапезы Моя отрину? Аще тем от сухого камене воду источих, не паче ли тебе безъсмертнаго источника напою?»</p> <p>Видиши ли, възлюбленне, благаго ответа Владычня? Видиши ли, каково царство любящим Его дарова? Видиши ли угодивших Ему възмездие? Видиши ли приобретенна умноженнаго таланта?³⁸</p>	<p>...словес вкусити. И елицы схожаахуся, с радостию духовне учаше же искати. И тако койждо, свое прошение получив, отхождааше с радостию въ свояси. Таковыми же учении всех к вере наставляя и духовною силою светлейши солнца сияя являшеса. И такова суть сего блаженнаго Варлаама учения, такова того богогласнаго языка провещания, такова изречения боголюбезная душа. Тем же и от Христа въистинну слышит: «Благый рабе и верный, о мале бысть верен, над многими ты поставлю, вниди в радость Господа своего; вниди в небесный Мой чертог; вниди иде же възделе; вниди, приобщися Моя трапезы; вниди, съцарствуй съ Мною! Твоя бо молитвы услышах; твоя труды, еже подъят Мене ради, не презрих. Аще бо жестокому, непокоривому роду еврейскому обетованную землю даровах, не паче ли тебе царствовати дарую? аще тем манну с небесе сведох, тебе ли от трапезы Моя отрину? аще тем от сухаго камене воду источих, не паче ли тебе бесмертнаго источника напою?»</p> <p>Видиши ли, възлюбленне, благаго ответа Владычня? видиши ли, каково царствие любящим Его дарова? видиши ли угодивших Ему възмездие? видиши ли приобретенне умноженнаго таланта?³⁹</p>

В общем зависимость и неоригинальность рефлексивных пассажей Похвального слова Варлааму очевидны. Однако в нем имеются и содержательно самостоятельные, как представляется, фрагменты авторского дискурса:

«Такова бо есть трапеза («духовная», празднование памяти Варлаама. — В. К.) исполнь духовных брашен, а не яко же трапеза чревообъятных, но слово духовно, благоухания исполнено.

Преподобнаго бо память въспоминая, яко же некую благовонную пищу въ устех имея, и тем благовоние некое испущает, и не токмо себе утешая, но иных окрест его благовония насыщая. Не бо, рече, иудейскы празднуем, телец сълиявше, но целебныя и пречестныя мощи зряще, покланяемся!

Рци ми убо, о иудею, что негодуеши, что печалуеши, что распыхаешися, видев нас, покланяемом мощем святого, благочестно угодивших, иже от вас распятому Христу! Исцелением бо знаменна видевше, покланяемся, не глаголюще мощи святых Бога быти, но яко угодивше ему. Тем же хвалу въздаем прославльшему их Богу. Ты же кое знамение видев, рци ми, телца, его же сам сълия, поклонися, рек: „Се бози твои, израилю, изведшеи тя из земля египетския“ (Исх. 32: 4)? Рци ми убо, о ненаказанне, кто убо от обоих извед ты из дому работы — Бог ли или телец, его же сам сълия? Убо не стыдиши ли ся пророка, обличающая тя, глаголя: „Забыша Бога, спасающаго их“ (Пс. 105: 21) и пакы: „Измениша славу его въ образ телца, ядущаго траву“ (Пс. 105: 20)? Еще ли хоцещи обличения? Почто убо Хамосу в Палестине поклонивсья пожерл еси (3 Цар. 11: 33; 4 Цар. 23: 13)? Всяк бо твой праздник, о иудею, исполнь крове явися: неправедно постивсья, Науфеа убил еси (3 Цар. 21: 1–16); торжествовав, мудраго Иеремеа в ров въверже (Иер. 38: 6–7). О незаконнаго торжества твоего, в нем же убийство сътвори! Аще бо в сицевых, о иудею, торжествовати обыче, воистинну плакати тебе лучшее бе, нежели сице торжествовати!

Но убо мы, възлюбленнии, богоборныхъ съборище оставльше, сии бо чада — незаконнаго греха правнуци, сии да празднуют нечестиве, понеже мудръствуют непреподобне о сих»⁴⁰.

Прежде всего, нужно отметить, что означенная отповедь противникам почитания святых останков подвижников Церкви продолжает традицию длившегося от самого начала христианства спора последователей Спасителя с приверженцами ветхозаветной религии не только о вере, но и об обрядах и обычаях («Разговор с Трифоном иудеем» святого Иустина Философа, «Против иудеев» Тертуллиана, «Трактат против иудеев» святителя Ипполита Римского, «Три книги свидетельств против иудеев» священномученика Киприана Карфагенского, цикл речей «Против иудеев» святителя Иоанна Златоуста, «Рассуждение против иудеев» блаженного Августина Иппонского, «Апология против иудеев» Леонтия Неапольского, «Диспут против иудеев» преподобного Анастасия Синаита, «Слово к иудеям» Никиты Стефата, «Диалог с иудеем» Иоанна Кантакузина⁴¹,

древнерусская компиляция «Палея Толковая»). Однако под пером Логофета спор этот, как легко заметить, отразился в самых общих чертах, без должной основательности и глубины богословской аргументации. Кроме того, рассматриваемый фрагмент содержательно, но опять-таки лишь по общему смыслу, перекликается с определениями VII Вселенского собора по вопросу о почитании икон и святых, в частности их мощей⁴², и, соответственно, с известными доводами христиан в пользу почтительного отношения к прославленным подвижникам во Христе, священным реликвиям и священным предметам⁴³. Кроме того, данный фрагмент заставляет исследователей думать о его возможной адресации к новгородским вольнодумцам — сторонникам ереси стригольников или же ереси жидовствующих⁴⁴, одинаково отвергавшим институт Церкви и, соответственно, церковный обиход. Впрочем, последнее предположение связано с проблемой датировки текста Похвалы в целом и требует отдельного разговора.

Кроме инвективы на иудея, средняя часть панегирика Варлааму содержит еще три рефлексивных и риторически организованных пассажа: авторское обращение к Новгороду, монолог родителей подвижника и обращенный к нему воображаемый монолог Господа. Похоже, что это плоды собственного вдохновения писателя. Они составляют примерно половину от общего объема произведения. И могут, таким образом, служить исходным материалом для характеристики ораторских способностей Пахомия Логофета.

Среди всех ораций писателя более независимыми в рефлексивном отношении представляются Слово похвальное иконе Знамени (ПЗ) и Слово похвальное Покрову Богородицы (ПП), хотя бесспорна фактографическая и отчасти текстуальная связь этих произведений с нарративными источниками — «Воспоминанием знамени, бывшего иконою пречистые владычицы нашей Богородицы в Великом Новгороде» (это осуществленная Пахомием же переработка более раннего текста — «Слова о знамени святых Богородица»⁴⁵) и Житием Андрея Юродивого (которое было известно на Руси по большому числу списков⁴⁶). Оба текста построены по обычной схеме: за риторическим введением следует описание припоминаемого события, и далее отвлеченные суждения об историко-богословском смысле события заключаются традиционными хайретическими вариациями воззваний к пресвятой Богородице. Что касается рефлексии, то, прибегая к ней, Пахомий следует устоявшемуся риторическому алгоритму и как грамотник вторичен и мало изобрета-

телен. Разве что должно отметить большую степень книжности, проявленную им в Похвале Знамени. По крайней мере, реализуя известную форму и следуя конкретному образцу, он стремился обогатить свой текст ассоциативно, посредством развития библейского фона. Вот один пример в сравнении с аналогичным по форме и содержанию чтением из «Похвалы обновлению храма великомученика Георгия» Аркадия Кипрского (ПОХВГ), а также с чтением из Похвалы Покрову:

ПОХВГ	ПЗ	ПП
<p>Тем же <i>радуются</i> аггели и небеса веселятся; концы ликоствуют пришедше небеса с земными. Всех смешение бывает, вся веселию приобщаются, вся песнопению срадуются, <i>вся славословие приносят</i>. И <i>ов убо възывает: «Да веселятся небесная и радуются земная, и концы да ликоствуют!»</i> Ин же поет: «Дивен Бог въ святых своих». Ин въпиет: «Бог прославляем в свете святых». И <i>ов убо «Память праведных с похвалами» приглашает</i>. И другой: «Славящая мя прославлю, глаголет Господь». И <i>ин поет, глаголя: Дому твоему подобает святыни, Господи, в долготу дни»</i> (Пс. 92: 6). Другой же: «Радуйтесь Богу мощнику нашему» (Пс. 80: 2). Ин же: «Хвалите Господа, вси языци, и похвалите его, вси людие» (Пс. 116: 1). <i>Ов же: «Приидете, възрадуемся Господеви»</i> (Пс. 94: 1) и: «Въскликнем Богу гласом радования» (Пс. 46: 2). И тако сим различными гласы к тръжеству призывают⁴⁸.</p>	<p>Днесь убо <i>срадуются</i> <i>вся и славу ея приносить</i>. <i>Ов убо христолюбивым людем</i> <i>възваа глаголя: «Съставите праздник, осеняюци до рог олтаревных»</i> (Пс. 117: 27). Ин же: «Се день, иже сътвори Господь, възрадуемся и възвеселимся въ нь» (Пс. 117: 24). Другой же <i>слышит, глаголя: «В гласе радования и исповедания шюма празднующаго»</i> (Пс. 41: 5). <i>Ов възывает: «Да радуются небеса, и веселится земля и концы да ликоствуют»</i> (1 Пар 16: 31). <i>Ин же поет, глаголя: «Дому твоему подобает святыня, Господи, в долготу дни»</i> (Пс. 92: 6). Другой же: «Радуйтесь Богу мощнику нашему» (Пс. 80: 2). Ин же: «Хвалите Господа, вси языци, и похвалите его, вси людие» (Пс. 116: 1). <i>Ов же: «Приидете, възрадуемся Господеви»</i> (Пс. 94: 1) и: «Въскликнем Богу гласом радования» (Пс. 46: 2). И тако сим различными гласы к тръжеству призывают⁴⁸.</p>	<p>Священници и царие и вся племена чело-вечская, богатии и нищии и вси людие похвалу праздничную да въспоим, и да прославим яко Матерь Божию и нашу помощницу, кождо благодарная да приносит. Ов смирение съ благоговением, и ин пост и молитву да дарствует Владычици, и другой да простирает руки к раздаянию нищим, и ов гневное брату да отпустит. И тако творяще, Богородицю възвеличим⁴⁹.</p>

Нужно отметить, кстати, отличительную особенность Слова похвального на Покров: в нем очень слабо обозначен библейский фон, встречаются всего две явных цитаты (Пс. 44: 11; Пс. 11: 2) и в связи с образом Богоматери вполне традиционно упомянуты Адам, Давид, жезл Моисеев и жезл Ааронов. Вкупе со стилистической шаблонностью эта бедная соотносительная образность текста мало оправдывает самостоятельность автора и, понятно, является плохим показателем его ораторского искусства.

Итак, результаты произведенных над панегирическими сочинениями Пахомия Сербского наблюдений дают основания для пересмотра оценки места писателя в контексте древнерусской культуры конца XIV–XV вв. О его ораторском наследии теперь невозможно говорить как о презентабельном индексе риторического искусства в духе «плетения словес» и проявившихся тогда в творческой среде предвозрожденческих умонастроений. Такой вывод важен не только в историко-литературном отношении, но еще и потому, что конкретная сравнительная текстология ораторских сочинений Пахомия позволяет скорректировать некоторые высказанные ранее исследователями мнения. В свое время В. М. Яблонский во многом верно указал на переводные славяно-русские тексты, послужившие Логофету источниками для его сочинений, при этом, как теперь ясно, не достаточно акцентировав внимание на том, что писатель, по крайней мере, не в меньшей степени был зависим от оригинальных древнерусских текстов. Показательным, например, является фрагмент из Похвального слова Варлааму Хутыньскому: «Яко же и цветом, иже в пролети и бываемом, добро убо часом к себе приносящим, абие облагоуховати, но, аще къ крину приплетутся, в лепоту благоуханейши бывают». Яблонский полагал, что это чтение было изъято Пахомием из Слова похвального святым апостолам Петру и Павлу Исихия Иерусалимского, и даже процитировал рукопись Софийской библиотеки № 1322 (л. 228 об.): «Добро убо цветов пролетных часом к себе приносящим обуховати, но аще ко крину приплетутся, в лепоту благоуханнейши бывают, миро бо с миром смешаеся сугубо еже отсюду благоухания наслаждение бывает...»⁵⁰. Однако текст слова Похвального преподобному Варлааму значительно ближе тексту Похвального слова святителю Петру митрополита Киприана («якоже цветом в пролети и бываемом, доброе убо к себе приносящим и абие облагоуховати, но аще къ крину приплетутся, в лепоту благоуханнейши бывают»), следовательно, скорее всего, и взят из него. То есть на

самом деле сначала текст Исихия был использован Киприаном, а уже потом трудом последнего воспользовался Пахомий. И еще один пример. Академик Д. С. Лихачев, характеризуя экспрессивно-эмоциональный стиль конца XIV — XV в., писал следующее: «С увлечением неопитов» его представители «живописуют сложные переживания личности. Пораженные величию того, что они увидели, они пишут о своем бессилии выразить всю святость подвигов своего героя. Описать величие деяний святого так же невозможно, утверждает Пахомий Серб, как нельзя измерить широту земли и глубину моря, сосчитать звезды на небесной высоте или исчерпать вечно текущий источник, непрерывно пополняемый из земли. Писатель сравнивает себя с водолазом, ищущим жемчуг на дне морском (курсив мой. — В. К.)»⁵¹. Авторитетнейший ученый при этом имел в виду приведенную Яблонским цитату из опять-таки Похвального слова Варлааму Хутыньскому Пахомия Сербского: «Мы... чюдеса оставльше, паки к похвале святого устремимся, яко ж неции от хыстрых норев в море от кораблей себе вметают, ищуще бисер изнести, колми ж мы в бисера светлое торжество преподобнаго Варлаама днесь...»⁵². Теперь же можно уточнить: означенное образное сравнение принадлежало не Логофету, а опять-таки его предшественнику митрополиту Киприану. Иначе говоря, если и сопрягать литературную деятельность Пахомия с проявлением в русской культуре XV в. предвозрожденческих тенденций, с открытием русской литературой внутреннего мира человека, с проникновением в нее напряженно, абстрактно-психологически, экспрессивно-эмоционально, богословски, историософски, художественно размышляющей личности, то делать это правомерно лишь имея в виду отношение подмастерья к мастеру, ремесленника к художнику: один творит, созидает, другой, затвердив образцы, только повторяет и тиражирует. Именно так должно воспринимать фигуру Пахомия на фоне митрополита Киприана и Епифания Премудрого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 209–210; История русской литературы X–XVII вв. / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 215.

- 2 Цит. по: *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 29.
- 3 Цит. по: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 154 (прим. 1). Здесь и далее древнерусский текст воспроизводится упрощенно.
- 4 *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908; *Архангельский А.* Пахомий Логофет // Русский биографический словарь: В 25 т. М., 1896–1918. Т. «Павел — Петрушка». С. 414–417; *Прохоров Г. М.* Пахомий Серб // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (втор. полов. XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. С. 167–177.
- 5 *Ключевский В. О.* Древнерусские жития... С. 165–167.
- 6 Термины мои. «Рефлексивный» — представляющий собой размышление, рассуждение от лица автора или же персонажа; «новеллический» — представляющий собой последовательный рассказ о происшедшем, описание события.
- 7 Полагаю, именно в подобных пассажах личность писателя в интеллектуальном, эмоциональном и креативном планах должна была бы проявиться наиболее обнаженно.
- 8 *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). Отд. 2. Состояние Русской Церкви от митрополита святого Иона до патриарха Иова, или в период разделения ее на две митрополии (1448–1589). М., 1996. С. 287–295.
- 9 *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Период второй, Московский. М., 1911. Т. 2: От нашествия монголов до митрополита Макария включительно. 2-я пол. тома. С. 176–180.
- 10 *Спасский Ф. Г.* Русское литургическое творчество. М., 2008. С. 92–127 (перв. изд.: Париж, 1951).
- 11 *Яблонский В.* Пахомий Серб... С. 241–285.
- 12 *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. М., 1980. С. 44.
- 13 *Кадлубовский Арс.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 188.
- 14 *Прохоров Г. М.* Пахомий... С. 169.
- 15 *Яблонский В.* Пахомий Серб... С. 114–119.
- 16 Там же. С. 120–123.
- 17 Там же. С. 126–128.

- 18 Там же. С. 138–143.
- 19 Там же. С. 124–126.
- 20 *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Логофета (Старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 242–257.
- 21 «Слово похвальное бывшего знамени честною иконою пречистыя владычица наша Богородица, сущии в Великом Новеграде» // *Яблонский В.* Пахомий Серб... Приложение. С. ХСП–СІ; «Слово в перенесении честных мощей въ святых отца нашего в ерархох чудотворца Петра, митрополита всея Руси» // Там же. Приложение. С. СХІІ–СХІІ; «Слово похвалное Покрову пречистыя владычице наша Богородице» // Великие минеи четьи. Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870. Стб. 17–23; «Слово похвальное святому Алексию митрополиту Киевскому и всея Руси» // *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия... С. 254–257; Слово похвальное на пречестную память преподобнаго отца нашего Варлаама, в нем же имат нечто на иудеа // ОЛДП. Т. 41. С. 97–109.
- 22 Похвальное слово Сергию Радонежскому, написанное Епифанием Премудрым в 1412 году // *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 271–283.
- 23 Здесь и везде в последующем, цитируя сопоставляемые тексты, сохраняю без изменений пунктуационную разметку текстов, предложенную издателями.
- 24 *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 273.
- 25 Здесь и далее, воспроизводя тексты Пахомия, предлагаю пунктуацию по моему разумению.
- 26 *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия... С. 254–255.
- 27 *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 274.
- 28 Здесь и в дальнейшем библейские соответствия выявлены мной.
- 29 *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия... С. 255.
- 30 *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1. С. 281–282.
- 31 *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия... С. 256.
- 32 «Слово похвальное иже во святых отца нашего въ ерархох великого чудотворца Петра митрополита всея Руси» // *Седова Р. А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 96–107.
- 33 *Седова Р. А.* Святитель Петр... С. 99.
- 34 См., например: НИОР РГБ. Собр. Троице-Сергиевой Лавры. № 643 (145). XV в. Л. 342–347.

- 35 Седова Р. А. Святитель Петр... С. 96.
- 36 Яблонский В. Пахомий Серб... С. СII.
- 37 Седова Р. А. Святитель Петр... С. 96, 127, 128.
- 38 Там же. С. 103.
- 39 НИОР РГБ. Собр. Троице-Сергиевой Лавры. № 631 (1240). Кон. XV в. Л. 94 об.–96.
- 40 Там же. Л. 84–86 об.
- 41 Максимов Ю. Краткий обзор отношений Православия и иудаизма. Часть 1 // Православие.Ru / Интернет-журнал. 2008. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28768.htm>.
- 42 «Итак, мы определяем, чтобы осмеливающиеся... отвергать что-либо из того, что посвящено Церкви, будет ли то евангелие, или изображение креста, или иконная живопись, или святые останки мученика... чтобы таковые, если это будут епископы или клирики, были низлагаемы, если же будут иноки или миряне, были бы отлучаемы» (Деяния Вселенских Соборов. Изд. 3-е. Казань, 1909. Т. 7. С. 285; см. также с. 170–173).
- 43 Примером могут служить слова Иеронима Блаженного из послания пресвитеру Руперию: «Не говорю: „Мы боготворим останки мучеников“, да не послужим твари более чем Творцу» (цит. по: Рубский В., *свящ.* Почитание мощей угодников Божиих // «Православная беседа». URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=659#7#7>) или же рассуждение Иоанна Дамаскина: «Должно почитать святых, как друзей Христовых, как чад и наследников Божиих... Я называю их богами, царями и господами не по естеству, но потому, что они царствовали и господствовали над страстями и сохранили неповрежденным подобие образа Божия...» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение веры. Кн. 4. Гл. 15: О почитании святых и их мощей // URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera4_15.html).
- 44 Прохоров Г. М. Пахомий... С. 171.
- 45 Дмитриев Л. А. Житийные повести... С. 126–128.
- 46 Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- 47 Яблонский В. Пахомий Серб... С. 281.
- 48 Там же. С. XCIII.
- 49 Великие минеи четьи. Октябрь, дни 1–3. Стб. 20.
- 50 Цит. по: Яблонский В. Пахомий Серб... С. 277.
- 51 Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 74–75.
- 52 Яблонский В. Пахомий Серб... С. 253.

Kirillin V. M.

Eulogies by Pachomius Logophet:
About the Rhetoric Mastership of the Writer

The focus of the essay is placed in the oratorical writings by Pachomius Serb (Logophet). The author finds out their textually dependent character and comes to the conclusion of the impossibility to consider the writer as a master of eloquence and a representative of the ornamental style of “pletenie sloves” (word plaiting).
Keywords: *eulogy*, “pletenie sloves” (word plaiting), *rhetoric*, *reflective*, *pattern*, *adoption*, *saint*, *saint relics*, *reverence*, *literature*.

А. А. Турилов
(Москва)

Кирилло-мефодиевская традиция и собрание рукописей Научной библиотеки Саратовского государственного университета

В статье дается обзор славянских литературных памятников (оригинальных и переводных) древнейшего периода (IX–XII вв.) в собрании рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, с акцентом на эпоху Кирилла и Мефодия и их учеников, творивших в Болгарии в последней четверти IX — первой четверти X в., и на домоногальское литературное наследие Киевской Руси.

Ключевые слова: *славянские рукописи, кирилло-мефодиевская традиция, древнерусская литература.*

В Саратове находится одно из крупнейших в России (за пределами Москвы и Петербурга) собраний славяно-русских рукописей XV–XIX вв. По числу единиц хранения (около 2500, включая документальные материалы)¹ оно уступает из областных центров только Ярославлю. Это само по себе показательно, учитывая разницу исторических судеб верхневолжского и нижневолжского городов, несравненно более благоприятные условия формирования средневекового рукописного фонда в историческом центре страны. Собрание НБ СГУ первенствует также в количественном отношении среди университетских библиотек, превосходя в этом смысле и Москву и Петербург. Заметно выделяется оно из их числа и по составу. По числу рукописей XV–XVI вв. (200) оно сопоставимо, к примеру, с таким крупным столичным хранилищем «второго ряда», как Российский государственный архив древних актов, обладающий примерно вдвое большим количеством манускриптов соответствующего времени.

Разумеется, наиболее значительную часть собрания (около 75–80% от общей численности) составляют старообрядческие рукописи XVIII — раннего XIX в., преимущественно связанные с монастырями Иргиза. Этот обширный (и явно недостаточно изученный) комплекс безусловно представляет большой научный интерес как в региональном, так и в общерусском плане. Однако это тема специального многоаспектного исследования, скорее всего (учитывая чис-

ленность коллекции), даже коллективного. Задачей же данной статьи является показать значение старших (в основном не позднее XVII в.) рукописей НБ СГУ для древнейшей истории славянских литератур (прежде всего для собственно кирилло-мефодиевского периода и времени деятельности их учеников в Болгарии князя Бориса и царя Симеона, а также Киевской Руси) и для исследования региональных аспектов восточнославянских литератур в XV–XVI вв.²

Наибольшее число ранних рукописей в собрании происходит из двух частных коллекций, составивших в первой четверти XX в. его основу — И. А. Шляпкина и П. М. Мальцева. Первая из них гораздо более известна в науке благодаря печатному описанию В. Н. Перетца, опубликованному полвека назад³. Собрание П. М. Мальцева принято характеризовать в литературе как по преимуществу старообрядческое⁴. Однако современный облик оно приобрело в значительной мере после крупных изъятий 1930-х гг., первоначально же оно носило вполне универсальный характер и могло претендовать на роль одного из самых значительных в России из составленных на рубеже XIX и XX столетий. В немалой степени на это указывает источник формирования коллекции (во всяком случае, не старообрядческой ее части) — букинистический магазин П. П. Шибанова⁵ в Москве, один из самых дорогих в дореволюционной России⁶.

По-настоящему полную картину рукописного собрания может дать только его подробное научное описание. Хотелось бы надеяться, что в ближайшие годы оно увидит свет (хотя бы в объеме древнейшей части коллекции — XV–XVI вв.), учитывая, что научные силы для осуществления проекта в городе имеются.

Разумеется, любой обзор собрания будет в значительной мере субъективен. Лучшее свидетельство этому — вышедшая почти 50 лет назад публикация Л. А. Дмитриева, в которой акцент сделан в первую очередь на оригинальные древнерусские памятники XV–XVII вв. и литературные произведения XVIII в.⁷ К нашему случаю предложенная там характеристика едва ли подходит, поскольку речь должна идти о древнейших славянских памятниках, как оригинальных, так и переводных. Вероятно, наиболее показательны для характеристики собрания в целом будут два сюжета (или аспекта): тексты кирилло-мефодиевской эпохи, литературное наследие Киевской Руси XI–XIII вв. Это представляется тем более уместным, что рукописные сокровища собрания используются исследователями лишь в очень малой степени.

Напрямую о начале (и даже предыстории) кирилло-мефодиевской миссии у славян напоминает сборник житий и слов (№ 358) третьей

четверти XV в., значительную часть которого составляют тексты, посвященные ее небесному покровителю — Клименту I, римскому папе, ученику апостола Петра и мученику. В их число входит житие Климента⁸, сказание («слово») о его чудесах, завершающееся (без отдельного заголовка) проложным сказанием о перенесении мощей (представляющим сокращение пространного текста («Херсонская легенда»), атрибутируемого самому Константину-Кириллу⁹), и похвальное слово ему, написанное Климентом Охридским. Последнее сочинение не является в русских рукописях большой редкостью¹⁰, но саратовский список по возрасту входит в пятерку самых ранних¹¹.

Имеется в Отделе редких книг и рукописей НБ СГУ и список достаточно редкого¹² слова того же автора — «О святой Троице, о твари и о суде»¹³ — в сборнике третьей четверти XVI в., включающем и Златоуст цветной и недельный (№ 227, л. 264–276); памятник приписан здесь (как и в большинстве списков) Иоанну Златоусту. О других словах этого автора в составе минейных и триодных Торжественников XVI–XVII вв. (и тем более в многочисленных Прологах XV–XVI вв.¹⁴, которых в собрании 10 томов¹⁵) говорить излишне.

Несомненно, жемчужиной древнейшей части фонда является список одного из творений болгарских книжников эпохи царя Симеона (894–927) — учительного сборника «Златоструй» (№ 38), датируемый началом последней четверти XV в. В редакционном отношении саратовский список представляет — как недавно установлено — уникальный вариант: среди слов-поучений собственно «Златоструя» здесь помещены статьи другого сборника времени Симеона — Изборника 1076 г.¹⁶ (едва ли не древнейший зафиксированный случай «тиражирования» этого сборника в позднейшей рукописной традиции). Вдобавок стоит заметить, что рукопись в начале украшена заставкой неовизантийского стиля хорошей работы — довольно редкий случай для книги такого содержания.

В сборнике № 227 помимо слова Климента Охридского «О Троице и твари» (см. выше) содержится и (л. 1–42) список одного из древнейших переводов на славянский язык с латыни — популярнейшего апокрифического «Никодимова Евангелия» пространной редакции, повествующего о последних днях земной жизни, сошествии в ад и воскресении Иисуса Христа¹⁷; текст сопровождает (как это нередко бывает) апокрифическое же послание Понтия Пилата к императору Тиберию (л. 42–49).

Довольно редкая в рукописной традиции (при этом исключительно восточнославянской — зафиксировано не более 10 списков

XII–XVII в.)¹⁸ разновидность так называемого «двойного» чуда популярнейших в христианском мире святых Николая Мирликийского и Георгия Победоносца о пленном арабском пирате с Крита находится в западнорусском сборнике последней четверти XV в. из собрания И. А. Шляпкина (№ 341, л. 95 об.–99)¹⁹. Текст представляет русское извлечение конца XI — XII в. из болгаро-византийского цикла начала X в., написанного неким иноком Христодулом²⁰ по-гречески; саратовский список является вторым или третьим по древности в традиции, хотя и не очень исправным.

Специального внимания в собрании заслуживает, бесспорно, корпус древнерусских (восточнославянских) оригинальных и переводных памятников домонгольского периода. На первом месте следует упомянуть неизвестную доселе сокращенную редакцию «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, содержащуюся в сборнике (л. 380 об.–387 об.) второй четверти XVI в. № 1315 (вероятно, западнорусского происхождения) и озаглавленную здесь «Слово похвално святому князю Владимиру». Список не учтен в наиболее полном критическом издании памятника²¹. В той же рукописи (л. 367–380 об.) находится и так называемое «обычное» житие князя Владимира пространной редакции²². Житийные тексты, посвященные сыновьям Владимира, первым русским князьям-мученикам Борису и Глебу, представлены в той же рукописи в дефектном виде (с перепутанными тетрадами и листами), их характеристике должно предшествовать восстановление правильного порядка текстов.

Наряду с особой редакцией «Слова о законе и благодати» в сборнике № 1315 содержится (л. 227–230 об.) и еще один несомненный литературный раритет — похвальное слово Богоматери, озаглавленное «Слово похвальное пресвятыя владычицы наша Богородицы... на вся праздники ея». Обращение к тексту памятника (начало: «Кто возглаголет владычицы наша силы...») показывает, что речь идет, в сущности, о слове на среду из цикла седмичных поучений Григория Философа — книжника, приехавшего на Русь в 1062 г. в свите митрополита Георгия. Рукописная традиция сочинений Григория достаточно репрезентативна (на сегодняшний день известно 8 более или менее полных списков цикла XV–XVII вв. и целый ряд извлечений)²³, однако слово на среду никогда не встречалось прежде отдельно от цикла²⁴. Характеристика седмичного поучения в заглавии лишней раз свидетельствует о теснейшей связи в древнейший период Миней Общей и Октоиха, что уже отмечалось в литературе²⁵.

Из более поздних домонгольских сочинений бесспорную гордость коллекции составляет древнейший список «Слова Даниила Заточника» в конвое украинского Торжественника триодного второй половины XVI в. (№ 229, л. 421–428). Памятник достаточно давно введен в научный оборот по данному списку²⁶, однако до последнего времени фигурировал в литературе с ошибочным указанием на место хранения (Москва, Государственный литературный архив)²⁷. Л. А. Дмитриев в своем обзоре упоминает и список древнейшего русского проскинитария — «Хождения в Святую землю» игумена Даниила (начало XII в.) в сборнике-конволюте XVI–XVII вв.²⁸ Сочинения «русского Златоуста» XII в. Кирилла Туровского представлены в собрании полным циклом пред- и послепасхальных поучений в западнорусском Златоусте первой половины XVII в. особого состава (№ 59) и отдельными словами в целом ряде триодных Торжественников XVI в.

Русские переводы домонгольского времени представлены в собрании посланием папы Льва I константинопольскому патриарху Флавиану («Римская епистолия») с предисловием переводчика, Феодосия Грека²⁹ (в неоднократно уже упоминавшемся сборнике № 227 третьей четверти XVI в., л. 131–149), «Христианской топографией» Козьмы Индикоплова (№ 19в — в конволюте с Псалтырью Толковой) и моностихами («Разумами») античного комедиографа Менандра³⁰ в западнорусском сборнике (№ 228) последней трети XVI в. (л. 69 об.–72 об.).

Хотя несостоятельность бытующего в литературе мнения, что перевод «Римской епистолии» дошел до нас в единственном списке³¹, выясняется и без обращения к саратовскому кодексу с «Никодимовым Евангелием»³², сам факт его существования лишь раз подчеркивает актуальность и необходимость изучения рукописной традиции и критического издания данного текста, продолжающего оставаться достаточной редкостью. Саратовский список «Козьмы Индикоплова» является древнейшим известным в настоящее время точно датированным (1489/90 г.). Запись писца сохранилась в копии XVIII в., помещенной перед началом текста, однако не вызывает сомнений в своей достоверности. Заказчик рукописи пинский князь Федор Иванович Васильевич (Ярославич) — праправнук героя Куликовской битвы Владимира Андреевича Храброго и двоюродный племянник великого князя Ивана III Васильевича, живший во второй половине XV — начале XVI в., известен как книголюб и меценат. Список не имеет миниатюр, однако замысливался он не-

сомненно как лицевой — на всем протяжении рукописи оставлены многочисленные «окна» для изображений, снабженные киноварными надписаниями сюжетов.

Выраженную особенность собрания (которую нетрудно заметить даже при чтении этих материалов) составляют довольно многочисленные здесь кодексы XV–XVII вв. западнорусского (украинско-белорусского) происхождения. Это еще одно перспективное направление исследований саратовского рукописного фонда в будущем, поскольку западнорусская книжная традиция XV–XVI столетий и в наши дни изучена явно недостаточно, несмотря на усилия белорусских и украинских исследователей постсоветского периода. Особого внимания с точки зрения содержания требует весьма сложный по составу сборник третьей четверти XVI в. № 228, содержащий, в частности, антигуситский полемический трактат «Слово о честных иконах», приписанный в заглавии папе Григорию (Двоеслову) и известный в настоящее время лишь в трех списках³³.

В собрании имеется также некоторое число славяно-молдавских рукописей XV–XVII вв. (№ 23, 208, 1017, 2618) и одна сербская, что само по себе не характерно для российских коллекций за пределами Москвы и Петербурга (еще один своеобразный «шибановский след» в истории формирования коллекции П. М. Мальцева). Древнейшая славяно-молдавская рукопись здесь — это иноческий сборник № 1017 третьей четверти XV в., содержащий, в частности, апокрифическое житие Макария Римлянина. Сербская рукопись (богослужебная по содержанию) составляет приплет к сербскому же венецианскому изданию Молитвенника 1547 г. (№ печ. 1756) и нуждается в специальном изучении.

В заключение автор выражает надежду, что данный обзор сыграет посильную роль в привлечении внимания историков и филологов к этому действительно незаурядному собранию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В литературе указывается иногда другая, значительно большая цифра — 3387 номеров (см.: *Творогов О. В.* Рукописные собрания России: состояние изучения и описания // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 739; То же // *Творогов О. В.* Археография и текстология древнерусской литературы. М.; СПб., 2009. С. 265). Столь существенная разница объясняется тем, что в источнике сведений этого автора (анкете, разо-

- сланной ОР РНБ по местным хранилищам) фигурирует общая цифра номеров рукописей собрания, без учета того обстоятельства, что свыше 700 из них было изъято из фонда в 1930-х — начале 1940-х гг. (подробнее см. статью Н. А. Попковой в настоящем сборнике).
- 2 Здесь автор не может не выразить самой искренней признательности сотрудникам Отдела редкой и рукописной книги НБ Саратовского ГУ (и прежде всего Н. А. Попковой и А. Г. Хачаянц), без сердечной заботы и бескорыстной помощи которых эта статья просто не могла быть написана.
- 3 *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенное в дар владельцем Саратовскому государственному университету. Ч. 1 // Археографический ежегодник за 1959. М., 1960. Прилож. С. 357–466; То же. Ч. 2 // Археографический ежегодник за 1960. М., 1962. Прилож. С. 395–502.
- 4 См.: *Дмитриев Л. А.* Собрание рукописей научной библиотеки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 554–560.
- 5 На это указывают характерные шифрованные обозначения цен, употреблявшиеся П. П. Шибановым, на нижних защитных листах и оборотах крышек переплета. См., к примеру: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1986. Вып. 1. Ч. 2. С. 17.
- 6 О книжной торговле П. П. Шибанова см.: Там же. С. 16–19.
- 7 См. примеч. 4.
- 8 О памятнике см.: *Шестаков С. П.* К истории текстов жития св. Климента, папы Римского, пострадавшего в Херсоне // Византийский временник. СПб., 1908. Т. 14. С. 215–226.
- 9 См.: Кирилло-Методиевская энциклопедия. София, 2003. Т. 4. С. 384–388.
- 10 Академическое издание сочинений Климента Охридского (Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 288–291) учитывает 26 списков конца XIV — первой четверти XVII в., из них 24 русских.
- 11 См.: Климент Охридски. Събрани съчинения... С. 288, № 1–4.
- 12 То же самое издание (с. 620–622) упоминает 8 русских списков XII–XVII вв. В настоящее время известен и южнославянский (сербский) список памятника середины XIV в. (см.: *Турилов А. А., Фомина М. С.* Слово Иоанна Златоуста «О Святой Троице и о твари и о суде Божьем» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2. С. 110–118).

- 13 О памятнике см. подробнее: *Туницкий Н. Л.* «Слово о св. Троице, о твари и о суде» Климента Словенского // ИОРЯС. СПб., 1904. Т. 9. Кн. 3. С. 201–232; *Иванова К.* Няколко наблюдения върху книжовното наследство на Климент Охридски // Старобългарска литература. София, 1978. Кн. 3. С. 103–106.
- 14 В то же время следует упомянуть (даже вне связи с календарными творениями Охридского епископа) два тома Минеи четых из комплекта, переписанного в 1600/01 г. (№ 2658 — декабрь; № 2671 — август). Два этих огромных тома, написанных каллиграфической московской книжной скорописью, нуждаются в сопоставительном изучении с соответствующими томами современного им Чудовского комплекта, хранящимися в ОР ГИМ.
- 15 № 90, 92в, 93–95, 97, 98, 100, 101 (последние 4 тома второй половины XVI в. составляют полный комплект, что встречается не так уж часто), 1730.
- 16 См.: Княжий Изборьникъ за възпитание на канартикина, издаден от У. Р. Федер. Велико Търново, 2008. Т. 1. С. 9; Изборник 1076 г. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 44–45.
- 17 Новейшие мнения о датировке и локализации перевода см.: *Grabar B.* Über das Problem der längeren Fassung des Nikodemusevangeliums in der ältesten slavischen Literatur // Byzance et les Slaves. Etudes de civilization (Melanges I. Dujcev). Paris, 1979. S. 201–206; *Mareš F. W.* An Anthologie of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979 (Slavische Propiläen, № 127). P. 31–40; *Idem.* Cirkevneslovanské pismenictvi v Čechách // *Mareš F. V.* Cyrilometodějská tradice a slavistika. Praha, 2000. S. 273; *Минчева А.* Никодимово евангелие // Palaeobulgarica. 1985. № 4. С. 30–44; *Ziffer G.* La tradizione glagolitica croata del *Vangelio di Nicodemo* // Glagoljica i hrvatski glagolizam / Zbornik radova s Međunarodnoga znanstvenog skupa. Zagreb; Krk, 2004. P. 261–269.
- 18 *Турилов А. А.* Византийский и славянский пласты в «Сказании инока Христодула» (к вопросу о происхождении памятника) // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6 (Славяне и греческий мир в средние века и раннее Новое время). С. 89.
- 19 Описание рукописи см.: *Перетц В. Н.* Описание собрания... проф. И. А. Шляпкина... Ч. 1. С. 399.
- 20 *Турилов А. А.* Византийский и славянский пласты... С. 88–91, 98; *Мокеева И. И.* «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2002–2003. М., 2004. С. 243–244.

- 21 Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 19–28.
- 22 См.: Письменные памятники истории Древней Руси (Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания): Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я. Н. Щапова (ППИДР). СПб., 2003. С. 200. № 81.2.
- 23 См. об этом подробнее: The Edificatory Prose of Kievan Rus' / Translated by W. R. Veder with Introductions by W. R. Veder and A. A. Turilov. Harvard, 1994. P. XLII–LIII; ППИДР. С. 120–129 (№ 41); Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 71–74.
- 24 В качестве самостоятельного текста до последнего времени было известно только небольшое извлечение из этого слова, превращенное в молитву Богородице (с именем Григория Философа в заглавии) в составе сборника начала XVII в. (ГИМ. Синодальное собр. № 774. Л. 520–522).
- 25 Темчин С. Ю. Этапы становления славянской гимнографии (863 — ок. 1097 г.). Ч. 1 // Славяноведение. 2004. № 2.
- 26 См.: Перетц В. Н. Новый список «Слова» Даниила Заточника // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 362–378; *Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie / Edezione critica a cura M. Colucci e A. Danti. Firenze, 1977. P. 129–165* (список положен в основу издания).
- 27 *Daniil Zatočnik. Slovo e Molenie. P. 12–13. № 1.*
- 28 *Дмитриев Л. А. Собрание рукописей... С. 555.*
- 29 О переводе и переводчике см. подробнее: Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Л., 1987. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). С. 459–461; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 294–298.
- 30 Подробнее о памятнике см.: Сперанский М. Н. Разумения единострочные Григория Богослова и Разуми мудрого Менандра в русском переводе // ИОРЯС. СПб., 1898. Т. 3. Кн. 2. С. 541–559. СККДР. Вып. 1. С. 460.
- 32 Автору, к примеру, еще ранее был известен западнорусский (украинский?) список первой половины (вероятно, второй четверти) XVI в. при сборнике «Книга Кормчий душам» (РГАДА. Ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. № 616).
- 33 О памятнике см.: Бегунов Ю. К. Ян Гус и восточное славянство (по материалам новонайденного источника) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 356–375.

Turilov A. A.

The Sts Cyril and Methodius Tradition
of the Saratov State University and the Manuscript Collection
of the Research Library

The survey is given of the eldest (the 9th up to the 12th cent.) Slavic literary texts, both original and translated ones, in the collection of the Zonal Research Library of the Saratov State University. The emphasis is made on the Sts Cyril and Methodius period; then, on the period of their disciples whose creative activity in Bulgaria took place in the last quarter of the 9th — first quarter of the 10th cent.; finally, on the pre-Mongol period of the Kievan Rus' literary heritage.

Keywords: *Slavic manuscripts, Sts Cyril and Methodius Tradition, Old Russian literature.*

Н. А. Попкова
(Саратов)

Собрание рукописей и старопечатных книг Научной библиотеки Саратовского университета

В статье дается краткая характеристика собрания рукописей (XVI–XX вв.) и старопечатных изданий кирилловского шрифта (XV–XX вв.), хранящихся в Зональной научной библиотеке им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, и обзор основных направлений работы с этими ценными собраниями.

Ключевые слова: *рукописи, старопечатные издания.*

Собрание рукописей и собрание старопечатных книг в Научной библиотеке Саратовского университета сложились одновременно, в короткий срок (1919–1921 гг.), сразу как серьезные собрания, а не случайный набор книг.

В них гармонично соединились рукописи и старопечатные книги трех бывших владельцев, имеющих особые пристрастия при составлении своих собраний. Профессор Санкт-Петербургского университета И. А. Шляпкин, принесший свою библиотеку в дар университету Саратовскому, большее внимание уделял книгам литературного и исторического содержания. Братство святого креста, прекратившее существование, — книгам в защиту православия. Старообрядец, балаковский хлебопромышленник П. М. Мальцев не упускал возможности приобрести книги в защиту старообрядчества и необходимые при богослужении по старому образцу.

Взаимно дополняя друг друга, книги составили разнообразный по содержанию, интересный в историческом, научном плане фонд Отделения рукописей и старопечатных книг, организованного в научной библиотеке. Дальнейшие поступления (в 1935 г. из Пугачевского музея поступили 228 рукописей и 471 старопечатная книга и 294 документа из коллекции В. Н. Перетца) сложившейся гармонии не нарушали. Возглавил отделение историк А. А. Гераклитов, имеющий большой опыт работы со старой книгой в Саратовской ученой архивной комиссии.

Уже в первые годы существования оно стало, по словам Гераклитова, «вспомогательным учреждением университета, преследующим учено-учебные цели»¹, на материалах которого прово-

дились занятия по палеографии, русской истории и литературе, дипломатике.

Работа с фондом позволила Гераклитову убедительно доказать существование книгопечатания в Москве до практики Ивана Федорова. После его статьи «Три издания XVI века без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (К вопросу о начале книгопечатания в Москве)»² термин «дофедоровское издание» стал правомерен, за исследователем закрепился авторитет «великого знатока первопечатной книги»³. Собранные им 1518 филиграней составили фундаментальный труд «Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения», признанный «капитальным вкладом в мировую историю водяных знаков»⁴.

В 30-е гг. прошлого века с рукописями и старопечатными книгами уже не отделения, а отдела редких книг, работали занесенные в Саратов трагическим ветром репрессий академик В. Н. Перетц, историк русской и украинской литературы, палеограф, и В. У. Ластовский — действительный член Академии наук Белоруссии, автор «первого широкомасштабного исследования по истории книжной культуры Белоруссии»⁵ — монографии «История белорусской книги».

Перетц сосредоточил свое внимание на описании рукописей из собрания Шляпкина. Публикация этого описания ввела в научный оборот немало интересных памятников⁶.

Ластовский работал со старопечатными книгами и говорил об их большой научной ценности: «...подотдел книг кирилловской печати почти полностью исчерпывает книжную продукцию указанного шрифта от 1491-го по конец XIX века»⁷.

Шли годы, ушли из жизни Гераклитов, Перетц, Ластовский. Уходили из отделения и книги. В 1930-е гг. их забирал «Антиквариат», в 1941 г. — Центральный государственный архив литературы. Всего ушло 780 рукописей и 154 старопечатных издания.

Однако несмотря на печальный для фондов характер изъятий, по словам И. В. Поздеевой, известного специалиста в области старой книги, «отдел редких книг и рукописей научной библиотеки Саратовского университета обладает одной из самых лучших коллекций как церковнославянских рукописей, так и раннепечатных кириллических изданий»⁸ и продолжает традиции серьезной работы с ними.

В настоящее время фонд рукописей насчитывает 2525 единиц. По времени написания они распределяются так: XV в. — 44, XVI — 136, XVII — 295, XVIII — 872, XIX — 1026, XX — 21. 131 рукопись — это либо не датированная при записи в инвентарь, либо иноязычная (на латинском, немецком, арабском языках).

Рукописная книга «аккумулировала духовную жизнь нашего народа, его познавательные интересы и художественные потребности во всем их разнообразии на протяжении почти тысячелетия», — отмечал Н. Н. Розов⁹. Тематическое содержание рукописей нашего фонда соответствует этим словам. В нем представлены рукописи богослужебного и богословского характера, агиография, история и право, записи фольклора, естественные науки, литература, учебные и певческие книги, альбомы, лечебники, поваренные книги.

Исследователи рукописной книги говорят об уникальности каждого списка одного и того же произведения, что дает при сравнении их интересные результаты. Так, известны тексты «Златоструя», в которых 45, 57 статей. Наш экземпляр отличается особой редакцией и имеет 127 статей.

В обильной житийной литературе обнаружены два списка жития Саввы Сербского, редакция одного из них принципиально отличается от известных науке житий Саввы. Благодаря вставкам, которые сделал книжник-старообрядец, расширилось содержание, усилилась эмоциональность повествования.

Среди исторических текстов девять «Хронографов» разных редакций, которые не сверялись с опубликованными текстами. Степенная книга, памятник отечественной историографии времен Ивана Грозного, представлена двумя списками. Они до недавних пор не были известны исследователям. Дополнениями документов о Пскове отличается список «Казанской истории».

Безусловно интересны списки «Луцидариуса» — энциклопедии средневековых знаний, «Космографии» Меркатора, содержащей сведения по всемирной истории и географии, в том числе и о Московии, «Арифметики», список которой не имеет сходства ни с одной из распространенных тогда арифметик, ни с учебником Магницкого. Особой редакцией и дополнительными статьями отличается «Великое зеркало».

Обнаружен ранее неизвестный и ставший всего вторым список «Описания трех путей [...] ис поморских стран в Швецкую землю» Афанасия Холмогорского. Различие между списками весьма суще-

ственно благодаря разделам саратовского, содержащим массу бытовых подробностей, которые помогают уточнить датировку списка.

Наш список «Былины об Илье Муромце» XVII в. значительно отличается от 26 известных списков. Не менее интересны списки «Повести о Савве Грудцыне», «Сказки о Бове королевиче», «Слова о епископе Удоне...», старообрядческой «Истории об отцах страдальцах соловецких» и многое, многое другое.

К рукописным материалам нашего фонда в разные годы обращались Л. А. Дмитриев, Л. А. Дубровина, Л. К. Гаврюшина, Б. М. Клосс, А. А. Турилов, А. В. Сиренов. Описание 142 певческих старообрядческих рукописей опубликовано в двух выпусках «Редких книг НБ СГУ»¹⁰, а также представлено на CD, 324 рукописи описаны в рамках «Хиландарского проекта», 26 статей отражают нашу работу с рукописным фондом.

Собрание старопечатных книг кирилловской печати на сегодняшний день насчитывает 1909 единиц, из которых книг XV в. — 3, XVI — 55, XVII — 697, XVIII — 631, XIX — 393, XX — 27. 103 книги составляют группу, отмеченную в инвентаре «без места», «без года».

Издания XV–XVII вв. показывают труды и мастерство славянских типографов: Фиоля (Краков), Скорины (Прага), Вуковичей (Венеция), Ивана Федорова (Заблудов, Острог, Львов), Андроника Невежи (Александровская слобода), Петра Мстиславца и Мамоницей (Вильно), Анисима Радишевского (Москва), Максима Воцанки и Спиридона Соболя (Могилев), Михаила Слезки (Львов), типографов Киево-Печерской лавры, Кутейна, Новгород-Северского, Чернигова, Унева.

Уже перечень имен печатников и мест издания книг говорит о межславянском характере книгопечатания этого периода. Книги, объединенные общим литературным языком, содержащие многие общие литературные памятники, представляют единую славянскую кирилловскую печатную книжность.

Тематическое содержание старопечатных книг не столь разнообразно, как это имеет место в рукописях. Здесь богословская и богослужебная литература, жития святых и службы им, учебная книга, первые издания светского характера и, конечно, немало старообрядческих книг, которые заслуживают изучения, ибо старообрядцы знали, любили, усердно читали, активно переписывали, а потом и перепечатавали произведения древнерусской литературы «ни в чем неотменно», «буква в букву», способствуя сохранению многих из них.

Старопечатные книги интересны с точки зрения сохранения в них традиций рукописной книги и становления новых принципов оформления, подачи материала. С легкой руки Ивана Федорова в них формируется тип послесловия, предисловия, в котором автор высказывает свой взгляд на роль книги, говорит о целях издания, дает нужные комментарии. Показательны в этом отношении первенцы светской печати, появление которых было вызвано насущными потребностями развивающегося государства. Это обширный свод законов Московского государства «Уложение», «Считание удобное», первая книга по военному делу, перевод с немецкого труда Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», «Грамматика» Смотрицкого. Не менее интересны записи на книгах, говорящие об их бытовании, распространении, о социальном составе владельцев, понимании ими важной роли книги в жизни человека.

Участие в «Сводном каталоге старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов» (он имел характер международного, в нем задействованы крупные книгохранилища России, стран ближнего зарубежья, Европы) позволило выявить в нашем фонде бесспорно редкие издания. Это, например, четыре книги, выпущенные анонимной типографией — два Четвероевангелия, Триодь постная и Псалтирь, она наиболее редкая из них, известно лишь пять сохранившихся ее экземпляров. В трех-пяти экземплярах сохранились Псалтирь с часословцем (Федоров, Заблудов, 1570), Часовник (Петр Мстиславец, Вильно, 1574), Псалтири (Львов, 1615; Вильно, 1623; Москва, 1624), неизвестен библиографам Часослов (Москва, 1684), перечень можно продолжать и продолжать.

В рамках Сводного каталога нами описано 755 экземпляров старопечатных книг XV–XVII вв. Описания опубликованы в предварительных списках к Сводному каталогу¹¹, в выпуске, посвященном Фиолю¹², в четырех выпусках «Редких книг НБ СГУ»¹³, первый выпуск которого получил одобрение Д. С. Лихачева. Описания 123 книг, изданных на Украине в XVIII в., вошли в каталог «Памятники книжного искусства»¹⁴, 23 статьи показывают нашу работу с фондом старопечатных книг.

В далеком XI в. летописец Нестор уподобил книги «рекам, напоющим вселенную». Рукописные и старопечатные книги нашего фонда, с которыми работают исследователи, знакомятся на занятиях студенты, во время экскурсий — многочисленные слушатели, — это ручейки, вливающиеся в полноводную реку знаний, великой славянской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Герасимов А. А.* Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского университета // Студенческая мысль. 1923. № 3–4. С. 22.
- 2 *Герасимов А. А.* Три издания XVI века без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (К вопросу о начале книгопечатания в Москве) // Ученые записки Саратовского университета. Педфак. 1926. Т. 5. Вып. 2. С. 1–20.
- 3 *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 242; *Он же.* По следам первопечатника. М., 1983. С. 101.
- 4 *Герасимов А. А.* Филигранные XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 229; см. также: *Simmons J. S.* Geraklitov A. A. XVIIIth century watermarks in the paper of manuscripts and printed sources of Russian origin // Book Collector. London, 1964. Vol. 13. № 2. P. 229–230.
- 5 *Кавко А. К.* Ластовский Вячеслав Юстинович // Франциск Скорина. Энциклопедический справочник. Минск, 1990. С. 403.
- 6 *Перетц В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому Государственному университету // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 361–465; Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 395–501.
- 7 Архив отдела редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
- 8 *Поздеева И. В.* Век подлинников и проблемы вузовских библиотек // Университетская книга. 1997. № 3. С. 32.
- 9 *Розов Н. Н.* Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971. С. 121.
- 10 Певческие рукописи XVII–XIX веков: Каталог / Сост. А. Г. Хачаянц. Саратов, 2000–2001. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ. Вып. 19–20).
- 11 Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта XV — первой половины XVI в. // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания. М., 1976. Вып. 1. С. 32–41; Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI в. // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и

- глаголического шрифтов. Методические указания. М., 1979. Вып. 4. Предварительный список печатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века. С. 16–42; Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта первой четверти XVII в. // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические рекомендации. Славянская кирилловская печатная книжность XV — первой четверти XVII в. М., 1982. С. 23–50.
- 12 Описание изданий типографии Швайпольга Фиоля // Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. М., 1979. Вып. 1.
- 13 Старопечатные издания кирилловского шрифта XV–XVI веков: Каталог / Сост. Н. И. Алексеева, Н. А. Попкова. Саратов, 1993. (Редкие книги научной библиотеки СГУ. Вып. 13); Старопечатные издания кирилловского шрифта первой четверти XVII века: Каталог / Сост. Н. И. Алексеева, Н. А. Попкова. Саратов, 2000. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ. Вып. 18); Старопечатные издания кирилловского шрифта второй четверти XVII века: Каталог / Авт.-сост. Н. И. Алексеева, Н. А. Попкова. Саратов, 2003. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ. Вып. 22); Старопечатные издания кирилловского шрифта второй половины XVII века: Каталог / Авт.-сост. Н. И. Алексеева, Н. А. Попкова. Саратов, 2005. (Редкие книги Зональной научной библиотеки СГУ. Вып. 23).
- 14 *Запаско А. П., Исаевич Я. Д.* Памятники книжного искусства. Каталог старопечатных книг, изданных на Украине. Львов, 1984. Кн. 2. Ч. 1 (1701–1764); Ч. 2 (1765–1800).

Popkova N. A.

The Manuscript and books printed in Cyrillic type Collection
of the Research Library of the Saratov University

In the article the author gives a brief characteristic of the manuscript collection (16th–20th cent.) and the collection of books printed in Cyrillic type (15th–20th cent.) which are hold in the Zonal Research Library named after V. A. Artisevich of the Saratov State University. There is also a review of main directions of work with these interesting collections.

Keywords: *manuscripts, books printed in Cyrillic type.*

О. Ю. Крючкова
(Саратов)

Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров

В статье описаны принципы построения мультимедийного диалектологического корпуса, включающего как лингвистические, так и культурологические данные. Раскрываются возможности лингвокультурологического изучения русских народных говоров на базе диалектологического корпуса.

Ключевые слова: *диалект, текстовый корпус, лингвокультурология.*

Традиционно изучение народных говоров проводилось в основном в лингвогеографическом аспекте. В соответствии с этим подходом диалектологами исследовались прежде всего структурные характеристики диалектной речи, отличающие одни говоры от других: звуковой строй говоров, их грамматические особенности, словарный состав. Однако во второй половине XX — начале XXI в. в диалектологии постепенно стали укрепляться коммуникативный, когнитивный, лингвокультурологический подходы к изучению диалектной речи (работы В. Е. Гольдина, Т. А. Демешкиной, Е. Л. Березович, А. А. Камаловой и Л. А. Савеловой, Т. В. Махрачевой и др.)¹. Следствием осознания важности коммуникативной, когнитивной и лингвокультурной специфики диалектов стало смещение интереса диалектологов с междиалектных различий на то, что характеризует общую специфику «диалектов как диалектов». При таком взгляде на диалектную коммуникацию диалекты предстают не просто территориальными разновидностями национального языка, а разновидностями культурно-территориальными.

Диалектная речь (рассказы диалектоносителей, обиходно-бытовое общение на диалекте, диалоги сельских жителей с представителями иной социокультурной среды) — важнейший транслятор традиционной народной культуры. Если такие лингвокультурные феномены, как устное народное творчество, системы обрядов и ритуалов, представляют культурную традицию скорее в ее диахронном срезе, сохраняя и транслируя в символически обобщенном и эстетически обработанном виде сложившиеся на протяжении длительного времени элементы мировидения и миропонимания, то актуальная этнокультурная информация (современная картина мира носителей

традиционной народной культуры) репрезентирована прежде всего современной диалектной речью, в которой в виде актуализованного знания могут также объективироваться и элементы других семиотических систем, параллельно существующих в данном социуме и в сознании его представителей². В связи с этим лингвокультурологическое изучение народных говоров является актуальной задачей современной диалектологии.

Модель лингвокультурологического описания диалекта должна включать сведения о среде диалектного общения, его жанровом и тематическом репертуаре и коммуникативной релевантности конкретных тем и жанров. Важное место в этой модели должна занять таксономия важнейших концептуальных переменных, вербализованных в диалектном дискурсе («родня», «новое — старое», «город — деревня», «вера» и др.), и описание их содержательных признаков.

Материалом для построения лингвокультурологической модели каждого отдельного говора служит репрезентативный корпус текстов на данном диалекте. Корпуса диалектной речи, отражающие коммуникацию на диалекте в том или ином конкретном населенном пункте и сохраняющие в машиннообрабатываемой форме значительные массивы связной речи, являются основным источником изучения лингвокультурной специфики диалектов. Использование материалов таких корпусов дает возможность охарактеризовать специфику знаний диалектоносителей об окружающем их мире, о населяющих его людях и воображаемых существах, о значимых для этого мира текущих и прошлых событиях, выявить актуальные (вербализованные в современной речи) ценности традиционной народной культуры.

Принцип синтеза лингвистических и культурологических данных положен в основу создающегося в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского «Саратовского диалектологического корпуса» (СДК).

СДК базируется на представлении о диалекте как о самостоятельной коммуникативной системе, полно обеспечивающей коммуникативные потребности в условиях традиционного сельского общения. Данный подход опирается на социолингвистический параметр «степень коммуникативной адекватности идиома»³, применяемый при описании коммуникационных систем и характеризующий способность идиома обеспечивать при коммуникации обмен той информацией, которая существенна для данного общества в данную эпоху, способность передавать информацию, которую хотят передать употребляющие ее лица, с желательной для них степенью точности.

Каждый отдельный говор в СДК образует самостоятельный подкорпус. В настоящее время корпус включает 3 самостоятельных подкорпуса: подкорпус говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области, подкорпус говора с. Земляные Хутора Аткарского района Саратовской области и подкорпус куста сел Мегра Вытегорского района Вологодской области (состав подкорпусов может увеличиваться).

Для построения лингвокультурологической модели речевого общения в конкретных условиях жизни конкретного речевого коллектива необходим учет социокультурных условий бытования говора. Решение этой задачи осуществляется путем включения в состав каждого подкорпуса многообразной нелингвистической информации: фотографий, видеоиллюстраций, схем, карт, сведений исторического, социокультурного характера, демографических, этнографических, географических данных. Часть данной информации соотнесена в корпусе с текстовыми модулями, другая часть образует отдельный информационный блок.

Мультимедийная организация электронной базы корпуса позволяет получать на выходе как отдельные кванты содержащейся в корпусе информации, так и информацию комплексного характера, переходить от одного информационного блока к другому.

Основная единица базы СДК — «запись»/«текст» — хранится в трех видах: в виде звукового модуля, в виде текстового модуля с символьной расшифровкой аудиозаписи и в виде текстового модуля с размеченным текстом. В последнее время архив СДК пополняется видеозаписями диалектной коммуникации, значимость которых велика ввиду наиболее полной фиксации коммуникативной ситуации и соотношения между вербальным и невербальным компонентами общения. При наличии видеозаписи звуковой модуль может быть заменен видеомодулем, также программно связанным с текстовыми модулями.

Проблема членения речевого потока решена в корпусе в соответствии с принципом максимального приближения модели прототипическому объекту — естественной коммуникации на диалекте. Границы «записи»/«текста» определяются с помощью формального критерия непрерывности общения, так что речевые фрагменты аудио-/видеофайла и текстовых файлов полностью совпадают и соответствуют зафиксированному звукозаписывающей и видеоаппаратурой непрерывному фрагменту общения. В результате применения данного критерия границы звуковых и текстовых модулей не зависят

от таких параметров, как смена темы, жанра, формы речи, изменение коммуникативной ситуации и числа участников коммуникации.

Расшифровки звучащей диалектной речи приводятся в близкой к орфографической символической записи, с отражением лексических и грамматических особенностей диалектной речи. Пример символической расшифровки диалектного текста в СДК:

вот это у нас образа/ оне называются старообрядческие/ поморские/ вот наша вера какая/ мы не монашки/ мы не какие поповцы/ и не это... вот оне эти вот/ монашки-ти/ оне... как сказать... оне... тоже беспоповцы/ но... у них брак/ и считается за грех/ оне называются безбрачные// оне вот доживают/ до шестьдесят лет/ жєнщина/ если с мужчиной живет/ это было раньше/ и у них закон такой/ доживают до шестьдесят лет/ она сносит кануны/ и говорит/ вот/ Ваня там или Вася/ всё/ я больше прекараю с тобой жизнью жить/

Отсутствие фонетической транскрипции в символических записях восполняется включением в СДК звуковых модулей. Параллелизм текстовых модулей и аудио-/видеомодулей обеспечивает максимальную достоверность фонетической информации, возможность ее наиболее объективного использования в диалектологических исследованиях.

Задача лингвокультурологического описания говора в СДК обусловливает включение в число параметров разметки текстов, наряду с пословной морфологической разметкой, жанровую и тематическую разметку, маркирующую все жанровые и тематические переходы в речевом континууме — единовременной записи диалектной коммуникации.

Ввиду нечеткой выделенности в диалектной коммуникации целостных в жанровом и тематическом отношениях отрезков речи и многочисленных жанрово-тематических переходов и наложений жанровая и тематическая кодировки диалектного текста проводятся на основе предельно обобщенной (не конкретизированной) рубрикации. Элементами жанровой параметризации являются, например, «рассказ-повествование», «рассуждение», «описание», «сказка», «песня», «поговорки», а элементами тематической рубрикации — такие темы, как «семья», «обряды, обычаи, приметы», «здоровье и лечение», «религия», «природа», «происшествия».

Ниже приведен фрагмент морфологически размеченного диалектного текста, в котором знаками # и @ обозначены соответствен-

но тематика текстового фрагмента (одежда) и его жанр (рассказ-повествование):

#25@1ну{ну(ну)=PART} <...> когда{когда(когда)=ADV/ CONJ} стало{стать(стать)=V,сов=изъяв,прош,ед,сред} мне- {я(я)=S-PRO,ед,од=дат} годов{год(год)=S,муж,неод=мн,род=*} шєтнадцать{шєтнадцать(шєтнадцать)=NUM=им} или{или(или)=CONJ} пятнадцать{пятнадцать(пятнадцать)=NUM=им}/ это{это(это)=PART} уже{уже(уже)=ADV} пошла{пойти(пойти)=V,сов=изъяв,прош,ед,жен} мода{мода(мода)=S,жен,неод=ед,им} панталоны{панталоны(панталоны)=S,жен,неод,мн=вин} белые{белый(белый)=A=мн,вин,неод} с{с(с)=PR} кружевами{кружева=S,сред,неод,мн=твор} // <...> и{и(и)=CONJ} нижние{нижний(нижний)=A=мн,вин,неод} юбки{юбка(юбка)=S,жен,неод=мн,вин} белые{белый(белый)=A=мн,вин,неод} // <...> чтобы{чтобы(чтобы)=CONJ} немного{немного(немного)=ADV} из-под{из-под(из-под)=PR} платье{платье(платье)=S,сред,неод=мн,род} <...> видать{видать(видно)=PRAEDIC=*} было{быть(быть)=V,несов=изъяв,прош,ед,сред} // и{и(и)=CONJ} начали{начать(начать)=V,сов=изъяв,прош,мн} уже{уже(уже)=ADV} юбки{юбка(юбка)=S,жен,неод=мн,вин}—то{то(то)=PART} короткие{короткий(короткий)=A=мн,вин,неод} носить{носить(носить)=V,несов=инф} / а+то{а то(а то)=CONJ} раньше{раньше(раньше)=ADV}—то{то(то)=PART} не{не(не)=PART} были{быть(быть)=V,несов=изъяв,прош,мн=*} // @1#25

С каждым текстом связаны 3 модуля метатекстового характера: 1) модуль с метаразметкой текста, элементами которой являются сведения об информантах, о времени и месте записи текста, о конкретной ситуации общения, об адресатах речи, об упоминаемых в тексте лицах, о времени описываемых в тексте событий (до революции; революция и Гражданская война; коллективизация; Великая Отечественная война; послевоенный советский период; постсоветский период), перечень представленных в тексте тем и перечень жанров; 2) модуль, содержащий биографию информанта, восстанавливаемую по текстовым данным; 3) иллюстративный модуль (фотографии информанта, фотоиллюстрации к данному тексту).

Все элементы пословной лексико-морфологической разметки, жанровой и тематической кодировки диалектных текстов, а также

метатекстовая информация являются параметрами поисковых запросов и образуют программно связанное целое.

Материалы СДК имеют ценность для решения вопроса о сущности диалекта как особого типа речевой культуры, как особого культурно-коммуникативного образования. Изучение диалектной речи на материале лингвокультурологического диалектного корпуса дает возможность получить принципиально новую информацию о диалектной коммуникации: о соотношении различных тем и жанров в составе диалектной коммуникации, о когнитивных особенностях диалектного общения, об особой картине мира, реализуемой в этом общении, и, в результате, о лингвокультурной специфике современных говоров.

Текстовая база корпуса содержит уникальные сведения о судьбах людей, об истории родного села, края и страны в восприятии и оценках сельских жителей⁴.

Тематическая разметка текстов корпуса, каждый из которых представляет собой расшифровку целой, тематически не препарированной единовременной записи речи диалектоносителя, способствует воссозданию модели предметной области диалектной коммуникации. Система поиска в СДК позволяет оптимизировать выборку определенных жанровых и тематических фрагментов, проследить их соотношение в речи отдельного диалектоносителя и в коммуникативном пространстве данного говора, определить место различных дискурсивных разновидностей и предметных областей в диалектной коммуникации.

Анализ тематически размеченных текстов СДК показывает, что диалектный текст в целом и отдельные его фрагменты принципиально политематичны, в них затрагиваются одновременно несколько предметных областей. Вместе с тем с точки зрения широкой тематической рубрикации диалектные тексты достаточно однородны, что обусловлено функциональной ограниченностью коммуникации на диалекте бытовой сферой общения.

Различные предметные области (*частная жизнь, дом и домашнее хозяйство, религия, зрелища и развлечения, политика и общественная жизнь, производство*) занимают в диалектной коммуникации неодинаковое место и с точки зрения объема, и с точки зрения их смыслового разнообразия, т. е. возможности членения на микротемы, и с точки зрения особенностей вербализации соответствующей тематики.

Наиболее объемными являются тематические блоки *частная жизнь, дом и домашнее хозяйство, религия*, которые характеризуются значительным смысловым разнообразием, включая в свой состав

целый ряд развернутых микротем. В рамках широкой темы *частная жизнь* выделяются микротемы *родители, дети, другие родственники, брак и семейная жизнь, односельчане*. Тематический блок *дом и домашнее хозяйство* включает подтемы *огород, домашние животные, строения, техника и орудия труда*. Тема *религия* подразделяется на микротемы *православные и иноверцы, религиозные праздники и обряды, религиозный этикет, места религиозных отправлений*. Другие тематические фрагменты (*производство, политика и общественная жизнь, зрелища и развлечения*) не получают сколько-нибудь значительного развития, часто возникают не как самостоятельные, а попутно, в рамках других тематических фрагментов, отличаются содержательной ограниченностью.

Степень смысловой детализации предметной области, несомненно, указывает на ее когнитивную актуальность. Вместе с тем этот параметр так же, как и объем тематических фрагментов, не является достаточным для определения места предметной области в изучаемой лингвокультуре. Значимыми в этом отношении являются и лингвистические особенности, характеризующие соответствующий тематический отрезок текста.

Выделенные в текстах СДК предметные области различаются с точки зрения особенностей вербализации соответствующей тематики, своеобразием лингвистического развертывания темы, что также указывает на степень когнитивной актуальности и коммуникативной релевантности предметной области. Например, основные и периферийные тематические блоки различаются характером конкретизации хронотопа. В рамках основных тематических блоков время и место описываемых событий максимально конкретизированы, в периферийных — определяется весьма приблизительно, посредством таких операторов, как *всю жизнь, раньше, сейчас*. Для основных тематических блоков характерна также избыточность хронотопических показателей, выражающаяся повторением детерминантов со значением места и времени. Ср. примеры из тематического блока *частная жизнь*: ... *у меня брат помер/ в Москве/ в Москве брат помер/ и я ездила на эти/ на похороны/ на похороны// в Москву ездила// это было дело в семидесятом году//; ... теперь и сын-то/ погиб// двадцать семь лет сравнялось// двадцать седьмого июля/ вот// двадцать седьмого июля/ двадцать семь лет/ и двадцать седьмого числа в этом месяце и в этот день/ погиб//⁵.*

Тематический и пословный поиск в сочетании с данными о частотности словоформ позволяет выделить актуальные для диалект-

ной коммуникации концептуальные переменные, а конкордансы запрашиваемых словоформ предоставляют ценный материал для содержательного анализа соответствующих концептов и концептуальных оппозиций.

Анализ тематической фрагментации текстов СДК и поиск по ключевым словам данной предметной области позволил выделить, например, такие значимые для традиционной народной лингвокультуры оппозиции, как «город — деревня», «мирские (приверженцы официального православия) — старообрядцы», являющиеся частными реализациями общего и важнейшего для традиционного народного сознания концептуального противопоставления «свой — чужой»⁶. Ограничение поиска подкорпусом, соответствующим отдельному говору, дает также возможность установить полидиалектный vs. монодиалектный характер каждой из выделенных оппозиций. Так, например, материалы СДК свидетельствуют об общедиалектном распространении и общности содержания оппозиции «город — деревня» в разных диалектных системах, тогда как второе из названных противопоставлений («мирские — старообрядцы») территориально ограничено (активно реализовано только в подкорпусе «Белогорное»). Полученные на основе поисковых запросов конкордансы служат надежной эмпирической базой для выделения концептуальных признаков, образующих содержание актуальных оппозиций. Приведем далее некоторые результаты, полученные в ходе анализа конкордансов, репрезентирующих в СДК содержание названных выше концептуальных оппозиций.

Поляризация своего и чужого через оппозицию «город — деревня» реализована средствами различных семиотических систем — носителей этнокультурной информации, в частности в народно-поэтическом творчестве⁷. Широко и многообразно вербализовано противопоставление города и деревни в текстах СДК, что свидетельствует об актуальности данной оппозиции в сознании современных сельских жителей. Актуализованная в диалектной речи противопоставленность города и деревни, как показывает анализ полученных из корпуса конкордансов, охватывает различные сферы бытия: физическую организацию городского и деревенского локусов, социально-экономические особенности городской и деревенской жизни, характерные для городских и деревенских жителей поведенческие и ментальные стереотипы, привычки, специфические черты речевой коммуникации.

Физическое пространство города и деревни структурировано в сознании носителей традиционной сельской культуры оппозитивно-

ми признаками большой/маленький, артефакты/натурфакты, загрязненность/чистота окружающей среды. Ср.:

вот этот Кизляр строился на этом... // ну море-то/ вот и тряпина/ грязь/ как озеро// и вот всё засыпали и ставили вот этот город// ну там только в центре вот такие...// ну сейчас правда/ мы уже/ я давно уж была// может быть/ большие дома поставили// а то раньше там как в деревне было;
вот как дорога у нас/ у нас нету <...> а в городах видишь у них/ канавки/ куветы это называются;
нет!!// как заехали в Вольск/ вонница/ всё этими машинами// не-ет/ мы лучше дома// воздух...// как только приехали/ тут воздух совсем другой// ну-у это невозможно дышать!!// <...> один чад стоит/ машины-то все выделяют// ба-атюшки!

Социально-экономическая противопоставленность города и деревни связана в сознании сельских жителей старшего поколения с такими сферами социально-экономической жизни, как работа, учеба, здравоохранение, торговля, финансы, криминогенная обстановка. В диалектных текстах объективированы следующие различительные признаки города и деревни: наличие/отсутствие работы, возможность/невозможность получить образование, профессиональную подготовку, возможность/невозможность получить медицинскую помощь, выгодность/невыгодность торговли, более дорогая/ менее дорогая в финансовом отношении жизнь, криминализация/ее отсутствие, многолюдность/немноголюдность, следствием чего является замкнутость/открытость частной жизни. Ср.:

а я/ говорит [сын]/ уехал бы вот/ и учиться бы дальше пошёл/ ай бы в городе работал/ сварщиков ты думаешь в городе тоже не надо?// а в колхозе работать/ за буханку хлеба работал/ а щас и буханку хлеба не дают дочка// нету// нету всё;
...не было врачей вообще в селе// все умирали/ кто серьезно заболел/ то... считай... решена его судьба;
а отец-упокойник ездил в Тамбов увозил это/ ну там берет хлеба/ а потом ездит в Аткарское перепродывает по дорожке/ опять эти деньги/ опять с этими деньгами/ вот;
разошлась/ в Вольском жила три года/ ну её...// тут я буду тридцать копеек баночку молочка пол-литровую/ вот

пол-литровые маленькие баночки/ буду покупать/ ... она мне нужна// я иду в деревню/ в деревню;

вы не больно-то в городе золотые носите, а то еще уши оторвут// ...глянь-ка что сейчас делают!!// Да// — Срывают тут? — Не-ет// Тут у нас нет;

[о временном проживании у дочери в городе] да иди ты мама в магазин-то// а чё в магазине-то/ всё привезённое// чё я пойду в магазин-то// меня в бока толкают там// правда толкают;

вот если едешь [по селу]/ сразу все определяют// в селе-то/ в городе — всё// а в селе-то знают.

Отчетливо осознаются и охотно обсуждаются сельскими жителями особенности поведения и привычек городских людей. По представлениям жителей села городских людей отличает безделье, нежелание трудиться, отсутствие необходимых для жизни хозяйственных навыков, непонимание специфики и тяжести сельского труда, странные, не одобряемые деревенскими жителями привычки и вкусы. Дети в городской семье, по мнению сельских жителей, растут избалованными, неприспособленными к жизни и труду. Ср.:

...а они в городе так/ я вот была у сына/ вот то и дело валяются// а что делать больше/ правда?// телевизор глядят лёжа// ох девчонки;

— А все деревенские аль городские которые? — Я из деревни. ... — Кто? ты?/ а эти городские?/ ну/ это/ городских не надо/ они и делать ничего не умеют;

стою в Саратове// ... гляжу/ приходит женицина с собакой// в комнате нет собак// в деревне нету/ у нас на дворе она привязана// выходит женицина с собакой// мне не понравилось/ хвоста нет/ там как-то что-то... // ... а я думаю/ вот дура-то/ с собакой ходит по улице я думаю// она подходит/ поздоровалась и говорит/ ... вы теперь чай глядите и думаете/ вот дура-то/ с собакой-то ходит по улице-ти// ... вы из деревни что ли?// а я говорю/ да// ... я только думала/ у нас с собаками эдак не ходят// у нас она привязана на дворе// да я знаю// я тоже из деревни// вот дом продала/ дочка у меня тут/ вот// а у неё собака вон// ... а у нас/ говорю/ нет в избе собаки/ у нас нет;

и вот они сели обедать// и вот я сравнивала чего/ этот деревенский, племянник-то/ а энтот городской// И чего?!// эн-

тот [городской] когда-а чё/ полотенце ему дай/ да всё/ а эн-тот [деревенский] раз раз раз и поел// я ему что?/ вот в армии дождешься// там пирожков материнных не будет// пошли окучивать там с ними// этот значит племянник [деревенский] раз раз раз мотыгой-то/ а наш [городской] стоит/ вот этой мотыгой подгружаем// Дим! [обращение к городскому племяннику] ну надо чай/ надо маненько шевелить что ль руками!!// бабуль/ ... я траву там сишбаю// ну а что бабуль/ силы тра-тить бес толку!!// ... ну я что/ он вот [деревенский племянник] в семье/ и он уже раз раз раз скоре/ потому что уже прошёл всё/ а этот [городской] что/ их двое/ это не хочу/ другое не хочу// и вот он/ знает/ наш [городской]/ он горячее ничего не ест// ... и всё только жареное/ всё.

Заметным отличительным признаком городских жителей является, по мнению сельчан, их речь. Ср.: ну/ у нас речь-то так/ тут она/ не такая как в городе// ... там как-то сразу речь по-другому//... вот/ переедешь из деревни в город/ всё/ там по-другому говорят.

Среди специфических черт деревенской жизни выделяются противоположно оцениваемые признаки. Это, с одной стороны, тяжесть жизни (вот кто и спросит/ как это вы тут терпите?// а куды же деваться/ дочка так и терпим; а хорошего тут правильно не дождемся ничего), постоянные заботы, не позволяющие думать о полноценном отдыхе (как же поеду на курорт-те/ в санаторий-то!!// да все мы не были ни разу на курортах/ в санаториях/ и не думал; приехал сюда/ ... работал// и так жизнь деревенская/ она кольцом пошла// и вот дожил я до пенсии), с другой стороны — привольный, здоровый образ жизни (живи и радуйся// вот вышел/ в огороде// тут тебе и огород// тут тебе ага/ захотел там поработал/ не захотел/ зашел/ вот/ пожалуйста/ ешь/ отдыхай/ так что тут жить только да это...; гляди-ко огородик какой хорошей/ и морковь/ и лук/ и чеснок/ ... тут и картовочка уже цветёт/ и там гороху для ребят/ и всё есте; ...тут [в деревне] воздух совсем другой), особый уклад жизни, при котором сохраняются древние обычаи и обряды, что, несомненно, представляет интерес для городских жителей ([из рассказа о порче] это еще знаешь ведь/ сто лет тому назад/ это уже// ...ну/ сейчас все меньше/ да/ а/ это/ в селах ж то есть// есть/ сколько хочешь// сколько хочешь; чай везде интересно в деревнях-то).

В диалектных текстах вербализовано представление об экономической значимости деревни, без которой не может существовать

город и государство. Ср.: *а в Саратов-то поехала/ Саратов-то я покормила всем// и яйца-ти/ и маслом-то/ и мясом-то; деревенские/ ... они все с сумками ездют// на беру вон бутылок молока и везу детям [живущим в городе]/ тому другому дашь/ третьему; хлеб какой завозят сюда [в колхоз]/ ...и то его... в государство скорей отвезут).*

Осознание значимости своего труда совмещается у сельских жителей с низкой культурной и интеллектуальной самооценкой. Ср.: *мы и говорить-то не умеем/ чё нам скажут/ то мы...; — А кто это у вас на фотографиях таких красиво оформленных? — Да уж красиво!!! по-деревенски все!; у нас менталитет у народа очень очень низкий// ...особенно по селу/ так это/ ну/ такое мышление и суждение на уровне еще аж наверно крепостного права. Городские, по оценке жителей села, обладают более высоким уровнем знаний и культуры. Ср.: [о внучке] она городская/ всё знает; [о внуке] с армии приходчи уже/ третий годик// не женивши/ не пьёт/ не курит/ парень-город// ... свой/ а город-парень.*

Различно оценивается пожилыми жителями деревни возможность адаптации городских и сельских людей к иной социокультурной среде. Если городские, по мнению деревенских, вполне могут привыкнуть к сельской жизни (*но вы привыкли в городах// а если в деревню приедете?/ если жених попадетя/ деревенский// нет/ нечего!!! приучитесь*), то в отношении городской «переориентации» сельских вопрос решается однозначно отрицательно (*да я уж тут привыкла-то/ чего там// я уж не умею в городе жить/ не умею я; непривычка в городе; а я не хочу туда поехать [на зиму к дочери в Киев]// боюсь я туда; мы лучше дома [в деревне]*).

Выявленный на материале диалектных текстов набор признаков, образующих когнитивную оппозицию «город» — «деревня», представляет актуальное для диалектоносителей старшего возраста содержание данной оппозиции, которое может не совпадать или не полностью совпадать с содержанием проанализированной оппозиции при ее объективации средствами других знаковых систем-репрезентантов традиционной народной культуры.

Данные подкорпуса «Белогорное» в составе СДК свидетельствуют, что важнейшая для традиционного народного сознания оппозиция «свой» — «чужой» получает в с. Белогорное также и религиозное содержание. Это обусловлено спецификой сложившейся в селе социокультурной ситуации. Население с. Белогорное (бывш. Самодуровка) формировалось начиная с середины XVII в. из староверов, скрывшихся там от преследований приверженцев никониан-

ской реформы, и из другого беглого люда, по разным причинам прибывавшего в Поволжье в поисках лучшей доли. В результате жителями Самодуровки стали люди, придерживающиеся различных толков православия — старообрядцы и последователи официальной церкви («церковные»). Эти религиозные общины до сих пор существуют в с. Белогорное.

Иноверие и носители другой религиозной традиции оцениваются жителями села, как правило, в рамках категории чуждости, в качестве явления аномального, выходящего за границы нормы. Своя вера и единоверцы получают положительную оценку. Религиозные представления, соответствующие категории «свой», рассматриваются как проявления нормы.

Дифференциация жителей с. Белогорное по конфессиональному признаку выражается в использовании представителями обеих религиозных общин специальных номинаций для иноверцев. Приверженцы официального («церковного») православия, именующие себя «мирскими», старообрядцев называют «кулугурами», вкладывая в это наименование отрицательную коннотацию. Члены старообрядческой общины используют в отношении представителей официального православия также негативно окрашенные номинации «церковные», «церковники», «еретики», образующие в речи староверов синонимический ряд.

Каждой из конфессиональных групп иноверцы оцениваются обычно отрицательно, характеризуются как люди неправедные, неразумные, греховные, недостойного поведения, не постигшие истинной веры и потому нарушающие божественные заповеди. Своя вера признается единственно верной, и переход в другую конфессию расценивается как грех, за который придется отвечать перед богом. Ср. высказывания старообрядцев о «церковных» (а) и высказывания «церковных» о старообрядцах (б):

(а) *церковна вера это не вера; [о совершаемом в церкви обряде крещения] и он [поп] к примеру крестить/ побрызжет их/ да ложки посуёт маленькие/ всё// а ложку-ту он суёт ведь/ каждому/ одно и то же// и вот те пожалуйста и зараза; у них [у «церковных»] крещение какое? еретическо// а у нас христианско <...> а он? [поп в церкви] миропомазание.../ то брызжет/ то ложки каке-то суёт// разве это закон? разве это божье писание? там этого совсем и нет// <...> если только вы приняли крещение/ святое/ оно святое называется/*

то вы после этого крещения называетесь христиানে/ а оне после своо этого причастия/ <...> называются еретиками// а с еретиком/ <...> не пить/ и не есть/ и не вкупе богу молиться/ <...> и ласково слово глаголить нельзя; [попы в церкви] Евангелие с пятое на десятое читают/ семнадцать акафистов то же самое/ кто стих/ споёт/ кто и нет/ и отпевает один/ или двое/ трое/ и всё// а у нас как положено; [об односельчанке, перешедшей в «церковную» веру] бог с ней/ она во грехе/ она и в ответе.

(б) монашки [староверы-безбрачники]? оне.../ к нам никуды не принадлежат/ у них другой язык// они по-русски не разговаривают// <...> они ходят кресты не носят/ они не понимают/ <...> что за бог/ вот// вот вчера эт тут девчонка-то у них/ дочь <...> старые бессовестные! меня/ кричала-орала; они [староверы-безбрачники] вообще/ биссурмане/ ну/ биссурманы/ ну// это самое последнее/ монашки/ <...> их/ вон оне умрут/ их на меже хоронят/ как татар вон// <...> они вот не понимают/ что праздники/ что ага/ <...> первый Спас/ второй Спас/ вот двадцать восьмого Успенье <...> они вообще не понимают/ что Троица придёт/ что Рождество придёт/ им власть безвластна; вот мы православные/ мы всё дозволяем// мы дадим и пить/ и покормим/ и чего кто попросит всё даем// а у кулугур/ у них Z⁸ особо / чашку они воды не дадут Z; вот/ мы/ молимся/ слава тебе господи/ тебе/ а у них тэбэ// тэ-бэ// <...> у нас эти вот читать по-божественному/ у нас по-русски есть// всё там по-русски эти книжки// а у них/ там как немецкие/ эти/ буквы/ в книжке/ в книжках// <...> у нас у мирских вот/ вот как/ складно/ а у них <...> ...аж стук этот/ по мослам; они кологур/ они-то не идут в церковь// они вообще пренебрегают// <...> господь не воскресит их/ кто тела Христова не принимает/ вот когда причащается <...> а у них этого нету// у них... начало они кладут// да ну/ бог над ними.

Как видно из приведенных примеров, в высказываниях об иноверцах обычны отрицательные и сопоставительные конструкции с лексическим противопоставлением «у них» — «у нас», «мы» — «они», риторические вопросы, эмоционально выражающие отрицание. «Своё» описывается такими положительно окрашенными лексическими единицами, как *христианский, христиানে, православ-*

ные, святой, как положено, складно; «чужое» характеризуется посредством лексики с явно выраженной отрицательной оценочностью (зараза, еретический, еретики, во грехе, биссурмане, кричала-орала, аж стук по мослам), вплоть до использования бранных слов.

Оценивая иноверцев с использованием средств категории чуждости, сельские жители отмечают вместе с тем сглаживание остроты конфессиональных различий, имевших большее значение в прошлом:

— Они же [старообрядцы], говорят, более замкнуто живут? — Это раньше было// <...> а сейчас все смешались/ господи// самые-то/ самые вымирают// а потом которые.../ вот одна жила девяноста лет/ <...> // прошлый год умерла вот только// <...> и пили у ней/ что она пьет.../ а главная молеуцица была// не то что вот нальет в другу посуду// раньше это больно было/ да// я захватила еще это// да;

раньше... при старом времени как/ суды-то началось Самодуровка/ она ведь четыреста лет существует/ как эти/ климовцы прибежали сюды/ с этой верой-то/ <...> таким церковникам оне/ и проходим/ не давали [воды напиться]/ только уж/ если отдельно держали посуду/ вот как строго вели/ ну оно и по писанию так должно быть/ а сейчас/ <...> смешавшись языци/ и навлекоша все дела дьявольские;

а эти/ а кологур/ они/ ну/ много их с такеми/ с церковными сошлись// ну/ и которые в церковны крестят/ а которые... ну/ много у нас// ну/ бог над ними// чё ж сделаешь// вот так.

Несмотря на резко отрицательную оценку иноверия и иноверцев, ситуации, в которых конфессиональные различия оказывают влияние на взаимоотношения людей, оцениваются чаще как ненормальные, неестественные:

Раньше вот я/ например/ росла в девчонках/ дружила с кулугуром// мать его распинала// нас две сестры двоюродных там на нашей улице/ и она с кулугурином// а были святки/ ходили за пирогами к женихам-то/ к ухажерам// для нас уже не только что пирогов их матери/ рядом-то чтобы были/ больши не велели-то ходить-то// да не дай бог женятся/ уж о-о-о! Батюшки! Ну и вот так// в армию проводили/ так и расстались насовсем/ вот/ да// из-за веры/ вот/ из-за веры/ не надо вот православных.

Ср. также рассказ о том, как старообрядцы не разрешили женщине церковной веры попроситься с умершей соседкой-старообрядкой, с которой они долгие годы жили в мире, помогая друг другу:

и вот её не прощала/ не целовала ни в лоб/ никуда/ нельзя// да дайте я хоть что-ль чай в последний путь её/ ну я всю жизнь рядом с ней жила/ а она меня выручала/ я её и кормила и ухаживала за ней всё/ ни в какую не дали/ ни в какую/ нельзя и всё не положено// вот какие люди. Отметим, что этот эпизод рассказан информантом, дающим категорически отрицательную (вплоть до использования нецензурной лексики) оценку иноверцам (примеры см. выше).

Противоречивая оценка взаимоотношений между людьми различной конфессиональной принадлежности в рассказах самих представителей этих религиозных общин склоняет к предположению, что роль религиозных различий находится в значительной степени в области декларативного знания, в практическом же сознании (в осознании того, что есть в реальной жизни и пригодно для повседневности) преобладает представление о кооперации, единстве социума (показательно, что в селе нередки браки между представителями различных религиозных групп при высказываемых на эту тему запретах и предостережениях).

Таким образом, анализ текстового подкорпуса «Белогорное» свидетельствует о значимости для жителей села религиозного осмысления оппозиции «свой» — «чужой». Дифференциация «своего» и «чужого» по линии религиозных различий эмоционально репрезентирована в речи носителей сельской традиционной культуры, но значительно слабее реализуется в их поведении и межличностном общении, что позволяет сделать вывод об относительной самостоятельности культурной традиции и бытовой повседневности.

Лингвокультурологический диалектный корпус, моделирующий традиционную сельскую коммуникацию на диалекте, является принципиально новым источником изучения диалектной речи. Создание СДК (и других текстовых диалектологических корпусов) будет способствовать приобщению диалектологии к современной научной лингвистической парадигме. СДК предоставляет новые образовательные возможности, поскольку позволяет не ограничиваться в преподавании лингвистических дисциплин знаниями о структурно-языковых диалектных различиях, особенностях, отличающих рус-

ские говоры друг от друга, но помогает раскрывать специфику диалектной коммуникации в целом, изучать элементы народной традиционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., напр.: *Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Саратов, 1997; *Демешкина Т. А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000; *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007; *Камалова А. А., Савелова Л. А.* Лингвокультурологическое описание северной русской деревни. Архангельск, 2007; *Махрачева Т. В.* Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект). Тамбов, 2008.
- 2 О различных картинах мира, «версиях» этнокультурной информации, запечатленных в разных семиотических системах см.: *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007. С. 9.
- 3 См.: *Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я.* Социоллингвистическая типология. М., 2009. С. 51–52.
- 4 См., напр.: *Свешникова Н. В.* История села в народном слове (с. Белогорное Вольского р-на Саратовской области) // Культурологические и лингвистические аспекты коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8.
- 5 О специфике дискурсивного развертывания различной тематики подробнее см.: *Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю.* Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. Самара, 2006. Ч. 1.
- 6 Другие актуализованные в текстах СДК концептуальные сферы проанализированы в ряде работ разработчиков СДК. См., напр.: *Крючкова О. Ю.* Религиозно-мифологические представления современных носителей русской традиционной народной культуры // Образ России извне и изнутри. М.; Калуга, 2008; *Она же.* Христианское и языческое в русской народной традиционной культуре (на материале текстового корпуса говора с. Белогорное Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. Саратов, 2008. Т. 8. Вып. 2; *Каменская Ю. В.* Оппозиция «раньше — сейчас» в диалектной картине мира // Живое

слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Волгоград, 2008; *Она же*. Фрейм «семья» в диалектной картине мира // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 8 (15).

7 См., напр.: *Тубалова И. В., Эмер Ю. А.* Язык фольклора. Томск, 2005. С. 14.

8 Знаком Z обозначены нецензурные слова.

Kriuchkova O. Yu.

Dialect Corpus as a Source of Lingua-cultural Study
of Russian Popular Dialects

The article describes the principles of compiling a multimedia dialect corpus which includes both linguistic and cultural data. It also shows potential of lingua-cultural study of Russian dialects on the basis of dialect corpus.

Keywords: *dialect corpus, text corpus, lingua-cultural studies.*

Б. Н. Флоря
(Москва)

**Летописец Даниила Галицкого и «Моление»
Даниила Заточника как памятники
древнерусской общественной мысли XIII в.**

В статье рассматриваются памятники древнерусской общественной мысли XIII в., отражающие конфликт между княжеской властью и боярством. Автор пытается определить политические устремления обеих сторон на основании материала данных источников.

Ключевые слова: *Древняя Русь, княжеская власть, боярство.*

В научной литературе сделано достаточно много для определения характера повествования Ипатьевской летописи о событиях первой половины — середины XIII в. Текст этой летописи вплоть до 60-х гг. XIII в. представляет собой обширное повествование сначала о борьбе князя Даниила Романовича за возвращение ему владений отца, Романа Мстиславича, а затем — о его государственной деятельности, как правителя Юго-Западной Руси. Убедительно показано, что основная часть повествования — рассказ о событиях 1205–1250 гг. — представляет собой не сводку современных событиям погодных записей, а целостное произведение, где события описываются лицом, близким к князю Даниилу, с определенной временной перспективы¹.

В. Т. Пашуто справедливо обращал внимание на то, что Летописец Даниила Галицкого дошел до нас с продолжением, созданным во Владимире-Волынском на дворе его младшего брата Василька и племянника Владимира Васильковича. Исследователь убедительно показал, что при этом в текст Летописца был внесен ряд вставок, чтобы подчеркнуть роль Василька в происшедших событиях². В. Т. Пашуто правомерно поставил вопрос о том, что на Волыни текст мог подвергнуться достаточно серьезным сокращениям³, это вполне возможно, но выявить такие сокращения, их характер при отсутствии параллельных текстов очень трудно. Есть, однако, основание полагать, что возможные изменения не затронули главную направленность повествования, так как и во Владимире-Волынском были, конечно, заинтересованы в прославлении заслуг Романовичей в борьбе за возвращение наследия их отца и посрамлении их противников.

Летописец сразу ясно дает понять читателю, что у Романовичей были опасные противники не только за пределами Руси, но и в среде местного общества. Рассказ о событиях, происходивших после смерти Романовичей, совсем неслучайно начинался в Летописце словами: «великою мятежю воставшу в земле Руской»⁴. Для темы данной работы важно выяснить, сопровождался ли конфликт между представителями власти и обществом идейным противостоянием. Некоторые сопоставления источников, характеризующих правление Романа Мстиславича, позволяют констатировать сам факт существования идейного противостояния.

На страницах Летописца Даниила Галицкого Роман Мстиславич выступает как «самодержец всея Роуси», одержавший, подобно Мономаху, победы над «поганскими языками», мудрый, «ходящий по заповедемь Божиим»⁵.

Совсем иной образ Романа присутствует на страницах хроники его современника — польского хрониста Винцента Кадлубка. Характерно, что первые отзывы хрониста о Романи, поддерживавшем малопольскую знать в борьбе за краковский стол, были вполне благоприятными, но положение изменилось после утверждения Романа на галицком столе. На страницах хроники читаем о массовом бегстве бояр в соседние земли, о конфискации их имущества и жестоких казнях⁶. Вряд ли можно сомневаться, что такие сведения Кадлубек почерпнул как раз от бояр, бежавших в соседнюю с Галицкой землей Малую Польшу. Единственное касающееся этой темы свидетельство Летописца Даниила несколько расходится со сведениями Кадлубка. В Летописце фигурирует боярин Владислав «Кормилнич» — вероятно, сын «кормильца» — «дядьки» — последнего галицкого князя Владимира Ярославича, которого «загнал великий князь Роман, неверы ради»⁷. Таким образом, Роман не только казнил, но и изгонял бояр. Обращает на себя внимание, что в тексте Кадлубка правление Романа названо «самой жестокой тиранией». О самом Романи сказано, что он «стал более жестоким врагом для жителей, чем для неприятелей». В то время, когда Кадлубек писал эти слова, он в последней, IV книге своей хроники обосновывал право знати низлагать и изгонять правителя, нарушающего нормы права, и вообще распоряжаться княжеским столом⁸. Взгляды эти успешно усваивались малопольской знатью, действовавшей в этом духе.

Есть основание полагать, что и такие взгляды, и такая практика воздействовали на сознание бояр-эмигрантов. Характерно,

что по свидетельству Летописца Даниила Галицкого именно после того, когда в Галич «приведоша Кормилничича», галицкие бояре начали распоряжаться галицким столом, предложив его племянникам Владимира Ярославича, детям его сестры — Игоревичам⁹. Последующие годы принесли свидетельства о целом ряде попыток такого рода, когда галицкие бояре предлагали княжеский стол самым разным правителям.

Разумеется, Летописец Даниила Галицкого не является таким источником, который может дать представление о взглядах галицких бояр — противников Романовичей. Однако в нем отмечены два совершенно необычных события, закономерно привлечших к себе внимание исследователей.

Первое событие связано с поражением Игоревичей в борьбе с противниками (войсками из Венгрии и Малой Польши и войсками русских князей Волыни). Три сына Игоря Святославича попали в плен. Венгерские полководцы хотели доставить их к королю, но галичане, поднеся венграм «великие дары», добились того, чтобы князей отдали в их руки, «да быша их повесили мести ради»¹⁰. Акт мести был, очевидно, ответом за избиение Игоревичами незадолго до этого многих «великих бояр» галицких¹¹.

Исследователи справедливо отмечают полную необычность такого события для древнерусской политической практики¹². Однако это было необычно и для политической практики в соседних землях. Правда, в Польше XIII в. известны убийства князя Лешко Белого и короля Пшемисла II, а в Венгрии — королевы Гертруды, но все эти убийства были результатом заговора, а здесь есть основание говорить о публичной казни правителей их подданными, казни, которая сопровождалась побоями¹³.

Как представляется, сам этот факт говорит о существенных изменениях социальной психологии правящей элиты Галицкого княжества. Очевидно, что в ее глазах члены княжеского рода перестали пользоваться тем особым уважением, которое традиционно окружало их в сознании древнерусского общества. В повествовании Летописца за более поздние годы неоднократно встречаются обвинения галицких бояр в том, что они хотели убить князя Даниила¹⁴. Реакция на происшедшее оказалась особенно сильной в Черниговской земле, так как Игоревичи принадлежали к правившей здесь ветви княжеского рода. Новгородский летописец записал слова главы рода Ольговичей Всеволода Чермного, что совершившие казнь «положиле укор на всех»¹⁵. Стоит, однако, отметить, что ни в Летописце Даниила, ни

во владимирском летописце действиям бояр не было дано никакой оценки¹⁶.

Важной частью общественного сознания в Древней Руси было представление об исключительном праве на власть членов княжеского рода, о Русской земле как коллективном владении Рюриковичей. Представление это отразилось, в частности, в словах митрополита Никифора, адресованных русским князьям, когда венгры в конце 80-х гг. XII в. захватили Галицкую землю: «Се иноплемьеници отъяли вотчинуо вашу, а лепо вы бы потрудитися»¹⁷. Аналогичное представление о монопольном праве членов княжеского рода на власть в стране нетрудно обнаружить и в уже упоминавшемся труде Кадлубка и в других польских, чешских и венгерских хрониках.

Свидетельства Летописца Даниила содержат сведения о неоднократных попытках галицких бояр возвести на княжеский стол венгерского «королевича»¹⁸, который, конечно, к роду Рюриковичей не принадлежал. Очевидно, для галицких бояр такие представления явно утратили свою действенность.

Об этом особенно ясно говорит другое необычное событие, связанное с деятельностью галицких бояр, — возведение на княжеский стол в Галиче одного из их предводителей, боярина Владислава Кормилчича. Как отмечено в Летописце Даниила, Владислав воспользовался мятежом в Венгрии, сопровождавшимся убийством королевы Гертруды, осенью 1213 г. прибыл в Галич, «вокняжися и седе на столе»¹⁹. Однако дело было не только в благоприятных обстоятельствах. Упоминается, что Владислав имел у себя венгерское и чешское (очевидно, наемное) войско, но, когда это войско было разбито в сражении с польской армией и войсками волынских князей, союзники все же не смогли занять Галича²⁰, а это говорит о наличии у Владислава серьезной поддержки в Галицкой земле²¹. Очевидно, бояре не видели в вокняжении одного из своих предводителей ничего необычного.

Стоит отметить, что если сообщение о казни Игоревичей отмечено в Летописце Даниила краткой протокольной записью, то о конце карьеры Владислава летописец нашел нужным сказать особо. Он не ограничился сообщением о том, что Владислав был арестован «и в том заточеньи умре», но нашел нужным добавить, что боярин «нашед зло племени своему и детемь своим княжения дяля, вси бо князи не призряхоу детии его того ради»²². Эти слова содержат и предостережение тому, кто хотел бы последовать примеру боярина, и

ясное указание, что в этом случае выскочка встретит солидарное сопротивление всех правителей, обладающих наследственным правом на власть.

Эти свидетельства позволяют наглядно судить об остроте конфликта между княжеской властью и боярством, наложившего, как видим, сильный отпечаток на эволюцию общественного сознания социальных верхов Галицкой земли. Подосновой конфликта в Юго-Западной Руси, как и у ее западных соседей, послужило стремление бояр, превращавшихся в феодалов-землевладельцев, разрушить характерную для раннего Средневековья модель организации общества, что не соответствовало интересам княжеской власти. Поскольку развернувшаяся борьба носила, как было показано выше, отчасти и характер идейного противостояния, то логично было бы искать в Летописце Даниила Галицкого отражение идейной полемики со взглядами враждебного боярства. Однако следов такой полемики в тексте памятника не обнаруживается. По-видимому, дело состоит в том, что основной текст памятника писался тогда, когда окончательно определилась победа Даниила Романовича над противниками. Не было уже необходимости полемизировать с ними, достаточно было их заклеить.

Как уже неоднократно отмечалось, на протяжении многих лет главным противником князя Даниила было галицкое боярство, не желавшее допустить его на галицкий стол. Какими же чертами наделено это боярство на страницах Летописца? Помещенные здесь характеристики во многом напоминают характеристики новгородцев в древнерусском княжеском летописании второй половины XII в.

Одна из главных черт этих бояр — «неверьство»²³, неспособность и нежелание соблюдать данные клятвы и соглашения. С этим качеством связано и другое — «лесть»²⁴, сознательный обман, используемый для достижения поставленных целей. Эпитетом «льстец» часто определяются предводители враждебного Даниилу галицкого боярства²⁵. «Лесть» находит свое выражение прежде всего в обещаниях верности князю, которые бояре постоянно нарушают. Однако это понятие включает в себя и клевету, которая вызывает особое негодование летописца. Изгнание боярина Жирослава, клеветавшего боярам на князя Мстислава, он сравнивает с изгнанием Богом Каина «от лица своего». В летописи выражается уверенность, что человеку, клеветавшему «на господина своего... не боудеть емоу пристанька во всих землях... да боудеть двор его пуст и в селе его не боудеть живоущаго»²⁶. Относительно «лести» летописец даже на-

шел нужным внести в свой текст изречение из «Омира», оканчивавшееся словами: «Кто в ней ходить, конец зол примет»²⁷. Внимание к этой теме, возможно, следует рассматривать как отголосок идейного противоборства предшествующего времени, когда боярство, по видимому, выдвигало разные обвинения против княжеской власти, которые теперь квалифицировались как клевета.

Вместе с тем не менее часто галицкие бояре квалифицируются как «безбожные»²⁸, такой же эпитет может прилагаться к их предводителям²⁹. «Безбожные» они потому, что выступают против установленного Богом традиционного порядка. Такой смысл, как представляется, имеют слова: «Крамоле же бывши во безбожных боярех галичкых»³⁰. Однако дело не только в этом, эпитет этот, как представляется, неслучайно появляется именно в текстах, рассказывающих о попытках бояр убить князя Даниила. Так, «безбожным» назван боярин Филипп, пригласивший с этой целью князя в Вишню³¹. В этих же рассказах присутствует сравнение умышлявших на жизнь князя Молибоговичей со Святополком Окаянным³².

Наконец, в разделах повествования, посвященных событиям 40-х гг. XIII в., подвергаются острой критике действия бояр, когда они пытаются управлять землей в отсутствие князя и вопреки его намерениям. Результаты хозяйничания бояр летописец суммировал фразой: «...и бе мятежь велик в земле и грабежь от них»³³. Об ограблении «земли» боярами говорится и дальше, в записи о том, как князь послал печатника Кирилла «исписати грабительства нечестивых бояр». Это не требует пояснений, но в них нуждается употребленное в связи с характеристикой действий бояр слово «мятеж». Очевидно, таким словом обозначается создавшееся в результате действий бояр положение дел: состояние анархии, конфликтов и столкновений. Неслучайно летописец указывает, что посланный князем печатник Кирилл «оутиши землю». В этой связи заслуживает внимания пролог летописца к одному из периодов биографии князя Даниила: «...скажемь многии мятеж, великие льсти, бещисленныя рати»³⁴. «Великие льсти» бояр вели к ратям и погружению земли в состояние «мятежа».

Таким образом создается отрицательный образ галицких бояр, как деструктивной силы, нарушающей нормы и основы традиционного порядка в обществе. Для взглядов летописца характерно, что в такой роли выступают на его страницах «бояре» и в других странах. Так, в летописце читаем, что «невернии же бояре хотеша... убити» венгерского короля, убили его жену и многих приближен-

ных³⁵. В Польше «великий князь лядьский» Лешко Белый был убит «светом бояр неверных»³⁶. Австрийский герцог Фридрих «оубьен бысть от своих бояр во брани», и после этого «мятежу же бывшу между силными людьми о честь и о волость герцуюкову»³⁷. Стоит отметить, что если жена короля Эндре II была действительно убита в результате заговора венгерской знати, то в Польше никто не обвинял «бояр» в убийстве Лешко Белого, убитого воинами враждебных ему князей.

Следует, однако, отметить, что это не единственный образ «бояр» на страницах Летописца. Наряду с ними на страницах Летописца выступают другие бояре, тесно связанные с княжеской властью, которые наделяются иными характеристиками.

Прежде всего летописец следует за этими боярами, постоянно отмечая их участие в событиях с самого момента, когда у Романовичей появились собственные владенья. Уже здесь с ними находились такие их сподвижники, как «великии Вячеслав Толстыи, Мирослав, Демьян»³⁸. Когда принадлежавший Романовичам Белз был у них отобран, «бояре не изневеришася, но идоша вси с князем Василком в Каменец»³⁹. Это свидетельство ясно показывает связь этой группы бояр именно с князем, княжеской семьей, а не с «землей». Далее отмечается, что, когда в Каменец приехал Даниил, «бояре вси сретоша и с великою радостью». В этой связи летописец нашел нужным пояснить, что «бяхоу бояре велиции отца его вси у него»⁴⁰. Летописец ясно дает тем самым понять, что знать, окружавшая Романа Мстиславича, предпочла верность и службу княжеской семье сохранению своего положения в Галицкой земле или в главном центре Волыни — Владимире. Характерно, что в текстах Летописца мы не находим похвал этим боярам за их верность. Очевидно, для летописца именно такой тип отношений между князем и боярами был нормой, чем-то самим собой разумеющимся, в отличие от действий галицких бояр, эти привычные нормы разрушавших.

Летописец следит за отдельными людьми из этого сообщества подчиненных князю воинов, отмечая, кто отличился в походе, кто был ранен, а кто погиб и при каких обстоятельствах. В одном случае даже отмечено, что крест на могиле убитого «и доньне стоит»⁴¹. Но летописец отмечает и проступки людей, не выполнивших свой долг⁴². Такими сообщениями об участии в военных походах, а иногда в походах против изменников — «бояр», по существу, и ограничивается круг сообщений летописца об отношениях князя с той частью бояр, которые являлись опорой его власти.

В центре повествования Летописца находится главный герой, князь Даниил Романович, к которому в отдельные моменты присоединяется его брат Василько. Даниил Галицкий выступает в повествовании как преемник своего отца, Романа Мстиславича, который, как утверждает летописец, «бе царь в Руской земли»⁴³. В прологе к повествованию и в отдельных вставках в тексте в образе Романа подчеркиваются черты грозного воителя, «им же Половци дети страшахоу»⁴⁴. Черты бесстрашного воина подчеркиваются в характеристиках Даниила, рассеянных по страницам Летописца. Так, в рассказе о битве на Калке говорится, что «младства ради и буести» он даже не заметил нанесенных ему ран, «бе бо дерз и храбор от головоу и до ногу, не бе в немь порока»⁴⁵. Те же качества летописец отмечает и у членов княжеской семьи. Так, Василько «оумом велик и дерзостью, иже иногда многажды побержаше поганые»⁴⁶. Позднее такие качества проявил и сын Даниила Лев, и князь «в радости бывше велице о мужестве и дерзости сына своего»⁴⁷. В заслугу князю летописец ставит и то, что он участвовал в походах, несмотря на болезнь⁴⁸. Хвалит летописец князя и как полководца, который в трудном положении может поднять дух войска и побудить его к действиям⁴⁹. Похвалы военному искусству Даниила летописец вкладывает в уста его союзников⁵⁰. В этот же сюжетный ряд можно поместить сообщение летописца об охоте князя на «вепрей», «сам же оуби их рогатиною»⁵¹. С энтузиазмом летописец описывает воинский убор своего героя, вызвавший восхищение венгерского короля⁵². Таким образом, летописец в облике героя последовательно акцентирует уже традиционные для изображения правителя черты военного вождя, главы войска.

Вместе с тем можно отметить и одно важное отличие. В военные походы главный герой повествования отправляется «славы хотя» и возвращается после победы «с честью и славою»⁵³. Материальная сторона успеха, взятие добычи и пленных, остается в тени, об этом не говорится. По-видимому, здесь сказывается влияние «рыцарской» культуры, уже получившей заметное распространение у западных соседей Руси⁵⁴. Наряду с такими во многом традиционными чертами летописец отмечает в образе своего героя черты гуманности, справедливого отношения к другим князьям и подданным. Когда Александр Всеволодович белзский оклеветал Даниила перед Мстиславом Удатным, то, согласно рассказу летописца, «все князи» предложили Даниилу «за сором» взять себе его «волюсть», «он же за братолюбие» этого не сделал⁵⁵. В другом месте рассказывается,

что, когда Даниил поехал на богомолье в Жидичин, бояре советовали воспользоваться этим, чтобы арестовать сидевшего в Луцке князя Ярослава, но князь отказался это сделать⁵⁶.

Неоднократно отмечается его «милость» по отношению к «боярам», совершившим даже тяжкие проступки. Так, по приказу Даниила было арестовано 28 членов рода Молибоговичей, пытавшихся устроить покушение на жизнь князя, однако они «смерти не прияша, и милость получиша»⁵⁷. В другом месте рассказывается, что после возвращения Галича под власть Даниила Романовича бояре просили князя о «милости» и она была им оказана⁵⁸. Как представляется, наделяя своего князя такими чертами, летописец хотел подчеркнуть его отличие от посягавших на галицкий стол жестоких Игоревичей. С другой стороны, на таком фоне поступки галицких бояр должны были выглядеть особенно непривлекательными.

Сама характеристика государственной деятельности Даниила в летописце исчерпывается сообщениями о его участии в дипломатических переговорах и военных походах. Лишь в явно вставленном рассказе о строительстве его столицы Холма говорится, что князь после татарского нашествия «нача призывати прихожаа немци и русь, и иноязычники и ляхы»⁵⁹, однако сообщение такого рода оказывается в Летописце едва ли не единственным.

Какова же роль церкви в той картине жизни Галицко-Волынской Руси, которую рисует летописец Даниила Романовича? Исследователи неоднократно отличали несистематичность, отрывочность сведений о церковной жизни как характерную черту этого источника. Эта особенность ярко обнаруживается при сопоставлении, например, с текстом Лаврентьевской летописи, где аккуратно отмечаются все перемещения на епископских кафедрах на протяжении первых десятилетий XIII в.

В событиях, происходивших в первые десятилетия XIII в., церковь, по рассказу Летописца Даниила, вообще никакой роли не играет. Она не выступает здесь ни как участник событий, ни как объект политики. Единственное духовное лицо, которое упоминается в летописном тексте, это книжник Тимофей, обличавший дурные деяния посаженного венгерским королем в Галиче палатина Бенедикта⁶⁰. Между тем именно в это время происходили события, живо затронувшие церковь и привлечшие к себе внимание не только на Руси. К 1214–1215 гг. относятся попытки венгерского короля заставить население Галицкого княжества подчиниться власти папы. Они нашли отражение в тексте владимирской летописи, в переписке короля

Эндре II с папой⁶¹ и в утраченной доминиканской хронике XIII в., использованной Яном Длугошем⁶². Летописец Даниила, писавшийся в годы сближения галицко-волинского князя с Римом, об этих событиях умалчивает.

Лишь при описании событий уже 30-х гг. XIII в. в повествовании появляются упоминания о епископах Галицкой земли, которые выступают как союзники враждебных Даниилу галицких бояр. О галицком епископе Артемии говорится, что он и предводитель галицких бояр дворский Григорий «слезными очима и ослабленным лицом и лижюща уста своа» вышли из Галича навстречу Даниилу, так как были не в состоянии воспрепятствовать его вокняжению⁶³. Под 1241 г. читаем, что епископ бежал из Галича вместе с другими «галичанами» — противниками Даниила⁶⁴. Под тем же годом говорится о «крамоле» перемышльского епископа, поддерживавшего противника Даниила — черниговского князя Ростислава Михайловича. Далее говорится, что посланный князем дворский Андрей «оудоси владыкоу и слоуги его разграби гордые», в чем летописец видит справедливое наказание⁶⁵. Эти сообщения говорят о том, что в Галицкой земле существовал, по-видимому, союз крупных светских и церковных землевладельцев, стремившийся к ослаблению княжеской власти, как это имело место в соседней Малой Польше в первой половине XIII в. Никакого почтения к этим иерархам летописец не испытывает.

От этих высказываний по тону резко отличается запись о событиях конца 20-х гг. XIII в. — «Кирил митрополит преблаженнии святыи приехал мира сотворити и не може»⁶⁶. В ней сочетается признание высокого престижа митрополичьей кафедры одновременно с констатацией тщетных усилий митрополита.

В начале 40-х гг. XIII в. Даниилу Романовичу удалось добиться важного успеха — он выдвинул своего кандидата Кирилла (вероятно, своего печатника) на опустевшую после татарского нашествия митрополичью кафедру⁶⁷. Однако о самом этом событии в Летописце Даниила Романовича не сказано ни слова. О митрополите и его отношениях с князем говорит краткое упоминание, что Даниил поехал к брату, «поима с собою Коурила митрополита»⁶⁸. Под 1246 г. содержится другое известие о митрополите, что он «послан» Даниилом и Васильком «на поставление митропольи русское», т. е. к патриарху в Никею. Но об этом событии говорится только в связи с тем, что он по просьбе венгерского короля выступил посредником при заключении мира, скрепленного браком, с Даниилом. Для заключения брака Даниил поехал к королю, «поемь сына своего Льва и митрополита»⁶⁹.

Удалось ли митрополиту доехать до Никеи и когда он вернулся, об этом летописец уже не нашел нужным сообщить. В его повествовании даже не отмечено, что митрополит Кирилл в 1250 г. обвинил владимирского князя Андрея Ярославича с дочерью Даниила⁷⁰.

В скупых заметках о митрополите Кирилле II он выступает как лицо совершенно несамостоятельное, следующее во всем распоряжениям князя. Вместе с тем очевидно, что такой шаг, как выдвижение своего кандидата на митрополичью кафедру, говорит, что политика по отношению к церкви занимала видное место в планах правителя, и в этом отношении Летописец не дает полного представления о политике и взглядах княжеской власти на роль церкви в обществе и желательном характере отношений с ней, отражая, по-видимому, воззрения княжеской власти лишь частично.

Целиком церковным делам посвящены два текста, которые явно разрывают последовательность повествования и представляют собой вставки, по содержанию они обе связаны между собой, но нет уверенности, что они принадлежат автору основной части повествования.

В первом из этих текстов содержится перечень епископов Владимира-Волинского «в лета... Данила и Василка Романовичь». Об одном из них отмечено, что «он бе слуга Василков преже»⁷¹. Ни один из этих епископов в основном повествовании не упоминается. Первым в их ряду назван Иоасаф «блаженный преподобный святитель». Далее о нем говорится, что он «скочи на стол митрофольч и за то съвержен бысть с стола своего». Как убедительно показал А. В. Поппе, такая попытка была предпринята в 20-х гг. XIII в. и, очевидно, тогда Иоасаф лишился владимирской кафедры⁷². Позднее, как говорится во втором из указанных текстов, Даниил, когда княжил во Владимире, «сзда град Угровеск и постави в немь пискоупа»⁷³ — Иоасафа. Позднее кафедра была перенесена в Холм, куда Даниилом «избран бысть и поставлен бысть Иван пискупь... от клироса великое церкви святой Богородици володимерския»⁷⁴. В годы правления епископа Ивана в Холме развернулось обширное строительство храмов, подробно описанное во втором из указанных текстов⁷⁵. Храмы строит и украшает князь, а епископ выступает как его «спешитель», который освящает эти постройки.

Свидетельства этих рассказов вполне согласуются со свидетельствами основной части повествования в том отношении, что рисуют связанных с князем церковных иерархов как людей несамостоятельных, действующих по указаниям князя. Князь «поставляет» еписко-

пов, учреждает кафедры и переносит с места на место. Очевидно, в сознании создателей рассмотренных текстов полностью сохранялась модель отношений княжеской власти и церкви, характерная для домонгольской Руси. Одной из важных проблем в изучении общественной жизни Галицко-Волынской Руси является выявление роли в социально-политической жизни и в общественном сознании иных общественных сил, чем противостоящие друг другу княжеская власть и боярство.

К представлению о существовании таких сил ведут уже наблюдения над ходом событий, развернувшихся в Галицкой земле в первом десятилетии XIII в. Как показывают приведенные выше примеры, бояре были могущественной силой в земле и в своих решительных действиях по отношению к князьям заходили, как замечает современный исследователь, более далеко, чем новгородские бояре⁷⁶. Однако если князья, которых изгоняли новгородцы, покорно покидали Новгород, то правившие в Галиче князья — сначала Роман Мстиславич, а затем Игоревичи — стремились укрепить свою власть путем расправ с враждебными боярами. Уже это обстоятельство позволяет постулировать существование в Галицкой земле таких общественных сил, на поддержку которых князья могли рассчитывать в борьбе с боярством.

В современной исторической литературе достаточно широко распространена точка зрения, что такой силой было городское население главных центров Галицкой земли, опираясь на которое Даниил Романович смог сломить сопротивление боярства⁷⁷. Исследователи подробно разобрали и ряд свидетельств источников, говорящих в пользу такого вывода (речь о них пойдет ниже). Для темы данного исследования важно установить, каково было отношение летописца к городскому населению, какова была, по его мнению, роль этого населения в событиях и политика княжеской власти по отношению к этому населению.

В повествовании о событиях первых лет после смерти Романа Мстиславича «бояре» выступают как главная сила «земли». Они организуют защиту страны от врага⁷⁸, они сажают на трон Игоревичей⁷⁹, бояре присутствуют как главные участники политической жизни при возведении Даниила на стол «в церкви святого Богородица»⁸⁰. Правда, наряду с ними летописец упоминает и «галичан», но эти «безбожные», «невернии» люди не отличаются в своих действиях от бояр⁸¹. Именно «галичане» дают подарки венграм, чтобы выкупить и повесить Игоревичей, а затем изгоняют мать Даниила⁸².

Изучение древнерусского летописания XII в. показало, что если в княжеском летописании неоднократно прямо говорится о враждебных боярах как организаторах выступлений городского населения, направленных против правителей, то в то же время в источниках, исходивших из боярской среды, бояре обычно скрывались за выступавшей солидарно городской общиной. С этой точки зрения важно сопоставить рассказ Летописца с сообщением о тех же событиях в Лаврентьевской летописи и во владимирском летописании Юрия Всеволодовича. Здесь при описании событий первого десятилетия XIII в. и начала второго последовательно фигурируют «галичане», которые распоряжаются княжеским столом и изгоняют и призывают князей, как в аналогичных известиях, относящихся к Новгороду⁸³. Очевидно, для внешних наблюдателей событий галицкая городская община выступала как единое целое⁸⁴. Можно отметить лишь одно известие, которое противоречит общей картине. Летописец Даниил сообщает, что «галичане», чтобы избавиться от венгерской власти, призывают князя Мстислава Пересопницкого, но один из предводителей галицкого боярства, Илья Щепанович, не пустил его в Галич⁸⁵. Но это единичное свидетельство, и стоит отметить, что летописец его никак не выделяет. И в последующие годы не встречаем известий, которые говорили бы о каких-либо разногласиях между «галичанам» и галицкими боярами.

Лишь с конца 20-х гг. в Летописце обнаруживаются известия иного содержания. Так, в Летописце сообщается, что «галичане» прислали к Даниилу, призывая его в город в то время, когда глава галицких бояр Судислав отправился походом в Понизье. Однако в дальнейшем Даниил смог занять город, только осадив его «в силе тяжьце»⁸⁶. Очевидно, сторонники Даниила в Галиче отнюдь не составляли большинства⁸⁷. Однако с этого момента летописец начинает подчеркивать присутствие сторонников Даниила среди населения Галича, возлагая ответственность за враждебные по отношению к князю действия на «бояр». Так, когда осенью 1230 г. Бела венгерским войском осадил Галич и после безуспешной осады стал отступать, то «гражане» напали на венгерские отряды при их переправе через Днестр⁸⁸, а когда в следующем году венгерское войско предприняло новый поход в Галицкую землю, то сдачу Ярослава венгерскому войску летописец объяснял тем, что воевода Давид Вышатич послушал уговоров близкой к Судиславу тещи⁸⁹, а возвращение Галича под венгерскую власть было передано короткой фразой — «все бояре Галичкееи предашася»⁹⁰. Представляется совсем

неслучайным помещением в Летописце рассказа о созыве Даниилом после обнаружившегося «неверьства» бояр в Галиче веча с просьбой о поддержке против врагов. На его обращение сотский Микула, как известно, ответил: «Господине, не погнетши пчел, меду не ясти»⁹¹. Исследователи давно обратили внимание на то, что, по свидетельству Кадлубка, именно такие слова говорил Роман Мстиславич, управляясь с враждебными ему боярами. Тем самым получалось, что представитель горожан — соцкий призывал князя к расправе с «неверными» боярами. Налицо — явное стремление летописца противопоставить в своем повествовании простых горожан Галича и бояр⁹². Впрочем, это противопоставление было проведено в тексте не вполне последовательно, так как далее здесь указывалось, что венгерский королевич пришел к власти в Галиче «светом неверных галичан»⁹³.

Противопоставление простых людей и бояр очевидно и в рассказе о событиях 1237 г., когда власть Даниила Романовича окончательно утвердилась в Галиче⁹⁴. Согласно рассказу, когда Даниил, придя к городу, обратился к «градским мужам», то они устремились к нему, как дети к отцу и как пчелы к матке, восклицая: «Се есть дрѣжатель нашъ, Богомъ даньный». Таким образом, утверждение о том, что Даниил — единственный законный правитель города, летописец вкладывает в уста простых галичан. Им противопоставляются епископ и дворский, которые пытались препятствовать горожанам, но, будучи не в состоянии сделать это, «реста же с нужею: Прийди, княже Данило! Прими град». И далее летописец говорит о боярах, которые каются, что согрешили и просят милости, «падше на ногу» Даниила.

Все эти наблюдения позволяют сделать вывод, что на каком-то этапе интересующего нас повествования появилось стремление отделить простых людей от бояр, возложив на последних всю ответственность за то, что в течение многих лет Романовичам не удавалось овладеть Галичем.

Вместе с тем следует отметить, что и в этом и в последующих текстах летописец не пытается изобразить княжескую власть как силу, пекущуюся об интересах горожан, защищающую их от произвола сильных, заботящуюся о их благополучии. В некрологе Даниила, помещенном в волинской части летописи, говорится, что он «созда города многи»⁹⁵, но в основной части повествования эта деятельность никак не отмечена, за исключением особого рассказа о строительстве Холма, который заполнен, однако, описанием поставленных в этом городе храмов.

Представляются заслуживающими серьезного внимания соображения А. В. Майорова⁹⁶, что вряд ли галицкое боярство могло бы столько лет удерживать под своей властью Галич, постоянно сталкиваясь с сопротивлением городской общины. Неоднократные сообщения самого летописца о неудачных походах Даниила на Галич, о неоднократных длительных и безуспешных осадах города заставляют действительно предполагать определенную тенденциозность его высказываний о поведении простых жителей Галича. Не исключено, что такая попытка интерпретации прошлого отражала стремление княжеской власти после ее утверждения в Галиче искать некий общий язык с населением этого города.

Заслугой А. В. Майорова, бесспорно, является и то, что в тексте Летописца Даниила Романовича он выявил свидетельства, позволяющие искать на территории Галицкой земли иные общественные силы, которые оказали поддержку этому правителю⁹⁷.

Важные сведения на этот счет содержит рассказ летописца о походе Даниила на Галич в 1230 г. Здесь отмечается, что при осаде города к князю пришел его тысяцкий Демьян «с всеми бояры галицкими», а затем князь собрал под стенами города «землю Галицкую» от реки Боброк «даже и до реки Ушицы и Прута»⁹⁸. Следует согласиться с А. В. Майоровым, что речь идет о расколе социальной элиты Галицкой земли, когда против бояр Галича выступают другие группировки боярства.

В 1233 г. во время нового похода на Галич Даниила «сретоша болшаа половина Галича Доброслав, и Глеб, иные бояре мнози». И на этот раз указано, что последовало после победы. Даниил «прия землю Галицкую и розда города боярам и воеводам и беаше корма у них много»⁹⁹. Сведения такого рода для изложения летописца нетипичны и уже поэтому заслуживают внимания, тем более что тема, связанная с кормом и с кормлениями, получила свое продолжение в рассказе о событиях, происходивших в Галицкой земле в отсутствие князя в первые годы после татарского нашествия.

Летописец обвинял бояр в том, что они «без княжа повеления» захватили в руки власть над целым рядом земель (Понизьем, «горной страной Перемышльской») и стали «грабить» (в другом варианте — «губить») землю, но конкретно в дальнейшем рассказе речь шла о том, что боярин Доброслав раздавал волости в кормление бежавшим от татар черниговским боярам, а не галицким, и отдал Коломью с ее соляными промыслами в кормление двум «беззаконникам от племени смердьа», в то время как эти доходы предназна-

чались «на роздавание оружником». Рассказ заканчивался сообщением, что князь приказал арестовать этих бояр, «видя безаконие их»¹⁰⁰. Очевидно, в той среде, к которой обращался летописец, именно указанные поступки воспринимались как тяжелое преступление, заслуживавшее сурового наказания. Очевидно вместе с тем, что эти действия затрагивали интересы связанных с князем бояр и «оружников».

В свете приведенных данных не вызывает сомнений, что в среде социальной элиты Галицкой земли произошел раскол, ее значительная часть в 30-х гг. XIII в. встала на сторону князя Даниила, что стало важным условием его победы.

Состояние источников позволяет высказать лишь некоторые предположения о характере этого конфликта. Исследователи давно отметили такую особенность поведения бояр, стоявших во главе центра земли — Галича, как их постоянное стремление посадить на княжеский стол одного из венгерских принцев. Это естественно связывалось со стремлением бояр приобрести для себя те права, которыми к этому времени располагала венгерская знать (как, впрочем, также и знать соседней Малой Польши). Вторая половина XII — первая половина XIII в. в странах Центральной Европы, соседивших с Галицкой землей, была временем распада характерной для раннего Средневековья модели организации государства и общества, когда дружинники раннего Средневековья превращались в сословие феодалов-землевладельцев. Исследователи имели основания предполагать, что в такой исторической ситуации галицкие бояре стремились к достижению тех же целей, что и венгерская и малопольская знать. В. Т. Пашуто полагал, что уже в первой трети XIII в. галицкие бояре добились своих целей, превратившись в крупных землевладельцев. В населенных пунктах, которые упоминались в связи с именами тех или иных бояр, он усматривал центры их земельных владений¹⁰¹. Центром таких владений был, например, по его мнению, находившийся неподалеку от Галича двор лидера галицких бояр Судислава, где захвативший его Даниил нашел «вино, и овоща, и корма, и копии, и стрел пристранно видети»¹⁰². Однако этот двор мог быть подгородной резиденцией боярина. Все же в нашем распоряжении имеются данные, которые позволяют говорить о наличии у галицких бояр уже довольно значительной земельной собственности. В пользу этого говорят наблюдения над судьбой галицкого города Плеснеска (Преснеска), лежавшего близ границы с Волынью. В киевской части Ипатьевской летописи го-

род упоминается под 1189 г. как место, где происходили военные действия между войсками Романа Мстиславича и венграми¹⁰³. Весной 1232 г. Даниил предпринял поход к этому городу, «взя ѥ под Арбузовичи и велик плен прия»¹⁰⁴. Название «Арбузовичи» исследователи уже давно связали с расположенным недалеко от Плеснеска селом Гарбузовым, владельцами которого они, по видимому, являлись. К 30-м гг. XIII в. их владением оказался и Плеснеск, довольно крупное укрепленное поселение с детинцем и посадом¹⁰⁵, очевидно, центр административного округа¹⁰⁶. Так как Арбузовичи, единственный раз упомянутые в летописце, явно не принадлежали к числу предводителей галицкого боярства, то надо полагать, что успехи последних могли быть более значительными, тем более что в своих действиях в первые десятилетия XIII в. они вряд ли сталкивались с серьезным противодействием со стороны княжеской власти.

Как представляется, именно форсированное формирование крупного боярского землевладения могло привести к возникновению конфликтных ситуаций в социальной среде верхов галицкого общества. Как известно, подобный конфликт имел место в Венгерском королевстве в первые десятилетия XIII в. Венгерские магнаты, используя административную власть, создавали свои крупные владения, ущемляя интересы широкого слоя дружинников, также старавшихся стать землевладельцами (так называемые *servientes regis*), и воинов, стоявших гарнизоном в градах (так называемые *iobagiones castri*). Вспыхнувший на этой почве конфликт нашел отражение в целом ряде статей такого памятника, как «Золотая булла» короля Эндре II 1222 г.

В булле устанавливалось, что каждый год король должен созывать собрания, в которых получают право участвовать все «*servientes*» (ст. 1). Устанавливалось, что король не допустит, чтобы «*servientes capiant vel destruunt favore alicuius potentis*» (ст. 2). «*Servientes*» освобождались от суда наместников-ишпанов, подчиняясь суду королевского судьи (ст. 5). Устанавливалось низложение наместника, который «*destruxerit populos castri sui*» (ст. 14). Запрещались пожалования «на вечность» целых округов или должностей (ст. 16). Устанавливалось также, что «*nullus potentum*» не должен защищать осужденного судом (ст. 28). Наконец, запрещалось всем, за исключением четырех высших сановников, занимать одновременно две должности (ст. 30). Особой статьей «*iobagiones castri*» гарантировались права, предоставленные св. Стефаном (ст. 19)¹⁰⁷.

По-видимому, подобный конфликт имел место и в Галицкой земле, и это побудило более широкие социальные круги боярства искать союза с княжеской властью против бояр, сидевших в Галиче и распорядившихся оттуда судьбами «земли». Разобранные выше свидетельства говорят и о том, что конфликт в Галицкой земле имел свои особенности. Недовольство здесь вызывало, по-видимому, прежде всего стремление галицких бояр распределять кормления, не считаясь с желаниями других групп боярства Галицкой земли.

Как представляется, именно эта среда, поддержавшая в решающий момент княжескую власть, была, наряду с постоянно поддерживавшим Даниила боярством Волыни, адресатом анализировавшегося в данном сообщении исторического повествования. Именно к этой среде в первую очередь был обращен созданный на страницах летописца идеальный образ правителя-воина.

Социальное возвышение боярства, образование крупного землевладения вызвало к жизни серьезные коллизии, конфликтные ситуации в обществе не только Галицкой, но и других древнерусских земель, которые нашли свой отзвук и в общественном сознании. Об этом говорят некоторые свидетельства, относящиеся к Ростово-Суздальской земле этого времени. Среди них особое место принадлежит читающемуся в Лаврентьевской летописи под 1212 г. некрологу Всеволода Большое Гнездо. В этом некрологе уже в начальной части подчеркивалась справедливость князя, который действует «злые казня, а добросмысленныя милуя», а в заключительной части уже прямо указывалось, что он вершил «суд истинен и нелицемерен, не обвиняя лица силных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сироты, и насилье творящих»¹⁰⁸. В этих высказываниях, совсем не типичных для княжеского некролога, налицо признание существования конфликта между «сильными боярами» и стоящими ниже их социальными слоями («меньшими», «сиротами») и подчеркнута роль власти как защитника этих людей от боярского произвола и угнетения.

Важные дополнения к этому свидетельству приносит такой памятник, как «Моление» Даниила Заточника. Памятник этот, как известно, представляет собой переработку неизвестным автором созданного во второй половине XII в. «Слова» Даниила Заточника. «Моление» было адресовано переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу — отцу Александра Невского, и сохранилось в ряде вариантов. Сопоставление «Моления» с его источником позволило исследователям выявить в нем ряд острых выпа-

дов по адресу бояр. Это побудило исследователей рассматривать «Моление» как «памятник ранней дворянской публицистики», предвестник характерной для более поздних этапов русской истории борьбы боярства и дворянства. Отсюда — попытки отнести возникновение памятника к возможно более позднему времени, например к XIV в.¹⁰⁹.

Представляется, однако, что памятнику вполне может быть отведено место в той эпохе, к которой он сам себя относит, когда имели место конфликтные ситуации, очерченные в некрологе Всеволода.

В «Молении» повторяется ряд мотивов, характерных для «Слова», — восхваление князя как источника благ и милостей, к которому все прибегают и который всех защищает «страхом грозы своей»; похвалы мудрости и мудрых людей, которых князю следует приближать к себе¹¹⁰. Но налицо, как уже отмечалось, и новые мотивы. Так, о самом себе автор «Моления» пишет, что он был «в велицей мнозе нужи и печали и под работным ярмом пострадах»¹¹¹. Очевидно, он принадлежал к числу тех «сирот», которых, по свидетельству некролога Всеволода, «роботили» сильные бояре. Как и в некрологе Всеволода, подчеркивается роль правителя в защите «меньших» людей от притеснений: «...сироты худые, от богатых потопляемы, аки к заступнику теплому, к тебе прибегают»¹¹². Важной чертой «Моления», как отмечали исследователи, было резкое противопоставление «службы» князю и «службы» боярину: «луче бы ми нога своя видети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе на боярстем дворе», лучше печеный воробей от князя, «нежели бораное плечо от государей злых»¹¹³. И далее читаются слова, раскрывающие смысл противопоставления: «...многажды бо обретаются работные хлебы, аки пелын во устех»¹¹⁴. Из этого ясно следует, что в сознании автора «Моления» служба у боярина связана с «работой» — несвободным состоянием, личной зависимостью от боярина. И такое понимание находит опору в других вариантах «Моления», где читается, что «луче ми вода пити на своей воли, неже мед в работе»¹¹⁵. В другом тексте раскрывается, почему невыгодна служба у боярина: «...сурову государю служити — свободы не добыти, чести и славы не получитьи»¹¹⁶. Упоминания о «чести и славе», которых можно добиться успешной службой, довольно ясно указывает на среду, в которой возникли и циркулировали тексты «Моления». Это была среда бывших дружинников, которым с формированием крупного боярского землевладения угрожала опасность

утраты традиционного статуса и открывалась перспектива службы на боярском дворе. Это предположение подтверждается прямым высказыванием, где противопоставление княжеской и боярской службы приобретает форму утверждения, что герой лучше бы у князя на дворе «за тскою торчал, нежели бы у боярина домом владел и с ключом ходил»¹¹⁷.

Свидетельства «Моления» в его разных вариантах показывают, как процесс формирования крупного боярского землевладения влиял на положение разных общественных слоев, под иным углом зрения, чем это показывают источники, относящиеся к Юго-Западной Руси. Вместе с тем те же свидетельства показывают, что довольно обширный слой бывших дружинников — кандидатов в военные слуги бояр и управляющих боярскими хозяйствами — отвергал такую перспективу, связанную с утратой личной свободы, отдавая предпочтение службе у князя.

В XIII в. в разных источниках, нарративных и документальных, появляются упоминания о «дворе» как организации людей на княжеской службе и о «дворянах» как членах этой организации¹¹⁸. Именно в рамках этой организации искали дружинники быстрой и успешной карьеры. Автор «Моления» заявлял, что дерево приносит плоды, а «ты нам, княже, богатство и славу»¹¹⁹. В другом месте эта формула излагается несколько иначе: «Всякому дворянину имети честь и милость от князя»¹²⁰. «Честь» можно здесь рассматривать как некоторый синоним слова «слава», а «милость» как нечто материальное, связанное с богатством¹²¹. Свою уверенность в том, что служба князю приведет именно к таким результатам, автор «Моления» обосновывал тем, что таков общий порядок, «... рытири, магистри, дуксове... и те имеют честь и милость у поганых салтанов»¹²².

Проанализированные источники, относящиеся к Юго-Западной и Северо-Западной Руси, фиксируют разные исторические ситуации и разные реакции на них общественного сознания, но все же можно наметить некоторые общие черты. И там, и здесь возникавшие конфликты связаны с появлением и формированием крупного феодального землевладения — процессом, который имел общеевропейский характер. Вместе с тем в обоих рассмотренных регионах этот процесс создал столкновения интересов и способствовал формированию установок общественного сознания, благоприятных для княжеской власти, и княжеская власть новые возможности активно использовала.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ужанков А. Н. «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1: (XV–XVI вв.). С. 264 и сл.
- 2 Пауто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.; Л., 1950. С. 106–108.
- 3 Там же. С. 108.
- 4 ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 717.
- 5 Там же. Стб. 715–716, 813, 835–836.
- 6 Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872. Т. 2. Р. 440–441.
- 7 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
- 8 См. подробнее: Флоря Б. Н. Тема выборности правителя в хронике Кадлубка // Славянский альманах 2006. М., 2007.
- 9 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 718.
- 10 Там же. Стб. 727.
- 11 См. об этом: Там же. Стб. 723–724.
- 12 Котляр Н. Ф. Даниил, князь галицкий. СПб., 2008. С. 105.
- 13 Во владимирском летописце Юрия Всеволодовича читалось, что галичане Игоревичей «бывше их, повешаша их» (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 108). В Новгородской Первой летописи отмечено, что князья были казнены, «яко злодея» (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 53).
- 14 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 762, 767.
- 15 НПЛ. С. 53.
- 16 Стоит отметить, что в неизвестной польской хронике XIII в., использованной в труде Длугоша, говорилось о казни одного из Игоревичей — Святослава, но по приказу польского князя Лешко (*Labuda G. Zaginiona kronika w Rocznikach Jana Długosza. Poznań, 1983. S. 41, 46*).
- 17 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 663.
- 18 Там же. Стб. 733–734, 748–750 и др.
- 19 Там же. Стб. 729.
- 20 Там же. Стб. 730.
- 21 На это правильно указывает А. В. Майоров (*Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. СПб., 2001. С. 418*).
- 22 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731.
- 23 См., например: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 761–762, 768 и др.
- 24 Там же. Стб. 718, 748.

- 25 См., например: Там же. Стб. 749, 752 и др. См. также «безаконныи лихии... подобные лисице» (Там же. Стб. 759).
- 26 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747–748.
- 27 Там же. Стб. 770.
- 28 Там же. Стб. 718, 762, 768 и др.
- 29 См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774 («светом безбожного Григора Василевича»).
- 30 Там же. Стб. 762.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 789. Казненный по приказу Даниила боярин — «злой мятежник земле» (Там же. Стб. 802).
- 34 Там же. Стб. 762.
- 35 Там же. Стб. 729.
- 36 Там же. Стб. 754.
- 37 Там же. Стб. 820.
- 38 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 725. Реконструкция на основании летописных известий биографии Мирослава см.: *Котляр Н. Ф.* Даниил... С. 65–68.
- 39 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 728–729.
- 40 Там же. Стб. 729–730.
- 41 Там же. Стб. 732.
- 42 См., например, запись в описании одного из сражений, что «Андрею и Якову, секущимся люто, Всеволод не поможет и повороти конь свой на бег» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797).
- 43 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.
- 44 Там же. Стб. 716, 813, 835.
- 45 Там же. Стб. 744.
- 46 Там же. Стб. 799.
- 47 Там же. Стб. 828.
- 48 Там же. Стб. 824.
- 49 Там же. Стб. 769, 822.
- 50 Там же. Стб. 831.
- 51 Там же. Стб. 830.
- 52 Там же. Стб. 814.
- 53 Там же. Стб. 821, 835.
- 54 См. упоминание о «игре» — рыцарском турнире, устроенном в 1245 г. претендентом на галицкий стол Ростиславом, сыном Михаила Черниговского: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 801.
- 55 Там же. Стб. 746.
- 56 Там же. Стб. 751.

- 57 Там же. Стб. 763.
- 58 Там же. Стб. 778.
- 59 Там же. Стб. 842.
- 60 Там же. Стб. 626.
- 61 См.: *Флоря Б. Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004. С. 122–124.
- 62 *Labuda G.* Zaginiona kronika... S. 53 (рассказ о коронации королевича Коломана как «галицкого короля» при участии венгерских епископов и краковского епископа Винцента Кадлубка).
- 63 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.
- 64 Там же. Стб. 793.
- 65 Там же. Стб. 793–794.
- 66 Там же. Стб. 753.
- 67 *Щапов Я. Н.* Государство и церковь древней Руси XII–XIII вв. М., 1989. С. 204–205. Прил. (текст А. В. Поппе).
- 68 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794.
- 69 Там же. Стб. 809.
- 70 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472.
- 71 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739–740.
- 72 *Щапов Я. Н.* Государство и церковь... С. 202–203. Прил. (текст А. В. Поппе).
- 73 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 842.
- 74 Там же. Стб. 740.
- 75 Там же. Стб. 842–845.
- 76 *Котляр Н. Ф.* Даниил... С. 105.
- 77 См., например: *Котляр Н. Ф.* Даниил... С. 194–195, 200, 219.
- 78 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 717.
- 79 Там же. Стб. 718.
- 80 Там же. Стб. 726.
- 81 Там же. Стб. 718.
- 82 Там же. Стб. 727.
- 83 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426–428; Т. 25. С. 107–108.
- 84 На это правильно указывает А. В. Майоров (*Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь... С. 348–352).
- 85 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 722.
- 86 Там же. Стб. 758–759.
- 87 *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь... С. 503–504.
- 88 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 761.
- 89 Там же. Стб. 768.
- 90 Там же.

- 91 Там же. Стб. 468.
- 92 А. В. Майоров, предлагая иное толкование текста (*Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь... С. 510), явно не учитывает такую направленность повествования.
- 93 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 768.
- 94 Там же. Стб. 777.
- 95 Там же. Стб. 862.
- 96 *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь... С. 525–526, 558.
- 97 Там же. С. 503–506, 546–547 и др.
- 98 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 759.
- 99 Там же. Стб. 771.
- 100 Там же. Стб. 789–791.
- 101 *Пацуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 143–144.
- 102 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 658.
- 103 Там же. Стб. 662.
- 104 Там же. Стб. 770.
- 105 *Котляр Н. Ф.* Даниил... С. 204–205.
- 106 То, что Плеснеском владел целый боярский род, ясно говорит о том, что в данном случае нельзя говорить о кормлении.
- 107 *Decreta regni medievialis Hungariae. 1000–1301.* Jdyllwild, 1999. S. 31, 33, 34.
- 108 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436–437.
- 109 *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 285–289.
- 110 *Зарубин Н. Н.* «Слово» Даниила Заточника по редакциям XII–XIII вв. Л., 1932. С. 54, 55–57.
- 111 Там же. С. 60.
- 112 Там же. С. 65. Выпады против богатых имеются и в другом варианте «Моления», где читается, что «гордии без правды своих менших съедают» (Там же. С. 82).
- 113 Там же.
- 114 Там же. С. 60–61.
- 115 Там же. С. 105.
- 116 Там же. С. 86.
- 117 Там же. С. 92.
- 118 *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 119–123.
- 119 *Зарубин Н. Н.* «Слово» Даниила Заточника... С. 63.

- 120 Там же. С. 68.
- 121 О таких значениях слова «милость» см.: *Тихомиров М. Н.* Условное феодальное держание на Руси XII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 102–103.
- 122 *Зарубин Н. Н.* «Слово» Даниила Заточника... С. 70–71.

Florya B. N.

The Letopisets of Daniel of Galich and Praying of Daniel the Immured as Monuments of the Old Russian Social Thought of the 13th century

The author analyses monuments of the Old Russian social thought of the 13th cent. reflecting a conflict between the Prince's power and the Boyar elite. On the base of material of the named sources he tries to determine political trending of the both sides.

Keywords: *Old Rus', Prince's power, Boyar elite.*

К. А. Кочегаров
(Москва)

Россия и славянские народы в XVII в.

В статье в обобщенном виде представлены взаимоотношения России со славянскими народами в XVII столетии в контексте возрастания роли русского государства в международных отношениях Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: *Россия, славянские народы, международные отношения.*

К началу XVII столетия славянские народы Южной, Центральной и Восточной Европы прошли длительный путь развития. Мало кому из них удалось сохранить свою государственность. Сербь и болгары уже несколько столетий находились под властью Османской империи.

Для чехов же XVII век ознаменовался трагическими событиями. Битва под Белой Горой 1620 г. окончательно похоронила возможность создания независимого государства в ближайшем будущем, на долгое время тесно связав судьбы чешского народа с династией Габсбургов и немецкими землями. Историки считают, что чешское восстание против Габсбургов 1618 г. можно оценить как первое событие чешской истории периода Нового времени, которым в России не только активно интересовались, но о котором собирали всестороннюю и своевременную информацию. В некоторых вопросах русские политики были информированы даже лучше, чем правительства тех стран, которые имели своих представителей в Праге. И хотя русское правительство руководствовалось в первую очередь тем, что основной внешнеполитический противник России в то время — Речь Посполитая примкнула к габсбургскому лагерю, позиция русского государства не осталась без внимания лидеров чешских сословий, строивших планы привлечения царя к союзу против Габсбургов в момент возникновения угрозы выступления на их стороне Польско-Литовского государства. Для передачи предложений о союзе чешские сословия использовали Швецию, дружбы которой также искали. Однако Швеция, находившаяся не в лучших отношениях с Московским государством, скрыла от русского правительства это предложение¹.

В XVII в. русско-чешские связи не носили сколько-нибудь постоянного и последовательного характера. Однако, говоря о них, нельзя не отметить путешествия в Россию чехов Бернарда Таннера и Иржи Давида. О Б. Таннере известно очень мало — католик и страстный путешественник, он приехал в 1677 г. в Речь Посполитую в поисках возможностей посетить новые неведомые страны. Сначала он безуспешно пытался попасть в состав польского посольства в Константинополь, а затем получил место в свите одного из послов в Россию — князя Михала Чарторыйского. Результатом путешествия в Московию стало появление в 1689 г. записок Б. Таннера — ценного источника о России и русско-польских отношениях конца 70-х гг. XVII столетия².

Чешский иезуит Иржи Давид прибыл в Москву в 1686 г. и прожил там три года (до 1689 г.) в рамках католической миссии. В 1690 г. на основе грамматики Мелетия Смотрицкого Давид издал в Нисе русский букварь — первый печатный учебник для иностранцев, которые пожелали бы изучать русский язык. Однако наиболее значительное произведение Иржи Давида о России — это трактат «Современное состояние Великой России или Московии», который является ценным историческим источником по периоду последних лет регентства царевны Софьи. В сборе информации о России того времени чешскому иезуиту помогло знание русской азбуки, которой он обучился, ожидая у Смоленска разрешения на проезд в Москву. Научиться быстро читать по-русски ему помогло и знание чешского языка. Конечно же, записки Иржи Давида написаны прежде всего иезуитом, человеком католической культуры. Многие в русской жизни того времени оставались ему не понятным, чуждым. Автор пишет о практически полном отсутствии у москвитов какого-либо школьного образования, подчеркивает их принадлежность к схизме³. Трактат Иржи Давида является ценным памятником русско-чешских культурных связей в раннее Новое время.

Двумя единственными славянскими государствами в это время были Россия и Речь Посполитая, объединившая в своем составе не только польский народ, но также украинцев и белорусов. Именно эти две страны столкнулись в XVII в. в жестком противоборстве за гегемонию в Восточной Европе. Генезис этого конфликта уходит своими корнями в XIV в., когда Королевство Польское и Великое княжество Литовское начали присоединение западных и юго-западных земель распавшегося в результате монгольского нашествия Древнерусского государства. В Москве, которая вскоре стала признанным центром Северо-Восточной Руси, всегда считали, что великие владимирские,

а соответственно, и великие московские князья являются законными «отчичами» и «дедичами» всех земель Древней Руси, и вели за них борьбу сначала с Литвой, а после слияния Литвы и Польши в одно государство в результате Люблинской унии 1569 г. — с Речью Посполитой. Тесные культурные, религиозные, политические и экономические связи восточнославянских народов в период до середины XVII в. имеют обширную историографию⁴.

Однако в начале XVII в. Москве было явно не до борьбы за древнерусское наследие. Потрясения Смутного времени поставили Русское государство на грань выживания, отбросив его по многим направлениям развития на десятилетия назад. Вмешательство во внутривосточный конфликт Речи Посполитой, с одной стороны, открыло перспективу сближения двух стран в случае воцарения в Москве польского королевича Владислава, с другой — обернулось потерей для России Чернигово-Северщины и Смоленщины по Деулинскому перемирию 1618 г. Стоит отметить, что шансы на занятие престола Владиславом изначально были невелики из-за непримиримых позиций сторон, а также в силу того, что большая часть польского правящего класса во главе с королем Сигизмундом III желала не равноправного союза с восточным соседом, а подчинения его своему политическому влиянию⁵.

Попытка России взять реванш за Смуту в так называемой Смоленской войне 1632–1634 гг. потерпела неудачу. И только начавшееся в 1648 г. национально-освободительное восстание украинского народа позволило Москве коренным образом изменить положение в Восточной Европе в свою пользу. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. вызвало длительную русско-польскую войну 1654–1667 гг., в ходе которой Россия пыталась отвоевать у Речи Посполитой не только украинские, но и белорусские земли. Однако по Андрусовскому перемирию 1667 г. за Москвой осталась только Левобережная Украина с Киевом — русским «Иерусалимом», как именовали его в России. Так, в грамоте хана Мурад-Гирея, доставленной в Москву гонцом Алиш-агой 7 мая (ст. ст.) 1680 г., отмечалось: «Пишете про Киев, что з древних лет ваш, и полскому народу до того дела нет, и что де в том Киеве древние церкви ваши и почитаете вы его вместо Иеросалима...»⁶. А комендант польского гарнизона в Белой Церкви (Правобережная Украина) писал в феврале 1681 г.: «Kiow [...] Moskwa za Grob Wozy obserwuje»⁷.

В последней трети XVII в. русско-польский антагонизм постепенно затухал, хотя с выполнением обязательств по заключен-

ному в декабре 1667 г. антиосманскому союзу обе стороны не спешили, продолжая дипломатическое соперничество за влияние на Украине. Однако неслучайно глава русской дипломатии Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин — сторонник русско-польского сближения, выступая в 1667 г. с речью перед польскими послами, отмечал, что всем известна «заслуженная слава знаменитого славянского племени, в состав коего мы и вы одинаково входим, и нет, конечно, под солнцем другого народа или племени, который дерзнул бы равняться с нами». В своем выступлении «посольских дел оберегатель» перечислял славянские народы, живущие на обширных пространствах от Адриатики до Балтики «и до Северного океана»⁸. Русско-польский Вечный мир 1686 г. открыл перспективы сотрудничества не только в борьбе против Турции, но и против Швеции, которые в полной мере реализовались уже в следующем столетии.

Диалектику русско-польских взаимоотношений нельзя свести лишь к вооруженному противостоянию, поскольку польское культурное влияние на Московскую Русь возрастало параллельно конфронтации и зачастую служило, по мнению многих исследователей, проводником влияния общеевропейского. Царевич Алексей Алексеевич, претендовавший на польский престол, в 1667 г. выступил перед послами Речи Посполитой с речью на польском языке⁹, польская мода широко распространилась среди московской знати, а, по мнению отдельных исследователей, в 1681 г. боярскими кругами было задумано даже введение института наместников по образцу польских каштелянов и воевод¹⁰. Сближение дипломатическое, выразившееся в появлении в Москве и Варшаве резидентов двух стран, стимулировало и осознание глубоких культурных и политических различий между Польшей и Россией. «Не такие тут порядки, что в государстве Московском, — удрученно писал в русскую столицу из Польши резидент Василий Тяпкин, — где как пресветлое солнце в небеси единый монарх и государь по вселенной просвещается и своим государским повелением, яко солнечными лучами, всюду един сияет; единого слушаем, единого боимся, единому служим все, един дает и отнимает по данной ему государю свыше благодати. А здесь что жбан, то пан, не боятся и самого создателя, не только избранного государя своего; никак не узнаешь, где, у кого добиться решения дела, все господа польские на лакомствах души свои завесили». Однако, несмотря на это, Тяпкин отдал своего сына в польскую школу, а его дипломатические донесения «пестрели», по выражению С. М. Соловьева, полонизмами¹¹.

Конфликты с Польшей активизировали проникновение в Россию не только польской, но и украинской и белорусской культуры. Учеными выявлены и обобщены многочисленные факты переселения (не всегда, правда, добровольного) в Московское государство белорусских и украинских ремесленников, торговцев и особенно — представителей духовного сословия. Во многих монастырях Московской Руси существовали крупные общины западнорусских монахов — Московском Новодевичьем, Саввино-Сторожевском, Валдайском Иверском и др. Выходец из Белоруссии Симеон Полоцкий, воспитатель царя Федора Алексеевича и царевны Софьи, считается зачинателем русской силлабической поэзии. Выходцы из белорусской и украинской шляхты служили на различных административных должностях, в частности подьячими и переводчиками в Посольском приказе¹².

Несмотря на то что по Андрусовскому перемирию 1667 г. и Вечному миру 1686 г. Белоруссия и значительная часть Правобережной Украины остались в составе Речи Посполитой, контакты белорусов и украинцев с Россией продолжали расширяться. В 1680-е — начале 1690-х гг. белорусское духовенство обращалось в Москву не только за милостыней, но и с просьбами о выдаче ставропигиальных грамот монастырям, присылало кандидатов для поставления в священники в связи с тем, что православная кафедра белорусского епископа очень долгое время была вакантной (польские власти требовали от кандидатов в белорусские епископы согласия на унию)¹³. В последней четверти XVII в. в связи с появлением в Речи Посполитой постоянного дипломатического представительства (резидента) активизировались связи России с православными братствами, и особенно с Львовским братством. Православные украинские шляхтичи и купцы нередко оказывали ценные услуги русским резидентам¹⁴.

Связи России с южнославянским миром развивались в русле контактов со всеми православными народами Балкан, находившимися под османской властью. В этой связи ученые неоднократно отмечали, что в русских источниках греками или греченинами зачастую именовали и представителей южных славян. Контакты России с южнославянскими народами не прервались даже во времена Смутного времени. Известно, что жалованные грамоты царя Василия IV Шуйского получали приезжавшие в Россию сербские монахи. Большое значение имел визит в Россию в 1622–1623 гг. епископа Антония Вршацкого, положивший начало интенсификации посещений России представителями южнославянского православного духовенства из разных обителей Болгарии, Сербии, Боснии, Срема и других областей¹⁵. Подобные

визиты, совершаемые, как правило, с целью получения материальной помощи, способствовали широкому проникновению на Балканы русских рукописных и печатных книг духовного содержания, а также икон¹⁶. Так, в Сербии до сих пор сохранились иконы, написанные в XVII в. мастерами Оружейной палаты¹⁷.

Однако связи России с южными славянами не ограничивались контактами в церковно-религиозной сфере. В XVII в. продолжала развиваться тенденция, имевшая место, по наблюдениям ученых, уже в 70–80-е гг. XVI в., а именно переселение в Россию светских эмигрантов с Балкан, пополнявших ряды русского дворянства. Известно, что на рубеже XVI и XVII вв. на Руси появились особые воинские отряды «сербен и гречан», существовавшие и в дальнейшем, в частности в Смутное время. Сербь, болгары и другие представители южного славянства служили в русской армии в годы Смоленской войны 1632–1634¹⁸. Стоит также отметить, что купцы, прибывавшие в Россию из стран, находившихся под властью Османской империи, до 1653 г. не платили пошлин в царскую казну «для единых православных христианские веры и для их разорений, что живут под игом турским бурсурманским во всяком гонении», а с введением протекционистского Новоторгового устава 1667 г. получили значительные льготы по сравнению с западноевропейскими купцами. И хотя среди купцов — выходцев с Балкан первенствовали греки, в торговле с Россией участвовали и представители южнославянских народов, в частности сербы. Важную роль в транзитной торговле России с народами Османской империи и стран Западной Европы играли украинские и белорусские купцы, так же как и в торговых связях России и Речи Посполитой¹⁹.

Украинский казак Федор Яковенко, побывавший в турецком плену, свидетельствовал, что во время ожесточенных боев с турками под Чигирином в 1678 г., когда русско-украинские войска выбили турок со Стрельниковой горы, бывшие в составе османских войск «християне» — «мултяня, волохи, *сербь* (курсив мой. — К. К.) радовалис и того ждали, как царского величества рати наступят, а они б тут на турков и первые бить учили»²⁰.

Говоря о связях России с югославянскими народами в XVII в., нельзя не упомянуть о талантливом ученом-хорвате, писателе и публицисте Юрии Крижаниче. Он получил прекрасное богословское образование, учился в Загребе, Болонье, Риме, много путешествовал. Искренний сторонник славянского единства, он видел одно из средств его достижения в унии католической и православной церквей. В 1659 г. Крижанич посетил Россию, однако, как сторон-

ник унии, в 1661 г. был сослан в Тобольск, где создал наиболее известные свои произведения, в том числе труд «Политика», составил грамматику общеславянского языка. По мнению Крижанича, именно Россия должна была стать во главе объединения славянских народов. Поэтому он горячо поддерживал воссоединение Украины с Россией, выступал сторонником активного продвижения русского государства на берега Черного и Балтийского морей, борьбы с Османской империей, укрепления армии и бюрократического аппарата²¹.

В XVII в. авторитет России в славянском мире неуклонно укреплялся, расширялись ее связи со всеми без исключения славянскими народами. Однако характер этих контактов четко различался в зависимости от конфессиональной ориентации различных частей славянского мира. Если даже некоторые представители православного духовенства Балкан порой именовали русского православного монарха «своим царем»²², не говоря уже об украинцах и белорусах, то католики, какими были чехи и поляки, воспринимали Россию как чужой и даже враждебный мир. Победа над Речью Посполитой в войне 1654–1667 гг. и вхождение в состав русского государства Левобережной Украины значительно усилили позиции России в славянском мире. В статье уже упоминавшегося Вечного мира 1686 г. русской дипломатии удалось добиться включения обязательств Речи Посполитой не ущемлять проживающих на ее территории православных и прав России ходатайствовать за них перед польским правительством. Уже в XVIII в., когда военно-политическое могущество России многократно возросло, эти положения Вечного мира активно использовались русской дипломатией в целях укрепления своих позиций в Польше, подчинения Польско-Литовского государства интересам своей политики. В XVII столетии был заложен и прочный фундамент борьбы России за освобождение южнославянских народов от османской власти. Крымские 1687 и 1689 гг. и Азовские 1695–1696 гг. походы положили начало борьбе России и Оттоманской Порты за Северное Причерноморье, открыли перспективы дальнейшей интенсификации контактов югославянского населения Балкан с Россией. Важным проявлением этого процесса стало гораздо более массовое, чем полтора столетия назад, переселение сербов в Россию в середине XVIII в. и основание на территории Южной Украины областей Новая Сербия и Славяносербия²³.

Связи России со славянским миром имели в XVII столетии большое значение не только во внешней политике русского государства, но и в развитии культурных и экономических контактов, способствовали дальнейшему расширению знаний и взаимных представлений

славянских народов друг о друге. Именно в это время формировались те предпосылки, которые впоследствии, наряду с превращением России в великую державу, обусловили ее ведущее положение в славянском мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
- 2 *Poselstwo polsko-litewskie do Moskwy w roku 1678 szczęśliwie przedsięwzięte, opisane przez naoczego świadka Berarda Tannera (Norymberga 1689).* Kraków, 2002. Публикация, выполненная А. Стройным, представляет собой факсимильное воспроизведение латинского издания 1689 г. и его перевод на современный польский язык. Русский перевод см.: *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1891. Кн. 3.
- 3 Мыльников А. С. Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни Русского государства конца XVII века. 1968. № 1. С. 123–125.
- 4 *Пацуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; *Голенченко Г. Я.* Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Минск, 1989; *Гудзий Н. К.* Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение XVII–XVIII веков. Киев, 1989; и др.
- 5 Всесторонне это проблему осветил Б. Н. Флоря. См.: *Флоря Б. Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.
- 6 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 440–445.
- 7 *Archiwum główne akt dawnych.* Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1697. S. 1–2.
- 8 Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятом в 1667 г. // Проезжая по Московии. Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов. М., 1991. С. 336.
- 9 Там же. С. 338–339.
- 10 *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7. С. 174–177, 418–424; *Никольский В. К.* «Боярская попытка» 1681 г. // Исторические известия. 1917. № 2.

- 11 *Соловьев С. М.* Сочинения... С. 175, 208.
- 12 *Абцедадарский Л. С.* Белоруссия и Россия: очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. Минск, 1978; *Игнатенко А. П.* Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII–XVIII в.). Минск, 1974; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1.
- 13 См. об этом подробнее: *Кочегаров К. А.* Князя Огинские и сношения православных Великого княжества Литовского с Россией в 80-е гг. XVII в. // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М., 2009.
- 14 *Ковальский Н. П.* Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII века по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой // Из истории местного края. Днепропетровск, 1968. С. 163–164, 173–174; *Шустова Ю. Э.* Посольские книги как источник по истории введения греко-католической унии на украинских землях в составе Речи Посполитой в 70–90-х гг. XVII в. // Источниковедение: поиски и находки: Сборник научных трудов. Воронеж, 2000. Вып. 1. С. 110–120.
- 15 *Наумов Е. П.* К истории связей России с южнославянскими народами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). М., 1990.
- 16 *Рогов А. И.* Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова...
17 Там же. С. 130.
- 18 *Наумов Е. П.* К истории связей... С. 97, 99, 105–106.
- 19 *Заборовский Л. В.* Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в. // Связи России...; *Подградская Е. М.* Таможенная политика русского государства по отношению к купечеству стран Юго-Восточной Европы, входивших в состав Османской империи (XVII в.) // Карпато-Дунайские земли в Средние века. Кишинев, 1975; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959.
- 20 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Ч. 1. Л. 110–111.
- 21 *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.
- 22 *Рогов А. И.* Культурные связи... С. 126.
- 23 См. одну из последних работ на эту тему: *Кирпиченок А. И.* Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007.

Kochegarov K. A.

Russia and Slavic Peoples in the 17th century

The article is dedicated to the relations between Russia and Slavic peoples in 17th cent. in the context of the growing Russian involvement into the international relations in Central and Eastern Europe.

Keywords: *Russia, Slavic peoples, international relations.*

*И. И. Лещиловская
(Москва)*

Научная мысль в Хорватии и Славонии в XVIII в.

Статья посвящена развитию науки как части светской культуры в Хорватии и Славонии в XVIII в. Отмечается дифференциация науки на самостоятельные отрасли: историю, археологию, историю литературы, лексикографию, лингвистику. Вскрываются причины замедленного развития науки.

Ключевые слова: *Хорватия и Славония, наука, XVIII в.*

Научное мышление отражало в определенной степени уровень хорватского общественного сознания в целом. Поэтому оно заслуживает внимания не только в плане истории науки, но и более широко — как один из показателей состояния духовной культуры, умственной жизни в Хорватии и Славонии в XVIII в. В советской и российской науке вышеозначенная проблема не рассматривалась.

Духовная атмосфера в Хорватии и Славонии в XVIII в. определялась зарождением новых потребностей общества, появлением элементов рыночной экономики в этих землях во второй половине столетия, освобождением в результате победоносной войны Священной лиги (Австрии, Венеции, Речи Посполитой и с 1686 г. России) над Турцией от власти последней ряда земель, в том числе Славонии, и ее соединения в 1745 г. с Хорватией.

Европейская атмосфера Просвещения с ее рационализмом и приоритетом знаний способствовала активизации научной мысли в Хорватии и Славонии. Неустойчивое положение этих земель в составе Австрийской монархии в обстановке реформ Марии Терезии и Иосифа II побуждало интеллектуалов к познанию прошлого и настоящего своей родины, сложность литературно-языковой ситуации с ее многоязычием усиливала тенденцию к стандартизации литературного языка на живой речевой основе.

В XVIII в. в Хорватии и Славонии первенствовали исторические сочинения. Они создавались исключительно на латинском языке. В Хорватии научный интерес к отечественной истории проявлялся в разных формах. Прежде всего переиздавались исторические сочинения, вышедшие ранее. Это были труд Лулича «О королевстве Далмации и Хорватии» (1758) и книга о хорватских королях и банах

Ратткая (Вена, 1772). Создавались и новые работы с историческим содержанием.

В Хорватии впечатляющей личностью, связавшей культуру XVII и XVIII вв., был Павао Риттер Витезович (1652–1713), проявивший себя в разных сферах культуры. Он родился в городе Сене в Приморье, где господствовал чакавский диалект, был сыном австрийского офицера, потомка выходцев из Эльзаса. Семья получила дворянство. Начальную школу молодой Витезович, видимо, окончил в родном городе, где царил атмосфера, которую создавали священники — глаголяши. Затем была учеба в загребской иезуитской гимназии. Уже в это время в нем проявился беспокойный дух. Бросив гимназию, он отправился в Рим, откуда после кратковременного пребывания перебрался в Крайну. Здесь Витезович два года провел во дворце известного историка И. В. Вальвасора, помогая ему в подготовке его знаменитого труда «Слава герцогства Крайны». Молодой человек освоил гравирование по меди, картографию и сам проникся интересом к истории.

В 1682–1683 гг. Витезович в качестве делегата г. Сены участвовал в работе венгерского Государственного собрания, в 1684 г. он уже — посланник бана Н. Эрдеди при австрийском дворе. Витезович не имел в то время постоянного места жительства, устойчивых занятий и доходов.

Позже он окончательно поселился в Загребе, оказавшись в окружении епископа Микулича, бывшего его одноклассника по гимназии. В 1694 г. хорватский сабор не без поддержки епископа передал Витезовичу в управление провинциальную («государственную») типографию, основанную в Загребе еще в 1664 г., но бездействовавшую. Она начала работать в 1695 г. под названием «Королевская типография». Витезович напечатал в ней около 50 книг — панегириков, календарей, исторических сочинений.

В 1699 г. после окончания войны Священной лиги с Турцией и заключения Карловацкого мира Витезович как представитель сабора вошел в комиссию по демаркации новых границ Австрии с Турцией и Венецией и лично участвовал в демаркации границы с Турцией на хорватско-боснийском участке. По желанию председателя комиссии он написал обширную записку, в которой высказался за освобождение Австрией всех южнославянских земель от власти турок и при этом отрицал право Венеции на Далмацию. Это вызвало интерес Вены. В то же время, работая в демаркационной комиссии, Витезович с горечью наблюдал, с какой легкостью австрийские

представители оставляли туркам и венецианцам хорватские села и даже районы.

По приглашению двора Витезович посетил Вену. Здесь он получил привилегий на пользование всеми хорватскими архивами. Он был удостоен звания придворного советника, а позднее и титула барона, но без земельного владения. Витезович занимался типографскими и издательскими делами, но с 1706 г. началась череда неприятных для него событий. В Загребе сгорел его дом, а с ним пострадала и типография. Вся вина за этот ущерб была возложена на управляющего. Витезович был отстранен от руководства типографией, к тому же он проиграл многолетний судебный процесс, связанный с недвижимостью. В 1710 г. хорватский историк и писатель навсегда покинул Загреб и переселился в Вену. В 1712 г. на коронационной сессии венгерского Государственного собрания он представлял еще родной Сень. Но Витезович чувствовал себя человеком без роду, без племени, испытывая одиночество и бедность. В 1713 г. он скончался¹.

В жизни Витезовича было немало ситуаций, которые подталкивали его к занятию историей. Он писал свои сочинения в основном на латинском языке, но прибегал и к родному диалекту, привнося на чакавскую основу штокавские элементы. Витезович впервые выступил в печати в 1684 г. с поэмой на историческую тему «Сигетское расставание» (Линц, 1684; Вена, 1685), написанной на родном языке. Она была посвящена героической обороне Сигета от наступления турок в 1566 г. Автор прославлял заслуги руководителя обороны Николы Зринского (Сигетского) перед родиной и Австрией. Сочинение было окрашено хорватским патриотизмом.

Главным историческим трудом Витезовича была «Хроника веков всего мира». Она вышла в Загребе в 1696 г. на чакавском диалекте. В ней автор продолжил изложение событий после «Хроники» Вrameца (1578 г.) до своего времени. Как следовало из предисловия, он предназначал свою книгу для ознакомления с историей малообозначенного населения — «чтобы большинство ею пользовалось»².

Сочинение было написано сухо и скупо. Но иногда автор излагал события, не скрывая горестных чувств. Под датой 1690 год значилась запись: «Взяли турки и нижний Белград, большой красивый город, легко и без крови, на великую печаль и вред всему христианству»³.

«Хроника» Витезовича была написана в традиционном стиле. Но она, помимо того что была для своего времени источником исторических знаний, представляет не только историографический интерес, но показательна в мировоззренческом плане. В «Приложении» к

ней автор отождествил слова «иллирский» и «словинский» (славянский) применительно к языку. В то время понятие «иллирский» употреблялось в хорватской литературе применительно к хорватским диалектам. Витезович распространил его как изначальное на всех славян. Он опирался, вероятнее всего, на легенду о братьях Чехе, Лехе и Русе, прародину которых, вслед за историком Ратткаем, находил в городке Крапине в хорватском Загорье⁴. Витезович был уже в это время в поиске формы славянского объединения, который вскоре привел его к провозглашению Хорватии как целостного понятия для всех южнославянских и соседних с ними земель (стихотворение «Воскресшая Хорватия» — Загреб, 1700).

«Хроника» Витезовича была широко востребована в хорватской среде. На нее, в частности, среди прочих сочинений опирался знаменитый далматинский писатель Качич Миошич при создании своей книги «Кораблица» (Венеция, 1760).

В 1701 г. в Вене Витезович издал на латинском языке «Стематографию» — южнославянский геральдический сборник. В 1702 г. книга вышла и в Загребе с дополнениями. В ней получили выражение южнославянские интересы автора. Она легла в основу первого сербского печатного издания — «Стематография» (1741). В следующем году увидело свет сочинение Витезовича «Два столетия плачущей Хорватии» — о трудной судьбе Хорватии в последние века. Оно имело стихотворную форму, было написано на латинском языке гекзаметром. В некоторых сочинениях Витезович выступал как историк и литератор в неразрывном виде.

Витезович завершил занятия историей в 1712 г., издав в Трнавe труд «Пленница Босния». Тогда же он закончил историю Сербии в Средние века, но она осталась в рукописи.

Витезович занял место в национальной историографии как первый выразитель хорватской политической мысли в печати. Это сказалось на его исторических работах, проникнутых хорватским патриотизмом, южнославянской ориентацией и неприятием турецкого ига.

Яркой фигурой, проявившей себя в середине XVIII в. в историографии и литературе, был Балтазар Адам Крчелич (1715–1778). Он родился в селе Брдовец близ Загреба в дворянской семье. Образование получил в Загребе, иезуитской Хорватской коллегии в Вене и Иллирской коллегии в Болонье. Крчелич имел степень доктора философии и теологии, солидную юридическую подготовку, владел итальянским и французским языками. По завершении учебы он короткое время служил приходским священником в

Хорватии, а с 1747 г., будучи загребским каноником, находился в Вене в должности ректора Хорватской коллегии. В столице видный хорват вошел в придворный круг Марии Терезии, которая передала ему рукописное наследие Витезовича. В 1749 г. Крчелич вернулся в Хорватию, где стал членом Судебного стола, а впоследствии и архидьяконом.

По инициативе комиссии венского двора Крчелич составил предложения о реорганизации политического устройства Хорватии в сторону усиления власти Вены. В Загребе стала известна записка каноника, что вызвало отчуждение от него местной элиты. Затем он вошел в конфликт с епископом и капитулом, который перерос в многолетний судебный процесс. Это усилило его изоляцию в Загребе, хотя он пользовался уважением как специалист по юридическим вопросам. Крчелич скончался в Загребе⁵.

Б. А. Крчелич был высокообразованным и талантливым человеком, со сложными взглядами и острым умом. Приверженец австрийского абсолютизма, обретавшего черты «просвещенности», он оставался в то же время патриотом Хорватии, консерватизм церковника сочетался в его позиции с отрицанием церковных орденов и иезуитской схоластики, безоговорочная защита интересов и власти католической церкви — с рациональным одобрением секуляризации школы и отстаиванием пользы наук и знаний.

По словам Крчелича, любовь к родине пробудила в нем интерес к политико-исторической науке, чтобы, опираясь на документы и используя опыт французских, бельгийских и других авторов, вывести «из тьмы на свет» историю своей земли⁶. Так появились в 1770 г. на латинском языке два исторических труда автора: «История загребского кафедрального собора» и «Предварительные заметки о королевствах Далмации, Хорватии и Славонии». Из «Истории...» увидела свет лишь первая часть, в то время как вторая, доведенная до 1667 г., осталась в рукописи. В «Предварительных заметках...» Крчелич предпринял попытку показать в целостности хорватскую историю до 1606 г. Собственник рукописного наследия Витезовича, Крчелич шел его же путем хронологического изложения истории и политической тенденции. Он поддерживал право австрийских Габсбургов на южнославянские земли, обрушиваясь на многовековую оккупацию Далмации Венецией. В методах работы автор стремился к критичности, расширению документальной базы, проявлял интерес к народной поэзии как историческому источнику. Это позволило ему развенчать ряд историографических заблуждений,

в частности опровергнуть взгляд на генетическую связь славян с древними иллирийцами, которых он славянами не считал. Но в целом Крчелич не достиг современного ему уровня европейской исторической науки⁷.

Крчелич написал также ряд других работ на латинском языке и родном, кайкавском диалекте. Но главный его труд пролежал полтора века в рукописи. Это были «Анналы, или История 1748–1767». Грандиозное по масштабу и сложное по содержанию сочинение было написано автором в 1764–1767 гг. на латинском языке и относилось к мемуарному жанру с элементами историографии и хроникальными заметками. «Анналы» не в последнюю очередь из-за остроты содержащихся в них характеристик представителей хорватской знати и духовенства увидели свет лишь в 1901 г. В переводе В. Гортана на современный сербско-хорватский язык труд был издан в Загребе в 1952 г. Он стал первоклассным источником для изучения жизни хорватского общества середины XVIII в., как и личности самого автора.

В 1777 г., на закате жизни Крчелич подарил Королевской академии, высшему учебному заведению в Загребе, свою библиотеку. Она стала основой академической библиотеки, в дальнейшем — современной Национальной и университетской библиотеки Хорватии.

Паулин Йосип Бедекович, живший в первой половине XVIII в., проявлял особый интерес к истории Далмации. Он считал ее, а также славонские пределы и Меджимурье, хорватскими землями⁸. Крчелич также неоднократно упоминал в своих «Анналах» Далмацию. Это было свидетельством присутствия в общественном сознании северных хорватов понимания целостности хорватской территории.

В конце XVIII в. иезуит талантливый историк Йосип Микоци, применяя критический метод в работе с источниками, изучал раннесредневековую историю Хорватии. Его труд «*Otiorum Croatiae liber unus*», написанный на латинском языке, был посмертно издан А. А. Баричевичем в 1806 г. в Буде. Микоци придерживался взгляда на славянский генезис древних обитателей Балкан — иллирийцев, но допускал переселение сербов и хорватов на Балканы. Предположительно, книга Микоци служила учебником по хорватской истории на философском факультете загребской Академии⁹.

Ученым с широкими научными интересами и признанными достижениями был Матия Петар Катанчич (1750–1825). Он родился в Вальпово (Славония). Вступив в число францисканских воспитанников, он учился в разных местах Венгрии (Печух, Буда, Бая, Сегедин), а затем в Вене. Среднюю школу молодой человек окончил в городе

Осиеке, который был наиболее известным францисканским центром в Славонии. Здесь было хорошо поставлено преподавание теологии, философии и латинского языка. В Буде Катанчич в 1778–1779 гг. изучал эстетику и поэтику. Получив хорошее образование, он проникся интересом к древностям.

В 1779 г. Катанчич стал профессором гимназии в Осиеке, затем в Загребе. С 1795 г. он преподавал археологию и нумизматику в пештском университете. В 1800 г. вследствие слабости здоровья Катанчич ушел на пенсию, укрывшись в монастыре и там среди книг скончался¹⁰.

Классическое образование позволило Катанчичу проявить себя в разных гуманитарных областях науки. Он занимался археологией, историей, географией, нумизматикой, филологией, эстетикой. При этом он был талантливым поэтом. Научное и литературное творчество Катанчича было разнообразным, включая небольшие работы, книги, переводы, университетские заметки. Он владел, кроме родного, венгерским, латинским, греческим, немецким, итальянским и французским языками. Но Катанчич писал научные труды исключительно на латинском языке. Далеко не все его работы были опубликованы, многие остались в рукописи¹¹.

Катанчич был первым хорватским археологом с полной научной подготовкой, соответствующей его времени. Его интересовали прежде всего старинные памятники, надписи и монеты. Катанчич писал также о римских городах в Паннонии, о римских провинциях в Подунавье. Его труды и в настоящее время не утратили научного значения¹². Но заключения историка по сложному вопросу происхождения народов Балкан и Подунавья в основном были ошибочны, особенно в части его утверждения о родстве славян и иллирийцев и автохтонности славян на Балканах.

Сочинения Витезовича, Микоци и Катанчича оказали влияние на последующее развитие хорватской исторической мысли.

В XVIII в. историография у северных хорватов представляла собой разрозненные сочинения на латинском языке. Продолжая опыт Ратткая (XVII в.), историческая мысль не упускала из виду былое Триединое королевство. Накопление интеллектуалами исторических фактов сочеталось с освоением методических приемов — описания, систематизации знаний. Критика источников не стала еще основополагающим условием работы. Над историческим мышлением довели политические обстоятельства, отсюда выдвигание на первый план вопросов происхождения славян, их генетического отношения с древними иллирийцами, появления хорватов на Балканах и т. д.

Историография в Хорватии находилась в переходной стадии, постепенно превращаясь из средневекового историописания в науку, способную дать ответ на социальные запросы общества, что предполагало выработку исторической концепции и методических принципов исследования.

XVIII век характеризовался дифференциацией наук. Хорватия не была в стороне от этого процесса. В это время появились историко-литературные и библиографические работы. Б. А. Крчелич написал небольшую книгу, выходящую за рамки его политических и церковно-научных интересов, — «Обозрение писателей королевства Славонии с XIV до XVII в.». Она вышла под псевдонимом «А. Барич» в 1774 г. в Вараждине. Это был первый обзор литературы северных хорватов с давних времен до Витезовича.

Загребский профессор Адам Алойзие Баричевич (1756–1806) издал на латинском языке книгу «Собрание писателей савской Паннонии». По его словам, он хотел описать жизнь и деятельность тех лиц, которые «процветали славой науки». Автор представил кайкавских писателей и упомянул литераторов из Славонии, Боснии, Далмации и Сербии, т. е. из штокавских краев. В рукописи сохранился составленный Баричевичем «Хронологический каталог книг, изданных в Загребе с 1690 до 1800 г.». Загребский профессор переписывался с писателями, историками, лексикографами разных земель.

Современник Баричевича славонский францисканец Й. Якошич (1734–1804) также проявил понимание важности литературно-библиографического труда. Он оставил в рукописи на латинском языке сочинение о жизни славонских писателей с библиографией их произведений¹³.

Новым явлением было выступление Катанчича по вопросам теории литературы. Он предпринял на латинском языке первую попытку рассмотреть хорватскую поэзию с эстетической точки зрения. Еще в 1791 г. в сборнике стихов «Осенние плоды» Катанчич кратко коснулся хорватской просодии, выступая за применение в хорватской поэзии традиционной латинской метрики. Позднее, в 1817 г., он издал в Буде большую работу с изложением своей эстетической позиции, основным принципом которой было построение стихов на хорватском языке на основе греческой и латинской метрики. Для того времени это была уже устаревшая концепция¹⁴.

Одновременно происходило изучение родного языка. В обществе были востребованы словари. Много труда вложил в лексикографические работы Витезович. Он составил «иллиро-латинский» и

«латинско-иллирский» словари. Но они остались в рукописи, причем сохранился только последний. Витезович был сторонником хорватского литературного языка, основанного на лексике трех диалектов: чакавского, кайкавского и штокавского, что получило отражение в его словаре. Он предложил реформу латинской графики, исходя из принципа — для каждого хорватского звука одна буква. Для этого Витезович впервые ввел диакритические знаки. Графические новшества он проводил в своих сочинениях. В 1740 г. вышел в свет при финансовой поддержке хорватского бана Й. Эстергази под редакцией Й. Орловича и А. Мужара большой латинско-хорватский и хорватско-латинский словарь, составленный еще в XVII в. членом ордена паулинов Иваном Белостенцем. Словарь имел название «Gazophylacium», что означало «сокровищница». Основу лексики хорватской части составили в нем кайкавские слова, но дополненные далматинскими и славонскими штокавскими выражениями, как и турцизмами. В словаре получила отражение тенденция к созданию единого письменного языка путем слияния трех хорватских диалектов, еще не получившая строгого научного обоснования¹⁵. Витезович и Белостенец только наметили направление реформирования хорватской письменности.

В 1742 г. появился латинско-«иллирско»-немецко-венгерский словарь. Работу над ним начал Ф. Сушник (1686–1739), выходец из Меджимурья, а закончил и издал профессор теологии Андрия Ямбрешич (1706–1758), родом из местности близ Загреба. В рукописи остался латинско-«иллирско»-немецкий словарь с кайкавской лексикой архиепископа А. Патачича. Это был не обычный триязычный словарь, но своего рода энциклопедия с разъяснением различных общественных и философских понятий¹⁶.

Лексикографическая работа сочеталась с попытками нормирования правописания. Выше уже говорилось об опытах Витезовича в этом направлении. Ямбрешич в своем словаре также высказывался по вопросу графики и правописания родного языка.

Нужды школы обусловили появление учебников. В 1758 г. в Загребе вышла на кайкавском диалекте «Хорватская арифметика» М. Шилобода Болшича. Автор предназначал ее «не для ученых, но для простых людей просто». Появились учебники правописания для школ¹⁷.

Школьная реформа Марии Терезии 70-х гг. XVIII в. дала новый толчок изданию учебных книг на родном языке и переводу учебников и пособий с других языков. Это актуализировало вопрос о граммати-

ке и правописании кайкавского диалекта, о преодолении разноязычия населения Хорватии и Славонии. Рождались идеи решения проблемы в рамках широкой славянской общности. Так, в 1779 г. Иван Виткович в своей грамматике хорватского языка для немецкой молодежи поставил в ряд с «тевтонским» языком «иллирский» в значении общеславянского языка, а «хорватский» (кайкавский диалект) рассматривал как «первороденную дочь» настоящей иллиричины. При этом автор выражал пожелание, чтобы все славянские языки однажды были согласованы, и эту задачу автор возлагал на правителей¹⁸.

В 1783 г. работала специально созданная Веней комиссия по упорядочению правописания диалектов, распространенных в Хорватии и Славонии. Но единое правописание принято не было.

Такого же рода работа велась и в Славонии со штокавским диалектом. В 1735 г. церковный писатель А. Канижлич издал на латинском языке брошюру, в которой объяснил «первые начатки языка Иллирии». Граничарский офицер, писатель-просветитель М. П. Релкович, руководствуясь практической надобностью, выпустил грамматику штокавского диалекта и немецкого языка: «Новую славонскую и немецкую грамматику» (Загреб, 1767). При этом автор прибегал к штокавским далматинским и кайкавским словарям, использовал слова и грамматические формы дубровчан. Пособие Релковича было столь нужной книгой в условиях Военной Границы, где официальным являлся немецкий язык, что оно выдержало еще два издания в Вене в 1774 и 1789 гг. Тот же автор перевел с немецкого языка пособие по овцеводству (Осиек, 1776) и с латинского — учебник «Возникновение естественного права» (Осиек, 1794). Эти работы просветителя способствовали не только продвижению в славонскую среду научно-практических знаний, но и разработке на штокавском диалекте сельскохозяйственной и юридической терминологии. В связи со школьной реформой М. Ланосович выпустил на немецком языке «Новое введение в славонский язык» (Осиек, 1778). В Боснии францисканцы издавали латинскую грамматику с толкованием на штокавском диалекте¹⁹. Работа велась в направлении систематизации штокавского диалекта.

В XVIII в. в Хорватии получили распространение справочные издания на кайкавском диалекте — календари. Самый ранний сохранившийся кайкавский календарь относился к 1653 г. После него, предположительно с 1691 до 1705 г., выходил календарь Витезовича «Месячник» («Mesečnik»). С 1770-х гг. в Загребе издавался «Новый календарь» (с 1812 г. «Хорватский календарь»). В них печатались

календарные сведения, хозяйственные и медицинские советы, стихотворные и прозаические сочинения²⁰. Календари были наиболее распространенным изданием, доступным массе населения. Они свидетельствовали о диверсификации кайкавской книжной продукции.

XVIII век обострил внимание науки к гуманитарным вопросам. В Хорватии и Славонии этому способствовали и ряд специфических факторов. В хорватских условиях выделились как самостоятельные научные знания история, археология, история литературы, лексикография, лингвистика. Здесь не было почвы для развития точных и естественных наук. Давление политических интересов, классический характер образования в иезуитских гимназиях и Академии Загреба при господстве схоластики, характер библиотечного фонда, слабость научного опыта в Хорватии и его отсутствие в Славонии, малочисленность интеллектуальной среды, само зарождение науки в виде грамматики и истории — все это определяло гуманитарный крен хорватского научного мышления. К тому же Хорватия в силу исторических обстоятельств, прежде всего не прекращавшейся длительное время турецкой агрессии, требовавшей для противостояния ей напряжения всех сил общества, не пережила Ренессанса с его подъемом светской культуры, в том числе и знаний, не сложилась здесь и идейная система Просвещения, озаренного культом науки, «мыслящего разума», хотя его свет, исходивший из Европы, и затронул хорватское общество. В Славонии умственная культура на протяжении 150-летнего турецкого гнета вообще находилась в полуживом состоянии и воспрянула к цивилизованной жизни лишь во второй половине XVIII в.

И тем не менее вопреки всему в Хорватии и Славонии в XVIII в. незрелая наука, без крупных имен и мировой значимости открытий, решала локальные, практические, связанные с жизнью задачи. Были предприняты заметные усилия в этом направлении и сделан вклад в гуманитарные знания, необходимый для дальнейшего развития научной мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 1974. Knj. 3. S. 254, 255, 256; Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. Zagreb, 1980. S. 658.
- 2 *Zrinski, Frankopan, Vitezović*. Izabrana dela. Zagreb, 1976. S. 433.
- 3 Ibid. S. 471.

- 4 *Šidak J.* Počeci političke misli u hrvata: J. Križanić i P. Ritter Vitezović // *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 142.
- 5 *Gortan V.* Bilješka o piscu // *Krčelić B. A.* Annuae ili historija 1748–1767. Zagreb, 1952. S. 621.
- 6 *Krčelić B. A.* Annuae... S. 475.
- 7 Enciklopedija Jugoslavije. Zagreb, 1960. 4. Historiografija. S. 10; Povijest hrvatske književnosti. S. 298–300.
- 8 Povijest hrvatske književnosti. S. 312.
- 9 *Šidak J.* Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. S. 178, 351; Hrvatski narodni preporod. Zagreb, 1985. S. 79.
- 10 Povijest hrvatske književnosti. S. 342–343.
- 11 Ibid. S. 343.
- 12 Enciklopedija hrvatske povijesti i kulture. S. 273.
- 13 Povijest hrvatske književnosti. S. 301.
- 14 Ibid. S. 301, 344.
- 15 *Šojat O.* Ivan Belostenec // Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. II. 17. stoljeće. S. 256, 257, 258; Povijest hrvatske književnosti. S. 261; Enciklopedija hrvatske povijesti i culture. S. 726.
- 16 *Šojat O.* Pregled hrvatske kajkavske književnosti od polovine 16. do polovine 19. stoljeća i jezično-grafijska borba uoči i za vrijeme ilirizma // Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. I. Druga polovina 16. stoljeća. S. 27, 28.
- 17 *Šojat O.* Pregled... S. 28; Povijest hrvatske književnosti. S. 304.
- 18 Историја народа Југославије. Београд, 1960. Књ. друга. С. 1020.
- 19 *Matić T.* Matija Antun Relković // Djela Matije Antuna Relkovića. Zagreb, 1916. S. XX–XXII, XXIII, XXIV; Povijest hrvatske književnosti. S. 303, 304, 311.
- 20 *Šojat O.* Pregled... S. 32.

Leshchilovskaya I. I.

Scholarly Thought in Croatia and Slavonia in the 18th century

This article is dedicated to the development of humanitarian disciplines as a part of the culture in Croatia and Slavonia in the 18th cent. The differentiation of knowledge into separate fields — history, archeology, history of literature, lexicography, linguistics — is pointed out. The author discusses the level of research development and the reasons for its slow growth.

Keywords: *Croatia and Slavonia, researches, the 18th century.*

Г. В. Макарова
(Москва)

**Контакты между русскими и поляками в начале XIX в.
и их отражение в походных записках русских офицеров
(1812–1813 гг.)**

Статья основана на дневниках и мемуарных записках русских офицеров периода военных действий 1812–1813 гг. В ней показаны российско-польские контакты, способствовавшие взаимному пониманию и развитию национального самосознания поляков и русских.

Ключевые слова: *русско-польские контакты, военная кампания 1812–1813 гг., национальное самосознание.*

После Отечественной войны 1812 г. и похода русской армии за границу их участники издали множество различных сочинений мемуарного характера (дневников, воспоминаний и т. п.)¹. Преимущественно они были посвящены военным действиям, однако появились и мемуары, описывавшие взаимоотношения русских с местным населением на зарубежных территориях, занятых русской армией. Для изучения конкретных условий пребывания русских войск на польских землях и отношений русских с поляками, в частности на уровне культуры повседневности, значительный интерес представляют записки офицеров российской армии, в их числе И. И. Лажечникова, И. Т. Радожицкого и А. С. Шишкова.

Имя Ивана Ивановича Лажечникова (1792–1869) известно русскому читателю по популярным историческим романам «Ледяной дом» и «Басурман». Лажечников родился в семье богатого коломенского купца, получил хорошее домашнее образование. Уже в 15-летнем возрасте он опубликовал свои первые литературные опыты в журнале «Вестник Европы». С началом Отечественной войны Лажечников вступил в ряды ополчения и прошел вместе с русской армией весь путь до Парижа. В 1820 г. он опубликовал «Походные записки русского офицера»². Позднее Лажечников находился на государственной службе: в 1831 г. он был назначен директором училищ Тверской губернии. Затем, пробыв некоторое время в отставке, вновь вернулся на службу: в 1842–1854 гг. он занимал пост вице-губернатора в Твери и Витебске. В 1856 г. Лажечников служил в Санкт-Петербургском цензурном комитете. Все это время он продолжал заниматься литературным творчеством.

Автор еще одних походных записок Иван Тимофеевич Радожицкий родился в 1784 или 1788 г. (точная дата неизвестна), умер в 1861 г. Воспитывался он в императорском военно-сиротском доме, из которого в 1806 г. вышел подпоручиком и был направлен в Херсонский артиллерийский гарнизон, в 1810 г. произведен в чин поручика. Во время Отечественной войны 1812 г. Радожицкий служил в корпусе М. А. Милорадовича. За отличие в бою под Островно (13 июля 1812 г.) он был награжден орденом св. Анны 4-й степени, затем орденами св. Владимира 4-й и 3-й степени, в 1814 г., после успешных действий в сражении под Парижем, стал штабс-капитаном. Впоследствии Радожицкий участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и в Эрзеруме дважды встречался с А. С. Пушкиным. В 1850 г. в чине генерал-майора он вышел в отставку. Радожицкий был известен также как ботаник-любитель, автор оставшегося неопубликованным 15-томного труда «Всемирная флора, с атласом и иллюстрациями»³.

Написанные И. Т. Радожицким «Походные записки» — свидетельство непосредственного участника Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, в том числе и пребывания русской армии в Польше. Их отрывки публиковались в журналах «Отечественные записки» (1823, 1824, 1826 гг.) и «Московский телеграф» (1831 г.). В 1835 г. «Походные записки» вышли отдельной книгой⁴. Судя по их содержанию, автор вел походный дневник, поскольку в книге он приводит точные даты событий и подробно описывает различного рода бытовые детали. В предисловии Радожицкий, замечая, что сразу после Отечественной войны было написано немало воспоминаний, особо подчеркивал присущую им авторскую субъективность: «Каждый из нас смотрел на происшествия своими глазами и мог заметить то, что другой упустил из вида. [...] По мере отдаления времени возвышается цена минувшему. [...] Не подробности ли частной жизни людей всякого звания объясняют характер, образ мыслей, степень просвещения и нравственность всякого народа?»

Аналогично и содержание предисловия, написанного к своим запискам Лажечниковым: «Писал я их на походах, при свете бивуачных костров, на барабанах и нередко на коне, при шуме идущего рядом войска». Автор подчеркивал, что он «не посвящал себя совершенно военному делу и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка». Издаваемые им записки — это «замечания простого походного наблюдателя, описывавшего единственно то, что было близко к нему, что он видел, слышал достойно»

го примечания и что находил в кругу своем великого и прекрасного в подвигах русского гражданина и воина»⁵. Лажечников словно оправдывается, но для освещения проблематики, затрагиваемой в данной статье, именно такого рода заметки как раз и представляют наибольшую ценность. Хотя Лажечников не уделяет много внимания военным действиям, но текст его заметок насыщен выражением патриотических чувств и буквально пронизан нравоучительными патриотическими сентенциями. Так, после изгнания французов из Москвы, он писал: «Побежден быть не может народ, в самых бедствиях гордый своим именем, в самых горестных потерях не лишившийся добрых нравов, среди жесточайших оборотов судьбы хранящий твердую веру и законы праотцев» (*Лажечников*, 10).

Некоторые сведения, представляющие интерес для характеристики поляков, их отношения к русским и соответственно — русских к полякам, содержатся в походных записках, принадлежащих перу адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754–1841)⁶. В период Отечественной войны и заграничных походов русской армии он состоял при Александре I и в 1812–1814 гг. являлся основным автором текстов императорских манифестов, указов и т. п.

Первое издание записок А. С. Шишкова (1831 г.) открывалось его письмом, адресованным Николаю I. В нем так же, как Радожицкий и Лажечников, автор подчеркивал, что «во время войны с французами, находясь при государе-императоре», он вел записки «не о политических и военных действиях, но о тех монарших повелениях», которые им исполнялись, «и о тех случаях и приключениях, которым был я очевидец»⁷.

Радожицкий начинает свои записки со времени, предшествовавшего началу Отечественной войны: артиллерийская бригада, в которой он служил, располагалась в Несвиже в Минской губернии (на белорусских землях, отошедших к России после второго раздела Речи Посполитой), где и состоялось первое знакомство автора с поляками. Перед войной «стали ловить в Несвиже шпионов, являвшихся под видом комедиантов, фокусников, странствующих монахов и тому подобных». «Наиболее этих шпионов, — замечал автор, — являлось тогда под видом землемеров, или по-польски коморников, которые, попеременно с нашими офицерами квартирмейстерской части, снимали ситуацию окрестностей Несвижа инструментально» (*Радожицкий*, I, 19). Офицерская жизнь проходила весело, ее скрашивали «милые паненки». «Новый год, — писал Радожицкий, — встретили мы танцами, всю масленицу проплясали». В Несвиже

офицеры простояли на квартирах два года, но «при выступлении, — честно признавался автор записок, — нас не провожали, как бывает после хорошего квартирования. Причиной сему, кажется, было то, что поляки думали тогда более о Наполеоне и о возрождении своей отчизны, а жида, составлявшие большую часть жителей в Несвиже, что избавились от лихих москалей» (*Радожицкий*, I, 21). Лажечников пишет о Минске, также считая эту территорию польской: «Я вступил в Польшу и не вижу еще польского города. Здешние обитатели — жида. Они продадут, купят, сделают, сыщут и доставят все, что только продать, купить, сделать и сыскать можно. Вся торговля и промышленность, все искусства и художества платят богатую дань оборотливым и проворным евреям — и золото Польши большею частью сыплется в их широкие карманы. В удел природным ее обитателям достались: возделывание земли и защищение ее. Они питают и обороняют чуждый народ, который, спокойно сидя в своих конторах, лавках, мастерских и корчмах, собирает с них же деньги и их же обманывает» (*Лажечников*, 52–53). И у Радожицкого, и у Лажечникова слово «жид» означает не столько национальность, сколько принадлежность к определенной социально-конфессиональной группе, и проявляющееся у них недоброжелательное отношение не имеет оттенка национального неприятия. Лажечников отрицательно характеризует образ жизни не только еврейского населения. Совершенно категоричен он и в оценке неподобающего поведения офицеров русской армии, весьма объективно отражая случаи, свидетелем которых являлся он сам. Так, Лажечников подробно описывает сцену безобразного поведения русских офицеров в корчме недалеко от Вильно: войдя в корчму, офицеры требуют водки, один из них ударяет по столу нагайкой, другой ссорится с «жидом-корчмарем» и его женой, потом все пьют мировую, затем русский бьет хозяев и т. д. Автор с огорчением замечает, что в семействах русских дворян должны молиться: «Дай бог, чтоб ни один из сих офицеров не был моим братом и даже дальним родственником!» Стыд, негодование и осуждение — вот какие чувства вызывает у автора уровень «бытовой культуры» русских (*Лажечников*, 57).

Эти заметки русского офицера вполне соответствуют свидетельствам польки — жительницы Вильно графини Марии Тизенгауз. В опубликованных ею мемуарах она передавала свои впечатления о пребывании русских войск в Вильно: когда русские войска вошли в город, их появление «не вызвало радости» у населения, начались грабежи, и у самой графини казаки попытались отнять карету.

Графиня вспоминала, как вечерами русские казаки, передевшись в мундиры французских генералов и маршалов, веселились вокруг костра⁸. Командование русской армией, в соответствии с позицией Александра I, прилагало значительные усилия для того, чтобы поддерживать добрые отношения с местным населением. Получив донесение о взятии Вильно, 28 ноября 1812 г. командующий 3-й Западной армией П. В. Чичагов приказал принять все необходимые меры для сохранения порядка в городе, «дабы охранить оный от своевольства и грабежа нижних чинов»⁹.

Лажечников описывает пребывание русских войск в Вильно. По случаю побед русского оружия главнокомандующий М. И. Кутузов дал в городе бал для русских офицеров и польского дворянства, который «удостоил своим присутствием» и император. На балу была разыграна символическая сцена: «Государь, входя в залу, неволью наступил ногою на французские знамена, из которых (так я слышал) одно держал сам фельдмаршал и при входе великого посетителя невидимо преклонил из-за дверей. [...] У Светлейшего, было, по-видимому, прекрасное и весьма игривое настроение». Лажечников приводит и оценку светского поведения Кутузова «польскими дамами», которые «рассказывают также с восторгом, что князь в сей вечер был с ними любезен до бесконечности» (*Лажечников*, 62, 63). Описывая внешний вид Вильно, Лажечников сравнивает его с российскими городами: «Город не обширен, но красивее, многолюднее и живее многих губернских городов России». Улицы не широкие, «дома порядочной высоты и почти все каменные». Далее автор высказывает соображения, так сказать, экономического характера, отмечая, что «сообщение окружных вод с Балтийским морем благоприятно влияет на развитие торговли, которая здесь процветает». Отдельно он отмечает архитектуру здания университета и Дома милосердия (*Лажечников*, 64, 65). С приходом русских войск, замечал Лажечников, жизнь в городе изменилась: «Здесьняя площадь представляет собою каждое утро вид военной ярмарки. [...] Тут грубые жители Азиатских степей, татарин и калмык [sic!], носят на булатных стрелах своих брегетовы и нордтоновы часы; там проворный козак ведет на грозном аркане своем несколько английских лошадей; здесь тяжелый кирасир предлагает вам брабантские кружева и кашемирские шали; далее живой егерь меняет кучу наполеонсдором на русские ассигнации, и усатый гренадер продает вам богатую звезду французского маршала; везде шныряют между ими оборотистые жида, получающие все сии вещи за полцены и менее» (*Лажечников*, 66).

Лажечников отмечал, что Вильно находился в плохом санитарном состоянии, и такое положение требовало принятия срочных мер. После тяжелых боев в городе и окрестностях осталось около 40 тыс. погибших, начавшиеся эпидемии привели к массовой гибели мирного населения в тех местностях, где проходила французская армия. В Вильно предпринимались решительные попытки предотвратить эпидемию. «Ныне Вильна окуривается, — писал Лажечников, — на всех улицах дымятся пучки соломы для очищения воздуха и предохранения города от заразы, могущей случиться от бесчисленного числа лежащих в округе и в городе мертвых тел. [...] Благодаря мудрым попечениям правительства жители и войска снабжены всеми средствами для защиты себя от прилипчивых болезней» (*Лажечников*, 67–68).

С началом войны корпус Милорадовича, в котором служил Раджицкий, также оказался в Литве. В Слониме, куда прибыли артиллеристы, «богатый помещик маршал * П.» устроил бал, где опять появились «миленькие паненки», но мысли военных были все еще заняты «несвижскими» барышнями (*Раджицкий*, I, 23). Автор был достаточно молодым человеком, и «милые паненки» его весьма интересовали. По своему воспитанию и манерам польки отличались от русских девиц — они легко и уверенно держались в обществе и умели расположить к себе русских офицеров. Большое впечатление произвело в городе на Раджицкого и посещение зверинца князя Радзивилла.

О настроениях польского населения в западных российских губерниях Раджицкий писал: «Помещики и шляхта были особенно наэлектризованы прокламациями Герцогства Варшавского; они думали видеть в Наполеоне восстановителя политического бытия древней Польши» (*Раджицкий*, I, 288). Автор вспоминал: «Мы останавливались и на фольварках для квартирования у помещиков. Они принимали нас как виноватые с боязнью и опасением нашей мнимой ненависти. Но мы их разуверили» (*Раджицкий*, I, 289). И снова он возвращался к описанию взаимоотношений с представительницами женской части населения: «Прекрасные польки встречали нас также с робостью, но милыми улыбками и восхитительными глазками. [...] Эти *цуречки* (дочки) изъясляли пред нами скорбь о том только, что война требовала великих пожертвований, приводивших в крайнее разорение обывателей, что они не желали бы восстановления

* То есть «маршалек», предводитель польского дворянства.

отчизны — чем столь мило их польстили — только бы оставаться в покое и не быть нищими» (*Раджицкий*, I, 290). В другом месте он еще раз обращался к этому сюжету: «Прекрасный пол в Польше столько отличен, что даже из простых шляхтянок много есть очень прелестных. Русские офицеры могут похвалиться особенным к ним расположением милых полек: они признают в них мужество и силу как достоинства, в некотором отношении преимущественные» (*Раджицкий*, I, 293).

Полные восхищения чувства вызывает польская женщина — «милая сарматка» — и у Лажечникова. Двадцатилетний русский офицер наделяет ее качествами мифологических богинь. «Как прелестна полька! — восторгается он. — Покоится ли на роскошном диване: это Венера, ласкающая дитя любви на коленях своих, окруженная Играми, Смехами и Негой, в час, когда ожидает к себе величественного Марса или нежного Адониса! Кружится ли в мазурке: это милая Флора, играющая с Зефиром! Собирает ли милостыню для бедных, скрывая род и прелести свои под флером скромности, — это существо, которому в древности вознесли бы алтари. Полька одевается прелестно. Стан ее — стан Нимфы: Купидон, во младенчестве своем, мог бы окружить его ручонками своими. Посмотрите на ножку ее: она вылита по форме ноги Медицейской Венеры, она обута Грациями! Каждое движение Польки есть жизнь, каждое изъяснение ее — душа! Никто скорее ее не оживит скучного общества. [...] Пустите в круг живых полек молодого человека, вышедшего из рук Природы неловким, не образованным, холодным к изящному, — и вы увидите, как он переменится в школе сей, вы увидите, как развернутся в нем ум, дарования и чувства!» (*Лажечников*, 80, 81, 82). Восхищение вызывают манеры и внешность полек. Однако совершенно иную оценку дает автор внутренним, нравственным качествам: польских женщин, специально подчеркивая, что делает это с чужих слов польки воспитываются для общества, а не для домашней жизни, не для супруга. «Ветренность, непостоянство суть отличительный их характер. Нигде нет столько разводов, как в Польше», — отмечает мемуарист. Таким образом, прелестные польки не соответствуют идеалу русской женщины, по представлениям русского офицера. Лажечников сам себе делает выговор за то, что не щадит полек во имя правды: «О, истина! Зачем пришла ты своею мрачною кистью замарать блестящие краски, наложенные мною в восторге чувств моих?» (*Лажечников*, 82, 83).

Однако не только милые польки занимали мысли русских офицеров. Раджицкий раздумывал и об общем характере отношений между поляками и русскими. В записках он изложил свою точку зрения относительно возможности объединения двух народов: «Ежели язык и вера составляют главнейшее различие между народами, отчего они не могут сродниться и питают взаимную ненависть, не разумея друг друга, чуждаясь в обрядах веры, то поляки по необходимости должны сродниться с русскими в одно великое племя народа славянского, под одну державу, под одни законы и веру. Язык польский весьма немногим разнится от русского — корень их одинаковый. В искреннем союзе братства он мог бы составлять одно общее наречие. Вера та же, христианская, с некоторым различием в обрядах, нужна только любовь, чтобы быть без ненависти братьями одного племени» (*Раджицкий*, I, 290). Эти рассуждения он подкреплял следующими соображениями: «По географическому положению в Европе Польша не может существовать отдельно от России, ибо она никогда не может быть сильнее этой обширной империи для избежания влияния от ее могущества. Итак, надлежит смириться, надлежит приятную мечту национальной свободы променять на существенность необходимой зависимости и наслаждаться тем спокойствием, которое ныне Россия дарит Польше, охраняя ее под могущественным крылом своим» (*Раджицкий*, I, 291).

В записки включены и зарисовки, касающиеся повседневного быта, простых житейских удобств, недостаток которых остро ощущался в походных армейских условиях. Когда бригада Раджицкого вступила в Гродно, офицеры радовались, что в городе работают рестораны, «где за умеренную плату могли мы, — отмечал автор, — после черствых сухарей, понежить вкус свой польскими потравами (кушаньями. — *Г. М.*) и зразами, гультайским бигосом, и выпить филижанку кавы (чашку кофе. — *Г. М.*) с жирною сметанкою из рук милостивой каси (уменьшительное от польского имени Катажина. — *Г. М.*) — известно, что в целой Европе нигде не приготавливают столь хорошо кофе, как в Польше» (*Раджицкий*, I, 292). Текст записок переполнен полонизмами, что придает им некоторый оттенок шегольства, подчеркивается знание автором польского языка и реалий, и в то же время их употребление и сама интонация рассказа свидетельствуют об определенной симпатии к полякам.

В январе 1813 г. корпус Милорадовича пересек границу Княжества Варшавского. Раджицкий, описывая в своих записках экономическое положение населения, добавляет некоторые этно-

графические замечания: «Несмотря на то что жители Герцогства Варшавского были разорены непомерными требованиями французов, они оказались в лучшем состоянии против литовцев: избы их чище и по хозяйству они зажиточнее. В селениях, около каменных костёлов, полубритые, подобно малороссиянам, польские мужики являлись в синих кафтанах: народ крупный и здоровый» (*Раджицкий*, II, 9). Автор упоминает и о военных действиях на территории Княжества Варшавского. Их своеобразие он объяснял тем, что с австрийцами, находившимися в княжестве, была достигнута договоренность избегать прямых кровопролитных столкновений (в январе 1813 г. между Австрией и Россией была подписана секретная конвенция о перемирии, которой предусматривалась также мирная передача Варшавы русским войскам). «Целью нашего движения, — писал Раджицкий, — было занятие Варшавы, защищаемой 35-тысячным корпусом австрийцев под командою князя Шварценберга и 8000-м корпусом поляков. Австрийцы занимали еще правую сторону Вислы, но с приближением русских уступали им со всею вежливостью врагов, готовых помириться. В авангарде австрийские офицеры встречались с нашими дружелюбно и оставляли нам свои магазины (склады. — Г. М.) в целости» (*Раджицкий*, II, 109). Подоплека сложившейся ситуации не составляла секрета для русских офицеров: князь Шварценберг, отмечал Раджицкий, располагая 45-тысячным войском, мог бы защищать Варшаву и всю линию крепостей по Висле, но он не намерен был жертвовать австрийскими силами «для поддержания упадающего величия Наполеона». Как свидетельствовал автор воспоминаний, в главную квартиру корпуса Милорадовича, располагавшуюся в Плонске, приезжали депутаты из Варшавы, «в присутствии которых наши войска парадировали» (*Раджицкий*, II, 110). В его записках приводится забавный эпизод, произошедший при встрече с австрийскими войсками: русским предстояло вступить в деревню, которую должны были оставить австрийцы. «Разохотившись идти вперед, — писал автор, — мы поднялись с ночлега слишком рано, а потому принуждены были дожидаться, пока дружелюбные неприятели наши кончили свой завтрак и уступили нам место. [...] Таким образом, — заключал он, — проходили мы Герцогство Варшавское без боя и не встречая неприятеля» (*Раджицкий*, II, 17, 19).

16 января 1813 г. авангард корпуса Милорадовича вступил в Варшаву, а 19-го — в Сухоцин. Квартировали, вспоминал Раджицкий, у ксендза, который угощал, «чем мог», и «весьма не-

годовал на Наполеона». «По вечерам у бригадного командира собирались музыканты. Будучи всем довольны в продолжение похода и не встречая нигде неприятелей, — записал русский офицер, — мы проводили время в своем обществе весело» (*Раджицкий*, II, 11).

24 января основные силы корпуса переправились через Вислу и двинулись к Варшаве. Раджицкий отметил: «Селения были чище и благовиднее, жители состоятельнее и наречие языка правильнее» (*Раджицкий*, II, 11). В столице Княжества Варшавского, писал мемуарист, «городские старшины встретили победителей с хлебом и солью и представили ключи на бархатной подушке», т. е. приветствовали по всем правилам того времени. На квартирах были приготовлены «лакомые обеды». Один из таких обедов был описан автором со слов сослуживцев: «Одна знатная Армида [...] приготовила в очаровательном саду своем, в загородном доме, великолепный стол, разукрашенный цветными гирляндами, где прелестные нимфы ее были прислужницами — для угощения генералов и штаб-офицеров» (*Раджицкий*, II, 16). При этом Раджицкий делает любопытное замечание: «Однако эта приветливость казалась также подозрительною, и русские не вверялись сладкой отраве лукавых патриотов польских». По мере продвижения русских войск на запад Раджицкий все яснее видел различие в экономическом положении населения: «Чем дальше отходили от Варшавы, тем явственнее обнаруживалось благосостояние жителей, несмотря на то что они много пожертвовали французам» (*Раджицкий*, II, 17). «После больших трудов прошедшей кампании в России и скудного продовольствия в разоренной Польше по ту сторону Вислы мы входили в благословенные страны трудолюбия и образованности» (*Раджицкий*, II, 19), — таким образом, автором подчеркивается мысль о том, что страны, через которые проходили русские войска, в лучшую сторону отличались от восточных соседей в цивилизационном отношении. Раджицкий особо отмечал, что «начальство наше строго предписывало, чтобы войска обходились с жителями миролюбиво и ничего не требовали излишнего», а за «прихоти» следовало расплачиваться наличными. Такое отношение диктовалось политикой российского императора Александра I, стремившегося расположить к себе поляков. Им был отдан приказ командованию русской армии стараться причинять как можно меньше вреда местному населению. Согласно Манифесту от 12 декабря 1812 г., подданым Княжества Варшавского, принимавшим участие в войне против России в рядах наполеоновских войск, объявлялась амнистия¹⁰.

Лажечникову также представилась возможность сравнить образ жизни польского населения не только с жителями России, но и с немцами. Путь его военного подразделения не был прямым: «Мы идем теперь то Польшею, то Пруссиию», — записывал он. И это создавало особую возможность более отчетливо увидеть разницу между порядками и обычаями немцев и населения славянских территорий. И в этом сравнении славяне проигрывали: «Перейдите рубеж, разделяющий Польшу с Пруссиию, — писал Лажечников, — и новая, приятная картина представится вашим глазам. Там (в Польше. — Г. М.) много дает Природа, здесь Природа не скупее, но трудолюбие умеет к щедротам ее примешивать свои награды». Автор с уважением отмечает отношение немцев к труду, их стремление к порядку и благоустроенности: «Поля же так населены, что на каждых двух верстах встречаешь прекрасные деревни. Почти в каждой из них найдете трактир, хотя и не богатый, но в котором можно иметь кофе, хорошее масло с белым хлебом и порядочные bratwurst, сосиски. Каждый трактир имеет свою вывеску, украшенную разного рода животными и знаками, которыми небеса, земля и воды изобилуют» (*Лажечников*, 90, 91, 92). Особое внимание автора привлекают корчмы-трактиры, где можно передохнуть и вкусно поесть. Он с удовольствием знакомится с устройством немецких строений, которые отличаются ухоженностью и порядком: «Деревенские дома окружены садами и выглядывают из них только белыми трубами своими. Внутренность их совсем не похожа на внутренность польских хат. Какая в них чистота, какой порядок! Изба просторная, очаг выбеленный, посуда поставлена в большом порядке, в нескольких рядах за прибитыми к стене дощечками, составляющими род открытого шкапа; вся кухня в особенном сбережении» (*Лажечников*, 92, 93). Также высокого мнения он и о телегах для перевозки солдат: это высокие телеги с постеленной соломой, их везет могучая пара лошадей, «заменяющая вам шесть или более кляч польских», — в этом сравнении снова выигрывают немцы. Проходя с войсками в январе 1813 г. через Иогансбург (Восточная Пруссия), Лажечников писал: «Небольшое местечко, сейчас угадаешь по чистоте, по выбеленным домам с крышками (sic!) из черепицы, что местечко это принадлежит пруссакам. Новые обычаи, новые нравы, и признаюсь, в пользу немцев!» (*Лажечников*, 93).

Известно, что при непосредственных личных контактах между представителями разных народов происходит процесс взаимного культурного обмена. На уровне культуры повседневности он, как

правило, выражается в заимствовании манеры поведения, фасонов одежды и обуви, способов и рецептов приготовления пищи, устройства дома и т. п. Однако подобного рода заимствования приветствовались далеко не всеми, многие предпочитали тщательно охранять свое, национальное. Особенно такой подход был присущ людям старшего возраста. А. С. Шишков в своих походных записках описывал случай, произошедший во время заграничных походов русской армии: «На Дону посадили двух приехавших из армии казаков под стражу за то, что один из них привез туда лорнет, а другой оделся также в привезенное им с собою французское платье». Шишков расспросил об этом командовавшего казачьими войсками атамана графа М. И. Платова и от него узнал, что именно он велел наказать молодых людей, «чтоб не вводили новизн в их станицы и тем не портили их нравов и обычаев». Шишков, полностью разделявший взгляды Платова, поблагодарил его за такое «благоразумное решение». Хорошо было бы, добавлял он в своих записках, «если бы и мы после сожжения Москвы опомнились и восхотели быть самими собою, а не обезьянами других»¹¹.

Военные походы давали возможность русским офицерам непосредственно наблюдать за повседневной жизнью представителей другого народа и в какой-то мере даже принимать в ней участие, хотя бы в пассивной форме. На постой в Иогансбурге Лажечников был помещен к ремесленнику. Автор описывает все для русского человека необычное, привлекающее внимание: «Дом разделен на две половины: в одной — мастерская и кухня; в другой — гостиная и спальня нежных супругов. Внутренность последних убрана хорошою мебелью. Ничто не блестит в них, но всякая вещь нравится глазам — потому что всякая вещь на своем месте, каждая безделица показывает искусство, трудолюбие и порядок. На стене висят часы, напоминающие обитателям дома о времени работы и отдохновения. У дверей стоит скромный клавесин и ожидает, чтобы прелестные пальчики хозяйки дали ему жизнь и душу. На окошках в глиняных вазах цветут резеда и гвоздика. В уединенном углу комнаты отдергиваю маленькую зеленую занавесь и нахожу Библию, Молитвенник Геснера (издатель. — Г. М.) — и Гете. На стенах висят картины, представляющие разные черты из жизни любимого короля прусского». Изображены на них были прусский король Фридрих, его супруга Луиза, Суворов, Чертов мост (*Лажечников*, 93).

Присущее немцам трудолюбие настолько поразило молодого автора, что он упоминает о нем неоднократно: «Не требуйте к себе хозяи-

на дома. Он сидит в своей мастерской и не беспокоится ни о чем, как о работе своей. Нахлобучив колпак на голову, в кожаном своем фартуке, не выпуская трубки изо рта, протягивая иногда руку к огромному стакану пива, перед ним неизменно стоящему, флегматически распевая любимую песенку, он в определенные часы трудов глух, слеп и нем для всего постороннего». Затем Лажечников сравнивает отношение к труду немца и русского, которые, по его мнению, преследуют разные цели, занимаясь дополнительной работой: «Поработаю несколько времени больше обыкновенного — думает русский — и заготовлю хлебо-солыцам моим более мяса, меду и браги! Лишний час труда, — говорит немец, — и лишнее украшение в моей комнате!» Прекрасное впечатление на автора записок производит и дочь хозяина — она и кофе подает, и помогает матери по хозяйству на кухне, после обеда — сыграет на клавесине, споет «тирольскую песню», потом сядет за рукоделие или «побеседует с героями любимых ее романистов Коцебу и Лафонтена», а «вечером — готова на бал!». «Вот каковы дочери немецких ремесленников!» — восклицает автор (*Лажечников*, 95).

Не менее Лажечников восхищается также и их организаторскими способностями, например тем, как устраивается бал. Пригласительные билеты через слуг, как принято в России, не рассылались, достаточно было сказать несколько слов бургомистру («русские офицеры просят город на бал»), и все городское общество в назначенное время прибывает. Происходящее на балу ему нравится: «Все так пристойно, с таким вкусом одеты, так ловко танцуют, так умно вас занимают, что вы забудетесь и станете мечтать, что находитесь в порядочном кругу московском. Некоторые девицы очень хорошо говорят по-французски*». Европейское воспитание удивляет автора: если русский генерал приглашает девушку-немку на танец, то она отнюдь не смущается и просто благодарит, сохраняя чувство собственного достоинства, а танцуя, во время беседы «вплетает похвалу героям Севера». Автор восторгается: «Вот каковы немки! Мы только что успели их узнать, и уже в восхищении от них!» (*Лажечников*, 97, 98).

О передвижении русских войск, путь которых пролегал по Княжеству Варшавскому и Восточной Пруссии, и встрече их местным населением упоминал в своих записках и А. С. Шишков.

* Это место в тексте автор снабжает собственным комментарием: «Упоминаю о французском языке для тех, которые считают его за главное достоинство образованного человека».

«Пруссаки оказывали нам великую радость при появлении нашем», — писал он и, в силу занимаемого положения хорошо разбираясь в сложившейся международной политической ситуации, замечал, что король их не «смел гласным образом соединиться с нами», поскольку его крепости, да и сама столица находились в руках французов. Иным, отмечал Шишков, было отношение со стороны польского населения: «В поляках, напротив, не приметно было никаких восторгов»¹². Так же, как и Лажечников, адмирал упоминал о мирном вхождении русских войск в Варшаву, однако, в отличие от младшего по чину офицера, это не было описание, а скорее повод для оценки позиции поляков. Он замечал, что Варшава, «по выходе из нее австрийского военачальника князя Шварценберга, отступилась от мнимых защитников и восстановителей своих французов и поднесла ключи свои полководцу нашему Милорадовичу». Видя общий характер событий с более высокого положения, в ином масштабе, Шишков просто перечисляет взятые русскими войсками польские города: «Пиллау, Познань, Люблин, Калиш были также освобождены от неприятелей»¹³. Пребывание в Калише, где находилась ставка главнокомандующего и где они пробыли некоторое время, Шишков описывал несколько подробнее. «Прибытие наше оживило город», — отмечал он. Начали устраиваться званые обеды и балы, но «сии вечерние увеселения» не радовали, «„memento mori“ не выходило из ума и при забавах», — писал он. Грустные настроения объяснялись не только возрастом, но и тем обстоятельством, что дом, в котором квартировал адмирал, находился рядом с кладбищем, и «всякое утро мимо окон наших провозили не меньше десятка гробов»¹⁴.

Военные события повернулись так, что Лажечников вновь оказался на польской территории, в Цеханове («Опять в Польше!»), и на окружающий мир он смотрел уже иными глазами: «Скоро ли перестанет возмущать душу вид польских крестьян, падающих к ногам вашим и беспрестанно обнимающих ваши колена?» — писал он. Свое внутреннее душевное состояние автор описывал в следующих словах: после цветущих лугов словно попал в болото. С огорчением он отмечал: «Проходя здешние места, пробегаешь будто бы мрачные страницы из истории феодального правления средних веков. [...] Хотя просвещение вводит сюда понемногу любовь к человечеству. Но это только лишь в малой степени. И донныне человек не стыдится считать подобного ему *вещью*, не краснеет, видя его ползущим у ног своих, как пресмыкающееся животное!» Лажечников выносит свое

мнение: «Не спрашивайте о нравственности здешнего народа: — существует ли она там, где ею торгуют? Здесь нет ни одного селения без корчмы, или просто все здешние селения можно назвать корчмами». Он винил польских помещиков в том, что они «отдают крестьян на *упой* жидам». «Надобно искренно жалеть о стране, где золото ценится дороже добрых нравов, составляющих душу и силу царств», — к такому выводу приходил автор записок (*Лажечников*, 98, 99). Размышления о будущем Польши не оставляли его и в последующие дни. Находясь в Плоцке, он вновь возвращается к этому вопросу: «Благородно всякому гражданину мечтать о восстановлении имени своего отечества. Но страна, где знатность, пользуясь всем и всем управляя, единственно о себе думает, где народ пресмыкается в ничтожестве и где не существует среднего состояния — страна сия не могла льстить себя и тенью прежнего величия» (*Лажечников*, 102). Лажечников приводит свои представления о социальной структуре польского общества: «В Польше только три состояния: дворянство, духовенство и земледельцы; чуждый народ жидовский составляет в ней четвертый, средний класс. Какое необозримое между ними расстояние! Какое между ними различие мыслей и чувствований! Какой ужасный перевес первых двух состояний, между собою тесно связанных одинакими желаниями честолюбия против третьего, который кажется от них совершенно отброшенным!» Он продолжает далее свои рассуждения: «В Польше главная политическая пружина есть дворянство, но она действует для собственной силы и величия. Все хотят царствовать». Невозможно, по его мнению, «соединить сословия». «Разве мудрый оборот правления может произвести сие чудо? Разве исчезнет в польских дворянах дух честолюбия и заменится истинною любовью к отечеству, народ насладится лучшею участью и, воспользуясь природными силами, родит в собственном классе землепашцев среднее сословие: до того времени Польша останется тем, чем была уже несколько лет — покорною чуждым державам странюю». Таковы были размышления русского офицера о возможном будущем Польши, ее восстановлении как независимого государства (*Лажечников*, 102, 103).

«Походные записки» Радожицкого и Лажечникова и, в меньшей степени, записки Шишкова принадлежат к тем немногочисленным источникам, в которых нашли отражение контакты между поляками и русскими в ходе военных действий 1812–1813 гг. Они показывают соотношение и взаимосвязь событий, имевших макромасштабный характер, и событий менее значительных, в том числе относящих-

ся к микроистории, т. е. причастность к большим событиям «простых» людей. Вопрос о том, какое влияние оказали на развитие национального самосознания русских походы российской армии в Европу, давшие возможность русским непосредственно познакомиться с политическим устройством европейских стран, с жизнью их населения, рассматривался в отечественной историографии в связи с изучением проблемы зарождения и развития идеологии декабристского движения. Как ни парадоксально, на первый взгляд, в определенном ракурсе война может рассматриваться и как фактор встречи национальных культур. Контакты между людьми, принадлежащими к враждующим сторонам, могут носить и позитивную окраску, способствовать взаимному узнаванию друг друга. Личные контакты между представителями разных народов в военное время, в частности русских и поляков, имели относительно широкие размеры и осуществлялись на уровне средних и нижних слоев населения, а не только преимущественно элитарных, как это происходило в мирное время. Они способствовали лучшему пониманию как русскими поляков, так и соответственно поляками — русских. Пребывание русских войск на польских землях, общение поляков и русских расширяло представления поляков о русских, по крайней мере об определенной (и в то же время достаточно разнородной в социальном плане) группе — военных. Как видно из походных записок И. Т. Радожицкого и И. И. Лажечникова, крупных конфликтных ситуаций между представителями обоих народов на уровне бытового общения не возникало. Знакомство русских с жизнью поляков, конкретными людьми и их повседневным бытом воздействовало, с одной стороны, на формирование стереотипа соседнего славянского народа, а с другой — влияло на процесс становления собственного национального самосознания. Сопоставление уровней развития, в том числе и в сфере культуры повседневности, вело к более полному разностороннему осознанию места собственного, русского, народа на европейской арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Почти сто лет спустя фрагменты многих из них были опубликованы в едином издании. См.: 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников / Сост. В. Харкевич. СПб., 1909. Вып. 1–2. По этой проблематике см. также: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская

- мемуаристика. М., 1980; *Он же*. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997.
- 2 [Лажечников И. И.] Походные записки русского офицера, изданные И. Лажечниковым, действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете и Санкт-Петербургского общества любителей словесности. СПб., 1820. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием автора и страниц.
- 3 Биографические сведения о И. Т. Радожицком см.: Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. С. 601.
- 4 [Радожицкий И. Т.] Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии полковника И. Т. Р[адожицкого]. М., 1835. Ч. 1–2. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием автора, части и страниц.
- 5 [Лажечников И. И.] Походные записки... Предисловие (без пагинации).
- 6 [Шишков А. С.] Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре Первом в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1832. Адмиралом Шишков стал в 1823 г. (с 1799 г. был контр-адмиралом), а в 1812–1814 гг. он сопровождал в военных походах императора в звании государственного секретаря (см.: *Каллистов Н. Д.* Русский флот и Двенадцатый год. Роль и участие флота в Отечественной войне, в связи с циклом наполеоновских войн России. СПб., 1912. С. 183).
- 7 [Шишков А. С.] Краткие записки... Письмо императору Николаю I от 17 мая 1831 г. (без пагинации).
- 8 [Шуазель-Гуффье М.] Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель-Гуффье, урожденной графини Тизенгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе М., 1912. С. 97, 102.
- 9 Отечественная война 1812 года. Отделение 1. СПб., 1911. Т. 15. С. 160.
- 10 Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, следовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 91–92.
- 11 [Шишков А. С.] Краткие записки... С. 97.
- 12 Там же. С. 78.
- 13 Там же. С. 78, 80.
- 14 Там же. С. 92.

Makarova G. V.

Russian-Polish Contacts in the Beginning of the 19th cent. and their Reflection in the Memoirs of Russian Officers (1812–1813)

This article presents Russian-Polish private contacts during the war of 1812–1813. It is based on memoirs and diaries of Russian officers. In general, these contacts helped to develop mutual understanding and influenced on the national self-conscience of both the Russians and the Poles.

Keywords: *Russian-Polish contacts; the war of 1812–1813; national self-conscience.*

Л. Ю. Аристова
(Москва)

О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи славянского единства в России

В статье рассматривается восприятие О. М. Бодянским и Н. В. Гоголем идей славянофильства, общее и специфичное в их влиянии на эти идеи.

Ключевые слова: *О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь, славянофилы, славянская идея.*

История развития общественно-политической и философской мысли в России 30–40-х гг. XIX в. была отмечена оформлением концепции славянофильства, нашедшей широкий отклик, в частности, в академических и литературных кругах. В то же время, ввиду узкой партийности славянофилов и их жесткого идеологического противостояния с концепцией западничества — противостояния, нередко придававшего их движению, по словам Н. А. Бердяева, «отъединяющий, а не объединяющий» характер¹, многие выдающиеся фигуры той эпохи, повлиявшие на становление славянофильства, оказывались в положении «примыкающих» или «близких» к «восточной партии», а не ее членов. Среди подобных деятелей особое место принадлежит одному из основоположников российской славистики О. М. Бодянскому, а также такой неординарной фигуре в созвездии великих писателей России, как Н. В. Гоголь. В контексте данной работы представляется целесообразным рассмотреть их совместно, не в последнюю очередь потому, что именно к вышеуказанному периоду времени относится их творческий диалог, развивавшийся вокруг близкой им обоим славянской тематики, соответственно сблизившей их и со славянофильством. В то же время, хотя ни одного из них нельзя однозначно отнести к «партийным кругам» славянофилов, влияние и фактический вклад О. М. Бодянского и Н. В. Гоголя в формирование славянофильской идеологии в России сложно переоценить.

О. М. Бодянский по праву считается одним из «отцов-основателей» отечественной славистики. Возглавлявший кафедру истории и литературы славянских наречий Московского университета с 1842 г., а с 1866 г. — историко-филологический факультет², он заслуживает особого внимания как знаток, собиратель и издатель памятников славянской письменности, как составитель первой

Славянской учебной библиотеки, ставшей основой для изучения культуры, истории, этнического состава, языков и литератур славянских народов не только в Московском университете, но и в России в целом. Заслуги Бодянского в области пропаганды славянской книги в России, обмена научной, учебной и художественной литературой между славянами разных государств огромны. Именно Бодянский сумел ввести в отечественный научный оборот переведенные им труды славянских будителей (национальных просветителей), сделать славянскую книгу доступной научной общественности и учащейся молодежи.

С 1832 г. М. П. Погодин ввел Н. В. Гоголя в круг московской творческой и академической интеллигенции. После 1834 г., когда Гоголь был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, Бодянский, в том же году окончивший университет, стал близким другом и одним из постоянных собеседников писателя. У Бодянского Гоголь брал уроки сербо-лужицкого языка, чтобы почувствовать красоту сербских народных песен, собранных одним из величайших деятелей «славянского возрождения» Вуком Караджичем. Историю отношений Гоголя и Бодянского можно проследить практически до конца жизни писателя, хотя, по мере отхода Гоголя от непосредственных занятий научной деятельностью, соответствующая составляющая их сотрудничества также пошла на спад. Тем не менее Бодянский принимал живое участие в литературном творчестве Гоголя и в 1842 и 1846 гг. способствовал тому, чтобы поэма «Мертвые души» была напечатана в типографии Московского университета, а также хранил у себя рукопись «Размышлений о Божественной Литургии».

Сохранился рассказ поэта и журналиста Н. В. Берга о дружбе Гоголя с Бодянским: «Каким-то таинственным магнитом тянуло их тотчас друг к другу: они усаживались в угол и говорили нередко между собой целый вечер горячо и одушевленно». Если же Бодянский отсутствовал в числе приглашенных, то «появление Гоголя на вечере, иной раз нарочно для него устроенном, было почти всегда минутное. Пробежит по комнатам, взглянет; посидит где-нибудь на диване, большей частью один; скажет с иным приятелем два-три слова из приличия ... — и был таков»³. Искреннее расположение Гоголя к Бодянскому, а также свидетельство общности их творческих интересов нашло отражение даже в кратких приписках к письмам общих знакомых, адресованным писателем О. М. Бодянскому. В качестве примера можно привести строки Гоголя, содержащиеся в послании

М. П. Погодина к Бодянскому из Рима от 21 марта 1839 г.: «И я при этом тоже пользуюсь этим очень приятным для меня случаем. ...Притом же вы писали, что будете скоро в Риме. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с вами в Праге, или лучше в Мариенбаде, и поговорить о многом интересном для нас обоих. Прощайте и будьте здоровы. Искренне вас любящий земляк Н. Гоголь»⁴. Подчеркнем, что немаловажным моментом, сближавшим Бодянского и Гоголя, являлось их происхождение: оба они являлись уроженцами Украины (в принятой в XIX в. терминологии — Малороссии). Более того, оба они родились в Полтавской губернии — О. М. Бодянский в местечке Варва Лохвицкого уезда, а Н. В. Гоголь — в Больших Сорочинцах на границе Полтавского и Миргородского уездов⁵. Учитывая неподдельный интерес, который и Н. В. Гоголь, и О. М. Бодянский испытывали к «малороссийским древностям» и, в частности, украинскому фольклору как ценнейшему источнику знаний по славянской филологии, общие корни приобретали для них, особенно для увлекавшегося поиском символического смысла событий Гоголя, особое значение.

В середине 30-х гг. XIX в., когда Гоголь получил место адъюнкт-профессора истории Петербургского университета и работал над своим нереализованным в конечном итоге проектом «Истории Малороссии», его сблизил с О. М. Бодянским и интерес к идее «славянского единства» («славянской идее»). Примерно с этого времени берет начало история взаимоотношений писателя и ученого со славянофильскими кругами. Заметим, что концепцией, связавшей и Бодянского, и Гоголя, и славянофилов, была именно «славянская идея», хотя, несомненно, позиции каждой из трех сторон отнюдь не были идентичны.

«Славянская идея» как идеологический феномен сформировалась в России в первой половине XIX в. Особенно актуальными в контексте формирования «славянской идеи» для ученых-славянофилов становилась проблема этногенеза славянских народов и происхождения церковнославянского языка, а для увлеченной «славянской идеей» общественности — осознание не только конфессионального единства русских с православными славянскими народами, но и осознание общности славянских судеб и этнического менталитета. Однако необходимо признать, что в России первой половины XIX в. отсутствовали систематические сведения по культуре и истории славянских народов, не был понятен этнический состав славян, еще не началось фундаментальное изучение славянских языков. Достаточно часто этнический состав славян рассматривался исходя из объеди-

нявшего славянский мир с Россией православия: говоря о славянах, подразумевали в основном сербов и болгар. В стороне оставались католические и протестантские славянские народы: поляки, хорваты, чехи, словаки, лужичане и др. Не в последнюю очередь благодаря кропотливой просветительской деятельности О. М. Бодянского и других российских славистов чехи, лужичане и словаки в конечном итоге получили в славянофильских кругах России признание и поддержку, даже несмотря на свою «инославную веру».

Этнический состав славянского мира в начальный этап развития славяноведения был неясен не только для широких кругов российской общественности, но и для филологической и этнологической науки. Известно парадоксальное мнение российского историка XVIII в. И. Н. Болтина, который называл чудь, шведов и финнов славянскими народами⁶. Известный исследователь русской литературы и общественной мысли А. Н. Пыпин позднее писал об этом периоде: «В начале XIX ст. у нас не было ни одного человека (по крайней мере, нельзя указать этого в литературе), который был бы в состоянии перечислить правильно славянские племена, указать на карте мира их жительства и хотя бы самым общим образом обозначить их исторические отношения»⁷.

Трактовка «славянской идеи» славянофильскими кругами носила довольно ограниченный характер. Воспринимая Россию и русский народ как средоточие славянского духа, славянофилы придавали им мессианские функции предводителей и покровителей мирового славянства.

Соответственно, с миром общинным (славянским) связывались полнота и многообразие душевной и духовной жизни, идея соборности. Немаловажно для понимания идей славянофилов напомнить, что они осуждали Запад за отпадение от Вселенской Церкви, называли разделение церковью главным и роковым событием христианской истории и усматривали в его преодолении единственный путь к разрешению «Великого Спора» между Востоком и Западом⁸. Главными представителями движения в тот период являлись С. Т., И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков, В. А. Черкасский и др. Близки к славянофилам были В. И. Даль, А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Ф. И. Тютчев и др.

О. М. Бодянский своими научными изысканиями, предоставлением неопределенного фактического славяноведческого материала немало способствовал заинтересованной российской общественности в

пробуждении интереса к идее «славянской взаимности». Бодянский дебютировал в 1837 г. изданием своей магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен». Эта работа явилась первым в России подлинно академическим исследованием фольклора славянских народов, однако при этом она проникнута идеями «классического славянофильства», пожалуй, гораздо в большей степени, чем любой другой из трудов Бодянского. Рассматривая произведения народной поэзии «Сербов, Болгар, Русских вообще (т. е. русских, украинцев и белорусов — Л. А.), Славян в Боснии, Штирии, Каринтии, Карниолии, Венгрии, Хорватии»⁹, а также чехов и словаков, Бодянский утверждал, что «славяне своей народной словесностью богаче всех других европейских народов»¹⁰. Подобная идеализация славян, по меткому выражению одного из критиков, представленных «народом умнейшим, добродетельнейшим и славнейшим во всем мире»¹¹, была крайне характерна для славянофильских кругов.

При этом О. М. Бодянский подчеркивал, что «ни одно наречие славянское не удалилось так одно от другого, не представляет собой такой разницы, которую мы находим между романскими и немецкими языками»¹². В этой близости славянских языков, умении славянских народов понимать друг друга и соперничать друг другу, по мнению ученого, и заключался залог «славянского единства». Еще большее фактическое влияние на концепцию «славянской взаимности» имел другой важнейший тезис, выдвинутый О. М. Бодянским еще на раннем этапе своего научного творчества и на протяжении всей его деятельности снабженный солидным корпусом доказательств и примеров, — утверждение об общности происхождения языков славянских народов. «Все нынешние Славянские племена, — писал Бодянский, — суть ветви одного древа, и говорили некогда также одним языком, как говорят одним языком члены самого многочисленного семейства, живущего на известном пространстве, не в дальнем расстоянии друг от друга. Но каков этот язык, нам неизвестно; ибо от него не осталось нам никаких памятников, и говорившие им не знали употребления письма: этой эпохи История не запомнит»¹³.

Разумеется, трактовка ученым церковнославянского языка, лежащего, по его мнению, ближе всего к «общему корню» славянских языков и наречий, как «Русского... X ст.»¹⁴, носила на себе отпечаток свойственного славянофилам романтизма, однако тезис об общности происхождения славянских языков и, соответственно — славянских народов не только надолго пережил российское славянофильство XIX в., но актуален и по сей день.

Новаторское научное исследование, осуществленное Бодянским в годы работы над магистерской диссертацией (1834–1837), было выдержано в нравственном духе, присущем славянофильству. Оно посвящено славянскому народному характеру, который наиболее глубоко и полно раскрывается в народной поэзии. В фольклоре славянских народов Бодянский видел «выражение подлинного бытия, вытекающего из самых недр народного духа». Ученый утверждал, что народная поэзия должна быть отпечатком «жизненного бытия» народа, «отголоском всех его сотрясений, являться в том или ином виде, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положения, обстоятельств, — следовательно, беспристрастно отражать внутреннюю и лицезную сторону существования его, быть своенародной, своевременной»¹⁵. В философском плане методологической основой диссертации Бодянского является идеалистическая концепция философии истории Гегеля, гегелевское представление о «народном духе», вытекающем из самых недр бытия — трактовка, также свойственная славянофильству.

Как справедливо утверждал А. А. Кочубинский, этот «первый официальный труд, кандидатская диссертация, был написан под влиянием лекций Погодина, но свободные труды того же начального периода говорили ясно, куда, в какие области нового, только что формирувавшегося предмета будущей знаменитый московский славист склоняется своими симпатиями»¹⁶.

Бодянский следующим образом определял характер славянских народных песен: «...унылое, томное, грустное, тоскливое чувство; простота, естественность изобретения и изложения, самостоятельность изложения, совершенство отделки, необыкновенная резкость и энергия выражения»¹⁷. Ученый считал, что славянские народные песни проникнуты любовью людей к природе и патриархальной близостью с предметами невидимого мира. Чешская народная поэзия, по мнению Бодянского, носит лирический характер, словацкая — идиллический, сербская — героический, украинская — драматический, русская — повествовательно-описательный. Русской народной поэзии, как утверждал Бодянский в своей магистерской диссертации, присущи такие качества, как «глубокая унылость, величайшее забвение, покорность своей судьбе, какое-то раздолье и плавная протяжность»¹⁸.

Бесспорно, это исследование содержало в себе идеализацию славянства и утверждение исключительности славянского «народного духа». Коль скоро ярчайшим выражением народного духа

является народная поэзия, то ее исключительность и красота непосредственным образом влияют на полноту народного бытия, — подобное утверждение содержится в магистерском исследовании Бодянского.

Семена идей О. М. Бодянского упали на благодатную почву, когда к 40-м гг. XIX в. интерес к «славянской идее» и, следовательно, славянским языкам и литературам в русском обществе резко возрос. В славянофильских кругах, близких к ним, сформировалась аудитория, способная живо интересоваться историей славянских языков и культур. При этом следует подчеркнуть, что уже в своих ранних произведениях Бодянский продемонстрировал взгляды, куда более широкие и объективные, чем ограниченное «партийными соображениями» понимание славянофилами «славянского единства». В 1835 г., в одном из своих самых ранних научных трудов «Рассмотрение различных мнений о древнем языке Северных и Южных Руссов», ученый фактически подошел к идентификации славян на основании языкового и этнического родства народов, игнорируя типичные для славянофилов религиозные и прочие политические критерии. При этом он активно ввел в сферу своих исследовательских интересов польский язык, признавая его одним из интереснейших предметов изучения. Тем не менее принижение Бодянским степени влияния польского языка на «письменный Белорусский и разговорный Малороссийский» вполне отвечало идеям славянофилов и, несомненно, впоследствии было поднято ими на щит¹⁹.

Мы видим, что научная концепция О. М. Бодянского в значительной степени соответствовала идее «славянского единства». И в то же время она была гораздо практичнее и рациональнее, оказалась далека от идей о мессианской роли Российской империи и православия в славянском мире и, главное, базировалась не на эмоциональных лозунгах или политической конъюнктуре момента, а на объективных данных научных исследований.

Свою славистическую концепцию О. М. Бодянский практически развил в курсе лекций по «истории и литературе славянских наречий», которые он читал в Московском университете с 1842 по 1848 и с 1849 по 1868 г. Следует подчеркнуть, что еще в середине XIX в. Бодянский создал фундамент для понимания славяноведения как комплекса гуманитарных наук²⁰. Подчеркнем, что при этом ученым соблюдался принцип паритетности в преподавании языков, литературы и истории всех славянских народов, не исключая «ино-

славных» чехов, хорватов, словенцев, словаков и лужичан, а также «пресловутых» поляков.

Можно предположить, что посещение лекций Бодянского способствовало тому, что молодое поколение славянофилов, период высшей общественной и политической активности которых пришелся на 1850–1870-е гг., получило солидный багаж научных знаний по славистике. С уверенностью можно говорить, что постепенное смещение интересов славянофильских кругов России в сторону внешней политики (поддержка национально-освободительной борьбы балканских славян, а также национально-просветительского движения «австрийских» и «германских» славян) не в последнюю очередь опиралось на кадры, воспитанные на лекциях ученого.

О. М. Бодянский считал одной из непосредственных задач своей педагогической, научной и общественной деятельности формирование «славянского самосознания», что следует из его первой лекции прочитанной на кафедре славяноведения Московского университета. Труды Бодянского, посвященные «славянским наречиям» и вопросу происхождения «славянских письмен», кроме чисто лингвистической направленности содержали и идейно-философские элементы. Они были направлены на формирование в России «славянского самосознания» и пропаганду «славянского единства». Это стало возможным благодаря активному внедрению О. М. Бодянским в образованные читательские массы идей и трудов славянских «будителей» — не только благодаря созданной им в Московском университете Славянской учебной библиотеке, но и во многом с помощью «Чтений Общества истории и древностей российских» (ЧОИДР), редактором которых Бодянский являлся после избрания его в 1845 г. секретарем Московского общества истории и древностей российских.

В этом контексте следует подчеркнуть, что плодотворные контакты между русскими славянофилами и русской общественностью в целом, с одной стороны, и славянскими «будителями» — с другой, возникли во многом благодаря личным связям и знакомствам Бодянского. В почетные члены Общества истории и древностей российских по настоянию Бодянского были избраны: Д. Зубрицкий (автор «Истории о Червонной (Галицкой) Руси»), а также ученые, литераторы и деятели национального просвещения ряда славянских стран — чехи В. Ганка, Ф. Палацкий и Й. Юнгманн, словак Я. Коллар. Несколько позднее почетными членами общества стали профессор славянских наречий, истории и литературы при Братиславском университете Ф. Челаковский и известный польский историк В. Мацеёвский.

В «Чтениях» Бодянский впервые опубликовал свой перевод важнейших работ выдающегося чешского ученого-слависта П. Й. Шафарика, таких как «О древнеславянских кирилловских типографиях в южнославянских и соседних землях», «О Свароге», «Расцвет славянской письменности в Болгарии» и т. д. Эти работы Шафарика, как и знаменитые «Славянское народописание» и «Славянские древности», — важнейшие источники сведений о славянских народах, их этническом составе, культуре, письменности и ментальности. Бодянский разделял взгляды Шафарика в области необходимости самостоятельного государственного существования славянских народов, всячески доказывал необходимость исторического самоопределения славянских этносов²¹. На протяжении 1846–1849 гг. Бодянский опубликовал в «Чтениях» ряд материалов, посвященных истории и культуре своей родной Украины. Эти материалы также являлись частью программы по формированию в российском обществе «славянского самосознания» посредством ЧОИДР. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что просветительская и научная деятельность О. М. Бодянского середины — второй половины XIX в. способствовала расширению информированности славянофильских кругов о славянском мире.

Сам профессор Бодянский, несомненно, поддерживал личные и творческие контакты со многими представителями славянофилов. Однако, как явствует из его дневниковых записей, опубликованных А. А. Кочубинским в 1887 г. (через десять лет после смерти профессора), О. М. Бодянский был выше «внутрипартийных» течений в славянофильских кругах и, как правило, выше их противостояния с западниками. Основная причина такой позиции ученого усматривается в том, что его занимали академическая наука и просветительская миссия, а не общественная деятельность. Характеристику О. М. Бодянского Кочубинским как «славянофильствующего неславянофила», «отношением к славянофильскому кружку... державшегося сторонки»²², следует, по нашему убеждению, признать наиболее верной. Однако при этом не следует забывать, что общность взглядов у Бодянского и славянофилов была все-таки очень велика, а различия заключались скорее не в идеях, а в их трактовке и практическом применении. Здесь уместно вспомнить хотя бы о том, что европейский Запад О. М. Бодянский рассматривал в славянофильском духе. Иллюстрацией могут послужить хотя бы его стихотворные строки, написанные в канун Крымской войны 1853–1856 гг.:

Шумят на Западе народы,
И в ярости своей слепой,
Как бурные весенни воды,
Грозят со всех сторон бедой.
И наступил последний бой,
Последние настали годы.
О Русь! Что станет с тобой?
Враги все заняли проходы²³.

Основной точкой соприкосновения для О. М. Бодянского, Н. В. Гоголя и славянофильских кругов в области славяноведения был интерес к «малороссийским древностям». Интерес к славянской филологии, ставшей делом жизни О. М. Бодянского, начался с изучения украинского фольклора. Во время студенческих вакаций будущий ученый собирал украинские народные песни, которые вошли затем в сборник «Украинские народные песни» М. А. Максимовича, также отдававшего большую дань взглядам славянофилов и пользовавшегося авторитетом в их среде. Н. В. Гоголь познакомился с профессором Московского университета, а впоследствии ректором Киевского университета Святого Владимира М. А. Максимовичем в 1829 г. И Бодянский, и Гоголь увлеченно собирали народные песни, первое издание которых Максимович выпустил еще в 1827 г. Гоголь был глубоким знатоком и увлеченным ценителем малороссийского устного народного творчества. В 1834 г. Московский университет издал второе собрание «Украинских народных песен» Максимовича. Последний в предисловии указывал на участие в его труде Н. В. Гоголя, нового историка Малороссии и автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки». По свидетельству самого Гоголя, он передал Максимовичу около 150 собранных им песен, совершенно тому неизвестных. На титульном листе другой книги, изданной Московским университетом в том же 1834 г. («Голоса украинских песен»), Максимович выставил эпиграф из статьи Гоголя «О малороссийских песнях»: «Ничто не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни».

После смерти Гоголя в его бумагах были обнаружены еще две тетради южнорусских и украинских песен. Изданные в 1908 г. Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук под заглавием «Песни, собранные Н. В. Гоголем», они составили целый том.

Именно в песнях находил Гоголь отражение подлинного духа украинского народа, который характеризовал исключительно в героическом ключе: «Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно... соседи, положение земли опасность бытия выводили на дела и подвиги...»²⁴. Вообще, отдельного внимания в канве нашей работы заслуживает восприятие Гоголем Малороссии как «настоящей отчизны славян, земли... чистых славянских племен, которые в Великой России уже начали смешиваться с народами финскими, но здесь сохранились в прежней цельности со всеми языческими поверьями, детскими предрассудками, песнями, сказками славянской мифологией, так простодушно у них смешавшейся с христианством»²⁵. Здесь налицо романтический славянофильский идеализм с особым малороссийским акцентом.

Что касается Бодянского, то его интерес к украинскому фольклору был обусловлен не только «малороссийским» происхождением ученого, но и самобытностью, «своеземностью», земляным, «нутряным» характером украинской литературы и народной поэзии. Для поэтического и научного творчества Бодянского, как и для Н. В. Гоголя, была характерна идеализация и романтизация украинской старины — впоследствии ученый перенес эту идеализацию на старину славянскую. «Ни один из Славянских народов столько не богат песнями, как Южные Руссы»²⁶, — писал Бодянский в 1835 г., поддерживая тем самым тезис Гоголя об исключительном характере украинского фольклорного наследия.

«Малороссийская тема» наиболее рельефно отразилась в попытках Гоголя в первой половине 30-х гг. XIX в. посвятить себя академической науке и, в частности, в его амбициозных замыслах написания фундаментальной «Истории Малороссии» в 80 главах. Впрочем, из письма Гоголя А. С. Пушкину от 1833 г. следует, что, добываясь в то время кафедры в Киевском университете, он мыслил построение своей исторической концепции еще масштабнее: «Там кончу я историю Украйны и Юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор не только на Руси, но даже и в Европе нет»²⁷. Вынашивая грандиозные научные планы, Гоголь так и не сумел реализовать их, если не считать увидевшего свет в 1834 г. в «Журнале министерства народного просвещения» «Отрывка из Истории Малороссии. Т. 1. Книга 1. Глава 1», известного также как «Взгляд на составление Малороссии».

Мы вынуждены признать, что у Гоголя-историка и Гоголя-фольклориста было гораздо больше общего со славянофилами, чем у

Бодянского-ученого. Сосредоточившись на изучении «малороссийских древностей», он склонен был преувеличивать их значение и исключительность нередко в ущерб объективности.

В случае Гоголя мы можем говорить о концентрации его в основном на «малороссийской» составляющей «славянской взаимности». Своим самобытным и ярким литературным творчеством он способствовал возникновению в обществе неподдельного интереса к украинской старине и украинскому фольклору, и даже окружил их своеобразным героико-романтическим ореолом. В конечном итоге, в силу специфики поля своей деятельности, Гоголь охватил своей литературной популяризацией «славянской идеи» гораздо более широкую общественную аудиторию, нежели та, на которую мог рассчитывать в близких к науке кругах О. М. Бодянский.

Гоголь активно обменивался мнениями со славянофильскими кругами по целому спектру важных идеологических вопросов: общественно-политических, религиозных, философских, нравственно-этических и т. д. К славянофилам, идеологически близким к Гоголю, относились семейство Аксаковых (особенно И. С. Аксаков, с С. Т. и К. С. Аксаковыми у писателя впоследствии имели место острые споры по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»), И. В. Киреевский, Н. М. Языков. Воззрения Гоголя и концепция славянофильства, несомненно, испытывали сильное взаимное влияние, хотя далеко не по всем вопросам имело место согласие. Тем не менее все это уже не раз становилось предметом самостоятельного научного исследования, и в контексте нашей работы здесь уместно остановиться только на некоторых наиболее существенных вопросах.

Испытывая идейное влияние со стороны славянофилов, Гоголь все-таки определенно тяготел к государственным деятелям. Карамзинская «тенденционно-монархическая» политическая программа является той идеологической моделью, к которой во многом восходили социально-политические устремления Гоголя. В то же время в воззрениях Гоголя с его увлечением христианским мистицизмом особое значение приобретает акцент на оцерковлении всех сторон жизни, в первую очередь экономической и политической. Гоголь оказался чужд перманентной оппозиционности славянофилов по отношению к власти и их призывам к кардинальным изменениям в стране — отмене крепостного права, либерализации общественной жизни и т. д. Критика писателем российского бюрократизма и морального оскудения правящих кругов, какой бы едкой она ни была,

носила характер стремления к «излечению нравов через осознание и покаяние». «Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете — последнее место, которое не отыщется в ней, возьмете, предпочитая крупицу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни»²⁸, — в этих строках из «Выбранных мест из переписки с друзьями» содержится, по нашему мнению, наглядный пример расхождения государственнического и религиозного (налицо концепция христианского подвижничества) патриотизма Гоголя со славянофильской концепцией «народолюбия».

Однако общественно-политическая программа Гоголя носит в себе некоторые определяющие черты концепции славянофилов. Своим отрицанием духа практицизма и прагматизма, отождествлявшегося славянофильскими кругами с «тлетворным влиянием Запада», программа Гоголя вполне соответствует славянофильству. Однако огульной критики Запада писатель, долгие годы проведший в Европе, любивший и знавший ее, никогда не принимал. Несомненно, концепция Гоголя, изложенная в «Выбранных местах...», явилась реакцией на быстро приближавшуюся опасность социальной катастрофы на Западе и в России: это произведение увидело свет в 1847 г., накануне того, как по Европе прокатилась революционная волна, а в России наблюдалось обострение противоречий в обществе и государстве. Отсюда проистекает утопическое желание Гоголя назвать средство мгновенного и безболезненного устранения всех социальных зол и противоречий. Гоголем была сделана ставка на религиозно-нравственный переворот в общественном сознании. Эти черты гоголевского мировоззрения позволяют говорить не о традиционном консерватизме, свойственном «чистым» государственным деятелям, а о «революционном консерватизме» — постулате, введенном в употребление славянофилом Ю. Ф. Самариним.

В то же время Гоголь как литератор, публицист и философ никогда не позиционировал себя в качестве сторонника «восточной партии» и, более того, не раз резко критиковал славянофилов. Приведем несколько выпадов Гоголя в «Выбранных местах» в их адрес: «Кичливости больше на стороне славянистов, они хвастуны; из них каждый найденное им зернышко раздувает в реку»; «Нынешняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущем России, следует какому-то модному поветрию. Они не умеют вынашивать в

голове мыслей, не замечая того, что их мысли еще глупые ребенки...»²⁹. Гоголь, при всех своих знаменитых чудачествах, был чужд склонности славянофилов к эпатажу и внешним проявлениям «народности». Так, в 1845 г. он убеждал К. С. Аксакова «не носить пока бороду и кафтан, а дожидаться, пока государь подаст пример»³⁰. «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа», — подчеркивал писатель. В октябре 1846 г., отказавшись печататься в славянофильском сборнике, он аргументировал это так: «У нас воображают, что все дело зависит от соединения сил и от какой-то складчины... Нет, дело нужно начинать с другого конца. Прямо с себя, а не с общего дела. Воспитавай прежде себя для общего дела, чтобы уметь, точно, о нем говорить как следует. А они: надел кафтан да запустил бороду, да и воображают, что распространяют этим русский дух по русской земле!»³¹.

По отношению к борьбе западников и славянофилов Н. В. Гоголь не принимал узкой партийности ни тех, ни других, хотя обе эти партии почти в равной степени хотели видеть Гоголя в своих рядах. Сам факт противоборства этих двух идейных течений Гоголь расценил как свидетельство начала пробуждения русского общества. Славянофильство и западничество для Гоголя являлись не взаимоисключающими, а взаимодополняющими друг друга течениями русской мысли.

Подводя итог, отметим, что Н. В. Гоголь в 30–40-х гг. XIX в. поддерживал со славянофильскими кругами России, пожалуй, гораздо более тесные контакты, нежели О. М. Бодянский. Причина подобной позиции коренится в том, что такие активно освоенные славянофилами сферы общественной деятельности, как художественная литература, публицистика и публичные дискуссии, были, несомненно, куда ближе писателю и мыслителю Гоголю, чем университетскому профессору и ученому Бодянскому. Однако в случае Гоголя мы видим скорее обмен аргументами и контраргументами со славянофилами, и взаимное влияние, и взаимное отталкивание.

Бодянский же, как и Гоголь, никогда не позиционировал себя членом «восточной партии», оказал на ее идеологию гораздо большее конструктивное влияние. Его труды сделали доступными для русской общественности собранные и исследованные им разнообразные источники и сведения о языках, истории и литературе славянских народов, что не могло не способствовать развитию в идеологических построениях славянофилов концепции «славянской взаимности».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1998. С. 1.
- 2 *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX вв. М., 1997. С. 51, 78.
- 3 *Берг Н. В.* Воспоминания о Гоголе. 1848–1852 // Русская старина. 1872. Т. 5. Январь. С. 87.
- 4 Русский архив. 1895. № 5. С. 116.
- 5 *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянский и Българското Възраждане. София, 1978. С. 199.
- 6 *Юшков В.* Очерк из истории русского самосознания XVIII в. (общие исторические взгляды И. Н. Болтина). СПб., 1912. С. 20.
- 7 Вестник Европы. 1889. № 7. С. 238.
- 8 *Флоровский Г.* Вселенское предание и славянская идея // Юбилейна книга на славянски дружество в Болгарии. София, 1925. С. 25–33.
- 9 *Бодянский И.* Рассмотрение различных мнений о древнем языке Северных и Южных Руссов // Ученые записки Императорского Московского университета. 1835. Сентябрь. № 3. Ч. 9. С. 473.
- 10 *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете... С. 42.
- 11 *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902. С. 197–198.
- 12 *Бодянский И.* Рассмотрение различных мнений... С. 473.
- 13 Там же. С. 472.
- 14 Там же. С. 475.
- 15 О народной поэзии славянских племен. Рассуждения на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Осипа Бодянского. М., 1837. С. 10.
- 16 *Кочубинский А. А.* О. М. Бодянский и его дневник // Исторический вестник. 1877. Т. 30. Декабрь. С. 508.
- 17 О народной поэзии славянских племен... С. 12.
- 18 Там же. С. 14.
- 19 *Бодянский И.* Рассмотрение различных мнений... С. 483–486.
- 20 *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете... С. 53.
- 21 *Пашаева Н. М.* Роль книги в славянском национальном возрождении (конец XVIII — вторая половина XIX в.) Дис. ... д-ра истор. наук. М., 1992. С. 20.
- 22 *Кочубинский А.* О. М. Бодянский и его дневник // Исторический вестник. 1887. Т. 30. С. 521.

- 23 Там же. С. 530.
- 24 *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 74.
- 25 Там же. Т. 7. С. 51.
- 26 *Бодянский И.* Рассмотрение различных мнений... С. 482–483.
- 27 *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений... Т. 8. С. 70.
- 28 Там же. Т. 7. С. 268.
- 29 Там же. С. 219.
- 30 Цит. по: *Барабаш Ю. Я.* Гоголь. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения). М., 1993. С. 71.
- 31 Там же. С. 160.

Aristova L. Yu.

M. O. Bodyansky, N. V. Gogol and the Formation of Idea of "Slavic Unity" in Russia

The main topic of the article is the interpretation of the ideas of Slavophilism by M. O. Bodyansky and N. V. Gogol. The author comes to some conclusions about common and individual in the influence of these person to the general complex of ideas.

Keywords: *M. O. Bodyansky, N. V. Gogol, Slavophiles, Slavic idea.*

М. Ю. Досталь
(Москва)

Н. И. Надеждин на пути к романтизму (Парадоксы и славистические опыты)

В статье освещается противоречивый путь Н. И. Надеждина от критика до адепта романтизма, что проявилось в фольклорно-этнографическом описании «лица» отдельных славянских народов.

Ключевые слова: *Н. И. Надеждин, романтизм, славянская идентичность.*

Н. И. Надеждин (1804–1856), 205-летие которого мы отметили в 2009 г., — одна из самых парадоксальных личностей в русской культуре первой половины XIX в. Сфера его деятельности была чрезвычайно широка: блестящий литературный критик, философ, эстетик, историк, географ, этнограф, оратор — везде он прокладывал новые пути и подходы, везде удивлял и даже эпатировал общество. Его нельзя по-настоящему отнести ни к одному идейному течению русской общественной мысли, ему всегда было тесно в установленных рамках¹.

И. И. Панаев не без основания вспоминал о нем: «Надеждин при своем замечательном уме и при всех блестящих способностях всю жизнь вертелся как флюгер, по прихоти случайностей: без сожаления покидал свое учено поприще для своих литературных занятий, и литературные занятия для служебной деятельности... Надеждин был человек вполне просвещенный и свободомыслящий, но не имевший никаких твердых убеждений, которые заставляют человека идти неколебимо по прямому, избранному им пути...»².

Всесторонне изучив в Московской духовной академии (1815–1824) основы немецкой классической философии, служившей источником разных романтических доктрин, Н. И. Надеждин написал по латыни и успешно защитил докторскую диссертацию «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (1830). (Защита диссертации дала ему право преподавать эстетику и археологию в Московском университете.) В ней он едва ли не впервые выразил свое отношение к романтизму как литературному течению, выступив его серьезным критиком. Он вполне проявил оригинальность своего ума, как бы встав над спорами сторонников классициз-

ма и романтизма в русской литературе, подойдя к интерпретации этих явлений исторически и диалектически. Следуя Ф. Шеллингу, он рассматривал искусство как проявление мирового духа, проследив движение поэзии от объективно-классической формы античности через субъективно-романтические формы Средневековья к так называемой синтетической поэзии нового времени, главными признаками которой считал естественность, простоту, выражение «существенности», а позднее «народность». При этом он считал классицизм и романтизм новейшего времени «жалкой подделкой», попыткой возрождения литературы прошедших времен. Настоящая литература, в его понимании, является одним из частных проявлений общей народной жизни, не «праздной игрою личной фантазии поэта, а выразительницей народного самосознания»³.

С этой точки зрения сначала в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского, затем в издаваемых им самим «Молве» и «Телескопе» Н. И. Надеждин выступил жестким критиком произведений русских литераторов-романтиков, в их числе и ранних произведений А. С. Пушкина, считая их неудачным примером подражания иностранной романтической литературе байронического толка. В дальнейшем Надеждин сетовал на то, что русская литература несет на себе заметный отпечаток церковного языка и письменности, и считал, что для ее очищения необходимо окунуться «в живую народную словесность». Причем лексическому обогащению русского языка, по его мнению, могли бы послужить родственные славянские языки, а синтаксическому — народные песни, пословицы, прибаутки. Надеждин одним из первых выдвинул положение о необходимости утверждения «народности» в русской литературе. На основании этого в советском литературоведении утвердилось мнение, что он подготовил почву для усвоения в русском обществе критики В. Г. Белинского и утверждения реализма в отечественной литературе⁴. Полагаем, что эти утверждения не во всем справедливы. Прежде всего, представим, какое содержание вкладывал Н. И. Надеждин в понятие «народности». Он писал: «Разумею под народностью то патриотическое одушевление изящных искусств, которое, питаясь родными впечатлениями и воспоминаниями, отражает в своих произведениях родное благодатное небо, родную святую землю, родные драгоценные предания, родные обычаи и нравы, родную жизнь, родную славу, родное величие»⁵. Как ни парадоксально, но под этим определением «зоила» русской романтической литературы мог бы подписаться любой литератор-романтик эпохи славянского нацио-

нального Возрождения. Именно работой по становлению национального языка и очищению его от чужеродных примесей путем обогащения лексикой из родственных славянских языков начинали свою многотрудную работу первые славянские лексикографы, именно патриотическое национальное содержание характерно для произведений славянских писателей-романтиков. При этом они стремились в своих произведениях представить коллективный национальный характер, а не байронические метания героев-одиночек⁶, против чего горячо выступал и Надеждин.

В. Г. Белинский вкладывал в понятие «народности» совсем другое содержание. Он искал в русской литературе прежде всего не идеализации национального прошлого, а критического изображения русской реальности в ее типических обстоятельствах. Не случайно, что он первым поднял на щит и высоко оценил реалистические произведения Н. В. Гоголя — комедию «Ревизор» и поэму «Мертвые души». Надеждин же немногими образцами русской «народной» литературы признавал басни И. А. Крылова, ранние произведения Н. В. Гоголя («Вечера на хуторе близ Деканьки», «Арабески», «Миргород»), романы М. Н. Загоскина, драму А. С. Пушкина «Борис Годунов», а произведения позднего Гоголя и «Евгения Онегина» не понял и не принял.

Таким образом, как ни парадоксально, но критикуя «байроническое» подражательное направление русской романтической литературы и игнорируя реалистические произведения, Надеждин фактически сам оставался в русле романтического понимания содержания литературы в ее национально-патриотическом аспекте, по существу солидаризируясь в таких воззрениях со славянскими «будителями».

Выступая в 1830-е гг. за «народность» русской литературы, отстаивая достойное место России в ряду европейских народов, Надеждин как бы стоял у истоков славянофильского (также романтического) направления в русской культуре. Но нет! В отличие от будущих славянофилов он высоко ставил личность Петра Великого в истории России, отдавал должное достижениям западноевропейской цивилизации, не противопоставлял католичество православию. Более того, будучи издателем журнала «Телескоп», в 1836 г. он осмелился опубликовать «прозападническое» «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, за что поплатился закрытием журнала и ссылкой в Усть-Сысольск, затем в Вологду (1836–1838). Из ссылки он вышел совсем другим человеком, пересмотрев многие свои политические и философские воззрения и резко изменив направление деятельности.

Он отошел от литературной критики и занялся исследованиями в области истории, географии и этнографии. Еще будучи в ссылке, он написал две верноподданические статьи, пытаясь оправдать помещение статьи Чаадаева в своем журнале тем, что просто стремился повысить его «занимательность» у читающей публики и вызвать полемику. Эти статьи свидетельствовали, что Надеждин изменил своим либеральным взглядам и перешел на позиции официальной народности. Статьи содержали прямую апологию, своего рода романтизированный портрет русского самодержавия, которое, по мнению Надеждина, обеспечивает русскому народу блистательное будущее. «Это будущее, — писал он, — заключается в нашей безусловной доверенности и преданности державной воле, которая правит нами, ведет нас, печется о нашем совершенствовании, и которая создает для нас самую блистательную историю, такую историю, которой мы будем иметь полное право гордиться и за которую должны будем благословлять судьбу, что мы родились русскими!»⁷.

В центре внимания исторических, географических и этнографических интересов Надеждина отныне неизменно находится Россия, ее великое предназначение, русский народ и его единоплеменники — восточные, западные и южные славяне, как живые свидетели их общих древних корней и судеб.

В этой связи уместно сказать несколько слов об общеисторических представлениях Надеждина. Он выступал пропагандистом «высшего философского взгляда» на историю, противоречиво сочетая в нем системы Шеллинга и Гегеля, на которых базировалась романтическая историография. От Гегеля он воспринял постулат о поступательности и закономерности исторического процесса, принятое романтиками представление об эстафете человеческих цивилизаций. При этом Гегель признавал вершиной истории германское государство, а славянофилы и отчасти Надеждин пришли к выводу о великом предназначении России в судьбах мировой цивилизации. «Мы существуем для того, — писал он, — чтобы преподать великий урок миру!» (Здесь и далее выделено Надеждиным. — М. Д.) Наше назначение не быть эхом этой дряхлой, издыхающей цивилизации, которой, может быть, видим мы последние предсмертные судороги, а развить из себя новую, юную и могучую цивилизацию, *цивилизацию собственно русскую*, которая также обновит ветхую Европу, как некогда эта Европа, еще чистая и девственная, еще не истерзанная бурями, не состарившаяся в волнениях, обновила ветхую Азию. И вот идеал этой русской самобытной цивилизации!»⁸.

От Шеллинга он принял представление о развитии «самосознания абсолютного духа». Цель развития виделась в воплощении «идеи народности», которая превращает историю в процесс самопознания народом своего «духа». Важным достижением философии Шеллинга (как и Гегеля) была диалектика, восприятие мира в постоянном движении, в основу которого положена борьба противоположностей. Ей были также свойственны провиденциализм и примат дедуктивных умозаключений (хода мысли от общего к частному). Все эти постулаты составляли основу романтической историографии.

Надеждин рассматривал всемирную историю как последовательную смену эпох: древности (классика), Средневековья (романтизм) и Нового времени, проходившую отнюдь не мирным путем, а сопровождавшуюся политическими катаклизмами. В то же время «скачки» в истории он осуждал, считая, что российская государственность избежала завоеваний, что предоставило ей в будущем массу преимуществ перед Западом⁹.

В этих рассуждениях Н. И. Надеждин, как мы видим, вполне шел в русле представлений романтической историографии. Но снова парадокс. Историки-романтики на Западе и в славянских странах горячо выступали против традиционной истории государств и народов, создавали истории своих народов. Таков, например, труд чешского историографа Ф. Палацкога «История чешского народа в Чехии и Моравии» — вершина чешской романтической историографии, «История польского народа» А. Нарушевича и пр. В России первым опытом подобного рода стала «История русского народа» Н. Полевого, вышедшая в 1830 г. и написанная в противовес знаменитой «Истории государства российского» Н. М. Карамзина. Н. И. Надеждин в своей рецензии выступил с резкой критикой труда Полевого, утверждая: «История удобомыслима ли иначе, как только в великих представителях человечества? И кому принадлежит первоначально сие высокое право представительства, как не пастырям и правителям народов, коим Промысел дает силу и власть двигать новыми народными мыслями»¹⁰. Такое же понимание он продемонстрировал и в упомянутых статьях по поводу опубликования «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Только в конце жизни он приступил к созданию древнейшей истории русского народа на основе его «мифов» и «саг». Но об этом пойдет речь далее.

В конце 1830-х гг. Н. И. Надеждин все более приближается к шеллингианскому пониманию «народного духа» как основы исто-

рического развития. Свидетельством того стало его обращение к историко-географическим и историко-этнографическим сюжетам. Здесь он пытался найти практическое воплощение романтической идеи изучения русской народности во всех ее проявлениях. Ученый деятельно включается в работу Одесского общества истории и древностей, редактирует «Журнал Министерства внутренних дел», в 1845 г. вступает в Русское географическое общество, а с 1848 г. возглавляет его этнографический отдел, что явилось результатом борьбы за «русское направление» работы Общества.

Еще во время и особенно после ссылки Надеждин в русле этнографо-географического изучения России обращается к истории славян. Для «Этнографического лексикона» А. Плюшара он пишет несколько знаменательных статей «Венеды», «Винды», «Велика Россия» и др., в которых он обратился к западнославянским древностям, истории лужицких сербов, определил место русского языка среди единоплеменников, специально выделил восточнославянскую ветвь великороссов, малороссов и белорусов, показал областные диалекты великорусского языка (наречия московское, новгородское, рязанское, суздальское), определив их главные особенности. В трактовке этих конкретных сюжетов трудно найти постулаты романтической историографии. Здесь нет явной идеализации, стремления «удревнить» прошлое народов или «ославянить» их. Черты романтизации просматриваются разве лишь в утверждении о великом предназначении России и отчасти соплеменных славян и в описании миролюбивого «национального характера» венедов, в котором он шел за пражским славистом-романтиком П. Й. Шафариком, выступавшим за автохтонность венедов (славян) в Европе. «Между старожилками Европы венеды занимали почетное место. Они не были такими грозными завоевателями, как германцы и даже кельты; напротив, часто попадали игу завоевателей. Зато были трудолюбивы, промышленны и даже в некоторой степени просвещеннее своих соседей... Есть свидетельства, что венеды еще задолго до принятия христианской веры имели свою азбуку»¹¹.

В начале 1840-х гг. Надеждин совершил по поручению Одесского общества истории и древностей поездку по славянским землям. Наряду с изучением древних рукописей и «живых» славянских языков и диалектов важной целью командировки было установление контактов с деятелями славянского национального возрождения и привлечение их к работе Общества. В результате по ходатайству Н. И. Надеждина В. Ганка, Я. Коллар, В. Копитар,

В. С. Караджич, Л. Гай были приняты в действительные члены Общества 22 января 1842 г.¹²

В письме, посланном из Вены в журнал «Москвитянин» по поводу вышедшего из печати сборника сербских песен В. С. Караджича, Надеждин едва ли не впервые в отечественной литературе поднял вопрос о панславизме. Об угрозе панславизма, понимаемого как политическое объединение славян под эгидой России, в то время истерически кричали немецкие и венгерские публицисты, напуганные размахом и успехами славянского национального движения в Австрийской монархии. Надеждин признавал справедливость борьбы славянских патриотов за национальное возрождение и представил русским читателям культурно-духовное понимание панславизма, распространенное среди славянской романтически настроенной интеллигенции. Он писал: «Славянская народность, до сих пор забытая, затоптанная в грязь, действительно на всех концах немечены зашевелилась, поминутно более и более входит в себя, сознает свое достоинство, получает доверие к своим силам. [...] Верные своему праотеческому имени словен наши западные собратья стараются паче всего восстановить или лучше спасти свое слово. Возрождение славянизма, которое производит столько шума и толков, есть собственно не что иное, как возрождение славянской народной литературы...»¹³.

Оценивая сборник сербских песен В. С. Караджича, Надеждин в духе романтизма подчеркивает, что они представляют собой ценный материал для воссоздания национального облика сербов, ибо они собраны в тех районах, где «под защитой моря и скал, народ сохранил наиболее свою славянскую личность, со всеми поэтическими идиотизмами нравов, обычаев, языка» и посетовал, что «песни слепцов», этих «гомеров славянского народа», которые в России постепенно переводятся, не нашли своего Вука¹⁴.

В путешествии Надеждин одним из первых в русской историографии обратил внимание на почти забытый самобытный восточнославянский народ — карпатских русинов, поставив вопрос о важности изучения Руси, русского мира за пределами Российского государства. Познакомившись с этим народом, он высказал убеждение, поддержанное авторитетными славянскими учеными В. Копитаром и П. Й. Шафариком, что «русская стихия простиралась на Юго-Запад, по обе стороны Карпат, вплоть до Дуная, задолго до вторжения мадьяров в Паннонию»¹⁵. Найдя доказательства автохтонности этого народа в Карпатах, Надеждин позднее высказал гипотезу о карпатской прародине славян.

В дальнейшем, в поисках «чистых корней» русского мира (типичных для представлений романтиков) Надеждин по заданию Министерства внутренних дел отправился в 1845–1846 гг. в Австрию и Дунайские княжества для изучения жизни зарубежных старообрядцев и нашел, что «народность русская, со всеми мельчайшими подробностями и оттенками, как будто окаменела в них и пребывает в такой целостности и чистоте, какую в настоящее время не везде сыщешь и в самой России»¹⁶.

В 1848 г., возглавив Этнографическое отделение Русского географического общества, Надеждин утвердил в нем задачи этнографо-географических исследований в русле «русского направления». Главное внимание он обратил на достоверное, основанное на принципах «реальной критики» всестороннее изучение «народной личности» своего народа во всех стадиях развития: от «патриархального детства», через «героическую юность» к возрасту «мужества эпохи цивилизации» вплоть до «эпохи дряхлости», до которой, по представлениям ученого, было еще очень далеко. В таком подходе ясно прослеживается влияние романтизма, как и в том, что Надеждин стремился представить чистый облик народа, освобожденный от всяких примесей и заимствований, произошедших в ходе исторического развития от контактов с чуждыми, немцами, византийцами, варягами, татарами и пр.

На склоне жизни Надеждин сам обратился к начальному периоду истории русского народа (а не государей!), которая запечатлелась в его «мифах и сагах». В романтическом ключе он писал о природных факторах, которые во многом определили его национальный характер. В идеализированном представлении Надеждина, русский народ отличают «смышленость, предприимчивость, веселость, добродушное самодоверие, не преходящее, однако, в самонадеянную хвастливость, смиренное терпение и благодушная покорность судьбе во всех житейских обстоятельствах, горячая любовь к родине, безусловная преданность природному государю, ничем не преодолимая приверженность к своей вере»¹⁷. И именно таким, по его мнению, русский человек является в преданиях своей старины.

Таким образом, Н. И. Надеждин представляет собой крайне противоречивую фигуру в истории русского романтизма. С одной стороны, он, несомненно, являлся критиком его крайних проявлений, расцениваемых как чужеродные заимствования, а с другой, позднее, — его адептом и практиком в национальном аспекте, что ярче всего проявилось в его славистических опытах фольклорно-этнографического описания «лица» отдельных славянских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Новейшие суждения и литературу о Н. И. Надеждине см.: *Манн Ю. В.* Надеждин Николай Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 206–213.
- 2 Цит. по: *Данилов В.* Н. И. Надеждин в Одессе в 1838–1842 гг. // Русский филологический вестник. Варшава, 1911. Т. 65. Вып. 2. С. 358–359.
- 3 Надеждин Николай Иванович // Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е. Пг., [б. г.]. Т. 29. С. 787.
- 4 См., например: *Манн Ю. В.* Н. И. Надеждин — предшественник Белинского // Вопросы литературы. 1962. № 6; и др.
- 5 Русские эстетические трактаты. М., 1974. Т. 2. С. 372.
- 6 *Никольский С. В., Соколов А. Н., Стахеев В. Ф.* Некоторые особенности романтизма в славянских литературах // Исследования по славянскому литературоведению и языкознанию. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 179–220.
- 7 *Козмин Н.* Две статьи Н. И. Надеждина, написанные по поводу «Философического письма» П. Я. Чаадаева // Русская старина. 1907. Т. 131. № 8. С. 258.
- 8 Там же. С. 247–248.
- 9 Подробнее см.: *Каменский З. А.* Н. И. Надеждин. Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984; *Дурновоцев В. И.* Россия и Запад в историко-философской концепции Н. И. Надеждина // Историография проблем международных отношений и национальных движений в зарубежных странах. М., 1987; и др.
- 10 Вестник Европы. 1830. № 1. С. 63.
- 11 *Н. Н. Венеды* // Энциклопедический лексикон А. Плюшара. СПб., 1837. Т. 9. С. 375.
- 12 *Данилов В.* Н. И. Надеждин в Одессе в 1838–1842 гг. С. 353.
- 13 *Надеждин Н. И.* Письмо из Вены о сербских песнях // Москвитянин. 1841. № 6. С. 515.
- 14 Там же. С. 522.
- 15 *Надеждин Н. И.* Записка о путешествии по южнославянским странам // Москвитянин. 1842. № 6. С. 17.
- 16 *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках. Лондон, 1860. С. 88–89.
- 17 *Надеждин Н. И.* О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и особенно этнографии русской // Русская беседа. 1857. Т. 4. С. 62.

Dostal' M. Yu.

N. I. Nadezhdin on his Way to Romanticism
(Paradoxes and Slavistic Experiences)

In this article there is an analyses of the contradictory way of N. I. Nadezhdin from a critic to a supporter of Romanticism. It is displayed in his folklore and ethnographical description of “personality” of specific Slavic nationalities.

Keywords: *N. I. Nadezhdin, Romanticism, Slavic identity.*

М. С. Ващенко
(Москва)

Хорватская тема в русской общественной мысли 1830–1870-х гг.

В статье исследуется процесс распространения знаний о хорватах в русской общественной мысли в 1830–1870-е гг. Используются материалы переписки, публицистики и научные работы в области кроатистики.

Ключевые слова: *иллирийское движение, католицизм, кроатистика, славянская взаимность, общественная мысль, национальные стереотипы, хорватско-русские связи.*

Хорватские исследования как в рамках развития славяноведения, так и в рамках публицистики до конца 1870-х гг. носили фрагментарный характер. Накопление знаний о славянах в первые десятилетия XIX в. проходило в основном благодаря описаниям путешественников, побывавших в славянских землях. Так, В. В. Броневский, морской офицер, участвовавший в операциях русского флота на Средиземном море в 1805–1810 гг., в своих «Записках» описал возвращение в Россию через славянские земли, в том числе через Хорватию¹. Хорватская история и культура стали предметом серьезного исследования в России только в последней трети XIX в. В настоящей работе мы обратимся к процессу становления знаний о Хорватии и хорватах в 30–70-е гг. XIX в., т. е. со времени формирования и утверждения отечественного славяноведения и до появления работ, которые можно рассматривать уже как достижения отечественной кроатистики². Источниками для нас послужили не только научные работы, затрагивавшие хорватскую тему, но и публицистические произведения, а также материалы переписки общественных и научных деятелей России, в которых отражены сведения о хорватах в тот исторический период.

В первой трети XIX в. в русских периодических изданиях появлялись отдельные статьи, знакомившие читателей с разными сторонами жизни славянских народов. В последующие десятилетия славянские сюжеты стали занимать в русских газетах и журналах различных идейных направлений большее место.

Первым периодическим славянофильским изданием был журнал «Русская беседа», издававшийся в Москве с 1856 по 1860 г.

Находилось там место и для хорватских сюжетов. Так, в 1858 г. в «Русской беседе» были опубликованы «Отрывки из писем о положении славян в Европе» известного русского историка, писателя и журналиста М. П. Погодина. Письма были адресованы министру народного просвещения России С. С. Уварову. Следует сказать, что сами письма датируются 1839 и 1842 гг. и не сразу стали достоянием общественности.

Оба письма Погодина содержат критику австрийской политики. В первом письме приводятся самые общие сведения об австрийских славянах, их численности, названиях их исторических областей, но основной упор делается на германизаторскую политику австрийского правительства. Как пишет Погодин, австрийцы в ущерб славянам покровительствовали даже мадьярам и итальянцам, в частности в языковом плане: «...в Славонии и Далмации отдается преимущество итальянскому»³. Приводит Погодин и такой любопытный факт о «Кроатии и Славонии» — там священнослужители не подвергаются презрению своей паствы, в отличие от других славянских областей, куда вчерашние семинаристы приезжают, не зная ничего о народе, вверенном их духовному окормлению. Случай с вышеназванными областями Погодин считает исключением⁴.

Больше всего вопросов вызывает терминология автора, по крайней мере в отношении хорватов. В его арсенале нет единого этнонима, с помощью которого он определяет представителей этого народа. Им используются такие термины, как «хорваты», «кроаты», «далматы» («долматы») и «католические иллирийцы» (более всего сведений в первом письме имеется именно о них). Автор, повествуя о проявлениях национального возрождения у австрийских славян, сообщает следующее: «Католические иллирийцы имеют главное местопребывание в Аграме, где теперь одушевление является, так же как и в Пресбурге, в высочайшей степени, и оттуда электрически сообщается во все стороны, особенно на Славяно-Кроатскую военную границу, которая может, во всякую минуту, выставить от 80 до 100 тысяч войска. Душою этого движения есть Гай, который, в короткое время, произвел, говорят, чудеса своею типографией. Я слышал, что он обращался за помощью к Российской академии»⁵.

Во втором письме Погодина от 1842 г. — еще большая путаница в терминах, хотя и больше информации о тех, кого предположительно можно было бы назвать хорватами. Он пишет, что «Мадьяры и Сербы, т. е. Хорваты, Славонцы и Далматы, пышут злобою друг против друга, — а между ними, по горячим углям, переступают

Австрийцы, и склоняются то на ту, то на другую сторону»⁶. Здесь мы видим фактическое отождествление понятий «сербы» и «хорваты», а также «славонцы» и «далматы». О «хорватах» и «далматах», а также словенцах он пишет, что они занимают «южную и юго-западную часть Венгрии и отчасти Австрийской монархии», а также «имеют более средств (чем словаки. — М. В.), и славянство там во всей силе»⁷. Здесь же, как и в первом письме, употребляется термин «иллирийцы», часть из которых, как пишет автор, «использует веру Греческую, другая Римскую». Погодин также приводит известие об «уничтожении имени иллиров в официальных бумагах и литературе» и о запрещении глаголической письменности в Далмации. Это все сведения о хорватах, которые содержатся в письмах Погодина.

Не оставил своим вниманием австрийских славян и редактор-издатель «Русской беседы» А. И. Кошелев. В 1857 г. он, как и Погодин почти за двадцать лет до него, совершил поездку по австрийским славянским землям, где познакомился с такими славянскими общественными и культурными деятелями, как В. Ганка, П. Шафарик, Ф. Миклошич, В. Караджич. Помимо личных впечатлений, Кошелев получал сведения и от М. Ф. Раевского, протоиерея русской посольской церкви в Вене и члена Московского славянского комитета. Все эти сведения легли в основу очерка А. И. Кошелева «Шесть недель в австрийских славянских землях», опубликованного в «Русской беседе» в том же году.

Автор очерка прежде всего обращает внимание на невероятную степень разделенности австрийских славян, в чем он видит «главное препятствие к развитию и усилению их общей народности»⁸. В качестве примера Кошелев приводит сербов и хорватов. Ему известен не только тот факт, что эти народы используют разные алфавиты — «одни употребляют латинскую азбуку, другие кириллицу», но он знает и о конфессиональном различии у них. Кошелев однозначно определился с терминами, в отличие от Погодина — у него нет «католических иллирийцев», «кроатов», «долматов» и тем более отождествления этнонимов «серб» и «хорват».

Кошелев обращается и к близкой ему как издателю теме — литературной жизни австрийских славян. Он пишет об «истинно радостном явлении», о стремлении славянских ученых и литераторов к объединению: «...хорваты... сближаются с сербами и уже много пишут по-сербски, будучи почти согласны принять кириллицу, употребляемую сербами»⁹. По мнению автора, «слиться в одно тело —

вещь невозможная: для этого потребовалась бы... ломка и переименование существующих обычаев и учреждений каждого славянского народа», что в таком случае «могли бы исчезнуть и любовь к племени, и самостоятельность оно»¹⁰.

Литературная жизнь хорватов нашла свое отражение и в очерке профессора Казанского университета М. П. Петровского «Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии». Автор пишет о «борьбе между католическим взглядом кроатской или иллирской образованности с народно-православным сербским»¹¹. Петровский считает, что «загребская литература, связавшая свое настоящее с великим прошлым — с литературой Далматинскою, выказала более талантов или учености, нежели искренняя представительница православия — Белградская деятельность»¹². В качестве блестящего примера успешного развития хорватской образованности Петровский приводит деятельность Общества истории и древностей югославянских во главе с И. Кукулевичем-Сакцинским, стараниями которого было опубликовано множество исторических и литературных памятников. Именно развитие науки автор статьи считал гарантией славянского будущего.

Еще один ученый-славист, публицист, общественный деятель и дипломат, чьи работы публиковались на страницах «Русской беседы», — А. Ф. Гильфердинг. В 1860 г. был опубликован его отзыв на брошюру известного хорватского политического деятеля, одного из лидеров партии права¹³ Е. Кватерника «Хорватия и итальянская конфедерация» («La Croatie et la confederation Italienne»). В самом начале Гильфердинг признает добросовестность автора брошюры, который на основании документов изложил «все права своего народа и все нарушения этих прав со стороны Австрии»¹⁴. Более того, считает он, «автор доказал неопровержимо, что хорватский народ был искони полноправным и независимым; что он никогда не был подчинен Венгрии и только был соединен с ней добровольным признанием одних и тех же государей», и пишет о нарушении австрийским правительством всех условий, при которых хорваты еще в 1527 г. признали над собой власть династии Габсбургов¹⁵. В то же время Гильфердинг осуждает позицию Кватерника, полагая, что «вопрос о народном праве хорватов теряет в его книге свое значение внутренней непреложности и низводит на степень вопроса о временной выгоде и удобства для Западной Европы»¹⁶. Вызывает у ученого возмущение и отношение Кватерника к сербам, чьи права на Боснию и половину Герцеговины он отвергает, считая эти территории «неотъемлемой

частью хорватского государства», а также то, что лидер правашей обращает внимание исключительно на историческое право и отделяет хорватские интересы от общеславянских.

М. Ф. Раевский, настоятель посольской церкви в Вене, состоял в переписке с общественно-политическими, культурными и государственными деятелями из всех славянских земель (например, с Ф. Палацким, Л. Штуром, В. Караджичем, И. Гарашанином). Были среди его корреспондентов и представители русских образованных кругов, которые также не оставались в стороне от вопросов, касающихся жизни зарубежного славянства. Находилось в их письмах место и хорватским сюжетам.

Немало поводов говорить об австрийских югославянах, в том числе и о хорватах, дали революционные события 1848–1849 гг. в Габсбургской монархии. Об этом свидетельствуют письма графини А. Д. Блудовой (1812–1891), публицистки консервативного направления, писательницы, мемуаристки, а также основательницы учреждений церковного образования. Судя по письмам Блудовой, она была очень хорошо осведомлена об общественно-политической и культурной жизни хорватов. Так, она не обходит своим вниманием имя одного из идейных вдохновителей иллирийского движения Л. Гаю и публикации в его газете «*Mirsko narodne novine*». Благодаря им Блудова получала сведения о происходящем в югославянских землях: «...вижу по Гаевой газете, что в Кроации начинают, наконец, сбор!»¹⁷ (имеется в виду сбор средств на восстановление разрушенных в 1848–1849 гг. храмов в Воеводине); «во время войны видела в Гаевой газете, что между славянами много говорили о русских войсках, которых желали видеть»¹⁸. В одном из писем Блудова признается в своих успехах в «изучении иллирийского языка», просит Раевского присылать ей все «замечательное», что «выходит в свет на сербском или иллирийском языках»¹⁹.

Заключенное уже после окончания революции (в марте 1850 г.) соглашение между хорватскими и сербскими деятелями об использовании единого литературного языка и правописания тоже нашло свое отражение в «Народных новинах», где Л. Гаю были напечатаны материалы этого совещания. Это вызвало однозначное одобрение Блудовой: «Гай же... поспешил напечатать совещания филологов, о которых Вы писали. Умный человек этот Гай!»²⁰. На ее уважительное и в целом позитивное отношение к Людевиту Гаю повлияли и письма самого Раевского, его информация о том, что «равно его друзья и недруги говорят, что Гай ужасно много помог или сделал в дви-

жении хорватском — готовил умы и даже в решительную минуту умел действовать»²¹. Одним словом, это «человек с умом, с умением, с терпением, и даже интриган»²².

А. Д. Блудова уделила внимание и сербско-хорватским отношениям во время революции 1848–1849 гг. Касаясь положения воеводинских сербов, страдавших от венгерских повстанцев, разрушавших православные церкви, Блудова выражает им сочувствие, но в то же время просит Раевского: «Уговорите, если можете, сербов не ссориться с другими славянами южными...»²³. Она сожалеет о разногласиях между Раячицем и хорватским баном Елачицем (который заслужил благосклонное отношение графини благодаря своему участию в подавлении венгерской революции), пишет о необходимости единства славян и, самое главное, о единстве славянского духовенства (как католического, так и православного). Блудова даже высказывает пожелание сербам и хорватам смотреть на свои две церкви, «как на две сестры, из которых одна вышла замуж за иностранца»²⁴. Однако Блудова, как нам представляется, видит компромисс между католической и православной церквями (точнее, между югославянскими мирянами Австрии), «окончание распрей» между конфессиями и их взаимоотношение в долгосрочной перспективе как поглощение хорватского католицизма сербским православием, т. е., по меньшей мере, отказ хорватов-католиков от их основных догматических установок, и серьезные уступки только с их стороны. К примеру, она интересуется у Раевского относительно убеждений, точнее степени радикализма этих убеждений, Й. Штроссмайера (который, между прочим, был сторонником сближения православных сербов и хорватов-католиков), «не фанатик ли он католицизма?»²⁵. Но позже, после ознакомления со статьями Штроссмайера, сомнения Блудовой развеялись: «Кой-кому можно бы заметить, что не все же католики фанатики, и не все кроаты мерзавцы»²⁶. Она даже надеялась на то, что католицизм хорватов можно преодолеть с помощью свойственной им славянской веротерпимости. Унию, которая, как она сама отмечала, являлась изобретением папы для славян, Блудова рассматривала в качестве средства, которое бы сблизило даже не православных с католицизмом, а католиков с православием.

Как мы видим, труднее всего А. Д. Блудовой смириться с хорватским католицизмом. Так, в одном из писем, написанном уже после европейских революций и даже после Крымской войны, упоминая о приехавшем в Россию Е. Кватернике, она пишет: «Хочет

быть консулом, а он католик!»²⁷, подразумевая его желание поступить на службу в Министерство иностранных дел России. Тон Блудовой здесь вовсе не такой доброжелательный по отношению к инославным, как в предыдущих письмах, где затрагивалась «католическая» тема. В таком же духе выдержано и письмо Блудовой, написанное в конце 1861 г., которое посвящено планам Австрии, Англии и Франции ввести в Боснии и Герцеговине всеобщее избирательное право и таким образом «присоединить их к Далмации или Кроации... и подарить, таким образом, Австрии»²⁸. «Ваши кроаты и мадьяры будут поддерживать это»²⁹, — обращается Блудова к Раевскому, имея в виду хорватское и венгерское население Австрийской империи. Сама графиня оценивает перспективу присоединения Боснии к Хорватии (а следовательно, к Австрийской империи) следующим образом: «...это для православия, для сербов и черногорцев и для России — бедствие. Тогда католицизм и западные племена восторжествуют... предупредите славян православных, чтоб они держали ухо остро»³⁰.

Среди корреспондентов Раевского были и известные русские ученые, занимавшиеся и славянскими исследованиями, в частности А. Ф. Гильфердинг. О его интересе к хорватам свидетельствует обращенная к М. Ф. Раевскому просьба выслать ему сведения о Венгрии «с включением Хорватии, Военной Границы и воеводства», а также Далмации³¹. Ученый выражает желание «побывать у сербов и хорватов», встретиться с представителями местных образованных кругов (например, с сербом А. Вукомановичем, преподавателем Белградского лицея, и с хорватским политиком и ученым И. Кукулевицем-Сакцинским) с надеждой на успех в поиске интересующих его исторических материалов³².

Об отношении Гильфердинга к хорватам косвенно свидетельствует его письмо Раевскому от 1862 г., посвященное награждению русскими орденами деятелей зарубежных славянских народов (Раевский просил Гильфердинга помочь ему в составлении списков награждаемых). Весьма любопытен тот факт, что ученый разделил всех претендентов на награды на три группы: «выходящих из ряда вон», «высшего и низшего разряда»³³. Хорватов в списке претендентов оказалось всего трое: И. Кукулевиц-Сакцинский, ставший к тому времени великим жупаном загребским, филолог А. Мажураич и журналист И. Ткалац, отнесенный к «низшему разряду». Сербских претендентов на ордена в списке Гильфердинга в два раза больше, чем хорватов: среди них «из ряда вон выходит» митрополит

Сербский Михаил (Йованович), человек, имевший репутацию русофила, реформатор сербского языка В. Караджич, профессор белградского лицея Я. Шафарик, доктор Суботич, один из лидеров сербского движения в Воеводине и в Хорватии, Г. Николаевич, священник православной церкви в Дубровнике, профессор богословия, редактор «Србско-Далматинского магазина», и один из основателей Сербской Матицы Й. Хаджич. Все (кроме митрополита Михаила) отнесены Гильфердингом к «высшему разряду». Как нетрудно заметить, сербов в списке больше не только в количественном отношении. Если среди хорватов только один облечен властью (Кукулевиц), а двое других — представители интеллигенции, то среди сербов облеченные властью (в данном случае духовной) люди преобладают, кроме того, среди них есть представители *сербского православия в Далмации*, а из включенных в список хорватов нет ни одного представителя духовенства, все миряне, что вполне ясно свидетельствует о приоритетах Гильфердинга.

Среди ученых, переписывавшихся с Раевским, был В. И. Григорович, профессор Казанского и Новороссийского университетов. Он объездил всю европейскую часть Османской империи, побывал в Македонии, во Фракии, в Болгарии, а также в Далмации. Опубликовано несколько писем, отправленных им в 1846 г. из Дубровника, и, таким образом, мы имеем возможность познакомиться с впечатлениями лица не официального, но просто путешественника, находящегося в славянских землях. Конечно, «путешественник» Григорович не совсем обычный, что легко объясняется спецификой его работы, его профессиональной заинтересованностью: так, приехав в Дубровник, он ставит перед собой задачу «ознакомиться, хотя бы поверхностно, с рукописными памятниками славной дубровачкой литературы. Она чрезвычайно разнообразна и особенно богата поэтическими творениями»³⁴. Он пишет, что его «исключительным занятием» в Дубровнике стало «ознакомление с далматинской литературой, которая большею частью в рукописях или в редких старых книгах»³⁵. Григорович получил доступ даже в библиотеку монастыря францисканцев. Ученому удалось приобрести одну из книг И. Джурджевича, знаменитого дубровницкого поэта XVII–XVIII вв. Отметив жанровое разнообразие далматинской литературы, Григорович выразил сожаление по поводу нового упадка, переживаемого ей в настоящее время, посетовал на то, что «...хранясь в рукописях или старых изданиях, она подвержена произволу людей, равнодушных к ней»³⁶.

Письма еще одного ученого-слависта, А. С. Будиловича, преподавателя Петербургской духовной академии, профессора Варшавского и Юрьевского (Дерптского) университетов, характеризуют уровень русско-хорватских связей в начале 1870-х гг. Его позиция по отношению к хорватам была неоднозначной. Так, в одном из писем он излагает свое видение ситуации вокруг загребского учительского съезда 1871 г., на который представители России были приглашены лишь в самый последний момент. И это решение, как он считает, было преднамеренным. Будилович отметил, что подготовка к съезду началась еще зимой 1870 г., были созданы комитеты по его организации, приглашения на съезд были разосланы в немецкие, итальянские, чешские, даже сербские газеты, но только не в русские. «Недаром же австрийское... правительство назначило съезду субсидию! Возможно ли бы это [было], если бы на съезд приглашены были русские? Невозможно служить славянству и австрийству — богу и мамоне!» — восклицает Будилович³⁷. В связи с таким отношением к России он считает необходимым более «не... навязываться гг. хорватам с услугами, которых, как видно, они собственно и не желают»³⁸. Негативное отношение автора к хорватам в этом письме очевидно.

Во время посещения Хорватии Будилович познакомился с Кукулевичем-Сакцинским, а также с известным историком, президентом Загребского университета, лидером Национал-либеральной партии Ф. Рачки. В его письмах есть сведения и о распространении в Загребе русской культуры: «Директор здешнего хорватского театра просил меня рекомендовать ему те русские пьесы, которые годились бы для поста[но]вки на загребской сцене, конечно, в переводе. „Ревизора“ они имеют и будут его здесь разыгрывать»³⁹. В связи с этим Будилович просит Раевского прислать в библиотеку Загребского театра сочинения Островского, Грибоедова, Фонвизина и других русских авторов. Настроен автор письма совсем по-другому, чем это было в 1871 г.: «И между хорватами замечаю я теперь здесь очень дружелюбное отношение к русским, интерес к нашему языку и литературе. Стоило бы со временем подумать об устройении здесь наподобие устроенного Вами в Вене дарового обучения русскому языку»⁴⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что процесс «узнавания» хорватов в русском обществе в 30–70-е гг. XIX в. был достаточно сложным. Тем не менее четко видна положительная динамика этого процесса: если характерной чертой 1830–1840-е гг. еще была скудость сведений о хорватах, то во второй половине XIX в. хорватско-русские кон-

такты выходят на новый уровень, русским ученым и публицистам становятся известны многие стороны жизни хорватского общества. Можно с уверенностью утверждать, что этот первоначальный процесс накопления знаний о хорватах в русском обществе способствовал окончательному становлению и оформлению отечественной кроатистики в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Броневский В.* Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1811 г. М., 1828. Ч. 1–2.
- 2 Первые серьезные работы, которые можно отнести к области чистой кроатистики, появляются в конце 1870 — начале 1880-х гг. Это труд Л. В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная Граница», работы И. Н. Смирнова, посвященные средневековой истории Хорватии, и т. д.
- 3 *Погодин М. П.* Отрывки из писем о положении славян в Европе // Русская беседа. 1858. Кн. 1. С. 55.
- 4 Там же.
- 5 Там же. С. 69.
- 6 Там же. С. 76.
- 7 Там же.
- 8 *Кошелев А. И.* Шесть недель в австрийских славянских землях // Русская беседа. 1857. Кн. 4. С. 6.
- 9 Там же. С. 13.
- 10 Там же. С. 14.
- 11 *Петровский М. П.* Библиографический обзор современной славянской журналистики в Австрии // Русская беседа. 1859. Кн. 3. С. 77.
- 12 Там же.
- 13 Партия права («праваш»). Ее лидеры, Е. Кватерник и А. Старчевич выступали за воссоединение хорватских земель, за образование суверенного хорватского государства.
- 14 *Гильфердинг А. Ф.* Историческое право хорватского народа // Русская беседа. 1860. Кн. 1. С. 1.
- 15 Там же. С. 5–6.
- 16 Там же. С. 7–10.
- 17 Блудова А. Д. — Раевскому М. Ф., 19 мая (1 июня) 1850 г. // Югословени и Русија. Документи из архива М. Ф. Раевског. 40–80 година XIX века. Београд, 1989. С. 58.

- 18 Блудова — Раевскому, 5 (17 июля) 1850 г. // Югословени и Русија... С. 50.
- 19 Блудова — Раевскому, 24 февраля (8 марта) 1850 г. // Югословени и Русија... С. 62.
- 20 Блудова — Раевскому, 10 (22) апреля 1850 г. // Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 49.
- 21 Блудова — Раевскому, 24 февраля (8 марта) 1850 г. // Югословени и Русија... С. 63.
- 22 Там же.
- 23 Блудова — Раевскому, 3 (15) декабря 1849 г. // Югословени и Русија... С. 44.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Блудова — Раевскому, 7 (19) февраля 1850 г. // Югословени и Русија... С. 49.
- 27 Блудова — Раевскому, 14 (26) февраля 1858 г. // Югословени и Русија... С. 123.
- 28 Блудова — Раевскому, декабрь 1861 г. // Югословени и Русија... С. 133.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Гильфердинг — Раевскому, 4 августа 1858 г. // Зарубежные славяне и Россия... С. 127.
- 32 Гильфердинг — Раевскому, 15 (27) сентября 1856 г. // Югословени и Русија... С. 218.
- 33 Гильфердинг — Раевскому, 24 августа 1862 г. // Зарубежные славяне и Россия... С. 135.
- 34 Григорович — Раевскому, 26 июня (8 июля) 1846 г. // Югословени и Русија... С. 235.
- 35 Григорович — Раевскому, 22 июля (3 августа) 1846 г. // Югословени и Русија... С. 237.
- 36 Григорович — Раевскому, 26 июня (8 июля) 1846 г. // Югословени и Русија... С. 236.
- 37 Будилович — Раевскому, 28 июня 1871 г. // Зарубежные славяне и Россия... С. 81.
- 38 Там же.
- 39 Будилович — Раевскому, 18 (30) февраля 1874 г. // Зарубежные славяне и Россия... С. 84.
- 40 Там же.

Vashchenko M. S.

Croatian Theme in the Russian Social Thought of 1830–1870-s

This article is an analyses of the process of distribution of knowledge on Croatian people in the Russian social thought of 1830–1870-s. The author used data of private letters, political essays and researches in the field of Croatian studies.

Keywords: *Illyrian movement, Catholicism, Croatian studies, Slavic mutuality, social thought, national stereotypes, Croatia-Russia relations.*

Е. Н. Козловцева
(Москва)

Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX — начало XX в.)

Статья посвящена участию московских общин сестер милосердия в Сербско-турецкой (1876), Русско-турецкой (1877–1878) и Первой балканской (1912) войнах.

Ключевые слова: *сестры милосердия, Российское общество Красного Креста, Сербско-турецкая война 1876 г., Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Первая балканская война 1912 г., Н. Б. Шаховская, благотворительность.*

Российская империя на протяжении всего XIX в. вела активную внешнюю политику, в которой защита собственных интересов почти всегда сочеталась с протекционизмом в отношении других государств. Покровительством России традиционно пользовались православные народы — сербы, греки, болгары. Разумеется, эта политика проявлялась не только в военных операциях и дипломатических маневрах, значительное место в ней занимали и различные мирные инициативы, в том числе гуманитарная помощь воюющим государствам.

После заключения Женевской конвенции в России создается Общество попечения о раненых и больных воинах (1867)¹. Довольно быстро оказание медицинской помощи становится одним из немаловажных инструментов в дипломатическом арсенале государства. Правительство командировало отряды врачей и сестер милосердия туда, куда по политическим соображениям не могло направить военные формирования. Таким образом Россия четко обозначала свою позицию, соблюдая при этом внешний нейтралитет.

Московские общины сестер милосердия, наряду с петербургскими, вели наиболее энергичную деятельность в этом направлении, что было связано как с активной позицией их начальниц и попечителей, так и просто с территориальной близостью к правительственным учреждениям.

Первая заграничная командировка русских сестер милосердия состоялась в 1876 г. во время Сербско-турецкой войны. В мировой истории 1870-е гг. ознаменовались подъемом национально-освободительного движения на Балканах. Русский народ оказывал

боровшимся против турецкого ига славянам материальную, моральную и военную поддержку, которая проявлялась прежде всего в добровольческом движении. Это движение с самого начала выражалось в двух формах: одни ехали для помощи раненым как участники санитарных отрядов, другие — для борьбы в рядах сербской армии. Именно тогда Российское общество Красного Креста совместно со Славянским благотворительным обществом снарядило и направило в Сербию санитарные отряды, в которые входило 115 врачей, 118 сестер милосердия, провизоры, фельдшеры, студенты-медики².

Один из эшелонов отправился 25 июля 1876 г. из Москвы. Санитарный отряд состоял из 58 человек во главе с уполномоченным тайным советником Токаревым. В него вошло 39 сестер милосердия общины «Утоли моя печали» под руководством княгини Наталии Борисовны Шаховской³.

По прибытии в Белград девять сестер милосердия остались в госпитале при Топчидере. Остальные сестры вместе с княгиней Шаховской отправились далее в глубь страны, ближе к театру военных действий. В Парачине они соединились с санитарным отрядом из Харькова. Здесь из-за большого наплыва раненых очень не хватало не только медицинского персонала, но и помещений. С 9 по 21 августа в Парачин прибывало 500–600 раненых в сутки. Их приходилось перевязывать на улице, во дворах и даже в поле, куда сваливали несчастных. У сестер было так много работы, что они могли отдыхать не больше трех часов в сутки.

Затем по приказу сербского правительства всех раненых эвакуировали из Парачина в Ягодино, где было устроено три госпиталя. Во всех этих пунктах трудились сестры милосердия общины «Утоли моя печали»⁴. В сентябре управление всем отрядом полностью передали княгине Н. Б. Шаховской⁵. Вскоре она, оставив в Ягодине двенадцать своих сестер, вернулась в Парачин, где устроила шесть госпиталей. Из-за катастрофической нехватки медицинского персонала в каждом из госпиталей был только один врач. Поэтому основная нагрузка ложилась на сестер милосердия, которые к тому же готовили пищу и вели все госпитальное хозяйство. Силы отряда начинали истощаться. Тогда княгиня Шаховская вызвала из Москвы еще несколько сестер своей общины. Новый отряд из восьми сестер милосердия во главе с помощницей начальницы Елизаветой Григорьевной Бушман прибыл в Парачин 30 сентября. В это время из-за возобновившихся боевых действий госпитали были заполнены ранеными, подавляющее большинство которых составляли русские добровольцы — солдаты

и офицеры. Отряд, пополненный свежими силами новоприбывших сестер, не только успешно осуществлял уход за ранеными, но и ежедневно кормил и поил чаем до 50 русских добровольцев, проезжавших через Парачин⁶.

Сербские войска потерпели поражение в решающем сражении под Джунисом 17 октября 1876 г. Возникла угроза оккупации всей территории Сербии. Население Парачина срочно эвакуировалось. Раненых перевезли в Белград. В это время Н. Б. Шаховская и Е. Г. Бушман не бежали вместе со всеми, а объехали в поисках раненых все покинутые села, причем вплотную приблизились к линии фронта. Турецкие войска заметили женщин, но, к счастью, не стали в них стрелять. За этот случай Н. Б. Шаховская была награждена сербским орденом Такова, а Е. Г. Бушман — золотой медалью «За храбрость»⁷.

С окончанием военных действий княгиня Н. Б. Шаховская вернулась в Россию, а сестры милосердия ее общины под руководством Е. Г. Бушман работали в сербских госпиталях, где еще оставались раненые, до января 1877 г.⁸ При отъезде в Россию все они были награждены серебряными медалями от имени сербской королевы Наталии⁹.

В апреле 1877 г. Россия сама вступила в войну с Османской империей. К началу войны в Москве существовало две общины сестер милосердия — «Утоли моя печали» и Владычье-Покровская. Сестры милосердия Покровской общины поступили в распоряжение Общества Красного Креста, которое командировало их в лазареты, госпитали и на санитарные поезда¹⁰. Точных сведений о количестве командированных сестер Покровской общины и их работе не сохранилось.

Община «Утоли моя печали» выслала на театр Русско-турецкой войны самый многочисленный персонал сестер¹¹. Она снарядила три отряда общей численностью 120 человек, в которые вошли не только штатные сестры общины, но и волонтерки. Княгиня Н. Б. Шаховская и ее сестры проехали вслед за русскими войсками через территорию Румынии и Болгарии, работали близ Плевны, дошли до Адрианополя¹². Они трудились в тяжелейших условиях, терпеливо перенося постоянные переходы, непривычный климат и напряженную работу по 16–19 часов в сутки. Ко всему этому, естественно, добавлялось нравственное утомление от постоянного лицезрения человеческих страданий и смертей. Динамичное перемещение линии фронта и тяжелые климатические условия увеличивали обычные военные тяготы. Но, несмотря на это, сестры милосердия отлично справлялись со своими задачами, проявляя чудеса самоотверженности. Конечно, далеко не все сестры смогли вынести такие условия: шесть из них умерло в Болгарии, более

сорока досрочно вернулось на родину из-за расстроенного здоровья¹³. Но в то же время 65 сестер общины «Утоли моя печали» по просьбе военного начальства осталось работать в госпиталях Румынии и Болгарии и после окончания боевых действий¹⁴.

Работу сестер милосердия во время Русско-турецкой войны нельзя в полной мере считать зарубежной командировкой, так как они сопровождали русские войска и лечили в основном своих солдат и пленных. Тем не менее именно тогда закладываются основные принципы работы сестер в условиях активных боевых действий и происходит повсеместное осознание обществом необходимости их присутствия в непосредственной близости к линии фронта.

К началу 1910-х гг. Балканы превратились в один из основных объектов международной борьбы. Между собой соперничали и великие державы, и сами балканские государства. Россия была заинтересована в сохранении статус-кво на Балканах и предпринимала все возможные усилия, чтобы воспрепятствовать войне, которая могла перерасти в общеевропейскую. Летом 1912 г. на территории балканских владений Турции произошла очередная резня христианского населения, что послужило сигналом к началу Первой балканской войны. Перед лицом фактически начавшихся военных действий в России решили оказать помощь государствам Балканского союза¹⁵.

С началом Балканской войны в 1912 г. русское общество с энтузиазмом поддержало единоверные народы¹⁶. Проводился сбор денежных пожертвований, сотни добровольцев сражались против турок в рядах сербской, черногорской и болгарской армий. В это время московские общины сестер милосердия выслали на театр военных действий пять санитарных отрядов.

Главное управление РОКК предложило Иверской общине сестер милосердия организовать госпиталь для отправки в Сербию¹⁷. Община с радостью откликнулась и за десять дней сформировала госпиталь. Он был рассчитан на 200 кроватей, но при необходимости мог развернуть в два раза больше. В состав отряда вошли: старший врач А. Х. Бабасинов, его помощник Н. И. Севриков, три ординатора, завхоз, фармацевт, 16 сестер милосердия и 35 санитаров. Старшей сестрой была назначена Екатерина Ситникова. Наряду со штатными крестовыми* сестрами общины в командировку отправились пять

* Крестовыми называли тех сестер милосердия, которые не менее пяти лет безупречно прослужили в общине и получили особый знак отличия.

запасных сестер военного времени, которые для этой цели досрочно окончили курсы и сдали экзамены.

Епископ Серпуховской Анастасий (Грибановский) 9 октября отслужил в церкви общины напутственный молебен¹⁸, 11 октября отряд выехал из Москвы и через три дня прибыл в Белград. Сразу по прибытии он начал свою работу в местных больницах. Через несколько дней отряду отвели под устройство госпиталя помещение Второй белградской гимназии. Весь инвентарь и оборудование, предусмотренные до мелочей, отряд привез с собой. Это позволило за четыре дня полностью развернуть госпиталь и начать работу¹⁹. Еще 17 октября в Иверский госпиталь было переведено 17 тяжелораненых, нуждавшихся в экстренной помощи и тщательном уходе. К вечеру следующего же дня в госпиталь доставили 121 тяжелораненого в бою под Кумановым. Всем раненым немедленно была оказана помощь, потребовавшая непрерывной работы всего персонала до 5 часов утра²⁰.

Сербские власти оказали большое внимание московским медикам. На молебне по случаю открытия Иверского госпиталя присутствовали митрополит, министры военный и внутренних дел и другие должностные лица, а также вся Русская миссия во главе с посланником Н. Г. Гартвигом. За время пребывания в Белграде Иверский госпиталь два раза посетил король Петр, а княгиня Елена Петровна в течение двух месяцев приезжала почти ежедневно, заботилась о судьбах раненых и раздавала им лакомства²¹.

Так как с полным оборудованием на Балканском полуострове были только русские госпитали, то интерес к ним со стороны иностранных миссий был очень велик. Иверский посещало много иностранных врачей, которые подробно его осматривали и знакомились со всеми отделениями. Все отмечали удобство, портативность и богатое оборудование лечебных учреждений Российского общества Красного Креста²².

В самом начале деятельности Иверского госпиталя через супругу русского посланника в Белграде А. П. Гартвигом старшему врачу поступила просьба от дам белградского общества о разрешении им работать в качестве сестер милосердия. Ввиду того, что большинство этих сестер владели русским и сербским языками, сотрудничество их в госпитале было, особенно в начале, очень полезным. Они оказывали постоянному персоналу посильную помощь, выполняя различные поручения. От дежурств сестры-волонтерки были освобождены²³.

В апреле 1913 г. старший врач отряда в сопровождении двух сестер милосердия и четырех санитаров выезжал с запасами перевязочного материала и медикаментов в Салоники для встречи парохода с больными и ранеными, следовавшего от Адриатического побережья, а на обратном пути отряд сопровождал 560 больных и раненых в санитарном поезде до Белграда²⁴.

Иверский госпиталь завершил свою работу 23 апреля 1913 г., когда оставшиеся в нем 60 раненых были переведены в резервную больницу. За все время работы в нем находился на излечении 841 человек. 11 мая 1913 г. отряд благополучно вернулся в Москву²⁵.

Сестры милосердия городской общины «Утоли моя печали» выехали на Балканский полуостров в составе четырех городских санитарных отрядов²⁶. Во всех отрядах состояло 24 штатных сестры общины и 18 временных сестер из числа фельдшерниц городских больниц. Два отряда отправились в Болгарию. Старшими сестрами этих отрядов были назначены Т. К. Захарова и Е. М. Ивашкова. Один из отрядов, возглавляемый А. П. Зарюгиной, работал в Сербии, а еще один под началом старшей сестры В. С. Польшаевой — в Греции. Подробных данных о работе этих отрядов мы, к сожалению, не имеем, но можно предположить, что они осуществляли свою деятельность аналогично Иверскому госпиталю в Белграде.

Мы видим, что где бы ни приходилось работать русским сестрам милосердия, везде они оставляли о себе добрую память. Свою заботу и участие они распространяли на каждого пациента, независимо от его национальности. Местные врачи удивлялись профессионализму наших сестер, их заботам поручали самых тяжелых больных. Отдельные случаи, когда руководство иностранных госпиталей не могло правильно определить место сестер милосердия среди прочего медицинского персонала, можно рассматривать как неприятные исключения.

Главное же, что неизменно привлекает наше внимание, — это чудеса самоотверженности, которые проявляли русские сестры милосердия везде, где бы ни проходило их служение. В высшей степени напряженная работа по двадцать часов в сутки, полная отдача себя уходу за больными, исполнение своего долга, несмотря на постоянный риск погибнуть от пули или заразной болезни, — все это часто пытаются объяснить сильными патриотическими настроениями, желанием послужить родной стране в сложное для нее время. Возможно, иногда так оно и было. Но очевидно, что сестры милосердия точно так же относились к своему служению и находясь в другой

стране, помогая чужим раненым (иногда даже иноверцам), перенося все трудности военных действий, в которых Россия не принимала участия. Это заставляет сделать вывод о том, что в основе отношения сестер милосердия к собственному служению лежал не столько патриотизм, сколько совсем иные принципы — принципы христианской любви к ближнему.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В 1879 г. переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК).
- 2 *Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А.* Военная история России. М., 2002. С. 393.
- 3 Александровская община сестер милосердия «Утоли моя печали», состоящая под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Государя императора. Очерк 30-летия существования Общины. Отчет за 1895–1896 гг. / Сост. С. А. Кельцев. М., 1897. С. 22–23.
- 4 Александровская община сестер милосердия «Утоли моя печали»... С. 23–24.
- 5 Там же. С. 25.
- 6 Там же. С. 26.
- 7 Там же. С. 27.
- 8 Там же. С. 28.
- 9 Там же. С. 28–29.
- 10 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 113–114.
- 11 *Илинский П. А.* Русская женщина в войну 1877–1878 гг. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшерниц и женщин-врачей. СПб., 1879. С. 28, 36.
- 12 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 56–56 об.
- 13 Александровская община сестер милосердия «Утоли моя печали»... С. 30–32.
- 14 РГВИА. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 70. Л. 56–56 об.
- 15 *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 102–104.
- 16 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания (1905–1915). М., 1997. Т. 2. С. 71.
- 17 Отчет о деятельности Иверской общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста в Москве за 1912 год. М., 1913. С. 12–13.

- 18 Московские церковные ведомости. 1912. № 47. С. 1039–1040.
- 19 Отчет о деятельности Иверской Общины... за 1912 год. С. 13.
- 20 Отчет о деятельности Иверской Общины... за 1913 год. М., 1914. С. 23.
- 21 Там же. С. 23, 27.
- 22 Там же. С. 28.
- 23 Там же. С. 25–26.
- 24 Там же. С. 27.
- 25 Там же. С. 28–29.
- 26 Отчет Московской городской общины сестер милосердия «Утоли моя печали» им. кн. Н. Б. Шаховской за 1912 год. М., 1913. С. 3.

Kozlovtsava E. N.

Russian Nurses in Serbia and Bulgaria
(the second half of the 19th — the beginning of the 20th cent.)

This article covers the activity of Russian medical nurses at the time of the military conflicts in Serbia and Bulgaria. The author analyses the sources about one of the examples of such activity: the work of the nurses' communities of Moscow during the Serbian-Turkish, Russian-Turkish and Balkan wars.

Keywords: *nurses, Russian Society of the Red Cross, Serbian-Turkish war of 1876, Russian-Turkish war of 1877–1878, the First Balkan war of 1912, N. B. Shakhovskaya, charity.*

Е. П. Серапионова
(Москва)

Чехи в России (вторая половина XIX — начало XX в.)

В статье рассматриваются причины эмиграции чехов в Россию во второй половине XIX — начале XX в., социокультурные проблемы их жизни в России.

Ключевые слова: *чехи, Россия, эмиграция.*

Когда-то не только Америка, но и Россия привлекала европейцев в качестве страны широких возможностей, где можно было улучшить благосостояние и при этом не потерять национальную идентичность, не понизить свой социальный статус, как это часто бывает при переезде в другую страну. Причинами выезда чехов за границу во второй половине XIX в. было относительное перенаселение, нехватка земли, невозможность получить работу в некоторых районах. Основные волны эмиграции шли в Америку. Чешские политики негативно воспринимали это явление, но не могли найти ответ на вызов времени. Тогда возникла идея переориентации эмиграции на славянские земли¹. Интерес к России усилился после путешествия чешской делегации на этнографическую выставку в Москву в 1867 г.

Россия тоже была заинтересована в переселенцах, так как существовала необходимость освоения земель на Кавказе, в Крыму, на Волыни, в Приамурье. Заселить эти земли хотели колонистами, имевшими агротехнические навыки, близкими в культурном и языковом отношении, и в этом плане зарубежные славяне были предпочтительнее всего, а среди них особо выделялись чехи как хорошие, культурные хозяева.

Возникали различные идеи: переселения чехов из Америки в Приамурье, переориентации чехов, готовых к отъезду в Америку, на Кавказ². Эти проекты активно обсуждались почти целое десятилетие с 1861 по 1870 г., однако затем, в силу разных причин, не получили развития: одни не были реализованы вообще, другие — в тех значительных масштабах, в которых первоначально задумывались (50–70 тыс. человек)³. Планы заселения территорий вблизи Байкала, на северном Кавказе и в южнорусских губерниях несколько изменились.

В 1868–1874 гг. около 15 тыс. чехов переселились из Австро-Венгрии на Волынь (к 1884 г. число лиц чешского происхождения

увеличилось до 23 тыс.⁴, а в 1897 г. на Волыни проживало 28 тыс. чехов⁵). Газета «Národní Politika» в 1910 г. писала уже о 40 тыс. чехов на Волыни⁶. Всего же в 1911 г. за границей проживало около 1 млн чехов⁷. Чехи построили на Волыни 16 пивоварен, 113 мельниц, 5 сахарных заводов⁸. В 1997 г. чешский историк Я. Вацулик опубликовал большое двухтомное исследование «История волыньских чехов»⁹.

В 1863–1869 гг. гораздо меньшая волна чешских переселенцев основала несколько чешских и чешско-немецких поселений в Таврической губернии в Крыму, а также в Мелитопольской и Подольской губерниях. В конце 1860-х гг. после вытеснения черкесов опять стало актуальным переселение чехов на Кавказ, и в 1870-е гг. там возникло 12 чешских деревень¹⁰.

Колонистам предоставляли участок земли, сельскохозяйственные орудия, жилье, деньги и освобождение от налогов и податей на 30 лет. Они имели право на самоуправление и не подлежали воинскому призыву. Однако переселение было непростым делом, многие семьи были вынуждены несколько раз переезжать с места на место, некоторые переселенцы — работать сельскохозяйственными рабочими. Мешало незнание языка, местных обычаев и законов. Лучше других устраивались квалифицированные ремесленники.

Однако процесс переселения, несмотря на трудности, шел и далее. Новая волна чехов-переселенцев хлынула в Россию на рубеже XIX–XX вв.¹¹. С большей или меньшей интенсивностью эмиграция чехов в Россию продолжалась вплоть до Первой мировой войны¹².

В опубликованном в Праге в 1911 г. списке чехов, живущих за границей, перечислялись основные чешские колонии в Российской империи, а именно на Волыни, в Царстве Польском, на Кавказе, в Крыму и в таких российских городах, как Киев, Москва, Одесса, Петербург, Рига, Ростов-на-Дону. Больше всего чехов, как уже говорилось, проживало на Волыни в Луцком, Дубенском, Житомирском, Ровенском, Острожском уездах, которые были первоначально объединены в три, затем четыре волости, они имели самоуправление, собственную чешскую гуситскую церковь и школы.

Сначала в большинстве своем переселившиеся чехи оставались католиками, меньшая часть их относилась к протестантам евангелического вероисповедания, и лишь совсем немногие перешли в православие¹³. В 1871 г. на Волыни были созданы два прихода чешской гуситской церкви, а в 1875 г. еще и третий. Возглавляли приходы В. Грдличка, Я. Саска и Ф. Кашпар. В начале 1880-х гг. между Саской и Грдличкой начался конфликт из-за различных представле-

ний о дальнейшем развитии чешской гуситской церкви. Грдличка и Кашпар стояли за создание новой чешскобратской церкви (чешской, национальной, антиримской, свободомыслящей, демократической), тогда как Саска собирался создать церковь по примеру старокатоликов (антипапскую, с национальной идеологией и с клиром). Причем если царская администрация поддерживала Грдличку и Кашпара, то русское духовенство встало на сторону Саски. Чешскобратская церковь опиралась на зажиточные слои чешских переселенцев и, частично, на интеллигенцию. В их учении отразилось желание противостоять Риму, но в то же время сохранить идентичность и не ассимилироваться. Старокатоликов либо чехокатоликов рассматривали скорее как людей, находившихся на переходной ступени к православии и ассимиляции. В 1888 г. все три прихода были ликвидированы, а Грдличка, Саска и Кашпар вместе со своими прихожанами приняли православие. К 1890 г. в православие перешло 6488 чехов, а в 1893 г. после выхода закона, запрещавшего частную собственность на землю для иностранцев, даже принявших российское подданство, стремление перейти в православие многократно усилилось, так как лишь православный подданный не считался иностранцем¹⁴.

В 1870–1880-е гг. на Волыни существовало более 20 чешских школ, но в 1887 г. последовал закон о ликвидации чешских школ и их замене русскими в течение трех лет. Волынским чехам удалось сохранить добровольные пожарные дружины, театральные и певческие общества, литературные кружки и библиотеки, а также трактиры как места встреч и проведения традиционного досуга. Позднее, в начале XX в., чешские школы были восстановлены.

В Царстве Польском чехи проживали в основном в городах: Кучеве, Лодзи, Радзивиллове, Варшаве и Зелове. Они имели там собственные чешские евангелическую реформатскую и евангелическую свободно реформатскую церкви, баптистскую общину, чешские союзы, в том числе образовательные, объединения («Беседы»), книжные магазины, издательства, пивные и рестораны. В определенных магазинах и отелях, в кофейнях и барах чехи собирались, чтобы побеседовать и обсудить новости, там же можно было почитать чешские газеты. В Лодзи выходил ежемесячный чешско-русский журнал, существовали добровольное просветительное общество «Единство», союз по организации чешских школ, чешское издательство и книжный магазин В. Прохазки с филиалом в Зелове, издавался календарь русских чехов¹⁵.

Чешские поселения были сосредоточены и на Кубани, в окрестностях города Новороссийск (Хлебовка, Кирилловка, Мефодейка,

Владимировка), близ Анапы (Павловка, Верверовка). Деревушки с этими названиями сохранились там до сих пор. В Анапе и Новороссийске чехи открывали трактиры, в Новороссийске был построен пивоваренный завод. В воскресные вечера чехи посещали трактир Вацлава Старце на Воронцовской улице, где можно было полистать чешскую прессу и поговорить. В Геленджике действовал чешский пансион.

В Ростове-на-Дону чехи, желавшие пообщаться, собирались в швейцарском кафе, располагавшемся в том же дворце, что и мэрия.

В Киеве издавался еженедельник «Русский чех», редакция которого находилась в отеле В. Вондрака «Прага», распространялся ежемесячник «Чешский переселенец», выходивший в Праге и защищавший интересы чехов, живущих за границей¹⁶. С 1910 г. издательское объединение «Čechoslovan» стало издавать еженедельник чехов в Российской империи под таким же названием. Редактор издания — В. Швиговский. В Киеве чехи держали трактиры и гостиницы, действовала сеть чешских общественных организаций: образовательное общество «Ян Амос Каменский», физкультурное объединение «Юг», гимнастическое общество «Сокол».

Впервые в России сокольскую гимнастику ввел в 1-й мужской гимназии в Тифлисе ее директор Дрбоглав, пригласив учителя чеха А. Лукеша¹⁷. Во время V Сокольского слета в Праге в 1907 г. состоялось собрание представителей сокольских заграничных организаций, в котором участвовал В. Шнепп из Москвы.

Примечательны были и названия крымских деревушек, основанных чехами, — Александровка, Богемка, Чехоград. В Крым чехи стали переселяться еще в 60-х гг. XIX в. из Богемии и из созданных ранее колоний в Полтавской губернии. В Перекопском уезде было основано 4 чешских поселения: Табор, Богемка, Царевич и Александровка. Они походили на небольшие европейские города с четко распланированной улицей, по обе стороны которой располагались дома фасадами на улицу. Дома строили из кирпича, покрывали крыши черепицей, так называемой «марселькой» или «немкой». Дома состояли из 5–6 комнат, под крышей над потолком была кладовая для мясных изделий, вина, овощей и фруктов. Перед окнами разбивались цветники. Имелся и хозяйственный двор с постройками для домашней птицы, свиней, коров и лошадей. Занимались чехи в Крыму земледелием и животноводством. Сеяли пшеницу, разбивали сады и огороды, разводили крупный рогатый скот, свиней, птицу. Были и свои ремесленники: портные, мебельщики, строители, каретники, плотники. Занимались ремеслом в основном зимой. До сих

пор в с. Александровка сохранился построенный в 1910 г. на деньги прихожан — чехов и немцев — католический костел, при котором работала школа для немецких и чешских детей.

В Одессе на Дерибасовской улице в отеле «Париж» действовало «Чешскославянское общество поддержки», основанное в 1900 г. Позднее его члены встречались по выходным в доме № 48 по Херсонской улице либо в кофейне Фанкони. Выпускник ремесленно-промышленной школы в Праге А. П. Чила в письме от 22 апреля 1912 г. в Национальный совет чешский (Národní Rada Česká, NRČ/НСЧ) сообщал о жизни чешской колонии в Одессе следующее: сам он работал в Одессе с 1909 г. учителем физкультуры, чехи создали союз, постоянно проводили собрания, у них имелась своя библиотека, организовывались вечера читателей, действовали певческий и музыкальный кружки, существовал театр, охотничье общество, в сокольскую организацию входило более 250 человек¹⁸. Большой популярностью пользовался чешский бал. Не обходилось, правда, и без склок, ссор и разладов. Но это вполне обычные для эмигрантов явления.

Чешский кружок был организован в Харькове.

В Москве в 1904 г. в доме княгини Шаховской на Большой Никитской был основан Чешский физкультурный кружок. В дальнейшем он располагался на Ириненской улице в доме предпринимателя Й. Гумгала. Чешский информационный кружок располагался на Тверской Садовой в доме № 167 и на Кудринской Садовой. В работе кружка участвовал профессор Ф. К. Шнепп, его секретарем состоял С. Конишек, который сам в 1909 г. основал Всеславянское общество «Славия». Собрания «Славии» проходили ежемесячно в доме Шипулиной в Ивановском проезде в районе Петровско-Разумовское. Свободное объединение чехов собиралось на Большой Лубянке в отеле «Билло», там же, где и австро-венгерское общество. Довольно многочисленным было и Славянское вспомогательное общество на Кузнецком мосту в доме барона Джангарова¹⁹. Чешско-славянский вспомоществовательный и информационный союз организовал А. Грабе, собирались в доме Милешина на Большой Тверской. В Газетном переулке располагалась пивная А. Калабиса. Местом встреч и посиделок для чехов являлся «Новый Петергоф», где к их услугам всегда были чешские газеты и журналы.

В Санкт-Петербурге с 1877 г. работал Чешский благотворительный союз. Его участники собирались каждую вторую субботу на Звенигородской в доме № 24. В российской столице гостеприимно были раскрыты двери чешского кафе «Рейтер» на Невском проспекте

в доме 50. Физкультурное общество «Север», созданное в самом начале XX в., располагалось по адресу Инженерная, 10.

Две чешские кофейни были открыты в Риге — 3. Плоцека и Й. Цимбуры. Был там и чешский «Сокол».

Чехи были разбросаны и по другим городам и весям огромных российских просторов. Они проживали в Харьковской, Херсонской, Бессарабской, Екатеринославской, Кутаисской, Киевской, Курской, Бакинской, Черниговской, Рязанской, Тульской, Подольской, Полтавской, Владимиринской, Владимирской губерниях, а также в Гродно, Юрьеве, в районе Азова, Новочеркаска и Таганрога, на Дону, в Кронштадте, Оренбурге, Пензе, Самаре и Саратове²⁰. Часть из них обосновалась в Сибири.

На Волыни, Кавказе и в Крыму селились чешские земледельцы. В статье о хуторских хозяйствах В. Хижняков описывал свои впечатления о поездке на Волынь, большое внимание уделив чешским хуторам: «Чехов много... 1/7 часть всех жителей губернии. Хозяйство поставлено у них образцово, и непрменная его принадлежность — хмельники...»²¹. Он обращал внимание на деревню Сыленщину Черняховской волости: «Чешские хутора здесь — это сплошной, на несколько верст, сад. Прекрасные дома, дорогая изгородь, большие фруктовые сады, цветы и хмельники с перевитым проволоками лесом шестов производят впечатление ряда помещичьих усадеб. Вообще тому, как нужно хозяйничать, есть где поучиться волынскому крестьянину»²².

В города ехали предприниматели и торговцы, техники, квалифицированные рабочие, а также представители интеллигенции (историки, филологи, учителя латыни, греческого, немецкого и французского языков, физкультуры, а также врачи и музыканты). Газета «Národní Listy» сообщила 1 апреля 1911 г. о смерти выдающегося чешского композитора, прожившего в Петербурге более 40 лет, Войтеха Ивановича Главача. В связи с его кончиной вдовствующая императрица Мария Федоровна, являвшаяся его покровительницей, послала венок из белых роз. Красавец, любимец публики, Главач дирижировал концертами в Павловске. Газеты называли его «славянским Апполоном». Он держал собственный салон на Фонтанке, являлся страстным коллекционером золотых и серебряных украшений с бриллиантами и жемчугом. Главач был лично знаком с Александром III и Николаем II, дирижировал при дворе, имел более 30 наград. При этом он никогда не скрывал, что он чех и католик²³.

Чехи в России создавали свои организации, союзы, входили в общеславянские объединения, поддерживали связь с родиной, кото-

рую обеспечивал Национальный совет чешский (НСЧ), существовавший в Праге. Второй отдел его Заграничного комитета как раз и осуществлял заботу о чехах за границей. Главой Заграничного комитета являлся Й. Герольд, а его заместителями В. Черны и Ф. Корбел, секретарем состоял Я. Ауэрхан, позже выпустивший несколько книг о чехах за границами Австрии. В 1906 г. секретарь Московского славянского общества С. О. Коничек писал в НСЧ, что в России требуются «интеллигентные чешские силы»²⁴. НСЧ получил информацию, что в Ростов-на-Дону требуется учитель музыки, а в Москву математик. Желание поехать на работу в Россию изъявили члены клуба механиков, оптиков и электромонтеров, а также инженеры²⁵.

На совещании, проводимом НСЧ с заграничными чехами в 1912 г., представитель киевской колонии чехов Б. Мелихар сообщил, что уже второе поколение чешских переселенцев в Россию, в отличие от поляков, полностью русифицируется. Для сохранения национальной идентичности он предлагал ширить знания о чехах в России, организовывать культурную программу для «русских чехов», устраивать традиционные кукольные театры, заметив при этом, что разрешение на это придется испрашивать в Санкт-Петербурге. Его поддержал и представитель чехов из Крыма Фехтнер, попросив посылать в Россию больше чешских учителей. Эти предложения сразу нашли в Праге отклик. Представлявший Союз друзей кукольного театра Э. Краса пообещал помощь в организации кукольных театров, а учитель М. Тумова заметила, что учителя могли бы работать в России во время каникул²⁶.

Заботу о чехах за границей осуществляли и другие организации в Праге, такие как Общество друзей заграничных чехов во главе с Я. В. Фричем, проводившее собрания в первый понедельник месяца, Клуб чешских туристов, Общество попечителей музея Наперстка, редакция ежемесячника «Чешский переселенец» при секретариате Рабочей академии, Экспортный союз Чехии, Моравии и Силезии, Чешское бюро путешествий.

Чехи в России добились значительных хозяйственных успехов. Они сеяли пшеницу, ячмень и кукурузу, выращивали хмель, разводили виноградники, занимались овощеводством, садоводством, много сделали для повышения культуры сельского хозяйства. Скотоводство и производство молочных продуктов также являлось частым занятием чехов. Они строили маслобойни, мельницы, открывали фабрики по переработке пищевых продуктов и производству музыкальных инструментов, пивоваренные и сахарные заводы. Пивоваренный за-

вод И. Бенда и К^о в Каховке в 1911 г. имел уже пять медалей за отличное качество пива²⁷.

Первая мировая война болезненно отразилась на судьбах чешских эмигрантов. После войны и революционных событий 1917 г. в России многие из чехов, лишившись трудом нажитого имущества, вернулись на родину, в новое независимое чехословацкое государство²⁸, но часть осталась. В 1925 г. в СССР проживали еще более 16 тыс. чехов и словаков²⁹. И сейчас только в Краснодарском крае по разным оценкам живут около 5 тыс. потомков этнических чехов³⁰. По переписи конца 1980-х гг. в Крыму насчитывалось около 1 тыс. чехов. С февраля 1993 г. в Симферополе действует Крымское культурно-просветительное общество чехов «Влтава». В августе 2000 г. в Новороссийске официально зарегистрировано общество «Наздар»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Vaculik J.* K počátkům českého zemědělského vystěhovalectví do Ruska ve 2. polovině 19. století // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a součastnost. Praha, 2000. S. 195.
- 2 *Robek A.* K problematice českého vystěhovalectví do Ruska v druhé polovině 19. století (první část) // Češi v cizině. № 2. Praha, 1987. № 2. S. 64–76.
- 3 Подробнее см.: *Ненашева З. С.* Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2006. Т. 3. С. 7–37.
- 4 *Robek A.* K problematice... S. 83.
- 5 *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914–1938. Praha, 1999. S. 17.
- 6 *Národní Politika.* 25.05.1910.
- 7 *Adressář zahraničních Čechů.* IV doplněné vydání. Praha, 1911. S. 3.
- 8 www.Forum.czech-info.ru/printthread.php
- 9 *Vaculik J.* Dějiny volyňských Čechů. Praha, 1997. Sv. 1–2.
- 10 *Auerhan J.* Československé jazykové menšiny v evropském zahraničí. Praha, 1935. S. 14.
- 11 *Savický I.* Osudová setkání... S. 17.
- 12 *Doubek V.* Česká emigrace do Ruska v druhé npolovině 19. století. Dobové interpretace // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a součastnost. S. 181.
- 13 Подробнее о религиозных верованиях и церкви чехов в России см.: *Robek A.* K problematice českého vystěhovalectví do Ruska v druhé polovině 19. století (dokončení) // Češi v cizině. Praha, 1988. № 3. S. 4–21.

- 14 Ibid. S. 6–11.
 15 Adressář Českých zahraničních spolku v Evropě. 1907. S. 13–14.
 16 Národní archiv (NA). F. Národní Rada Česká. Kart. 331. Sl. 2. Inv.č. 168. Подробнее о жизни чехов в Киеве см.: Муратов А., Муратова Д. Йиндржих Йиндржихович или Генрих Игнатъевич // Русское слово. 2009. № 7–8, 9, 10 // www.ruslo.cz/articles/466/
 17 Kovářik F. Zážitky a dojmy Ruského Čecha za carství. Praha, 1932. S. 23.
 18 NA. F. Národní Rada Česká. Kart. 341/I. Sl. Z. 57. 17.
 19 Adressář Českých zahraničních spolku v Evropě. S. 14.
 20 Adressář zahraničních Čechů. IV Dopolněné vydání / Sestavil Jaroslav Španihel. Praha, 1911. S. 61–67.
 21 Речь. 10.07.1910.
 22 Там же.
 23 «Národní Listy». 1.04.1911.
 24 NA. F. Národní Rada Česká. Kart. 324.
 25 Ibid. Kart. 341/I.
 26 Ibid. Kart. 13. Sl. 2.
 27 Ibid. Kart. 341/I. О предпринимательстве чехов см. также: Птицын А. Н. Предприниматели из австро-венгерских земель в России XIX — начала XX века // Славяноведение. 2009. № 1. С. 83–90.
 28 В 1921 г. Национальное собрание ЧСР рассматривало проект закона о государственном возмещении убытка чехам, пострадавшим в 1914–1918 гг. за границей. См.: NA. F. Prezidium Ministerské Rady. Kart. 255.
 29 Klíma S. Čechové a Slováci za hranicemi. Praha, 1925. S. 144.
 30 Герчикова И. А. Чехи в России: история продолжается // Славяноведение. 2002. № 5. С. 67.
 31 Там же.

Serapionova E. P.

Czechs in Russia

(the second half of the 19th — the beginning of the 20th cent.)

The article deals with the main reasons of Czech emigration in the second half of the 19th — the beginning of the 20th cent. and social-cultural problems of life in Czech colonies in different parts of Russia.

Keywords: *Czechs, Russia, emigration.*

Е. П. Аксенова
(Москва)

Саратовский университет в истории славяноведения (Первые годы деятельности историко-филологического факультета)

Статья посвящена научно-педагогической деятельности в области славяноведения профессоров и преподавателей Саратовского университета в первые годы существования историко-филологического факультета. Затронуты вопросы создания научно-организационной базы для работы в области славяноведения.

Ключевые слова: *история славяноведения, Саратовский университет.*

В момент своего открытия Саратовский университет имел лишь один медицинский факультет. В 1917 г. он уже обладал такой же структурой, как большинство российских университетов: были открыты физико-математический, юридический и историко-филологический факультеты. В дальнейшем его структура претерпевала различные изменения, характерные для системы высшего образования в 1920–1930-е гг. В первые десятилетия XX в. в стране насчитывалось не так уж много университетов, и научно-педагогический статус каждого из них был достаточно высок. Высшее учебное заведение Саратова получило название Императорского Николаевского университета, что предполагало высочайшее покровительство. История Саратовского университета свидетельствует о том, что с самого начала ему придавалось значение не захолустного, провинциального учебного заведения, а одного из признанных центров русской науки и высшего образования. Подтверждением этому служат имена выдающихся ученых, оставивших свой неизгладимый след в деятельности университета. Разные жизненные обстоятельства приводили ученых в Саратовский университет. В основном это было связано с условиями Гражданской войны, эвакуацией университетов (Варшавского, Юрьевского), переходом некоторых высших учебных заведений под контроль белых правительств (на Юге, в Сибири, на Дальнем Востоке), с преобразованием в педагогические институты (Киевский, Харьковский, Одесский университеты). Однако условия жизни и работы в Саратове зачастую оказывались довольно сложными.

До революции славистике отводилось значительное место в системе гуманитарного образования. Известные ученые читали студентам лекции по истории, истории литератур славянских народов, славянскому языкознанию, этнографии, истории права и другим дисциплинам. На историко-филологических факультетах российских университетов было предусмотрено создание славянских кафедр, имевших преимущественно филологическую направленность. Скорее всего, традиции русского университетского славяноведения были бы сохранены и развиты во вновь созданном Саратовском университете, но они не успели развиться в полной мере. Основанный незадолго до революции, он, как и другие высшие учебные заведения страны, испытал на себе крутую идеологическую и организационную перестройку, постепенно утрачивая славистическую составляющую учебных программ.

Тем не менее для истории славяноведения наиболее интересной и значимой является деятельность историко-филологического факультета Саратовского университета, с которым так или иначе были связаны судьбы известных ученых, внесших свой вклад в развитие этой научной области. Первым деканом факультета (с 1917 до 1921 г.) был крупный философ С. Л. Франк (1877–1950), одновременно руководивший Саратовским философско-историческим обществом. В 1922 г. он был выслан из страны и влился в ряды эмигрантов первой волны¹. В начальный состав факультета входили известные впоследствии ученые: В. М. Жирмунский (1891–1971; кафедра истории западноевропейских литератур), Н. К. Пиксанов (1878–1965; кафедра русского языка и литературы), С. В. Меликова (1885–1942; кафедра классической филологии), В. А. Бутенко (кафедра всеобщей истории)², В. И. Веретенников (1886–1942; кафедра русской истории) и некоторые др.

Изначально факультет подразделялся на два отделения: историческое и филологическое, имевшие семь кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и словесности, романо-германской филологии, всеобщей истории, русской истории. В следующем году добавились еще две: *славянской филологии* и теории и истории искусств. При кафедрах стали создаваться кабинеты со своими библиотеками. В начале 1919 г. их было уже 12, среди них — *кабинет славяноведения*³. По решению, принятому в октябре 1917 г., факультет должен был состоять из пяти отделений: исторического, *славяно-русского*, романо-германского, классического и лингвистического⁴. Но эта структура не получила

развития. Весной 1919 г. на базе исторического отделения историко-филологического факультета и юридического факультета был создан факультет общественных наук (ФОН), в состав которого вскоре вошел и филфак как словесное отделение, ставшее после слияния с историческим отделением в 1921 г. словесно-историческим отделением ФОНа. На основе этого отделения в начале 1922 г. образован педагогический факультет⁵.

В большинстве российских университетов в начале 1920-х гг. славяноведческие дисциплины или вовсе не преподавались, или утрачивали свои позиции. Дольше других сохранялось изучение славистических предметов в Саратовском университете⁶, который привлек авторитетных славяноведов.

Сразу же после открытия факультета кафедру сравнительного языкознания филологического отделения занял Макс Фасмер (1886–1962), языковед-славист, который читал курс «Введение в языкознание», вел лекции и практические занятия по русскому, старославянскому и польскому языкам. Среди рекомендуемых пособий для самостоятельной работы студентов по старославянскому языку Фасмер указывал труды известных зарубежных и отечественных ученых: В. Вондрака «AltKirche-slavische Grammatik» (Berlin, 1912), А. Лескина «Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка» (Пер. Н. Петровского. Казань, 1915), С. Кульбакина «Древний церковнославянский язык» (Харьков, 1917), Н. Каринского и др.⁷. В своей научной деятельности в этот период Фасмер с интересом знакомился с калмыцким языком и работал над саратовским русским диалектным словарем. Но в Саратове он оставался недолго — до ноября 1918 г. (из поездки в Финляндию он решил не возвращаться в Россию и отправился в Дерпт).

В 1918–1921 гг. на кафедре русского языка и словесности историко-филологического факультета Саратовского университета преподавал Николай Николаевич Дурново (1876–1937), читавший перед этим лекции в Харькове. Профессор вел занятия по старославянскому языку и читал общий курс «Введение в славяноведение»⁸. Среди пособий по славяноведению он указывал труды Л. Нидерле «Обозрение современного славянства», В. Н. Щепкина «Введение в славяноведение. Краткий очерк истории славянских литератур и языков», карты славянского мира Л. Нидерле, Иохимовича, Т. Д. Флоринского и других, а по старославянскому языку предлагал работы А. Лескина, С. Кульбакина, а также «Конспект к лекциям по старославянскому языку» В. Н. Щепкина. Н. Н. Дурново —

выдающийся лингвист, славист, известный своими трудами в области русского и других славянских языков, диалектологии, грамматики и др. В дальнейшем он стал членом-корреспондентом АН СССР, академиком Белорусской АН, работал в Чехословакии. В 1930-е годы он был осужден по сфабрикованному «делу славистов», отбывал срок на Соловках, затем в 1937 г. был снова осужден и расстрелян.

Наиболее активно в области славистики заявил о себе в Саратовском университете преподававший до того в Харькове, Юрьеве, Казани, Воронеже Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937), филолог, славист, известный своими исследованиями в области истории славянской письменности, сравнительной грамматики славянских языков и праславянского языка. 15 апреля 1918 г. он был избран профессором на кафедру славянской филологии (на которой оставался до 1923 г.). За годы работы в университете (1920–1927) он прочел курсы истории сербского, болгарского, польского языков, преподавал старославянский язык, сравнительную грамматику славянских языков, а также историю славянских литератур, вел практические занятия по славянским языкам и литературам. Свою преподавательскую деятельность на кафедре Ильинский начал вступительной лекцией «Что такое славянская филология?», в которой дал определение этой научной дисциплины, отличное от определения И. В. Ягича⁹. Ильинский, в частности, считал, что, наряду с разработкой теоретических проблем, славянская филология способна помочь решению практических задач по укреплению контактов со славянскими народами и государствами. Выходя за рамки филологии, профессор утверждал, что самые «разнообразные и сложные сведения» о славянах могут быть почерпнуты из славяноведения. Он верил, что наука стоит на пороге небывалого расцвета славянских исследований. «*Этот расцвет*, — писал ученый, — *будет так могуч и так пышен, что перед ним должны будут померкнуть и те бесчисленные заслуги, которые славяноведение оказало в своем более чем столетнем прошлом.* Только теперь перед нашей наукой открывается перспектива нормального и беспрепятственного творчества во всей его необъятной широте, и только теперь славистика, — эта пока лишь незаметная часть универсального человеческого знания, — получает возможность выйти из тиши ученых кабинетов на широкий форум жизни!»¹⁰. Но мечта ученого не осуществилась. Официальная идеология внедряла в сознание масс классовый, интернациональный, а не национальный или эт-

нокультурный подход, и потому немало важных положений было изъято из текста подготовленной для печати одноименной статьи, опубликованной Ильинским в «Ученых записках» Саратовского университета (1923. Т. 1. Вып. 3. С. 123–135)¹¹. Через три года статья была напечатана полностью, без купюр в журнале болгарского Славянского общества «Славянски глас» (1926. Кн. 1/2. С. 8–18; Кн. 3. С. 15–22) и еще раз перепечатана совсем недавно, в приложении к книге А. Н. Горяинова «В России и эмиграции»¹². Ильинский сотрудничал и активно переписывался с известным славистом М. Г. Попруженко, эмигрировавшим в 1920 г. в Болгарию, который после ареста Ильинского довел до печати его труд «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии» и затем продолжил работу в этом направлении¹³. Заметим, что судьбы двух профессоров-славистов, Ильинского и Дурново, очень похожи: Ильинский также был арестован по «делу славистов», не миновал Соловки, был сослан в Сибирь, в 1937 г. повторно арестован и расстрелян.

На историческом отделении специальные курсы по истории славян не читались. Кафедра всеобщей истории испытывала недостаток в специалистах, в том числе — по истории славянских народов. В настоящее время, не имея конкретных данных, трудно сказать, включались ли (и если да, то какие) сведения о славянских народах в лекции по всеобщей истории. Но известно, например, что на кафедре русской истории приват-доцент С. Н. Чернов (1887–1941) в 1917/18 учебном году читал курс «История Литовско-русского государства до Люблинской унии»¹⁴, в котором невозможно было обойтись без истории Польши. Этот курс, по всей вероятности, строился в основном на книге известного историка М. К. Любавского «Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно» (М., 1910), поскольку именно ее преподаватель рекомендовал студентам в качестве учебного пособия. На историческом отделении ФОНа преподаватель А. А. Гераклитов, специалист по вспомогательным историческим дисциплинам, читал студентам курс «Кирилловская палеография»¹⁵.

В послереволюционное беспокойное, голодное и холодное время жизнь в провинции многим представлялась более легкой, чем в столицах. В одном из писем 1918 г. В. М. Жирмунский сообщал, что намеревается прожить в Саратове долго, так как ему нравится этот «оживленный и интеллигентный город», и он остался доволен результатами плодотворной работы в университете за прошед-

ший год¹⁶. Но и в провинции были серьезные жилищные проблемы, цены неуклонно росли, особенно на продукты питания, разразилась эпидемия сыпного тифа, голод захватывал не только центральные районы, но и Поволжье. К тому же с весны 1918 г. стало все больше ощущаться идеологическое давление большевистской власти на сферу образования и науки. Работать и жить, а вернее — выживать, в Саратове становилось все труднее, что нашло отражение в переписке ученых. Так, Н. Н. Дурново писал академику В. М. Истрину летом 1921 г., что из командировки в Москву возвращаться в Саратов не собирается из-за неблагоприятных условий для научных занятий, враждебного отношения саратовских властей к университету и «критического» положения с продовольствием. Месячного заработка едва хватало, чтобы прокормиться с семьей в течение недели. Он отмечал, что «значительная часть профессоров из Саратова уехала, находя невозможным свое дальнейшее пребывание там...»¹⁷. О различных трудностях, мешающих работе, в письмах 1924 г. академику Б. М. Ляпунову сообщал и Г. А. Ильинский: «К материальным невзгодам присоединяются моральные», — писал он, имея в виду прежде всего идеологическое давление на профессию, от которой требовалось «читать лекции, не исключая и лингвистических, в марксистском духе»¹⁸. Однако подобная ситуация была характерна не только для Саратовского университета.

Несмотря на то что в Саратовском университете преподавали крупные научные силы, в среде ученых бытовало мнение, созданное, возможно, классической литературой (достаточно вспомнить «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!») или опытом коллег, трудившихся в университете в не очень удачное время, что работа в Саратове может привести к научной деградации. В этом отношении интересен эпизод с приглашением в Саратовский университет профессором на кафедру общего языкознания и русского языка Р. О. Якобсона. Зная, чем кончилось там пребывание Дурново, Якобсон, серьезно задумывавшийся о возвращении на родину, в письме 1927 г. просит его совета. «Меня пугает, — пишет он, — саратовская глушь, бескнижие и заброшенность саратовского университета. [...] Очень боюсь опуститься там»¹⁹. Нам неизвестен ответ Дурново, но приезд Якобсона не состоялся.

При многих российских университетах существовали научные общества, в рамках которых осуществлялась научно-исследовательская работа не только профессоров данного учебного заведения, но и других ученых, литераторов, общественных

деятелей. При Саратовском университете было организовано Научное общество славяноведения, определившее своей целью сближение культурных сил на научной почве, изучение славянских языков и литератур, а также современной жизни славянских народов²⁰, однако о его деятельности практически ничего не известно. На заседаниях философско-исторического общества, возможно, тоже затрагивались славянские сюжеты — там с докладами выступал Н. Н. Дурново. В 1920–1924 гг. при университете развернулась деятельность Общества истории, археологии и этнографии. В работе его исторического отдела активное участие принимали А. А. Гераклитов, в сферу научных интересов которого входили палеография, дипломатика, сфрагистика, и профессор П. Г. Любомиров (1885–1935), заведующий кафедрой русской истории СГУ (1920–1931), который среди прочих тем затрагивал историю древнего славянства²¹.

Университет имел свои научные издания: «Известия императорского Николаевского университета» (до 1918 г.) и «Ученые записки Саратовского государственного университета» (1923–1962). В «Ученых записках», как видно на примере Ильинского, находили отражение и славистические проблемы.

С первых лет деятельности университета стало формироваться его книжное собрание. В 1917 г. заведование университетской библиотекой принял Алексей Васильевич Бабин (1866–1930) — историк, педагог, литератор, библиотекарь. С конца 80-х гг. XIX в. Бабин жил в Америке, работал в библиотеках различных университетов, а также в Библиотеке Конгресса, для которой именно он приобрел знаменитую библиотеку купца Г. В. Юдина. После окончательного отъезда из России Бабин снова поселился в США и в 1927–1930 гг. возглавлял Славянский отдел Библиотеки Конгресса²². При Бабине в библиотеку Саратовского университета поступило, в частности, книжное и рукописное собрание (свыше 40 тыс. томов), завещанное петроградским профессором, историком литературы И. А. Шляпкиным (1858–1918)²³. В библиотеке хранились образцы славянской книжности, старопечатные книги кирилловской печати, в том числе редкие издания. Несомненно наличие в библиотеке научной литературы по славянской проблематике, о чем могут свидетельствовать рекомендации книг по славяноведению профессорами и преподавателями для самостоятельной работы студентов. На этой основе стало возможным создание кабинета славяноведения со своим книжным фондом.

На данный момент мы располагаем немногими сведениями о преподавании славистических дисциплин в первые годы существования историко-филологического факультета Саратовского университета, но даже эти скудные данные позволяют сделать вывод, что славянская проблематика занимала определенное место в учебных программах и университетские профессора стремились сохранить традиционное, хорошо поставленное в российских университетах в дореволюционное время преподавание славистических предметов, а также вести по возможности научную работу в сфере славистики. Не их вина, что сделать это в 1920-е гг. не удалось, поскольку в «верхах» славяноведение было признано «буржуазной» наукой, обеспечивавшей «панславистские устремления» царизма, и научные разработки славянской проблематики, как и преподавание соответствующих курсов, практически прекратились. Тем не менее заложенные в эти годы основы изучения славистических предметов и научные исследования в области славистики не были безвозвратно утрачены — лучшие традиции русского славяноведения получили продолжение и развитие в дальнейшем в деятельности известных ученых, профессоров Саратовского университета А. М. Лукьяненко, А. И. Озолина и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее о С. Л. Франке см.: *Буббайер Ф.* Франк Семен Людвигович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 661–664.
- 2 В период с 1917 по 1927 г. В. А. Бутенко дважды избирался деканом факультета. В 1930 г. был осужден по «академическому делу» на 10 лет, отбывал срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала, где и умер в 1931 г.
- 3 *Гапоненков А. А.* Историко-филологический факультет Саратовского университета. Из летописи событий 1917–1919 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 22.
- 4 Там же. С. 11.
- 5 Там же. С. 22–23.
- 6 См.: *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 35.

- 7 Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. / Вступ. заметка и подготовка текста к публикации А. А. Гапоненкова // Известия Саратовского университета. 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 26.
- 8 *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции... С. 40.
- 9 См.: *Ильинский Г.* Что такое славянская филология? // *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции... С. 282–283.
- 10 Там же. С. 295.
- 11 *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции... С. 10.
- 12 Там же. С. 278–297.
- 13 См.: *Аксенова Е. П., Горяинов А. Н.* Русская научная эмиграция 1920–1940-х годов: по переписке М. Г. Попруженко и А. В. Флоровского // Славяноведение. 1999. № 4. С. 8–9.
- 14 См.: Обзорение преподавания... С. 27.
- 15 Там же. С. 33.
- 16 *Гапоненков А. А.* Историко-филологический факультет... С. 17.
- 17 См.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004. С. 41, 107, 211.
- 18 Там же. С. 51.
- 19 Там же. С. 212.
- 20 См.: Саратовский университет, 1909–1959. Саратов, 1959. С. 124.
- 21 *Широкова В. В.* Деятельность исторического отдела Общества истории, археологии и этнографии в 1920–1924 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 203. В начале 1930-х гг. П. Г. Любомиров, как и С. Н. Чернов, подвергался репрессиям в связи с «академическим делом».
- 22 Об А. В. Бабине подробнее см.: *Пивоваров Е. Г.* А. В. Бабин (1866–1930). СПб., 2002.
- 23 *Гапоненков А. А.* Историко-филологический факультет... С. 19.

Aksionova E. P.

The Saratov University in the History of Slavic Studies
(The First Years of Activity of the Historical-Philological Faculty)

The article covers research and educational activity of the teaching staff of the Historical-Philological Faculty of the Saratov University in 1917–1920s. The author presents a topic of foundation of the research organizational base for Slavic studies.

Keywords: *history of Slavic studies, the Saratov University.*

*Е. В. Киреева
(Саратов)*

**Славист профессор СГУ Т. М. Акимова
(К 110-летию со дня рождения)**

В статье освещается вклад ученого-педагога Т. М. Акимовой в изучение русского фольклора и литературы и основные вехи ее жизненного пути. Выявляется преемственность связей научного наследия исследователя с традициями саратовской филологической школы.

Ключевые слова: *Т. М. Акимова, саратовская филологическая школа, славистика, фольклор.*

История отечественной науки насчитывает множество замечательных имен. Саратовский университет достойно представлен в ней профессором кафедры русской литературы Татьяной Михайловной Акимовой (7.01.1899 [25.12.1898 по ст. ст.], Саратов — 18.04.1987, Пенза) — этнографом, фольклористом, литературоведом, известным в научных кругах России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Статьи о ней помещены в «Краткой литературной энциклопедии», справочных и научных изданиях, периодике¹.

Акимова «в 1918 г. закончила Саратовскую женскую гимназию, а в 1924 г. Саратовский университет, совмещая учебу в нем с работой в Этнографическом музее Саратовского края, который формировался при ее непосредственном участии. С 20-х годов начала публиковаться как этнограф-фольклорист, сочетая исследовательскую работу с систематическим собирательством. В 1941 г. Акимова перешла на работу в университет на кафедру русской литературы. В 1943 г. она защитила кандидатскую диссертацию „Народная драма о войне 1812 года, ее источники и значение в истории изучения народной драмы“. В 1964 г. в Институте Русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) защитила докторскую диссертацию „Русские удалые песни в устном бытовании и художественной литературе конца XVIII — первой половины XIX века“. Она автор 80 сборников, монографий и статей, прочно вошедших в научный оборот. Т. М. Акимовой подготовлены сотни высококвалифицированных педагогов школ, до 20 ассистентов, кандидатов наук, работающих в вузах страны»².

Осуществленные Акимовой издания фольклора Саратовского Поволжья, публикации ученой исследовательского, учебного и ме-

тодического характера нашли отклик в печати, зачастую высокую оценку научной общественности.

Т. М. Акимова является яркой представительницей саратовской филологической школы. Ее имя в сознании многих исследователей всплывает при упоминании саратовского университета вслед за именем А. П. Скафтымова, который был ее учителем, а затем коллегой, редактором подготовленного Акимовой издания «Фольклор Саратовской области». Необычайно значимо для становления Акимовой как ученого и имя Б. М. Соколова — профессора Саратовского университета в 1919–1924 гг. Именно под его руководством происходило обретение ею навыков работы как фольклориста и этнографа нового (советского) этапа³.

Готовящиеся к печати записки Акимовой содержат, в частности, сведения и о других преподавателях, в том числе из двух столичных университетов, волею послереволюционных перемен оказавшихся в Саратове и тем или иным образом повлиявших на формирование своеобразного лица его филологической школы: «Состав кафедры литературы в начале 20-х гг. в Саратовском университете был очень неоднородным по методологическим позициям профессоров. Это было время ломки старых установок и поисков нового. Если у профессора Н. К. Пиксанова я прочитала в его семинаре доклады: „Культ Пушкина у Гончарова“, „Эдиционная техника“, то у Б. М. Соколова: „Вариант в бытине“. На практических занятиях у В. М. Жирмунского: „Эпические повторения в былинах и их значение“. Позже в семинаре А. П. Скафтымова я выступила с докладом о лирических повторениях в поэме Лермонтова „Мцыри“, а на семинаре у Н. Н. Дурново — „Слово о полку Игореве и бытине“. Этот профессор-языковед вел с начинающими студентами занятия по древней русской литературе»⁴.

Полученное студенткой Акимовой у педагогов такого высочайшего уровня со временем дало «благодатные всходы» в трудах ученой. Так, не отрицая достижений исторической школы в фольклористике, в рамках которой во многом поначалу выступали и братья Соколовы, и вместе с тем органически усвоив критику этой школы, предпринятую А. П. Скафтымовым в его монографии 1924 г. «Поэтика и генезис былин», Акимова с присущей ей простотой и ясностью в написанном ею разделе «Былины» учебника по народному творчеству (1969) раскрывает своеобразие отражения истории в этом жанре фольклора.

Студенческий доклад о культуре Пушкина у Гончарова стал своеобразной «точкой роста» для своего рода «культы Пушкина» у

Акимовой-исследователя и педагога⁵. Этому отчасти способствовало, видимо, и общение с крупным пушкинистом, текстологом Ю. Г. Оксманом, коллегой Акимовой по кафедре русской литературы в 1940-х — начале 1950-х гг.

Стойкий интерес ученой к фольклорному и литературному краеведению, весомость вклада в эти области — результат не только присущей ей любви к родному краю, но и «приращение» полученного на «уроках», в «школе» Б. М. Соколова, Н. К. Пиксанова, Е. И. Покусаева. В. П. Аникин в «Теории фольклора», воздавая должное Акимовой, которая «установила многие проявления локальности», приводит в качестве образцового рассмотрение ученой общерусского и локального начал в песне служилых людей «Бережечек зыблится», а также в песне «Когда было молодцу пора-время великое»⁶. Материалы подготовленного Акимовой сборника «Сказки Саратовской области» использованы Аникиным для иллюстрации наблюдений о своеобразии сочетания в фольклоре общерусского и локального начал в проявлениях межэтнических связей⁷. Очевидно, что усилиями Акимовой заложен прекрасный как теоретический, так и «текстовый» фундамент для реализации пожелания, высказанного Аникиным в его курсе лекций: «Не сомневаемся в том, что когда-нибудь будет изучен фольклор Саратовского края как пример пограничья, в котором сошлись фольклорные культуры славянских, тюркских и других народов»⁸.

Более двадцати лет Т. М. Акимова проработала под руководством Е. И. Покусаева на кафедре, сотрудники которой уделяли особое внимание изучению наследия революционных демократов, вопросам критики, журналистики, сатиры. Акимова — автор ряда замечательных работ и в этих областях.

Будучи выпускницей славяно-русского отделения историко-филологического (педагогического) факультета СГУ и пройдя школу ученых, издавших учебники, пособия для вузов (братья Соколовы, Пиксанов), Акимова, следуя примеру учителей, славно потрудились и на педагогическом поприще. Она — автор разделов учебника и хрестоматии по фольклору, программы курса по данной дисциплине, семинариев, методических пособий и статей по вузовской педагогике. «Семинарий по народному поэтическому творчеству» Акимовой не случайно охарактеризован в печати как заметный вклад и в фольклористику, и библиографию, и методику.

При всем многообразии сфер деятельности ученого-педагога Акимовой магистральным направлением ее научных интересов

была «изысканная словесность» (народная и книжная) как искусство слова, вопросы поэтики. «Генезис» этого «пристрастия», по признанию самой исследовательницы, в студенческих штудиях: «Поэтика. Впервые я услышала это слово лет 70 тому назад, когда поступила в университет. И оно меня околдовало. Оно было произнесено молодым профессором В. М. Жирмунским. Он говорил о том, что в науке о художественной литературе самое главное — анализ текста во всей его идейно-художественной целостности, то есть в поэтической структуре. Не историческая среда, не биография поэта, когда „счет от прачки“ мог представлять некую ценность, а текст художественного произведения должен быть изучен прежде всего. После такого анализа можно приступать к какой-либо другой задаче изучения. Я восприняла определение поэтики как метод в литературоведении, способный поставить эту дисциплину в ряды точных наук. Ее доказательства и выводы неоспоримы. Она оперирует фактами, заключенными в мыслях и словах самого художественного произведения, а значит, и его автора. Текст, а не впечатления от него»⁹. Развитию интереса к изучению поэтики в студенческие годы способствовали не только «уроки» Жирмунского, но и проводимые Соколовым, судя по рассказам Акимовой, факультативные занятия. Студенты выявляли секреты построения народных лирических песен, рассматривая текст за текстом из классических песенных собраний конца XVIII — начала XX в. Семинар Скафтымова и его монография о поэтике и генезисе былин также в немалой степени способствовали поддержанию этого интереса, не угасавшего у исследовательницы до конца ее дней. Судя по свидетельству В. К. Архангельской, «12 марта 1987 г., чувствуя себя плохо», Акимова писала ей из Пензы: «Статью о ритмико-синтаксическом параллелизме написала наполовину. Надо показать в конце, как отмирает ритмико-синтаксический параллелизм в песнях необрядовых и почти исчезает в песнях мужских. Посмотрите...»¹⁰. Именно вопросы поэтики были на первом плане у Т. М. Акимовой при исследовании драмы, эпоса (прозаического и поэтического).

После защиты кандидатской диссертации Акимова преимущественно занимается исследованием вопросов поэтики обширнейшей области лирики, а в ней прежде всего русской народной песни — своего рода средоточия национальной ментальности. Начав характеристику песенной поэтики в монографии «О поэтической природе народной лирической песни» (Саратов, 1966) с описания ее основополагающих черт, исследовательница в двух других своих книгах¹¹ и ряде

статей раскрывает их при характеристике жанрово-тематических групп обрядовой и необрядовой лирики как проявление особенностей движущейся поэтики. На сугубо песенном материале Акимова по-своему продолжила начатое в свое время А. Н. Веселовским описание «исторической поэтики».

Цикл статей исследовательницы по песенной лирике русских и советских поэтов, материалы читанных ею спецкурсов свидетельствуют о том, что изучение песенной поэтики распространялось у Акимовой и на область взаимодействия литературы и фольклора.

Прекрасное знание предмета исследования позволило ученой внести свой вклад и в область теории. Т. М. Акимовой принадлежит характеристика качественного отличия лиризма народных песен от лиризма книжной поэзии¹². Имея «опытное подтверждение» справедливости предложенной в свое время Чернышевским характеристики метода отражения действительности в народных песнях, Акимова одна из немногих, по мнению М. Петровского, дает точное сущностное определение различий между песней и романсом¹³. Отмеченный Аникиным вклад Акимовой в характеристику локальности в фольклоре, думается, — не единственная причина, побудившая крупного фольклориста выразить сожаление в связи с недостаточной вовлеченностью в научный оборот выпущенных ею нескольких книг, напечатанных ничтожно малым тиражом¹⁴.

Много внимания уделяла исследовательница характеристике жанров песенного фольклора. В своей докторской диссертации Акимова мотивировала правомерность выделения жанра удалых песен.

С. Г. Лазутин называл Т. М. Акимову специалистом по мужским песням¹⁵. При всей справедливости такой характеристики, она несколько ограничивает область проявлений высокого профессионализма исследовательницы, чьи работы дают полное основание считать ее специалистом по песне в целом в многообразии ее разновидностей. В 1980-е гг. объектом исследования Акимовой стали календарно-обрядовые произведения, хотя значительный пласт песен такого рода, бытующих в Саратовском Поволжье, был записан ею уже в 1920–1930-е гг. В посвященной поэзии аграрного календаря статье и разделе своей последней монографии¹⁶ исследовательница отчетливо представила типологию жанра календарно-обрядовых произведений (таусеней, масленичных песен, «жаворонков» и веснянок) и своеобразие входящих в жанр групп текстов. Предложенное ею видение — проявление того, что Акимова сочетала в своем лице этнографа и фольклориста-филолога.

В поле зрения ученой были и вопросы классификации народных песен как всего их огромного по количеству текстов пласта, так и такой его составляющей, как необрядовая лирика. Принимая за основу классификацию, предложенную В. Я. Проппом, она полагала целесообразным учитывать и половозрастной признак¹⁷.

В предпринятом Акимовой исследовании русской песни во всем многообразии ее бытия едва ли не ярче, чем в других ее работах, проявилось присущее подходу ученой к изучаемым явлениям сочетание теоретического и историко-литературного, историко-фольклористического подходов при постижении их смысла и особенностей поэтики. Так, статья «Песни о гражданской войне» (1955), как справедливо отмечала Архангельская, «представляет собой монографическое исследование учтенного автором большого материала, на котором решались принципиально важные вопросы систематизации, традиции и новаторства, исторических судеб этого раздела песенного творчества»¹⁸. Отмеченные выше черты, присущие научному почерку Акимовой, едва ли не наиболее отчетливо проявлены в статье 1980 г. «„Русская песня“ и романс первой трети XIX века».

Интерес к русской песне Акимова пронесла через всю свою жизнь. И это служение изучению едва ли не центрального для русского этноса жанра словесно-музыкального искусства вознаграждено вкладом, который внесла славистка в его изучение. Большим достоинством работ Акимовой, особенно предложенных ею монографических рассмотрений сюжетов отдельных народных песен в многообразии вариантов, является и то, что в них ощутимо высококоразвитое у исследовательницы чувство прекрасного, эстетическая одаренность ученой.

Наличие любимого предмета исследования органично сочеталось в творческом наследии Акимовой с широтой научных интересов. В поле зрения ученой были помимо лирики проза и драма как роды искусства слова устного и книжного в многообразии видов и жанров. Ученой при этом была присуща стабильность внимания к интересующим ее областям. Одно из подтверждений этому — серия статей 1950–1980-х гг. о народной драме — предмете ее кандидатской диссертации начала 1940-х гг. Проявленная в них полемичность — следствие хорошей осведомленности о состоянии процесса изучения интересующей ее области. Входя в рассмотрение позиций коллег, исследовательница вела полемику, не опасаясь выступить против уже устоявшихся концепций, выдвинутых либо разделяемых известными учеными.

Славистика была основным направлением в исследованиях ученой, ее педагогической деятельности. Список печатных работ Акимовой на 94% состоит из публикаций, посвященных исследованию славян, преимущественно восточных, а из них — русских. Среди хранящихся в архиве ученой материалов лекционных курсов, читанных ею на филфаке, есть и спецкурс по славяноведению. Он читался в начале 1970-х гг. в объеме 10 часов как часть курса «Введение в славяноведение», раздел «Культура славян. Южно-славянский эпос». Материалы к лекциям состоят из тезисов, цитат из исследовательских работ, текстов эпических песен южных славян, их переводов и переложений (Востокова, Пушкина, Ахматовой). Историографическая часть более подробно представлена именами В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, Ю. И. Смирнова. Она хорошо демонстрирует суть сравнительно-исторического и типологического подходов в изучении эпоса славян.

Очевидно, что лектор видела славянский фольклор в его единстве и многообразии. Она показывала переключки мотивов русского героического эпоса с южно-славянскими эпическими песнями и вместе с тем отмечала присущую каждому эпосу специфику в национальной разработке сюжетов. Учитывая мнения других славистов, Акимова предлагает и свое видение вопросов взаимодействия эпической поэзии славян. Ознакомление с материалами спецкурса подтверждает точность формулировок сделанной на первых листах записи лектора: «Связующая мысль курса: своеобразие сербского эпоса. Научное значение его изучения — возможность решения важнейших теоретических вопросов фольклористики при исследовании юнацких песен. 1. Важнейший вопрос об исторической действительности и вымысле в содержании эпических песен. 2. О роли фантастики в эпосе. 3. О месте международных сюжетов в формировании национального эпоса. 4. Юнацкие сербские песни и былины»¹⁹.

Материалы спецкурса замечательны еще и тем, как представлен в них страноведческий аспект. Это не только информация о составе населяющих Югославию этносов, их территориальном распределении, административном и политическом устройстве в прошлом и настоящем, характере вероисповедания, но и живые впечатления от туристской поездки по Югославии в 1956 г.

Она была участницей Всесоюзного совещания по вопросам изучения исторического эпоса восточных славян в Киеве в 1955 г. В подготовленном саратовскими учеными к V съезду славистов

сборнике Акимова опубликовала статью по презентативной для Саратовского края теме «Сюжетный состав народных песен о Степане Разине».

Значительная часть работ ученой вышла в центральных издательствах. Начав с публикации 1930-х гг. в «Советском фольклоре», она с 1950-х гг. активно сотрудничала с такими изданиями, как «Советская этнография», «Русская литература». Публиковалась в «Известиях АН СССР», в выпусках сборника «Русский фольклор». С 1974 по 1986 г. Акимова была не только активно публикующимся автором, но и редактором (наряду с Л. Г. Барагом) выходившего в Уфе межвузовского сборника «Фольклор народов РСФСР». Немало ее работ опубликовано в областных сборниках небольшим тиражом, и в силу этого они не всем доступны. Косвенным признанием заслуг слависта Акимовой явилось и проведение в Саратове конференции по песенному творчеству Поволжья в 1960 г. В ней приняли участие крупнейшие слависты страны.

Т. М. Акимова посвятила без малого семьдесят лет своей жизни славистике и более сорока из них при этом делу передачи своих знаний студентам. Окончив с золотой медалью гимназию, она и в дальнейшем стремилась все делать «на отлично» — в многообразии «служений» ученого, педагога, куратора студентов, парторга, супруги, матери. При этом служение науке, вузу всегда было у Акимовой на первом месте. В лихолетье выпавших на ее жизнь времен (две мировые войны, революция, голод, репрессии) она смогла стать ученым высшей квалификации, осуществив живую преемственность советской науки о литературе и фольклоре с дореволюционной. Акимова достойно продолжила традиции своих учителей, выработав при этом и свой почерк. Во времена жесткого надзора за соблюдением должного уровня партийности в работах филологов коммунист Акимова смогла по мере сил следовать идущему от основателя саратовской филологической школы Скафтымова требованию «читать честно» и его же «наказу» студентам «становясь умными, оставаться добрыми»²⁰. «Слово» Скафтымова по-своему отозвалось у Акимовой: «Честность, честность и еще раз честность — вот нравственный критерий каждого вступающего в науку и работающего в ней, тем более каждого прикоснувшегося к делу воспитания молодого человека — к этой мысли Т. М. Акимова возвращалась не раз в беседах и консультациях с молодыми собеседниками»²¹. Ей самой было присуще гармоничное сочетание достоинств ума, интеллекта с достоинствами души (добротой и волевой собранностью). «Методическая посылка»

педагога Акимовой («Знания, полученные в результате собственных разысканий, наиболее прочны»²²) — итог опытного познания этой истины. Вся жизнь ученой была «добыванием» такого рода знаний. Оно было одновременно и счастьем, и «трудничеством» всех сил плоти, души и духа. Оно одарило Акимову и творческим долголетием. Свою последнюю монографию она завершила в возрасте 86 лет.

Акимовой была присуща при всей ее «нерасточительности» и щедрость души, проявляемая не только на бытовом, но и на общественном уровне. Завершая свой жизненный путь, она сторицей вернула взрастившему ее вузу полученное: передала свою великолепную библиотеку в Зональная научная библиотека СГУ с правом выдачи книг студентам, а приведенный в порядок архив — в созданный в 1981 г. по ее инициативе при поддержке заведующей кафедрой Е. П. Никитиной кабинет фольклора, оплатив выполнение работанной для него настенной экспозиции. Но едва ли не главный из ее даров — передача приоритетного для саратовских филологов интереса к изучению опыта своих учителей и к вопросам поэтики литературы и фольклора своим ученикам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Наиболее полная из опубликованных характеристика научной биографии Акимовой дана В. К. Архангельской (см.: *Архангельская В. К.* Об авторе этой книги // *Акимова Т. М.* О фольклоризме русских писателей. Саратов, 2001. С. 5–16.) В названном издании помещен и «Список печатных работ Т. М. Акимовой» (с. 195–202), составленный А. В. Зюзиным (учтено 79 публикаций). К настоящему времени список печатных работ Акимовой насчитывает более 100 наименований.
- 2 См.: Архив кафедры истории русской литературы и фольклора Института филологии и журналистики СГУ. [Справка без названия. 1980-е гг.] Л. 1 (машинопись).
- 3 Своим учителям Акимова посвятила разделы в коллективной монографии: *Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Ученые-педагоги Саратовской филологической школы.* Саратов, 1984. Общение с Б. М. Соколовым продолжалось у Акимовой и после его отъезда из Саратова. См.: *Горбунова Л. Г.* «...Все решительно, особенно в Музее, живо Вами» (письма Т. М. Акимовой и В. П. Воробьева к Б. М. Соколову) // Кабинет

- фольклора. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 6–42.
- 4 Архив Акимовой в учебно-научной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т. М. Акимовой». П. 23. Л. 48.
  - 5 Серия статей Акимовой о Пушкине перепечатана в подготовленном к 100-летию со дня ее рождения сборнике трудов ученой «О фольклоризме русских писателей». Богатейший материал представлен в увидевшем свет уже после кончины Т. М. Акимовой ее «семинарии» «Пушкин и фольклор» (см.: *Филология: Межвуз. сб. науч. трудов.* Саратов, 2000. Вып. 5. Пушкинский. С. 43–57. Публикация В. К. Архангельской).
  - 6 *Аникин В. П.* Теория фольклора: Курс лекций. М., 1996. С. 353–354.
  - 7 Там же. С. 354–356.
  - 8 Там же. С. 355.
  - 9 Архив Акимовой. П. 23. Л. 47–48.
  - 10 *Архангельская В. К.* Об авторе этой книги. С. 15.
  - 11 *Акимова Т. М.* Очерки истории русской народной лирической песни. Саратов, 1977; *Она же.* Русская народная песня: Очерки истории жанров. Саратов, 1987.
  - 12 *Акимова Т. М.* О поэтической природе народной лирической песни. Саратов, 1966. С. 133–137; *Она же.* Русская народная песня... С. 97–98, 103, 111; и др.
  - 13 *Петровский М.* «Езда в остров любви», или Что есть русский романс // *Вопросы литературы.* 1984. № 5. С. 64–65.
  - 14 *Аникин В. П.* Теория фольклора. С. 353.
  - 15 Архив Акимовой. П. 19. Л. 169.
  - 16 *Акимова Т. М.* Поэзия аграрного календаря // *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, 1985. Вып. 12. С. 32–43; *Она же.* Русская народная песня... С. 13–25.
  - 17 *Акимова Т. М.* Русская народная песня... С. 60.
  - 18 *Архангельская В. К.* Об авторе этой книги. С. 7.
  - 19 Архив Акимовой. П. С/к «Славяноведение». Л. 1.
  - 20 Информация о «наказах» Скафтымова студентам взята из выступления директора Института филологии и журналистики СГУ В. В. Прозорова на пленарном заседании конференции молодых ученых, посвященной 100-летию СГУ (апрель 2009 г.).
  - 21 *Архангельская В. К.* Памяти Т. М. Акимовой (1899–1987) // *Русский фольклор.* Л., 1991. Т. 26. С. 273.
  - 22 *Акимова Т. М.* Введение // *Акимова Т. М., Архангельская В. К., Бахтина В. А.* Русское народное поэтическое творчество. М., 1983. С. 5.

Kireeva E. V.

Specialist in Slavic Studies in the Saratov State University
T. M. Akimova (by the 110th anniversary)

The article describes the contribution of the scientist-teacher T. M. Akimova to the studies of Russian folklore and literature. It marks the main milestones of her life. Special attention is set to the continuity of the professor's research heritage in the field of Slavic studies and in the context of traditions of the Saratov philological school.

Keywords: *T. M. Akimova, Saratov philological school, Slavic studies, folklore.*

A. С. Стыкалин
(Москва)

**Проблемы межгосударственных отношений и национально-территориальных споров в социалистическом лагере
(По материалам Президиума ЦК КПСС 1953–1964 гг.)**

В основе статьи лежат материалы Президиума ЦК КПСС за 1953–1964 гг., позволяющие воспроизвести конкретные обстоятельства и раскрыть механизм принятия ключевых политических решений.

Ключевые слова: *советский блок, Коминформ, руководство КПСС, национально-территориальные противоречия.*

В 2000-е гг. был введен в научный оборот большой комплекс новых архивных документов, позволивших заметно расширить источниковую базу исследований не только российской истории, но и истории международных отношений в 1950–1960-е гг. Речь идет о трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг., отражающих ход повседневной работы этого высшего органа партийно-государственной власти в СССР в первое послесталинское десятилетие¹. Историкам венгерского кризиса 1956 г. из этого комплекса документов хорошо известны прежде всего так называемые «записи Малина» за октябрь–ноябрь 1956 г. — краткие записи заседаний Президиума ЦК КПСС, которые вел в дни «будапештской осени» заведующий общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малин и которые помогают раскрыть конкретные обстоятельства принятия в Москве ключевых решений по Венгрии. Они были впервые опубликованы в 1996 г.² и широко привлекаются в научной литературе. Существуют, однако, аналогичные записи почти за весь 11-летний период в истории СССР, когда во главе КПСС находился Н. С. Хрущев³. Начиная с 1958 г. наряду с краткими записями велись также стенограммы многих заседаний, особенно полно раскрывающие характер работы высшего органа партии⁴. К этому времени ситуация заметно меняется в сравнении с первыми годами после смерти Сталина. После разгрома в июне 1957 г. антихрущевской оппозиции послесталинское коллективное руководство сменяется единоначалием. Ожесточенные споры, в частности между Н. С. Хрущевым и В. М. Молотовым, уходят в прошлое. Не встречая теперь, как правило, отпора, Хрущев после устранения сдерживавшей его оппозиции вел себя все самоувереннее, все более навязывая соратникам свою волю, а сами заседания высшего

органа партии, как особенно хорошо видно из стенограмм, приобретают зачастую характер монологов, только изредка нарушаемых одобрительными возгласами других членов Президиума. И не меняли в общем сути дела осторожные попытки А. И. Микояна скорректировать некоторые крайности в суждениях и предложениях Хрущева, например о способах разрешения Берлинского кризиса 1961 г.

В сохранившихся записях заседаний Президиума ЦК зафиксирован, хотя и с неодинаковой степенью полноты, ход обсуждения самого широкого круга вопросов, привлекавших внимание партийно-государственного руководства, — экономических, внутривластных и внешнеполитических⁵. Источник помогает реконструировать обстоятельства и выявить механизмы принятия на высоком уровне важных решений, раскрыть своеобразие позиций отдельных членов партийного руководства, со временем проявлявшееся все меньше и меньше.

Записи заседаний Президиума ЦК КПСС дают определенное представление о приоритетах советской внешней политики. Большое внимание, что вполне естественно, уделялось отношениям с США, проблеме разоружения, германскому вопросу.

Вопросам отношений с восточноевропейскими союзниками и другими социалистическими странами уделялось постоянное внимание, особую остроту эти проблемы приобрели осенью 1956 г., в период польского и венгерского кризисов. Уже весной 1953 г. в процессе изучения положения дел в сфере влияния СССР советские лидеры, получавшие обилие информации как по дипломатическим, так и по «гэбистским» каналам, должны были реагировать на экономическое и социальное неблагополучие в целом ряде стран Восточной Европы, снижение жизненного уровня в результате форсированной индустриализации, которой был дан толчок на известной встрече Сталина с лидерами стран «народной демократии» в январе 1951 г. Волнения в чешском г. Пльзень 1 июня 1953 г. свидетельствовали о сильном недовольстве населения социальной политикой даже в такой стране, как Чехословакия, где уровень жизни в то время еще не очень сильно отставал от западноевропейских стандартов. В Венгрии аналогичные волнения имели место на Чепеле. Особенно серьезный характер приобрели события 16–17 июня в ГДР. Никакого концептуального пересмотра восточноевропейской политики СССР в 1953 г. не произошло, был лишь принят в пожарном порядке ряд мер по исправлению положения, в том числе назначение Имре Надя премьер-министром Венгрии.

После июня 1953 г. вопрос о необходимости корректировки сложившихся в сталинские времена методов политики СССР на восточноевропейском направлении был поднят на Президиуме ЦК в феврале 1954 г., при обсуждении работы посла в Польше Г. М. Попова, который, как отмечалось в соответствующем постановлении Президиума ЦК КПСС, «нарушил указания ЦК КПСС и Советского правительства о недопустимости какого-либо вмешательства послов СССР во внутренние дела народно-демократических стран и пытался взять на себя функции контроля за деятельностью ЦК ПОРП и Польского правительства», позволял себе произвольное толкование советов ЦК КПСС по вопросам государственного и партийного строительства, допускал «высокомерное отношение к польским товарищам», что «могло нанести серьезный ущерб советско-польским отношениям»⁶. Попов был отстранен, в постановлении Президиума ЦК КПСС указано на недопустимость превышения послами полномочий, их вмешательства во внутренние дела стран пребывания⁷.

«Опыт» Попова должны были учитывать все послы, работавшие в восточноевропейских странах, и в том числе Ю. В. Андропов, посол в Венгрии в 1954–1957 гг. Он поддерживал внешне совсем иной стиль в отношениях с венгерскими лидерами, не только категорически не допускал окриков, но соблюдал все правила дипломатического этикета, облекая даже самые жесткие рекомендации Москвы в форму «советов» и там, где можно, проводя линию СССР чужими руками — через наиболее доверенных, преданных Кремлю представителей венгерской партноменклатуры⁸.

Начиная с весны 1955 г. одним из существенных направлений советской внешней политики становится югославское; задача улучшения отношений с режимом Тито была сопряжена с задачей восстановления единства социалистического лагеря и мирового коммунистического движения⁹. Решающий прорыв на югославском направлении был достигнут благодаря визиту Хрущева в Белград в мае–июне 1955 г. Записи заседаний Президиума свидетельствуют о различии подходов советских лидеров к перспективам и пределам сближения с Югославией, отражают особую позицию В. М. Молотова, считавшего, что надо ограничиться задачей нормализации отношений со стратегически важной Югославией как с буржуазным государством, и скептически относившегося к возможностям вовлечения этой страны в советский блок.

Сложные зигзаги советско-югославских отношений во второй половине 1950-х гг. продолжали находить отражение в документах

Президиума ЦК КПСС. Однако с конца 1950-х гг., когда руководство КНР попыталось бросить вызов советской гегемонии в мировом коммунистическом движении, югославский вопрос отходит на второй план и все более приоритетное значение приобретает «китайский вопрос».

В конце 1955 г. во время поездки Хрущева в Индию Дж. Неру обозначил негативное отношение формирующегося движения неприсоединения к Коминформу. С этих пор внимание советских лидеров было сильнее приковано к проблеме эффективности и целесообразности дальнейшего существования этой структуры, и вопрос о методах советской политики в отношении социалистических стран был неотделим от вопроса о реорганизации Коминформа. Насколько можно судить по известным записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущев о ликвидации Коминформа впервые со всей определенностью заговорил 22 февраля 1956 г.¹⁰ Но решение было принято после долгих колебаний, ведь всего за два месяца до этого, выступая на пресс-конференции в Дели, а затем и на сессии Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК КПСС доказывал, что объединение коммунистических партий имеет не меньше прав на существование, чем, скажем, Социнтерн¹¹. Как видно из имеющихся документов, решение о роспуске Коминформа было мотивировано не только стремлением к обновлению и совершенствованию форм сотрудничества компартий; в немалой мере оно было жестом в отношении Югославии, где эта структура воспринималась однозначно негативно, как инструмент грубой сталинской политики в ходе хорошо всем памятной антиюгославской кампании, развязанной в 1948 г.¹² Ликвидируя Коминформ¹³, Москва тем самым пыталась в преддверии новой встречи с Тито¹⁴ устранить существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений. Однако результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны. Подписанная межпартийная Декларация¹⁵ носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»¹⁶. При этом Москву весьма заботил вопрос о том, что лидеры братских партий стран народной демократии могут воспринять декларацию об отношениях между КПСС и СКЮ

как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений между компартиями. Это заметил проницательный и хорошо информированный посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович, сделавший соответствующую запись в дневнике. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в странах Восточной Европы нежелательных выводов из опубликованного документа, представители КПСС, отметил он, на совещании руководителей стран советского блока «ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря»¹⁷. Это произошло 24 июня, на следующий день после отъезда Тито из СССР¹⁸. На первый план выходит лозунг единства социалистического лагеря, тогда как требования расширения самостоятельности признаются неактуальными¹⁹. При этом важно заметить, что именно положение дел в странах-союзниках (волнения в польском г. Познани 28 июня, размах оппозиционных критических выступлений на дискуссиях Кружка Петефи в Венгрии) усилило не только озабоченность советских лидеров размахом десталинизации²⁰, но и раздражение по поводу претензий югославов на поиски своего пути к социализму, поскольку на югославский опыт охотно ссылались активизировавшиеся оппоненты правящих режимов в странах Восточной Европы (отчасти также и сторонники далеко идущих реформ в СССР).

В сентябре — начале октября 1956 г., встречаясь в неформальной обстановке с Тито как в Крыму, так и на Адриатике, Хрущев упрекал его за нежелание идти в ногу с социалистическим сотрудничеством²¹. Только польский и венгерский вызовы октября 1956 г. (неповиновение Москве обновленного руководства ПОРП во главе с В. Гомулкой, а через считанные дни после этого венгерское восстание) заставили советских лидеров несколько по-иному взглянуть на методы сохранения единства социалистического лагеря, усомниться в эффективности восточноевропейской политики СССР, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния не способной, как особенно показали венгерские события, обеспечить стабильность в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября при обсуждении текста Декларации об отношениях между социалистическими странами речь шла о том, что ходом событий обнаружился кризис в отношениях СССР со странами народной демократии, ставился вопрос о необходимости определенной корректировки концепции межблоковых отношений с учетом требований равноправия. Признавалось, что антисоветские настроения в этих странах широ-

ко распространены, и для того, чтобы их преодолеть, необходимо, как отмечалось, устранить элементы командования из практики межгосударственных отношений. При этом содержались ссылки на XX съезд КПСС, осудивший умаление равноправия стран, строящих социализм²². На этой позиции руководство КПСС, как известно, устоять не смогло. Однако и после того, как 31 октября был сделан выбор в пользу силового решения венгерского вопроса, принятую накануне Декларацию продолжали считать оставшейся в силе. Показательна трактовка Хрущева: «Мы придерживаемся Декларации. С Имре Надем это невозможно!»²³. Согласно представлениям советского лидера, принятый документ применим только тогда, когда речь идет об отношениях между социалистическими странами; в Венгрии же коммунисты уже утрачивают власть. Хотя концептуального пересмотра внешней политики СССР в реальности не произошло, Декларация все же не была мертворожденным документом. В ноябре–декабре 1956 г. делегации Польши и Румынии, ссылаясь на нее, добились от Москвы определенных перемен в двухсторонних отношениях.

6 ноября при обсуждении вопросов, связанных с формированием новой партии и правительства в Венгрии, сохранялась в силе линия на некоторую корректировку отношений внутри социалистического лагеря. Хрущев выступил с критикой Молотова и Кагановича, которые «на какой-то заскорузлой позиции держатся»; то, что они предлагают, это — «линия окриков и оплеух»²⁴. В марте 1957 г. при обсуждении вопроса о Ракоши, претендовавшем на возвращение во внутривнутриполитическую жизнь Венгрии, разговор также заходил о невмешательстве во внутренние венгерские (в том числе партийные) дела²⁵. В каждом случае речь шла об изменении стиля, методов повседневной внешней политики, предпочтительности наведения порядка внутренними силами, однако там, где возникала угроза выхода той или иной страны из сферы влияния СССР, советское правительство реагировало довольно жестко, как это произошло в связи с Чехословакией в 1968 г.

Как показывают документы, советские лидеры не упускали из виду межгосударственные противоречия и национально-территориальные споры в социалистическом лагере, мешающие его единству. Наиболее подробно этот вопрос обсуждался 19 августа 1964 г., за два месяца до отставки Хрущева²⁶. Повод дал Мао Цзэдун — в ЦК КПСС поступила информация о его беседе с японской делегацией депутатов-социалистов. Мао в ходе беседы заявил о том, что Китай поддерживает претензии Японии в отношении Курильских островов,

попутно заметив, что и в Восточной Европе «слишком много» мест, «оккупированных» СССР — части Польши, Румынии, Финляндии. Стенограмма фиксирует пространные рассуждения Хрущева о том, что социалистические страны унаследовали из прошлого множество нерешенных пограничных и территориальных проблем. Он упомянул в этой связи «очень болезненный», по его словам, трансильванский вопрос, осложняющий отношения между Венгрией и Румынией. По мнению советского лидера, некоторые из этих спорных вопросов сохраняются и когда все страны будут социалистическими, проблема будет окончательно решена только в перспективе построения коммунизма, с отмиранием границ. Хрущев исходил из двух постулатов: 1) нельзя подвергать сомнению права сегодняшнего населения на те или иные земли, ссылаясь на старые несправедливости; 2) почти никогда не возможно сказать, к какому историческому периоду надо вернуться для восстановления справедливых границ. Но поскольку спорные вопросы между социалистическими странами сохраняются, должны быть выработаны механизмы их решения. По мнению Хрущева, спорные вопросы целесообразно решать путем опроса населения или третейского арбитража — в роли арбитров выступили бы другие социалистические страны. Курировавший отношения с социалистическими странами секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов (в прошлом посол СССР в Венгрии, он достаточно неплохо знал проблемы венгеро-румынских отношений) заметил, что, если пойти по этому пути, могут возникнуть ненужные проблемы у румын. Но Хрущев был настолько увлечен своей идеей, что не придал этому значения: «...это, безусловно, затронет румын. Это ничего. Истина должна быть истиной, когда в одинаковой степени относится ко всем»²⁷. Для того чтобы продемонстрировать Китаю и всему миру готовность СССР учесть демократическое волеизъявление народов при решении территориальных споров, он предложил провести референдум среди казахов и киргизов, хотят ли они остаться в СССР или соединиться с теми казахами и киргизами, которые живут в китайском Синцзяне. В данном случае Хрущев был уверен, что они предпочтут СССР. Но советский лидер готов был пойти и дальше, выразив готовность провести также референдум среди венгров Закарпатской Украины: куда они хотят — остаться в СССР или чтобы их передали в Венгрию. При этом он предвидел результат не в пользу СССР, что его, впрочем, не смущало: «Нам было бы очень хорошо их отдать. Никакой проблемы, а политический выигрыш колоссальный»²⁸. Оказывается, Хрущев уже поднимал этот вопрос в беседе с Я. Кадаром в неформальной об-

становке (их отношения вообще были несколько менее формальными, чем это было принято в кругу партийных лидеров социалистических стран). В отличие от Хрущева, все более утрачивавшего почву под ногами, реалистически мыслящий венгерский лидер не склонен был всерьез воспринимать фантастические прожекты своего московского покровителя, предпочтя все обратить в шутку: «...мы пришли из-за Урала, дайте место за Уралом»²⁹.

Что же касается соратников Хрущева, то они, не возражая ему при обсуждении вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа, через два месяца, 13 октября, при отстранении, припомнили ему сделанные в тот день «опасные высказывания», причем припомнил А. И. Микоян, занявший в октябре 1964 г. наиболее умеренную позицию в отношении Н. С. Хрущева³⁰. Правда, Хрущев, видимо, и сам понимал несовершенство своего проекта решения национально-территориальных споров и дал задний ход, что явствует из заключительных слов его монолога на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа: «Надо оговориться, третейский суд, если обе стороны на это согласны. Если одна из сторон против, то лучше всего отложить эти вопросы на будущее. Предоставить времени и истории эти вопросы решить. Вот и все»³¹.

Введенные в научный оборот записи заседаний Президиума ЦК КПСС станут серьезным подспорьем при изучении процесса выработки внешнеполитического курса СССР, в том числе на восточноевропейском направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / Гл. ред. акад. А. А. Фурсенко. М., 2003–2008. Т. 1–3. Наряду с записями заседаний Президиума ЦК КПСС в трехтомную публикацию вошли постановления Президиума, записки, готовившиеся для членов Президиума ЦК. См. опубли. в Венгрии наш обзор первого тома этого издания: *Múltunk*. Budapest, 2006. № 3. 294–303 о.
- 2 См. венгерское издание: *Döntés a Kremlben, 1956. A Szovjet pártelnökség vitái Magyarországról* / Szerk. Szereda V., Rainer M. J., bevezetés Szereda V., a kísérő tanulmány Rainer M. J. Budapest, 1996. Первая публикация на русском языке: Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль–ноябрь 1956 г. / Публ. В. Т. Середы, С. А. Мельчина, Е. Д. Ореховой //

Исторический архив. 1996. № 3. Оpubл. также в кн.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Середы, А. С. Стыкалин. М., 1998.

- 3 Эти краткие, иногда совсем обрывочные записи заседаний Президиума ЦК КПСС представляли собой, по сути дела, выжимки из содержания происходивших обсуждений. Важно заметить, что ведение записей означало кардинальное расхождение с практикой, сложившейся при Сталине, когда люди, стоявшие во главе СССР, а в первую очередь сам «отец народов», были слишком озабочены соображениями секретности многих принимаемых решений. После смерти Сталина обозначились некоторые перемены в работе Президиума, Секретариата и аппарата ЦК, происходившие под знаком утверждения так называемого «коллективного руководства». Для того чтобы стареющим преемникам Сталина было легче ориентироваться в огромной массе подлежавших разрешению вопросов и возвращаться к повторному рассмотрению некоторых не решенных окончательно проблем, видимо, и возникла идея коротко фиксировать на бумаге основное содержание наиболее важных дискуссий, происходивших на Президиуме ЦК, и прежде всего суть конкретных предложений: не будучи занесенными в протоколы, они теряли свой вес.

При всей обрывочности малинских записей они обладают весьма высокой достоверностью как источник. Эти записи не предназначались для печати, а потому, как представляется, должны быть свободны от нарочитых искажений, неизбежных при подгонке тех или иных текстов под существующий пропагандистский ранжир.

- 4 Первые известные стенограммы относятся к лету 1958 г. Следует иметь в виду, что с 1953 по июнь 1957 г. на заседаниях «коллективного руководства» не прекращалась подчас довольно острая борьба за лидерство. Очевидно, что члены Президиума ЦК, опасавшиеся, что отдельные их неосторожные высказывания могут быть со временем использованы против них, не были заинтересованы в ведении полных стенограмм, а иногда, в моменты обострения борьбы, даже и более коротких записей, подобных тем, что делал Малин. Показательно, в частности, отсутствие записей за 18–21 июня 1957 г., дни, когда оппоненты дали бой Хрущеву, — обо всем происходившем в то время на заседаниях Президиума можно судить прежде всего по выступлениям на июньском пленуме. Незафиксированность дискуссии сыграла, впрочем, благоприятную роль для Хрущева, дав ему основания говорить на пленуме о нелегитимности тех заседаний. С другой стороны, Малин чрезвычайно подробно записал ход заседания 13 октября

1964 г., где был решен вопрос об отставке Хрущева. Чью волю он тогда выполнял, зная, по всей вероятности, о безнадежном положении своего патрона? Вопрос этот остается открытым.

- Практика вызова стенографистки на отдельные заседания Президиума ЦК стала складываться в середине 1958 г. по инициативе Н. С. Хрущева, в условиях, когда тот овладел всей полнотой власти в стране, не только разгромив так называемую «антипартийную группу» Маленкова–Кагановича–Молотова, но удалив в октябре 1957 г. из Президиума ЦК маршала Г. К. Жукова и совместив в конце марта 1958 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР. Стенографировались, в первую очередь, те заседания, где Хрущев выступал с заявлениями программного характера (со временем, по мере роста его реформаторских амбиций, таковых становилось все больше), и в некоторых случаях те, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы, требовавшие безотлагательного решения (например, связанные с ближневосточным кризисом 1958 г.) — здесь, впрочем, так и не сложилось какое-то правило.
- 5 Бюрократическая централизация, начавшая складываться еще на заре советской власти и достигшая своего апогея при Сталине, составляла выносить на самый верх даже второстепенные вопросы.
- 6 Постановление Президиума ЦК КПСС «О т. Попове Г. М.» от 16 марта 1954 г. См.: Президиум ЦК КПСС... М., 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. С. 25.
- 7 Там же.
- 8 О стиле работы Андропова дают представление его донесения в Москву. См.: Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról. 1953–1956. Kiszeljov és Andropov titkos jelentései. Összeállította és a bevezető tanulmányt készítette Baráth M. Budapest, 2002.
- 9 Развитие советско-югославских отношений в этот период подробно изложено в недавно вышедшей фундаментальной монографии: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
- 10 В этот день на заседании Президиума ЦК КПСС, посвященном проведению совещания представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС, Хрущев обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: «Ликвидируем Коминформ» (Президиум ЦК КПСС... М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 106–107).
- 11 Уже Сталин, убедившись в неудаче массивной антиюгославской кампании (главным орудием осуществления которой был

Коминформ), явно утратил к началу 1950-х гг. интерес к этой организации. Его преемники также не предприняли серьезных попыток оживить деятельность Коминформа. Одним из структурных изъянов Коминформбюро был ограниченный круг его участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира — Китая, ни компартии обеих Германий, ни Союз коммунистов Югославии не входили в Коминформ, и это не способствовало проведению советской внешней политики на ряде важных направлений. Вместе с тем Н. С. Хрущев весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей относительно скорого роспуска Коминформа. «На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказаться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества? Почему, например, те, кто ставят вопрос о ликвидации Коминформа, не высказывают никаких возражений против деятельности Социалистического Интернационала, объединяющего социал-демократические партии?» — вопрошал он иностранных журналистов на пресс-конференции в Дели 14 декабря 1955 г. (Правда. 15.12.1955). А через две недели, 29 декабря, на сессии Верховного Совета СССР он заявил о том, что для возникновения вопроса о дальнейшем существовании Коминформа нет никаких оснований (Правда. 30.12.1955). Однако уже через два месяца вопрос этот был переведен в конкретную плоскость.

- 12 Вопрос о целесообразности роспуска Коминформа как скомпрометированного неблагоприятными акциями инструмента сталинской внешней политики постоянно поднимался с югославской стороны в ходе бесед с советскими представителями (см., например, адресованную главному редактору «Правды» Д. Шепилову докладную корреспондента этой газеты В. Платковского, побывавшего в Югославии летом 1955 г.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 77). Критика Информбюро в завуалированной форме содержалась в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. (Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 254. Л. 17–19), а осенью того же года на страницах главной газеты СКЮ «Борба» вопрос о желательности ликвидации Коминформа ставится уже открыто (см. об этом в записке, относящейся к январю 1956 г., «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией»: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 184). Требования роспуска Коминформа звучали также из уст югославских дипломатов в ходе их бесед с советскими коллегами (см., например, запись беседы сотрудника посольства СССР в Венгрии с югославским

- военным атташе 23 февраля 1956 г.: Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 178–179).
- 13 В документах, связанных с прекращением деятельности Коминформа, нашел отражение тезис о том, что руководящие органы компартий обмениваются в ближайшем будущем мнениями о возможных формах дальнейших контактов между ними. С советской стороны поначалу предлагалось вместо прежнего Информбюро создать Бюро контактов стран, строящих социализм, а также ряд региональных объединений компартий (см. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 февраля 1956 г.: Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 106–107. См. также записку М. А. Сулова, Д. Т. Шепилова и Б. Н. Пономарева, представленную к заседанию Президиума ЦК КПСС от 28 марта: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 76–79). В дальнейшем от этой идеи отказались. Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете «За прочный мир, за народную демократию!» 17 апреля, а на следующий день «Правда» опубликовала этот текст вместе с редакционной статьей «Важное решение».
- 14 О поездке Тито в СССР 1–23 июня 1956 г. и ее политических итогах см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации... С. 553–577.
- 15 Правда. 21.06.1956.
- 16 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2. Идя на компромисс с лидерами СКЮ, руководство КПСС, конечно, не могло не осознавать, что своим смелым сопротивлением сталинскому диктату югославские коммунисты завоевали определенный авторитет и уважение как в рамках мирового коммунистического движения, так и далеко за его пределами.
- 17 *Micunović V.* Moskovske godiné 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 93.
- 18 Совещание руководящих деятелей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, открывшееся 22 июня, было посвящено в первую очередь вопросам экономического сотрудничества, рассматривался также вопрос о новых формах межпартийных контактов, которые предстояло установить после роспуска Коминформа (см. документы, связанные с Совещанием: Президиум ЦК КПСС... Т. 2. С. 338–347). 24 июня, уже после отъезда из Москвы делегации СКЮ, состоялось еще одно заседание, на котором обсуждались итоги визита Тито в СССР, а также внутривнутриполитическая ситуация в странах Восточной Европы после XX съезда КПСС. Присутствовавший на нем Ракоши через несколько дней, 28 июня, делился своими впечатлениями на заседании Политбюро ВПТ (см.: *Urbán K., Vidá I.* Az MDP Politikai Bizottsága 1956. június 28-i ülésének jegyzőkönyve. Az 1956. júniusi kommunista csúcstalálkozó és Magyarország // Társadalmi Szemle. 1993. № 2).

- 19 Это нашло отражение в закрытом письме лидерам компартий стран социалистического лагеря, а также Франции и Италии от 13 июля, принятом накануне на заседании Президиума ЦК КПСС.
- 20 «Нельзя забывать, что к врагам мы должны применять власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употребить ее надо. Вражеским устремлениям нужно противопоставить госбезопасность, суды, репрессивные органы», — говорил Хрущев на вышеупомянутом совещании компартий 24 июня (приводится по отчету венгерской делегации: *Társadalmi Szemle.* Budapest, 1993. 2 sz., 94 o.).
- 21 См.: «Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы». Записки Н. Хрущева в Президиум ЦК КПСС. Не ранее 24 сентября 1956 г. // *Источник.* 2003. № 6.
- 22 См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 30 октября 1956 г.: Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 187–191.
- 23 Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 3 ноября, сделанная присутствовавшим на нем министром иностранных дел Венгрии И. Хорватом (см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 546).
- 24 Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 206.
- 25 См., в частности, запись заседания Президиума от 27 марта: Там же. С. 241–242.
- 26 Там же. С. 848–852.
- 27 Там же. С. 851.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 869.
- 31 Там же. С. 851–852.

Stykalin A. S.

Problems of Interstate Relations and National-Territory Contradictions in the Socialistic Union (On the Materials of the Presidium of the Central Committee of the CPSU 1953–1964)

The article is based on materials of the Presidium of the Central Committee of the CPSU in 1953–1964 which give possibility to reproduce concrete circumstances and to perform the mechanism of taking key political decisions.

Keywords: *Soviet block, Kominform, leadership of the CPSU, national-territory contradictions.*

О. Н. Исаева
(Саратов)

Македонский дискурс в современной историографии

В статье намечаются основные вехи в развитии македонской историографии, связанные с осмыслением истории македонцев и обоснованием их национальной и политической самобытности. Рассматриваются основные тезисы концепции запоздалого развития македонской нации, концепции радикального македонизма, имевшего сначала «славянскую», а затем «античную» версии.

Ключевые слова: *Македония, нация, государство, македонизм, история, историография, этнонационализм.*

Зарождение македонской государственности в рамках югославской федерации после Второй мировой войны дало толчок к созданию национальной истории, к написанию значительного числа исторических исследований о возникновении и развитии македонской нации. Нужно отметить, что с этого времени и начались обвинения соседних государств (Болгарии, Греции), не признающих существования македонской нации или делающих это с рядом оговорок, в посягательстве македонских историков на их историческое и культурное прошлое. Появление республики Македония как суверенного государства в начале 90-х гг. XX в. ожесточило среди ученых и политиков стран региона неутраченные споры вокруг вопросов, связанных с населением Македонии, ее языком, историей, культурой и даже названием нового государства.

Анализируя македонскую историографию второй половины XX в., можно заметить, как под влиянием внутри- и внешнеполитических обстоятельств расширялось «поле» македонского прошлого и появлялись новые аргументы для обоснования национальной и политической самобытности македонцев. В данной статье делается попытка наметить в македонской историографии основные вехи, связанные с осмыслением исторического наследия.

Основы македонской государственности были заложены в середине 40-х гг. XX в., когда в составе югославской федерации появилась Народная Республика Македония (НРМ, с 1963 г. Социалистическая Республика Македония), а местное славянское население впервые об-

рело свое национальное имя «македонец», которое стало официально употребляться в качестве этнонима новой южнославянской нации.

С этого времени началась выработка марксистской концепции истории македонского народа, призванной доказать не только легитимность национального государства македонцев, но и историческую неизбежность его возникновения. Перед историками коммунистическим руководством страны была поставлена задача показать появление НРМ как реализацию вековых стремлений македонцев к национальной свободе и собственному государству. Македонизм (македонский национализм), возведенный в ранг государственной политики, привел к безраздельному господству этноцентризма при создании национальной истории.

В исторической литературе республики Македония социалистического периода коммунистическая партия, руководившая народно-освободительной борьбой в годы Второй мировой войны, рассматривалась как демиург македонской нации и государства. Она представлялась главным и единственным носителем национально-государственных традиций. Правда, работ, в которых рождение македонской нации прямо связывалось только с национально-освободительной борьбой этого периода, было немного. Значительно чаще появление на исторической сцене македонского народа увязывалось с событиями конца XIX и начала XX в., когда возникла первая македонская революционная организация, возглавившая в 1903 г. антиосманское восстание в Македонии, известное под названием Илинденского.

Именно эти ключевые события национальной истории, в особенности возникновение в ходе Илинденского восстания Крушевской республики, просуществовавшей 10 дней, принято считать началом современного македонского государства, первым появлением на авансцене истории македонского народа в качестве полноценного субъекта¹. Они вместе с народно-освободительной борьбой периода Второй мировой войны стали символами социалистической Македонии, воплощенными в многочисленных памятниках и мемориалах.

И эти события вполне укладывались в концепцию запоздалого развития македонской нации, исходившей из связи этого процесса с развитием капитализма. Данная концепция, строившаяся на особенностях замедленного развития капиталистического развития этой части Балкан и позднего появления там рабочего класса, особенно активно разрабатывалась в 50–60-е гг. XX в. Запоздалое развитие нации объяснялось исследователями также и пагубным воздействи-

ем пропаганд соседних государств, которые раскалывали народное единство и препятствовали естественному ходу истории.

В эти годы в исторических исследованиях стал развиваться тезис, укоренившийся затем в национальной историографии, об уникальности македонской истории, заключавшейся в необычайно трагичной судьбе македонского народа. Уделяя повышенное внимание освободительной борьбе, восстаниям, войнам и конфликтам, македонская историография создавала образ народа-мученика, утверждая, что македонцам дольше других европейских народов пришлось бороться за свою свободу².

Тема трагизма, развитая почти во всех исторических исследованиях, не случайна: изначальные муки рождения македонской нации и государственности давали легитимность национально-государственному существованию македонцев. Исследователи неустанно напоминали, что возникшая после Второй мировой войны македонская республика охватывает только треть историко-географической области Македонии, в то время как оставшиеся македонские земли входят в состав Греции и Болгарии. Соседние государства — главные виновники раздела Македонии почти всегда на страницах исторических исследований выступают в роли захватчиков, ассимиляторов и оккупантов. К числу неизменных врагов Македонии причисляются и великие державы, стремившиеся подчинить своему влиянию эту стратегически важную территорию. При этом указывается, что пик их активности приходился на конец XIX — первую половину XX в.

С самого начала становления национальной историографии наметилось известное противоречие в описании процесса формирования македонской нации. Одни исследователи представляли его как постепенное отделение от болгарской нации, а другие как совершенно самостоятельный процесс, не имевший никаких точек соприкосновения с болгарской историей. С течением времени позиции последних исследователей только усиливались, превращаясь в норму для македонской историографии³. В то же время следует отметить, что определенная раздвоенность национального самосознания македонцев сохраняется и в настоящее время.

С конца 60-х гг. XX в. под влиянием обострившихся отношений с Болгарией и усилившегося желания избавиться от определения Македонии и македонцев как «молодого государства» и «молодой нации» концепция запоздалого развития македонской нации стала уступать место концепции радикального македонизма. Последняя, начиная историю македонского народа с раннего средневековья,

представляла собой «славянскую» версию македонизма, согласно которой этнические корни македонского народа находятся в славянской колонизации Балкан VI–VII вв. Македонские интеллектуалы стали писать о «македонском континуитете», утверждая, что македонская история не только неповторима, но и непрерывна.

Тезис о славянском происхождении современных македонцев сопровождался утверждениями, что македонские славяне первыми в славянском мире приняли христианство и таким образом первыми соприкоснулись с высокой византийской культурой, что именно из «их среды» вышли славянские просветители Кирилл и Мефодий. Ранняя христианизация и кирилло-мефодиевское дело, по мнению македонских ученых, оказали сильное воздействие на процесс формирования македонского народа. Македония стала позиционироваться как колыбель всеславянского просвещения и христианства славян, как лидер тогдашнего славянского мира.

Ожесточенная болгаро-югославская (македонская) полемика этого времени, в ходе которой София отрицала самобытность македонцев и утверждала, что история македонцев — это история болгар, заставляла македонских ученых искать аргументы в пользу «специфики» македонского народа, его непохожести на болгар.

Исходя из утверждений, что македонцы раньше болгар приняли христианство, был сделан вывод о существовании двух типов культуры, определяющих и различные характеристики этих народов. То есть македонские ученые стали полностью отрицать наличие у болгар и македонцев общих этногенетических корней, общих истоков культуры. Так, в труде маститого македонского академика Б. Ристовски утверждается, что «в то время как в Болгарии создавался языческий протоболгаро-славяно-фракийский народ, в Македонии уже существовала христианская славяно-македонская (иллирийская) — византийская этнокультура». Более того, там же было заявлено, что в период раннего Средневековья на протяжении почти двух веков эти культуры (цивилизации) развивались независимо друг от друга⁴.

В рамках указанной полемики продолжал вызывать споры вопрос о языковой принадлежности первых переводов богослужебных книг, выполненных славянскими просветителями Кириллом и Мефодием, и их роли в языковом и литературном развитии балканских славян. Если болгарские ученые утверждали, что письменность, созданная Кириллом и Мефодием, закрепились на базе древнеболгарского диалекта Солунской области, т. е. считали старославянский язык староболгарским, то македонские ученые считали, что Кирилл

и Мефодий положили в основу своих переводов македонский говор, возвысив его до уровня первого славянского литературного языка. И таким образом, они полагали, что старославянский язык был в сущности старомакедонским. Следует указать, что в отечественном славяноведении отмечается прежде всего общеславянское значение деятельности солунских братьев.

Не меньше споров вызвал и другой тезис, выдвинутый македонскими учеными. Он сводится к тому, что возникшая в конце X в. «держава Самуила» стала первой формой македонской государственности. В исторической литературе эту державу обычно называют Западно-Болгарским царством, и большинство исследователей полагает, что не имеет каких-либо оснований утверждение о существовании этнокультурной специфики славянского населения Македонии в средневековый период. Славянское население Македонии, пишет российский академик Г. Литаврин, ощущало и именовало себя в этот период болгарами, даже тогда, когда столицей болгарского царства становились македонские города⁵.

Распад Югославии в начале 90-х гг. XX в. способствовал обретению Македонией независимости и переходу к политическому плюрализму. В Республике Македония, начавшей самостоятельную жизнь, проявился интерес к новым темам, событиям и личностям, дискриминированным в предшествующий период из-за несовместимости с коммунистической парадигмой истории. Среди историков начались бурные дебаты: в то время как консервативная их часть защищала прежнюю концепцию, другая, подвергая критике марксистско-ленинские методологические основы македонской историографии, выступала за переосмысление македонской истории.

В этот период начавшейся деидеологизации истории интерес к проблемам нации только усилился. Повышенное внимание к национальным проблемам было вызвано как сложными внутривнутриполитическими проблемами в Республике Македония, так и ее неурегулированным международным положением. Появились призывы к «прагматизации» исторического познания как необходимости «актуальной политики», к «интерпретации исторических процессов и документов с точки зрения македонских национально-государственных интересов и целей»⁶. Но в отличие от марксистских интерпретаций нации акцент стал делаться на историческую преемственность, основанную на территориальной целостности и этнической гомогенности.

Проблемы с Грецией, протестующей против употребления топонима «Македония» в качестве названия для славянского госу-

дарства, способствовали расширению поля национальной истории за счет античной истории древних македонцев. В 90-е гг. XX в. в Республике Македония стала утверждаться концепция «античного македонизма», передвинувшая зарождение македонского этноса в еще более удаленное прошлое — в IV в. до нашей эры, во времена Филиппа Второго и его сына Александра Великого. Соответственно этой концепции, современные жители Македонии являются прямыми потомками античных македонцев, а Республика Македония — наследницей державы Александра Македонского.

В работе Б. Ристовски это положение сформулировано следующим образом: «В истории македонского народа славянский характер основного этноса населения играл решающую роль, но нельзя упускать из виду значения античных македонцев, которые дали этому народу территорию, культуру, имя и кровь»⁷. В другой работе энциклопедического характера также устанавливается связь между народами, населявшими этот регион в античный период, и этногенезом македонского народа. «При появлении славян в Македонии (VI–VII вв.) эллинизированные и романизированные потомки античных македонцев в самой большей своей части были интегрированы в славянскую массу, осуществляя, таким образом, свой вклад в формирование нового этноса на македонской почве»⁸.

Активное обращение македонских историков к проблемам античной Македонии, их попытки интегрировать ее историю в славянский македонский контекст вызывает сильное раздражение греческого интеллектуального сообщества, что до сих пор мешает разрешению спора из-за названия македонского государства⁹.

Следует отметить, что идеи античного и славянского македонизма в наши дни очень популярны в Республике Македония. Они вышли за рамки официальной историографии и проникли во все сферы общественного культурного сознания. Национальными символами современной Македонии являются Александр Великий, просветители славянства — солунские братья Кирилл и Мефодий и их ученики Климент и Наум Охридские. Культ исторического наследия античной Македонии, а также традиций славянской письменности и культуры, по мнению ряда историков, служат основой национального самосознания македонцев¹⁰.

Проблема македонской идентификации, т. е. выявления отличительных признаков македонцев от соседних народов, близких в этнокультурном отношении южнославянских наций, сохраняет свою актуальность и в наши дни. Во многом это связано с тем, что неко-

торые соседние государства не воспринимают всерьез македонскую государственность и македонскую нацию. Поэтому для современной македонской историографии по-прежнему характерен устойчивый македоцентризм, рассмотрение истории македонцев в неразрывной исторической преемственности от самой глубокой древности до настоящего времени, стремление рассмотреть отношение македонцев к другим народам и государствам только через призму исторических страданий собственного народа.

Обострению исторически сложившихся проблем македонской государственности в настоящий период способствовали изменения демографического и этнического характера в Республике Македония последних десятилетий XX в., приведшие к увеличению численности албанского населения. Под влиянием «косовского синдрома» албанское национальное меньшинство начало борьбу за признание себя второй государствообразующей нацией, что привело страну на грань гражданской войны по боснийскому сценарию.

Этнополитический кризис, достигший пика в 2001 г., стал серьезным экзаменом для македонского государства. Одновременно он стал дополнительным источником консервации этнонационализма в македонской историографии. Македонские историки стали с тревогой писать о том, что численность и деятельность албанского населения страны представляют серьезную опасность для славянского населения Македонии, которое со временем может из большинства превратиться в меньшинство и утратить свое государство, созданное вековой борьбой и огромными жертвами. Если этот мрачный прогноз осуществится, то это «будет единственным случаем в истории современной Европы»¹¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История на македонскиот народ. Скопје, 2003. Т. 3. С. 334, 352.
- 2 Аспекти на македонското прашање. Скопје, 1980. С. 151–154.
- 3 *Михов М.* Политика в историята. Новата българската история и македонската историография 1944–2005. Велико Търново, 2006. С. 34–35.
- 4 *Ристовски Б.* Македонија и македонската нација. Скопје, 1995. С. 20.
- 5 *Литаврин Г.* Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 27–28.

- 6 *Михов М.* Политика в историята ... С. 250.
- 7 *Ристовски Б.* Македонија и македонската нација. С. 22.
- 8 Македонски историски речник. Скопје, 2000. С. 39–40.
- 9 *Кирчатов М. В.* Македонский национализм в транзитном обществе. (Проблемы функционирования македонского националистического дискурса в период политической демократизации) // Страны Восточной и Юго-Восточной Европы в поисках своей европейской идентичности. Воронеж, 2009. Вып. 9. С. 23–25.
- 10 *Ристовски Б.* Сознајби за јазикот, литература и нацијата. Скопје, 2001. С. 75.
- 11 *Битовски К.* Етничките промени во Република Македонија по ослободувањето 1944 година // Македонската историска наука. Достигнувања и проблеми. Скопје, 2000. С. 441.

Isaeva O. N.

Macedonian Discourse in Contemporary Historiography

In the article the author outlines the key points of Macedonian historiography determining the country's national and political identity. There is a survey of the main theses of the concept of retarded development on Macedonian nation, the ideas of radical Macedonism that first had "Slavonic" and later on "Antique" versions.

Keywords: *Macedonia, nation, state, Macedonism, history, historiography, ethnic nationalism.*

Е. Ю. Терентьева
(Москва)

Лингвистические особенности номинаций праздников Православной Церкви в русском и болгарском языках

В статье рассматриваются народные и литературные эортонимы, которые, будучи вторичными по своему происхождению по отношению к календарным, противопоставляются номинациям месяцеслова Русской и Болгарской Православных Церквей.

Ключевые слова: *атрибутивная конструкция, наименование, номинация, праздник, редукция, эортоним.*

Номинация праздников Православной Церкви в славянских языках по общеизвестным причинам вызывает в последнее время интерес как у носителей этих языков, не являющихся специалистами в области лингвистики, культурологии, фольклора, так и у исследователей вышеупомянутых областей. Изучением наименований церковных праздников в языке занимались и занимаются как отечественные (В. Н. Топоров, В. М. Живов, С. М. Толстая, А. Д. Шмелев, И. В. Бугаева), так и зарубежные (П. Чеснокова и др.) исследователи, обращение к работам которых необходимо для дальнейших исследований в данной этнолингвистической области.

Название раздела литургической науки, изучающего историю возникновения, становления и дальнейшую судьбу церковных праздников — эортология (от греч. *эортэ* — праздник), — дает возможность образовать от этого термина в свою очередь термин **эортоним**, непосредственно имя собственное, обозначающее церковный праздник (такая звуковая транскрипция на основе русской богословской традиции предлагается И. В. Бугаевой взамен термина *геортоним*, используемого, например, П. Чесноковой). Итак, под эортонимом мы понимаем имя собственное, обозначающее тот или иной церковный праздник¹.

Практически каждый день в календаре Православной Церкви (как Русской, так и Болгарской) отмечен одним или несколькими праздниками, которые определенным образом классифицируются в литургической науке. Вначале мы хотели бы вкратце описать эту классификацию и привести как русское, так и болгарское наименование каждого дающегося в качестве примера праздника.

Итак, первый тип праздников называется **воспоминания** — дни, в которые Церковь вспоминает то или иное событие Священной Истории. Это Пасха (болг. *Великден*), Рождество (болг. *Коледа*) и др. Второй тип праздников — **памяти**, т. е. дни, в которые Церковь вспоминает своих святых (например, русск. *Свт. Николай* — болг. *Никулден*)².

Помимо этого все праздники подразделяются на **Господские** (русск. *Крещение*, болг. *Богоявление*), **Богородичные** (русск. *Благовещение* — болг. *Благовещение*), **Предтечевы** праздники (русск. *Рождество Иоанна Предтечи* — болг. *Йоановден*) и праздники в честь **святых** (русск. *мученик Анטיפа* — болг. *мъченик Анטיפа*)³.

Согласно Типикону (или Уставу, согласно которому совершаются церковные службы), все праздники также делятся на **великие** (русск. *св. Петр и Павел* — болг. *св. Петър и Павел*), **средние** (русск. *св. Лука* — болг. *св. Лука*) и **малые** (русск. *св. Агафон* — болг. *св. Агатон*). 47-я глава Типикона «О знамениях праздников месяцеслова» начинается такими словами: «Подобает ведати, яко праздники разделени суть на великие, средние и малые». Все праздники в Типиконе имеют знаки, которые соответствуют разным типам службы⁴.

Календарь разделяет также **подвижные** (русск. *Троица* — болг. *Петдесетница*) и **неподвижные** (русск. *Крестовоздвижение* — болг. *Кръстовден*) праздники⁵.

Системное описание разряда имен собственных, обозначающих праздники, невозможно без учета состояния сакрального ономастикона и употребления его единиц носителями языка; данное исследование предполагает использование методов как синхронного, так и диахронического анализа. Иными словами, при анализе бытовых наименований церковных праздников мы обращаемся и к современному состоянию русского и болгарского ономастикона, и к ономастической системе более раннего исторического периода обоих языков. Такой характер используемого метода исследования обусловлен следующими факторами:

1) системный анализ эортонимов обязательно подразумевает обращение исследователя к источникам различных временных периодов; эта особенность объясняется самой историей появления такого рода номинаций: в письменном виде они изначально фиксируются в церковном календаре, являющемся, таким образом, самым первым и ранним источником праздничных наименований во всех языках. Календарь (или месяцеслов) во множестве разновидностей существовал с самых древних веков христианства. Уже во II в. н. э. спутники

священномученика Игнатия, пострадавшего в Риме, говорят: «Мы отметили для вас день и год (его) кончины»⁶. Современная литургическая наука располагает несколькими древними восточными календарями с VII по X в., обнаруженными в составе различных рукописей евангелий и апостолов. Таким образом, и месяцеслов Русской, и месяцеслов Болгарской Православных Церквей изначально восходят к византийскому месяцеслову. Как русские, так и болгарские календарные наименования, будучи заимствованными из греческого языка, повторяют основную структуру греческих номинаций, являясь калькой. Так, греческому наименованию дня кончины ап. Иоанна Богослова *Ἡ Μετάστασις τοῦ Ἰωάννου Θεολόγου* в русском календаре соответствует *Преставление ап. и ев. Иоанна Богослова*, а в болгарском — *Успение на св. ап. и ев. Йоан Богослов*⁷. Однако, со времени прославления в обеих славянских церквях собственных святых, в соответствующих календарях возникают новые номинации, формула которых, правда, остается прежней — в основе своей повторяющей греческую (*Преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея России чудотворца; Успение на св. Йоан Рилски*)⁸. Таким образом, говоря о календарных эортонимах, мы не можем учитывать лишь один временной пласт. Несмотря на то что данное исследование будет опираться, безусловно, на тот календарный материал, который предоставляют русский и болгарский месяцесловы современного издания, не следует забывать об оригинальных греческих номинациях, обращение к которым уже в какой-то степени предполагает использование диахронического метода;

2) особенность бытовых номинаций церковных праздников, являющихся основным объектом данного анализа, — в том, что, появившись в обиходной речи одновременно с укоренением в народном сознании соответствующих календарных наименований, они проходят самостоятельный путь развития с момента своего возникновения до наших дней. Система известным образом влияет как на восприятие уже существующих имен, так и на создание новых. В каждый исторический период система обладает внутренним равновесием и взаимно обусловленной «ценностью» составляющих ее компонентов. В то же время система непрерывно меняется и преобразуется. Особенно усиливаются эти процессы при сменах этнического и языкового состава населения данной территории, при смене идеологических, политических влияний и т. д.⁹. Активизация или же, напротив, ограниченность употребления эортонимов отражают социальные, политические, идеологические изменения в обществе. Особенно это

заметно на примере семидесятилетнего периода истории России в XX в., когда агониимы крайне редко встречались в текстах разных стилей и жанров¹⁰. Своевременность же данного исследования, на наш взгляд, заключается в том, что его результаты дадут нам возможность установить некоторые общие или отличные друг от друга черты русской и болгарской языковых картин мира.

Таким образом, анализируя систему наименований церковных праздников, исследователь, на наш взгляд, должен рассматривать каждую из изучаемых им номинаций в неограниченном временном пространстве. Это предоставит нам возможность наиболее полного исследования русских и болгарских эортонимов. Следуя данному принципу, мы будем приводить в дальнейшем примеры бытовых номинаций различных исторических периодов как русского, так и болгарского языков.

Источниками календарных наименований являются календари Русской и Болгарской Православных Церквей, а источниками бытовых (обиходных) номинаций — толковые словари русского и болгарского языков, художественная литература, язык светских и церковных СМИ, данные полевых исследований, художественная литература, разговорная речь.

Отметим, что все эортонимы, приведенные нами выше в качестве примеров — как русские, так и болгарские, — описываются нами в своем редуцированном виде (по сравнению с аналогичными номинациями календарей), так как именно редукция наименования демонстрирует свойственную тому или иному языку уникальность построения номинативной формулы эортонима. Термин «редукция», получивший широкое распространение в фонетике, начинает использоваться и в ономастике в тех случаях, когда речь заходит о сокращении наименований¹¹. Редуцированный вариант эортонима — это та его разновидность, которая встречается в разговорно-бытовой речи носителя языка. Напротив, отсутствие редукции мы увидим в праздничных наименованиях, предлагаемых церковными календарями Русской и Болгарской Православных Церквей. Месяцесловы предлагают нам наименования, появившиеся в искусственно созданных условиях, так как данные номинации являются формами не русского и не болгарского, а древнецерковнославянского языка (возможно, в данном случае было бы уместнее использовать термин «старославянский язык», однако, принимая во внимание особенности истории его развития и имея целью обратить внимание на оба славянских языка одновременно, мы оперируем более «общим» термином, что позволит в данном

случае более четко отделить календарные наименования от обиходных). В бытовом употреблении имена подвергались различным перестройкам — происходила постоянная адаптация имен в живой речи к тому говору, в который они попадали. В то же время литературный язык, со своими наддиалектными формами, иногда распоряжается такого рода номинациями по-своему. Таким образом, мы получаем право говорить о трех формах эортонимов — церковной (календарной), народной (бытовой, обиходной) и литературной¹². Правда, последняя разновидность номинаций встречается весьма редко.

По общеизвестным причинам полные календарные наименования и в русском, и в болгарском языках являются кальками греческих названий, и, следовательно, существенной разницы в построении русской и болгарской номинативных формул мы здесь наблюдать не можем. Поэтому, имея целью изучение именно особенностей номинации эортонимов в русском и болгарском языках, мы и далее будем обращать особое внимание именно на редуцированные варианты наименований. Тем не менее, поскольку сопоставление вариантов номинации в обязательном порядке требует обращения к календарной формуле как своеобразному «первоисточнику», то при анализе структурных модификаций и особенностей функционирования русских и болгарских эортонимов в православной и светской среде мы непременно будем говорить и о полных календарных наименованиях. Однако непосредственным объектом анализа являются именно так называемые **обиходные эортонимы** — бытовые номинации церковных праздников в живой речи носителей болгарского и русского языков.

Структурным ядром в формулах русских обиходных редуцированных наименований Господских и Богородичных праздников чаще всего являются **отглагольные существительные**, которые обозначают событие, явившееся причиной установления праздника¹³. Что касается аналогичных болгарских наименований, то в некоторых случаях употребление в их структуре отглагольных существительных также встречается (и даже часто совпадает с русскими): **сретение** (русс. *Сретение* — болг. *Сретение*), **крещение** (русс. *Крещение* — болг. *Богоявление*). Однако в болгарском языке обиходной нормой часто является не калька с греческого языка, а существительное, не образованное от глагола, или даже атрибутивная конструкция. Так, русскому редуцированному эортониму *Вознесение* соответствует болгарский *Спасовден*. Несмотря на наличие в языке варианта номинации *Възнесение*, *Спасовден* — единственный вариант, встречающийся во всех толковых словарях болгарского языка, и именно

его дает Л. Андрейчин в «Болгарском толковом словаре» (вариант *Възнесение* в словарной статье даже не упоминается). Пример — использование данного наименования в болгарской светской литературе: название стихотворения Лайлы *Ноцта преди Спасовден; ще се вдигне и ще си отиде на небето ... на той същия, утрешния ден — Спасовден*¹⁴. Примеры болгарских эортонимов в виде атрибутивных сочетаний мы можем встретить, например, при наименовании двух богородичных праздников: русским разговорным наименованиям, имеющим в своем составе отглагольное существительное (*Введение/Введение во храм* и *Успение*), соответствуют болгарские обиходные варианты *Малка Богородица* и *Голяма Богородица*. Наименование первого праздника с отглагольным существительным (*Рождество на Пресветата Богородица*) встречается только в календаре («Толковый словарь болгарского языка» под ред. Ст. Младенова дает лишь одно наименование — *Малка Богородица*). См. примеры: *На Малка Богородица дойдоха и съселяни от родното му място Калиманица, останало под водите на язовир «Огоста»*. *На 8 септемврий (малка Богородица) и храмов празник на манастира се извършва тържествен молебен, литийно шествие с Чудотворната икона*¹⁵.

Во втором случае разговорный язык располагает двумя вариантами: редуцированным *Успение* и атрибутивной конструкцией *Голяма Богородица*. Однако употребление второго варианта номинации встречается гораздо чаще: *Нашата сватба беше на Голяма Богородица*. *На Голяма Богородица бях на Роженския манастир*. *Там се молих дълго да се науча да преценявам реално силите си*.

Интересен пример народной приметы: *Между двете Богородици овчото мляко е най-гъсто*. Под «двумя Богородицами» подразумеваются два двенадцатых праздника — иначе говоря, происходит редуцирование номинации до однокомпонентной модели без атрибута. И такой тип редукции, и вышеупомянутые атрибутивные конструкции свидетельствуют о существенных различиях между некоторыми болгарскими и русскими редуцированными наименованиями.

Итак, вопрос о типологии редукции эортонимов в обоих языках представляется весьма интересным. В данной работе речь пойдет лишь о некоторых типах редукции, которые, на наш взгляд, являются наиболее распространенными в настоящее время.

Значительная часть наименований **господских** и **богородичных** праздников как в русской, так и болгарской речи используется без дополнительных дифференциаторов. Например: русск. *До Рождества еще без малого месяц*¹⁶ — ср. болг. *Вече замирисва на Коледа!*; русск.

На Сретение зима с летом встретила. — болг. **На Сретение** зимата и лятото се срещат¹⁷; русск. **На Вознесенье** пекли у нас лесенки из теста — «Христовы лесенки» — и ели их осторожно, перекрестясь¹⁸. — болг. Тази година **Спасовден** е на първи юни¹⁹; русск. Вроде, и с дачи специально вернулись, чтобы на **Преображение** в церковь сходить, а все равно так получилось, что только к концу службы и добрались до храма²⁰ — болг. Празникът **Преображение** разкрива пред нас славата на създаденото от Бога творение²¹. Ядерные слова в календарном наименовании этих праздников при редукции в устной речи подверглись онимизации и сами превратились в самостоятельный оним: ср. русск. календарн. **Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа** — устн. **Рождество**, календарн. **Сретение Господа нашего Иисуса Христа** — устн. **Сретение**, календарн. **Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа** — устн. **Преображение**. Болгарские календарные и устные наименования будут соответствовать русским практически полностью.

Такой тип редукции очень распространен при номинации **великих** праздников в обоих языках, однако не всегда возможен. В данной работе мы упомянем только об одном случае, когда календарное наименование в устной речи сокращается не до одного слова, а до двухкомпонентной модели. Речь идет о празднике, обозначаемом в церковном календаре как **Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии** (болгарское наименование соответствует почти полностью); в Типиконе этот праздник, как и все **великие** праздники, имеет знак «крест окружен»²². Наименование данного праздника представлено в русской разговорно-бытовой речи эртонимом **Рождество Богородицы**, а в болгарской — атрибутивным, но также двухкомпонентным сочетанием **Малка Богородица**. Но если в русском языке причиной возникновения такого «осложненного» варианта номинации послужило стремление избежать нежелательной омонимии с эртонимом **Рождество**, обозначающим праздник Христова Рождества, то подобную ситуацию в болгарском языке объяснить сложнее, так как праздник Рождества Христова обозначается здесь эртонимом **Коледа**.

Итак, на основании вышесказанного мы можем предположить, что в ряде случаев, когда ядром номинации господского или богородичного праздника является отглагольное существительное, обе формулы — и календарная, и обиходная — в русском и болгарских языках практически совпадают. Иными словами, эртонимы такого типа редуцируются по одному образцу.

Однако очень часто номинативная формула болгарского разговорно-обиходного эртонима имеет структуру, отличную от структуры аналогичного русского редуцированного разговорного варианта номинации: так, русскому редуцированному эртониму **Крестовоздвижение** (ранее чаще употреблялась форма **Воздвижение** или **Вздвижение**) соответствует болгарский **Кръстовден**, где структурным ядром является имя-апеллятив **ден** с темпоральной семантикой, не несущее информативной нагрузки и не выполняющее дифференцирующую функцию. Именно это существительное является наиболее частотным в составе формулы разговорного наименования церковного праздника в болгарском языке. Образованная таким образом атрибутивная конструкция является очень распространенным обиходным вариантом эртонима. См. примеры: русск. *Я верю, если вы от всей души попросите у Бога помощи, то поправитесь; тем более завтра такой праздник **Крестовоздвижение**... а на второй день после освящения этого храма постановили праздновать **Воздвижение Креста Господня**, то есть **Крестовоздвижение**²³; **Какой праздник празднуется 27 сентября?** — **Крестовоздвижение**²⁴; и болг. *От **Кръстовден** ... може да започне сеитбата на зимните житни култури*²⁵.*

Такая атрибутивная конструкция встречается и в русских эртонимах, обозначающих господские праздники, но гораздо реже: **Троицын день**, **Духов день**, **Сустретьев день** (в последнем случае мы имеем дело с диалектной формой наименования праздника **Сретения**, представленной в сборнике «Домоводство-2»). Что касается подобных русских наименований богородичных праздников, то сохранились они, вероятно, исключительно в диалектах или в составе немногочисленных фразеологизмов.

Гораздо чаще совпадение русской и болгарской номинативных форм наблюдается при обозначении праздников-памятей, в том случае когда околядерный компонент представляется притяжательным прилагательным, образованным от имени собственного: ср. русск. *Дождись **Юрьева дня**, когда рак свистнет; Коли **Дмитриев день** по снегу, то и **Святая по снегу*** и болг. *На **Атанасовден** св. Атанас дава хубаво време за сеитбата на царевицата, овеса и просото. А на **Георгиевден** св. Георги се старая да изхрани овцете и засилва растежа на тревата*. Однако, несмотря на такое совпадение структуры эртонимов при разговорно-бытовой редукции, мы не можем говорить здесь об абсолютно идентичных языковых ситуациях: русские составные наименования «притяжательное прилагательное от имени собственного + апеллятив **день**» практически никогда не встречаются

ся в современной разговорной речи; вместо этого полная календарная форма заменяется на предложно-падежную модель «на + В. п.»: *У моего папы именины на Георгия Победоносца. А у крестника — на Дмитрия Прилуцкого*; номинативная форма *Николин день* встречается, но является скорее исключением из правила и употребляется реже, чем предложно-падежная конструкция: *У них сын родился прямо-таки на Николин день. Наверное, Коленькой назовут и На святителя Николая я зачет принимать не буду.*

Ср. болг. *Днес празнуваме Гергьовден и Деня на Българската армия*²⁶ или *Днес е Атанасовден, в който се почита паметта на св. Атанасий Велики*²⁷; именно такой тип редукции обоих эортонимов доминирует в языке болгарских СМИ и разговорной речи.

Различные типы редукций могут привести к возникновению неточностей при наименовании праздника, которые иногда влекут за собой совпадение двух неинвариантных эортонимов в одной номинации. В данной статье мы хотели бы коснуться одного такого случая — на примере двух русских эортонимов: *День/Праздник св. Троицы (Пятидесятницы)* и *День св. Духа*.

В репринтном издании 1835 г. «О Великих Господских и Богородичных праздниках»²⁸ говорится: *Праздник Пятидесятницы совершается Церковью в пятидесятый день, считая с первого — Пасхи, откуда и название его происходит, в воспоминание сошествия Св. Духа на апостолов...; почему праздник сей назывался и называется еще Духовым днем, или Праздником Сошествия Св. Духа. Называется он также Троицыным днем, или Праздником Пресвятой Троицы.* Здесь нам встречается еще не упоминаемый выше тип редукции, когда внутри редуцированной формы ключевое слово не сохраняется, а заменяется другим существительным. Несмотря на то что днем Святой Троицы в церковном календаре именуется седьмое воскресенье после Пасхи, а днем Святого Духа, или Духовым днем, называется следующий день — понедельник, в упомянутом издании *Духов день* становится одной из редуцированных форм номинации праздника Троицы.

Однако чаще все-таки *Духов день* является редукцией наименования именно праздника дня Святого Духа: *На Троицу завтра красный денек будет. А на Духов День, попомни вот, замутится*²⁹.

Интересно и то, что наименование праздника Св. Троицы в болгарском языке представляется композитом *Петдесетница* гораздо чаще, чем генетивной конструкцией *Ден на Света Троица*: в календарях Болгарской Церкви второй вариант наименования до-

пускается скорее в качестве пояснения к названию праздника (ср. русск. *День Св. Троицы. Пятидесятница* и болг. *Петдесетница (Ден на Света Троица)*); несмотря на присутствие в разговорно-бытовом языке эортонима-однокомпонентной модели *Троица*, толковый словарь Л. Андрейчина при этом приводит только первый вариант — *Петдесетница*, и ничего не говорит о втором варианте номинации. Впрочем, учитывая географическую и этнографическую близость болгарской культуры к греческой, такое положение дел представляется вполне закономерным.

Итак, данный краткий обзор, являющийся началом сопоставительного исследования номинации церковных праздников в болгарском и русском языках, позволяет сделать следующие выводы.

Система номинации церковных праздников в обоих языках представлена разнообразными по своей форме и структуре наименованиями — эортонимами, которые, являясь одной из составляющих частей христианского сакрального ономастикона, становятся отражением религиозной языковой картины мира. Эортонимы подразделяются на три типа: календарные, народные и литературные. В то же время и народные, и литературные наименования, будучи вторичными по своему происхождению по отношению к календарным, рассматриваются нами в противопоставлении номинациям месяцеслова. И народные, и литературные номинации мы характеризуем как бытовые или обиходные эортонимы — в отличие от праздничных наименований церковных календарей Русской и Болгарской Православных Церквей, которые называем календарными номинациями.

Все типы номинаций рассматриваются нами в диахроническом аспекте.

Проведенный краткий структурно-семантический анализ именной формулы эортонимов позволяет нам выделить несколько основных типов формульной редукции номинации праздников. В дальнейшем хотелось бы рассмотреть и сопоставить все возможные редуцированные формулы (к примеру, особенности замены в русском языке полной формы наименования праздника на предложную модель «на + В. п.» (*на Рождество*) и аналогичное по значению сочетание предлога *през* с редуцированной или синонимичной формой в болгарском языке) и представить максимальное количество существующих обиходных номинаций обоих языков, а также редуцированных формул номинации икон.

Мы надеемся, что описание наименований церковных праздников, их структуры, особенностей употребления полных и редуциро-

ванных форм, а также народных названий даст материал для сопоставления русской и болгарской лексики в новом контексте, так как впервые эортонимы как болгарского, так и русского языков становятся объектом системного анализа в сравнительном аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бугаева И. В. Агионимы в православной среде: семантический анализ. М., 2007.
- 2 *Архиепископ Сергей (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. Восточная агиология (репринтное издание 1901 г.). М., 1997. Т. 1.
- 3 Полный православный богословский энциклопедический словарь (репринтное издание). М., 1992. Т. 2.
- 4 Типикон (репринтное издание 1904 г.). М., 1992.
- 5 Православный церковный календарь. М., 2008.
- 6 *Архиепископ Сергей (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока... С. 8.
- 7 Ёортоλόγιο. А., 1996; Православный церковный календарь. С. 99; Православен календар. София, 2008. С. 23.
- 8 Православный церковный календарь. С. 105; Православен календар. С. 28.
- 9 *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. Изд. 3-е, испр., доп. М., 2009.
- 10 Бугаева И. В. Агионимы в православной среде. С. 5.
- 11 Там же.
- 12 *Подольская Н. В., Суперанская А. В. и др.* Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- 13 Бугаева И. В. Агионимы в православной среде. С. 91.
- 14 *Елин Пелин*. Спасова могила: Разкази. София, 1971.
- 15 Материал интернет-сайта «Рождество Богородично» <http://artmontana.hit.bg/>
- 16 *Никифоров-Волгин В. А.* Серебряная метель. Дорожный посох. М., 1992.
- 17 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 2.
- 18 *Шмелев И. С.* Лето Господне. М., 1991.
- 19 Народный календарь. М., 1988.
- 20 *Коняев Н. М.* Преображение: Рассказы. СПб., 2001.
- 21 Материал сайта http://www.pravoslavieto.com/calendar/feasts/08.06_Preobrazhenie_slova.htm.

- 22 Типикон. С. 55.
- 23 *Чарская Л. А.* Капитан Бонд // *Чарская Л. А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 2008.
- 24 Записано в 2009 г. Информанты — студенты Православного Св.-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва).
- 25 Народный календарь.
- 26 Материал сайта News.Plovdiv24.bg (от 06.05.2008).
- 27 Там же.
- 28 О Великих Господских и Богородичных праздниках (репринтное издание 1835 г.). Киев, 1990.
- 29 *Шмелев И. С.* Лето Господне... С. 115.

Terentieva E. Yu.

Linguistic Peculiarities of Nomination of Festivals in the Orthodox Church in Russian and Bulgarian Languages

This paper presents a concise semantic analysis of the nominal structure of eortonyms which helps to identify the basic types of formulaic reduction in religious festival nomination in Russian and Bulgarian Orthodox Churches.

Keywords: *attributive construction, appellation, nomination, religious festival, reduction, eortonym.*

И. В. Полозова
(Саратов)

**Библиотеки Иргизских и Черемшанских
старообрядческих монастырей
(К вопросу изучения рукописного певческого наследия)**

Статья посвящена изучению старообрядческой книжной культуры на примере Иргизских и Черемшанских монастырей второй половины XVIII — начала XX в. на территории Саратовской губернии. В центре внимания анализ источников формирования монастырских коллекций, состав библиотечных фондов, круг имен переписчиков певческих рукописей и др.

Ключевые слова: *старообрядчество, книжная певческая культура, Иргизские и Черемшанские старообрядческие монастыри.*

Со второй половины XVII в. — времени раскола русской церкви — старообрядческая традиция создает свою ветвь монастырей. Выговское общежитие, обители на Ветке, Керженце, в Стародубье, а также многие другие скиты, развивающие традиции монастырского уклада средневековой Руси, в разное время выполняли функцию духовных и культурных очагов старообрядчества. Крупными монастырскими центрами обладала и Саратовская губерния. На ее территории располагались широко известные в старообрядческом мире Иргизские и Черемшанские монастыри, которые являлись базисом в развитии и бытовании саратовского старообрядчества. На протяжении всего периода существования старообрядческих монастырей на р. Иргиз и ключе Черемшан (вторая половина XVIII — первая треть XX в.) старообрядчество Саратовской губернии, а также всего Поволжья и сопредельных территорий окормлялось священниками и монахами этих монастырей, подпитывалось как богатыми духовными традициями, так и распространяемыми отсюда рукописными певчими и четкими книгами, иконами и другими атрибутами, необходимыми для отправления служб.

В Иргизских и Черемшанских монастырях сформировались свои духовные и культурные традиции, которые определялись точным следованием средневековой богослужебной практике. Для сохранения и развития духовных традиций русского Средневековья, естественно, необходимо было сформировать в обителях обширный

книжный фонд, который бы содержал в себе не только собственно богослужебные книги, но и памятники духовной, агиографической, а также отдельные образцы светской художественной литературы. В данной работе мы попытаемся проанализировать источники формирования монастырских коллекций, состав библиотечных фондов, выявить круг переписчиков певческих рукописей, работавших в Иргизских и Черемшанских монастырях, а также книг, имеющих отношение к местной книжной рукописной практике.

Источники формирования монастырских библиотек были весьма разнообразными, а процесс накопления певческих рукописей, естественно, связан с организацией и ростом монастырей. По мнению М. Н. Тихомирова, на Иргизе практика собирания книг началась уже в XVIII в. — в период заселения монастырей первыми насельниками¹. Некоторая часть книг была перевезена на Иргиз старообрядцами из других местностей. Так, Октоих ЗНБ² 2814 был создан в Чернораменских скитах Нижегородской губернии в конце XVIII в. «келейным жителем старцем Василием»; Праздники ЗНБ 2801 привезены с Урала: «Сии Праздники из книг войска уралска казака Козмы Черепанова писано 13 числа Месяца генваря 1803 года» (л. 3–17); Сборник ЗНБ 2806 попал на Иргиз из Гуслиц: «Книга сия белевского уезду Собору Николая Чюдотворца протопопа Андрея а подписал (сын) ево Никола Андреев сын Протопопов» (л. 119 об.). Московское происхождение имеет Сборник ЗНБ 2816. Ирмологий ЗНБ 2805 привезен из Симбирской губернии: «Сия книга глаголемая Ирмолог Симбирскаго купца Епихана Алексеева» (л. 1–98), а певческая Азбука ПКМ³ 2648 — из Костромы, о чем свидетельствуют записи старца Платона. Первые монастырские жители были выходцами с Ветки, поэтому можно предположить, что какая-то часть книг была перенесена из старообрядческих Ветковских слобод. Однако пока не удалось обнаружить каких-либо свидетельств, указывающих на ветковское происхождение части певческих рукописей Иргизского собрания.

В Черемшанские монастыри книги также поступали из других регионов. Например, Сборник ХКМ⁴ 7011 был перевезен из Оренбургской губернии: «Сей Октай пренадлежит Оренбургскому мещанину Илье Иванову Тимину» (обкл. нижн. крышки*), «Афанасий Ильич Тиминъ» (л. 90) и «Ивана Карповича Исайчева» (обкл. нижн.

* Здесь и далее имеются в виду записи, сделанные на бумаге, которой обклеивается переплетная доска (крышка) рукописи.

крышки). Значит, первоначально рукопись принадлежала отцу и сыну оренбургских мещан Тиминых, а после того стала собственностью протоиерея И. К. Исаичева, чья жизнь тесно связана с бытованием Черемшанских монастырей.

С большой долей вероятности можно утверждать, что значительная часть библиотек Черемшанских монастырей была укомплектована богослужебными книгами, перевезенными с Иргиза. Во-первых, основную часть насельников образовавшихся Черемшанских скитов составляли бывшие иргизские монахи. Именно старцы с Иргиза установили здесь правила общежития, заложили традиции богослужения и перевезли с собой ряд книг (о чем свидетельствуют владельческие записи). Во-вторых, ряд рукописей, принадлежащих этим библиотекам, имеет тип оформления, который нами определен как «иргизский». Следовательно, можно предположить, что эти книги либо были принесены с Иргиза, либо на Черемшане продолжались традиции иргизского книгописания, но только в точном копировании почерка, типов украшений и всех компонентов оформления рукописи. На наш взгляд, такая практика если и могла встречаться, то в очень ограниченном проявлении. Пока фактов, указывающих на имена мастеров — создателей книг, переехавших с Иргиза на Черемшан, не обнаружено. В-третьих, певческие рукописи из собрания ХКМ 7018, 7009 и 7029 иргизского оформления датируются концом XVIII — первой половиной XIX в., временем существования Иргизских старообрядческих монастырей, тогда как Черемшанские монастыри начинают создаваться только во второй трети XIX столетия. Кроме того, в некоторых певческих рукописях имеется нумерация рукописей, проставленная в Иргизских монастырях: «Триодь № 413», «394» и др.

Помимо этого, однозначно можно говорить как о привезенных или приобретенных рукописях, датируемых временем, предшествующим существованию Иргизских, а позже — Черемшанских монастырей.

На протяжении истории существования обителей их библиотеки систематически пополнялись вкладками. Как известно, вклады являлись одним из основных источников комплектования библиотек во всех монастырях. Так, Праздники певчие подарены экономическим крестьянином Аникою Никифоровым, Запоторской волости Богородского уезда (из Гуслиц)⁵. Сведения о пожертвованиях рукописей в библиотеки встречаются в монастырских синодиках Иргиза. Некоторые рукописи попадали сюда по завещанию

старцев из числа насельников: Сборник ЗНБ 2868 — вклад инок Исайи (см. владельческую запись на л. 180 об.); Демественник ЗНБ 2838 — вклад «По завещанию Спиридона Трифанавича Забелина подголовщика леваго крилоса. Скончавшегося 1828 года марта 1го дня пополудни в половине 11 го часа приложен сей демественник в Верхнеспасопреображенский монастырь во святых церкви на помяновение души Его» (л. 1). Демественник ПКМ 2398 1816 г. был переписан иноком Исакием Донским Спасо-Преображенского монастыря для вклада: «В посмертное в вечное помяновение души моей о чем во свидетелех и свое ручно и подписал грешный инок Исакий» (л. 76); рукопись «Слова Исаака Сирина о молчании и безмолвии» была вкладом на помин души инок-схимника Сергия Сыртовского Нижне-Воскресенского монастыря⁶; и др.

Кроме вкладов, монастырские книжные собрания расширялись за счет собирательской деятельности монахов. Некоторые насельники были большими любителями рукописной книги и имели значительные личные библиотеки. Владельческие записи в книгах указывают, что Сборник ЗНБ 2728 был собственностью «черного диакона Герасима келейная» (л. 2–147); Демественник ЗНБ 2838 принадлежал подголовщику левого клироса С. Т. Забелину; Азбукой демественного распева владел иеромонах Нижне-Воскресенского монастыря Платон: «сей фитник иеромонаха Платона»⁷; и т. д. На факт наличия рукописей и печатных книг в монашеских кельях указывал Н. Соколов. Он отмечал, что книги, принадлежащие монастырским насельникам, были, как правило, богослужебными и имели скромное оформление⁸.

Пожалуй, наиболее крупным собранием певческих рукописей, находившихся в личной собственности, обладал последний настоятель Спасо-Преображенского Иргизского старообрядческого монастыря инок Силуян. По мнению Д. Дубакина, Силуян «был человеком большой образованности и замечательным библиофилом. Он собрал... довольно почтенную библиотеку весьма редких и ценных печатных книг и рукописей и даже, судя по нумерации этих книг, сделанных его собственною рукою, имел для них каталог. Он знал и латынь, имел у себя орган о шести пиесах»⁹. По владельческим записям в книгах собраний ЗНБ, ПКМ и СОУНБ¹⁰, а также Описям М. Н. Тихомирова мы обнаружили 12 книг, принадлежавших инок Силуяну. Среди них 6 певческих (два Демественника, по одному — Сборник, Обедница, Обиход, Праздники) и столько же непевческих (Миня, Катехизис великий, Лествица Иоанна Синайского, Синтагма

Матфея Властаря, Грамматика, Трефолой). Перечисленные книги датируются серединой XVII — первой половиной XIX в. Все они были пожертвованы иноком Силуяном в 1841 г. Спасо-Преображенскому монастырю, когда тот преобразовали в единоверческий. До этого времени, очевидно, рукописи находились в личной собственности настоятеля. Естественно, что представленный перечень книг из библиотеки инока Силуяна далеко не полон, но и он указывает на собирательскую деятельность настоятеля, широту его кругозора и интересов¹¹.

Большими «грамотниками» и собирателями рукописных памятников являлись и другие настоятели Иргизских старообрядческих монастырей. Владельческие записи отражают принадлежность рукописей настоятелям Корнилию, Амбросию (Средне-Никольский монастырь), Прохору, Антонию (Нижне-Воскресенский монастырь) и др. Собирательская деятельность иргизских монахов отражала типичную картину для старообрядческих монастырей, когда их насельники целенаправленно занимались сбором и покупкой рукописных дореформенных книг у местного населения. Например, такого рода деятельность старообрядцев на Выге отмечает Е. М. Юхименко¹².

В Черемшанских монастырях количество певческих книг в личной собственности насельников было весьма значительно. Судя по сохранившимся рукописям, некоторые монахи имели достаточно большие библиотеки. Вероятно, наиболее обширной коллекцией певческих рукописей обладал инок Серапион, основатель Свято-Успенского мужского монастыря. В фондах ХКМ мы обнаружили две певческие книги, бывшие в собственности Серапиона, о чем свидетельствуют владельческие записи (ХКМ 10673, 703319). Причем Обедница имеет порядковый номер: «№ 21 отца Серапиона» (л. 1), что указывает на наличие у него неплохой библиотеки. Приведем другие факты присутствия певческих рукописей в личных библиотеках черемшанских насельников: Триодь ХКМ 7009 принадлежала основательнице женского скита инокине Платониде: «сия книга инок. Платониде. Р(озановой. — И. П.)» (л. 1–2); Октоих ХКМ 7018 имеет владельческую запись «матушки Агнии» (обкл. верх. крышки); и т. п.

Кроме того, певческие книги часто были личной собственностью старообрядцев, не проживавших в монастырях, но поддерживавших с ними тесные контакты: «Сия книга Принадлжит Ивану Егорову Михееву» (ХКМ 12910, л. III об.); «Сея книга принадлежит Наталии

Андревне Земасковой» (ХКМ 7082, обкл. верхн. крышки); «Сей Октай принадлежит Михаилу Григорьевичу Господину Исайчеву» (ХКМ 6310/11, обкл. задн. крышки).

Часть книжного певческого фонда в Черемшанских обителях составляли печатные издания, так как эти монастыри существовали во время активного развития старообрядческого книгопечатания. Среди сохранившихся певческих книг черемшанских библиотек присутствуют несколько образцов печатных книг: «Обиход церковного знаменного пения». Киев, 1909 г. (ХКМ 6310/15) и «Круг церковного древняго знаменного пения. В шести частях. Иждивением потомственного почетнаго гражданина Арсения Ивановича Морозова». СПб., 1884. Ч. II. «Обиход. Триоди постной и цветной» (ХКМ 7084).

Печатные книги, в том числе и певческие, употреблялись за богослужением на Черемшане наряду с рукописными¹³. Это подтверждают пометки и правки, которые встречаются на полях Обихода ХКМ 6310/15. Здесь карандашом исправлены степенные пометы (л. 62 об.), приписана тихая помета (л. 76), в песнопении «Роди вси» сокращена мелизматика на последнем слоге, аналогичная правка проведена в задостойнике Пасхи, изложенном путевым распевом, и т. п. Подобного рода исправлений в печатных книгах довольно много, следовательно, здесь, как и в рукописных источниках, привнесенные изменения «подгоняли» напев к местной исполнительской практике. Следовательно, печатные книги, так же как и рукописные, отражают певческие традиции Черемшан.

Таким образом, источники пополнения монастырских библиотек были разнообразными. Используя разные способы расширения книжного фонда, настоятели монастырей стремились не столько к приобретению певческих рукописей, сколько к их созданию в местных скрипториях.

Состав библиотек Иргизских и Черемшанских монастырей был весьма разнообразным. Естественно, большую часть книжного фонда составляли книги, предназначенные для проведения богослужений. Кроме этого, в библиотеках присутствовало много сборников, содержащих творения Отцов церкви и поучения, здесь были всевозможные Толкования, выписки из Стоглава, Скитского Патерика, летописные сборники и многое другое. Настоятели монастырей заботливо снабжали свою братию книгами душеполезного содержания. Из внебогослужебных большую часть составляли книги, обосновывающие истинность старообрядчества, а также полемическая лите-

ратура (например, «Ответы Ивана Пешехонова против перекрещенцев», «Поморские ответы», «Собрание инока Никодима о несогласии старопечатных с новопечатными книгами и прочем», «Об обливаниях», «Сочинения против молокан», «Сборник полемических статей против латинян» и др.).

При этом монастырские насельники в своей собирательской деятельности обращали внимание и на книги пореформенной редакции. Так, в библиотеках мужских монастырей Иргиза содержались издания Епифания Славинецкого, «Деяния церковные и гражданские» Ц. Барония, книга И. А. Гофмана «О спокойствии или удовольствии человеческого, по правилам веры и разума, сочиненная» и др. В монастырских библиотеках присутствовали не только современные печатные издания, но и певческие «исправленные» рукописи. Сборники ЗНБ 2806, 2816, СОУНБ 306348, а также Ирмологий ЗНБ 2805 представляют собой новую, пореформенную редакцию литургического текста, которая старообрядцами сознательно отвергалась. Тем не менее присутствие в монастырских библиотеках «никонианской» литературы, естественно, не является признаком «всеядности» или некоторого послабления старообрядческой идеологии насельников, но отражает широту их кругозора и интерес к возможной полемике.

Кроме того, иргизские и черемшанские собиратели, вероятно, интересовались богослужебной литературой и певческими книгами не только своего, но и других старообрядческих согласий. Например, в иргизской коллекции мы встречаем две певческие рукописи, опирающиеся на традицию раздельноречного произношения (ЗНБ 2730 и 2881/II), а в черемшанском собрании присутствует один беспризначный памятник (ХКМ 12910). Как известно, данный тип литургического произношения и нотации используется в общинах беспоповского толка, но совершенно нетипичен для старообрядцев-поповцев.

Стремление старообрядцев к широте знаний о мире и происходящих изменениях в современной жизни показывает практика составления на Иргизе сборников, содержащих выписки из современных периодических изданий. Так, в библиотеке Спасо-Преображенского монастыря хранилось несколько рукописей самого разнообразного содержания. Основная часть этих сборников содержит в себе выписки из «Московских ведомостей» за 1817, 1821, 1822 гг. Причем все они систематизированы по тематике: сведения из церковной, политической, научной и хозяйственной сфер, которые даны в алфавитном и хронологическом порядке.

Как отмечено выше, старообрядческие монастыри способствовали росту своих библиотек во многом за счет создания книг в *монастырских скрипториях*. На их существование указывают многие факты и свидетельства современников. Н. Попов и Н. Соколов пишут о распространенности практики переписывания певческих книг в Иргизских монастырях: «Так называемые „певческие книги“ или ноты писались большей частью в самих монастырях, — это искусство было довольно сильно развито на Иргизе и в круг монастырского обучения входили уроки писания крюков для певческих книг косым пером». Эти сведения подтверждает Д. Дубакин: «...большая часть певческих книг в Иргизских монастырях писаны в самих же монастырях. Искусство писания нот было (здесь. — *И. П.*) довольно развито»¹⁴.

Скриптории в Иргизских монастырях организуются в первые годы основания обителей. Самые ранние свидетельства о переписке рукописей относятся к 1794 г. Новые старообрядческие поселения следовало снабдить всем необходимым кругом богослужебной и догматической литературы. Репертуар переписываемых источников являлся типовым для монастырской традиции. Созданные на Иргизе рукописи были как поучительного содержания, так и певческими. Причем последних, по мнению М. Н. Тихомирова, создавалось здесь значительно больше. «Особенно охотно переписываются певчие книги — Октоих, Обиход, Праздники. Большинство рукописей такого содержания написаны на Иргизе»¹⁵. И действительно, если поучительную и житийную литературу старообрядцы могли в значительном количестве приобретать в старообрядческих типографиях, то с богослужебными певческими книгами ситуация была сложнее.

Переписка певческих рукописей производилась довольно интенсивно на протяжении всей истории бытования старообрядческих, а затем единоверческих Иргизских монастырей. На основании датировки известных нам рукописных памятников с Иргиза можно заключить, что уже в конце XVIII в. переписанных певческих рукописей насчитывается не менее одиннадцати. Во время существования старообрядческих монастырей, в первой половине XIX в., было создано большое количество певческих рукописей, из которых в настоящее время в разные библиотечные собрания вошло 27 памятников. За время бытования единоверческих монастырей на Иргизе практика книгописания не прерывалась, насчитывается 29 певческих рукописей середины XIX — начала XX в.¹⁶

Искусством переписывания рукописей в исследуемых монастырях занимались иеромонахи, иноки и послушники. Они могли быть уставщиками, головщиками или клирошанами. Кроме того, практика переписывания книг распространялась и на других лиц, занимавшихся хозяйственной документацией монастырей.

Немногочисленные записи писцов в созданных ими рукописях позволяют назвать только некоторые имена иргизских насельников, занимавшихся перепиской книг. Так, в Нижне-Воскресенском монастыре одним из первых поколений писцов Иргиза был инок Паисий, который в 1794 г. написал «ответы Ивана Федоровича г-на Пешеханова противу перекрещеванцов, списанных им и выданы в свет, с тех самых ответов исписал инок Паисий в Нижневоскресенском монастыре, настоятелю отцу Прохору — в лето — 1794-го году»¹⁷. В начале XIX в. перепиской книг в монастыре занимался инок Антоний. Его руке принадлежит Обиход: «Писана сия книга Обиход 1817 ноября того(ж) и кончина. Слава единому в Троице Богу, сподобившему начало видеть и конец завершить, а вас господие прошу неклести нас понеже не ангел но плоть имам в нюже меру мерите возмерит и вам. Аминь» (ЗНБ 139, л. 84 об.).

Наибольшее число имен писцов относится к деятельности Спасо-Преображенского монастыря. В начале XIX в. здесь перепиской книг занимались: Исакий Донской, Авраамий Авраамьев и Егор Андреев. Демественник ПКМ 2398 имеет следующую запись в тексте рукой писца: «Слава Богу помогшему совершити сподобшему сию святую книгу; полного обихода демественник писатель: тшания труды: Верхнеспасапреображенскаго монастыря инок Исакий Донской Графской. 1816 года» (л. 44). Вероятно, инок Исакий пришел в монастырь с Дона, откуда на Иргиз прибывало много старообрядцев. Перепиской книг инок Исакий занимался до своей смерти в 1818 г., когда он принял схиму: «схимник Исакий Донской, который писал сию книгу помер 1818 года ноября 6 дня» (обкл. нижн. крышки). Послушником Егором Андреевым переписано «Житие Андрея Юродивого»: «писана сия книга многогрешным послушником Егором Андреевым в лето 7327-мое (1818. — *И. П.*)»¹⁸. Каноник начала XIX в. переписан Авраамием: «сия книга писана в Спасопреображенском монастыре грешным отроком Авраамием Авраамьевым 7330-го (1822. — *И. П.*) года своеручно подписал»¹⁹. Перепиской певческих книг в этом монастыре занимались иеромонах Арсений и инок Филарет (ЗНБ 2837), а также иеромонах Трефилий: «Ета писына книга иеромонахом Трефилием» (ЗНБ 2812, л. 178).

Практика переписки певческих книг, а также поучительной, житийной и полемической литературы сохранилась и после реорганизации монастырей в единоверческие. Так, в середине XIX в. в Спасо-Преображенском монастыре были написаны «Памятная книжка купца Федора Парфеньева», «Избранные поучения о правой вере»²⁰ и рукопись «О правой вере, и церкви православной собрано из разных книг божественнаго писания о священстве, таинствах и о прочем потребнейшем к ведению и ко спасению верным. Писана в разныя времена, окончена 1846-го. Годы Марта 5-го Дня. В Монастыре Спасо-Преображенском Единоверческом, на Иргизе» (ЗНБ 1590).

Традицию по созданию певческих книг на Иргизе перенял один из опытейших писцов второй половины XIX в. Терентий Иванович Пучков. В собрании ЗНБ присутствуют четыре певческие рукописи, в которых рукою переписчика обозначено свое имя. Все эти рукописи были созданы на протяжении 1870–1880-х гг. Пространные записи писца на последних листах рукописей позволяют воссоздать некоторые биографические факты из жизни старообрядца. Так, в Праздниках ЗНБ 2863 запись свидетельствует о том, что Т. И. Пучков в 1874 г. проживал в г. Николаевске (в непосредственной близости от Иргизских монастырей) в доме своего родственника Федора Устиновича. «Начата же бысть писатися сия богодухновенная книга глаголемая Праздники сиречь Господьским праздником и Богородичным. Во граде Николаеве в доме Федора Устиновича М. списаны Терентием И[вановичем] П[учковым] В лето от сотворения мира 7382 е (1874. — *И. П.*) индикта 2 го. В руце лето 1 е. Ключь границ 8. Месяца ноября 4 го дня. На память преподобнаго отца нашего Иоаникия великаго. Совершена же бысть в лето 7383 е. А от Рождества по плоти Бога Слова 1875. Месяца февраля 13 дня. На память преподобнаго отца нашего Мартиниана. В похвалу и славу и честь Богу в Троице славимому, и Пресвятей Богородице, и всем святым, аминь» (л. 173). Очевидно, что там же Т. И. Пучковым была переписана Обедница ЗНБ 2869. «Начата бысть сия святая и богодухновенная книга глаголемая Обедница сиречь Божественная Литоргия в лето от Рождества Христова 1875 года месяца ноября в 4 день. Совершена же бысть того же лета и того же месяца в 17 день в граде Николаевске. Писал Терентий Пуч[ков] с такой же Обедницы. В похвалу и честь и славу в Троице славимому Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым, аминь» (л. 41). В Николаевске Т. И. Пучков проживал как минимум до 1877 г., когда

он переписывает Демественник ЗНБ 2858. «Начата бысть писатися сия святая и богодухновенная книга глаголемая демественник в городе Николаевске писал Терентий Иванович Пучков. В лето от Рождества Христова 1877 года Месеца апреля в 8 день. Совершена же того же лета месеца июля в 30 день. В честь и славу Отцу и Сыну и Святому духу и всем святым аминь». Вероятно, в конце 1870-х — начале 1880-х гг. Т. И. Пучков переезжает из Николаевска в г. Уральск (ныне территория Казахстана), где также большая часть населения придерживалась старообрядчества поповского толка. Здесь он продолжает свою деятельность по переписке певческих рукописей. Так, в собрании ЗНБ его руке принадлежит Обедница 2864. Проживая в Уральске, Т. И. Пучков не порывал контактов с николаевскими старообрядцами и по-прежнему снабжал их певческими рукописями. Об этом свидетельствует владельческая запись: «Сия книга глаголемая обедница соборная. Принадлежит николаевскому мещанину Флору (Фролу. — *И. П.*) Ивановичу Пучкову. Писана в городе Уральске Терен[тием] Пучковым. месеца октября в 20 день. 1887 г.» (л. 2). Очевидно, что Фрол Иванович был родственником Т. И. Пучкова, которому он передавал свои рукописи. Впоследствии эти певческие книги передавались или продавались родственниками старообрядческим общинам Николаевска: «Обедница сия, от Пучкова Фрола Ивановича определяется в молитвенный святой храм Преображения Господа нашего Иисуса Христа в г. Николаевске. Куплена ценою. 1899 год» (л. 2).

Мы не располагаем данными о контактах Т. И. Пучкова со старообрядцами Иргизских монастырей. Очевидно, он не был населником этих обителей, хотя именно здесь мог обучиться искусству создания рукописной книги. Старообрядцы Николаевска были неразрывно связаны с братией и постоянно присутствовали на монастырских богослужениях, а их дети обучались в школах при монастырях. Косвенным подтверждением связи писца с обителями является типично иргизский тип оформления рукописей, созданных рукой Пучкова. В своей рукописной деятельности он явно продолжает традиции иргизского книгописания. Т. И. Пучков занимался перепиской книг профессионально, и, вероятно, эта форма деятельности была основной в его жизни. Работа Пучкова над певческими рукописями протекала весьма интенсивно. Для написания Обедницы ЗНБ 2869 объемом в 41 лист писцу нужно было затратить две недели, работа над созданием Демественника ЗНБ 2858 в 162 листа Пучковым продолжалась в течение почти четырех месяцев, столько же времени

ушло на переписку Праздников ЗНБ 2863 в 174 листа. Таким образом, при условии ежедневной работы, переписчик должен был оформлять по два-три листа в день. Обращает на себя внимание тот факт, что Т. И. Пучков переписывал только Обедницы, Демественники и Праздники, т. е. певческие книги, предназначенные для торжественных праздничных богослужений, содержащие в основном песнопения мелизматического типа.

Традиции книгописания, существующие в Иргизских монастырях, были широко распространены не только в близлежащих к монастырям городах и селениях, но и в весьма отдаленных от них местах. Подтверждением этого может служить рукописный Сборник из коллекции СОУНБ 306118. В нем рукою писца приведена запись: «Сия книга писана — 1823го — года в городе Хвалынске мастером Семен Михайлов села Ельшанки экономической крестьянин подписал свое ручно» (л. 1) и «переплетал сию книгу в городе Хвалынске мастир Симон Михайлов при старообрядческой часовне леваго крилоса головщик 1824го — года марта — 23-го — Хвалынск» (л. 107 об.). Несмотря на то что выполнение рукописи не относится к монастырским скрипториям, Сборник имеет типично иргизское оформление. Киноварные инициалы, начертание букв и знаков, характер почерка, не очень высокий размер букв и т. д. — все это весьма соответствует традициям книгописания на Иргизе в начале XIX в. Рука переписчика хорошо поставлена, знаки ровные и аккуратные. Автор этой рукописи, хвалынский головщик Семен Михайлов, был не только искусным певчим, но и мастером по переписке и переплету певческих книг. Так же, как и Т. И. Пучков, Семен Михайлов переписывал и переплетал книги для продажи, о чем свидетельствует запись: «купил сию книгу села Липовки экономической крестьянин Федор Яков у крестьянина Симана Михайлова села Ельшанки жителя» (л. 7–20). Вероятно, обучение искусству пения и созданию певческих книг С. Михайлова также связано с деятельностью школ в Иргизских монастырях. Известно, что на территории Хвалынска и его уезда проживало большое число старообрядцев, придерживавшихся беглоповского согласия, и связи с Иргизскими монастырями здесь были хорошо поставлены. Кроме того, появление певческой рукописи, созданной С. Михайловым, совпадает со временем расцвета Иргизских старообрядческих монастырей и их максимальным влиянием на жителей Поволжья. Следовательно, старообрядческое население Саратовской губернии во многом перенимало традиции, в том числе и книгописные, от Иргизских монастырей.

Эту гипотезу подтверждает и анализ собрания певческих рукописей СОУНБ. Все певческие памятники указанного собрания можно отнести к двум типам оформления: поповскому и беспоповскому. Большая часть рукописей первого типа имеет отношение к оформительским традициям иргизского книгописания, в них внешние палеографические признаки идентичны. Если предположить, что эти рукописи создавались не в скрипториях Иргиза, а в соседних районах, то следует отметить принцип наследования именно иргизского типа оформления певческих рукописей. Кроме того, ряд книг иргизского типа присутствует в собрании певческих рукописей Черемшанских монастырей, а также в различных селах губернии. Так, Сборник СОУНБ 306043 начала XIX в. имеет владельческую запись: «Сия книга Октай села Мазы крестьянина Петра Терень[тьевича] Будылина» (обкл. верхн. крышки). Сел, имеющих в своем названии слово Маза, в Саратовской губернии несколько: Сосновая Маза, Акатная Маза, Труевая Маза. Все они расположены в Хвалынском уезде, куда представлялись певческие рукописи с Иргиза.

На наш взгляд, на Иргизе в конце XVIII — первой половине XIX в. происходит процесс формирования своей рукописной школы, которая не только снабжала монастыри и окрестные села певческими книгами, но и обучала мастерству создания книг насельников и учеников. Последние, выйдя из монастырей, продолжали переписывать книги, сохраняя иргизские традиции книгописания. Поэтому в Обиходе ЗНБ 139 мы находим «Правила держания пера». В них указано, как следует держать перо, положение каждого пальца руки во время письма, положение тела: «туловище должно подать немного вперед и не несколнить ни на которую сторону припереть на оном месте руку или от стола на ладонь... Глаза должны быть беспрестанно обращены на кончик пера ноги должны быть прямо протянуты. Левую рукою надо придерживать бумагу которая пред лицом...» Кроме рекомендаций по искусству книгописания, мастер параллельно воспитывает своего ученика: переписчик говорит о греховности длительного сна, «ибо долговременный сон страстям пищею служит», а также учит «приготовлению себя к письму».

В Черемшанских монастырях насельники также активно занимались переписыванием книг, в том числе и певческих. Саратовский епархиальный миссионер К. А. Попов передал в Братство Святого Креста архив саратовского старообрядческого архиерея Амвросия, куда вошла коллекция рукописных и печатных книг, большинство из них, как явствует из описания Попова, создано или переписано

на Черемшане²¹. Сведений об именах переписчиков певческих книг нам обнаружить не удалось, известны только редкие имена переписчиков и создателей полемических сочинений: К. А. Перетрухин (ум. в 1907 г.) был уважаемым начетчиком и писцом в архиерейской канцелярии Черемшан, владел мастерством переплета книг²²; иноксхимник Паисий (Мироношин, ум. в 1911 г.) обладал четким и красивым почерком.

На существование скрипториев в Черемшанских монастырях косвенно указывает факт наличия при мужском и женском монастырях школ. Известно, что здесь обучали не только чтению и пению, но также давали прочные навыки в церковнославянском письме. Следовательно, в монастырях должны были находиться опытные наставники, владеющие мастерством переписывания книги. Кроме того, следует учитывать большую потребность в певческих и богослужебных книгах в окрестных старообрядческих приходах и школах. Можно с большой долей вероятности предположить, что черемшанские монахи получали довольно много заказов на создание рукописей, учитывая авторитет монастырей не только по Саратовской губернии, но и всему белокриницкому старообрядчеству.

Помимо переписывания книг, в монастырях существовали мастерские по их переплету. Как правило, переплетом рукописей занимались те же писцы, о чем свидетельствуют записи в книгах. «1821го года февраля 18го дня приплетаит Среднего монастыря головщик инок Антоний. В знак о Христе любви соборному иноку Феодориту»²³, или: «сия богодухновенная книжица называемая причастная часы правилная: переплетена в 1835м году переплетчиком мною многогрешным и недостойным... Евдокимом»²⁴. Второй раз эта рукопись была переплетена уже в единоверческом монастыре в 1896 г.²⁵ В Иргизских единоверческих монастырях переплетные мастерские, так же как и скриптории, были не только не упразднены, но, наоборот, получили еще более интенсивное развитие. Так, в школе при Спасо-Преображенском единоверческом монастыре детей, помимо традиционных дисциплин, обучали мастерству переплета, золочения церковных книг и канцелярскому делу²⁶.

Часто в переплетных мастерских реставрировали рукописи, находящиеся в плохом состоянии. Следы реставрации присутствуют в ЗНБ 2794 и 2842, где вклеены утраченные листы и в них вписаны более убористым почерком пропущенные тексты; Ирмологий ЗНБ 2843 реставрирован в 1852 г., о чем свидетельствует запись (л. 1); и др. В иргизских певческих рукописях неоднократно встречаются

записи: «Ветхая № ...». Очевидно, что эти рукописи были реставрированы в монастырских мастерских, так как их нынешнее состояние удовлетворительное.

Весьма важным моментом в реставрации певческих рукописей является стремление старообрядцев не только привести рукопись в хорошее состояние, но и восполнить утраченные места либо дополнить певческий памятник необходимыми текстами песнопений. Следует отметить, что наиболее часто при реставрации подобного рода дополнения входили в рукописные Сборники. Так, Сборник ЗНБ 2816 был реставрирован, переплетен и оформлен на Иргизе как подборка многоголосных песнопений; последний раздел (песнопения Обихода) Сборника ЗНБ 2728, датированного 1665 г., также сочетает несколько почерков разного времени с типовым иргизским оформлением; в Обиходе ЗНБ 2848 (сборник-конволют) в результате реставрации в рукопись собраны тетради разного времени и почерков старообрядческого и единоверческого периодов. Таким образом, к реставрационной деятельности иргизские насельники подходили осознанно, творчески, улучшая не только внешний вид памятника, но и обогащая его внутреннее содержание.

Библиотечные собрания старообрядческих монастырей Саратовской губернии представляют собой большую научную ценность как с точки зрения оформительских приемов, характеризующих позднюю старообрядческую традицию (конец XVIII — начало XX в.), так и с точки зрения содержания певческих рукописных памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Тихомиров М. Н. Описание рукописей Иргизских монастырей. Рукопись. 1922. С. 4.
- 2 ЗНБ — Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.
- 3 ПКМ — Пугачевский краеведческий музей.
- 4 ХКМ — Хвалынский краеведческий музей.
- 5 Тихомиров М. Н. Описание рукописей... С. 5. Гуслицы — территория восточного Подмосковья (г. Орехово-Зуево, Егорьевск, Куровская) вдоль р. Гуслицы.
- 6 Тихомиров М. Н. Описание рукописей... С. 6.
- 7 Там же. С. 1.

- 8 Соколов Н. С. Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. Т. 1. Поповщина до 50-х гг. настоящего столетия. С. 268.
- 9 Дубакин Д. Иргизские раскольничьи монастыри // Самарские епархиальные ведомости. 1882. № 13. С. 293.
- 10 СОУНБ — Отдел редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки.
- 11 О том, что инок Силуян был образованным человеком, свидетельствует и форма записи в книгах, где на латыни владетель проставил свой автограф: «ex liber N inoga Siluana».
- 12 Юхименко Е. М. О книжной основе культуры Выга // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. С. 158.
- 13 Следует заметить, что в Иргизских старообрядческих монастырях использовались только рукописные певческие книги. Так, М. Н. Тихомиров в Описи рукописей и старопечатных книг Нижне-Воскресенского монастыря указывает на 233 печатные книги, при этом все они непевческие.
- 14 Соколов Н. С. Раскол... С. 249; Дубакин Д. Иргизские раскольничьи монастыри // Самарские епархиальные ведомости. 1882. № 12. С. 275.
- 15 Тихомиров М. Н. Описание рукописей... С. 5.
- 16 Следует учитывать, что данные цифры отражают только общую тенденцию сохранения практики интенсивного книгописания на протяжении всего периода бытования Иргизских монастырей. Точное число созданных здесь певческих рукописей на настоящий момент выявить невозможно, так как большая часть рукописей распространялась по всей стране, а также со временем была утрачена.
- 17 Тихомиров М. Н. Описание рукописей... № 17.
- 18 Там же. № 58.
- 19 Там же. № 67.
- 20 Там же. № 62.
- 21 ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. 605. Оп. 2. Д. 67. Л. 45, 49.
- 22 Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 217.
- 23 Тихомиров М. Н. Описание рукописей... № 126.
- 24 Там же. № 39.
- 25 Там же.
- 26 Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.). Справочник. Самара, 2002. С. 104.

Polozova I. V.

Libraries of the Irgiz and Cheremshan Old Believers' Cloisters
(About Studies of Manuscript Singing Heritage)

The article touches upon the Old Believers' book culture on the examples of the Irgiz and Cheremshany cloisters situated on the territory of Saratov Region in the second half of the 18th cent. — the beginning of the 20th cent. The key point of the research is the analysis of sources of forming monastery collections, library stocks; the author reveals names of copyists of singing manuscripts.

Keywords: *Old Believers, singing book culture, the Irgiz and Cheremshan Old Believers' cloisters.*

*A. G. Хачаянц
(Саратов)*

**Древнерусская певческая традиция
в рукописном наследии старообрядцев:
канон и интерпретация**

В статье рассматриваются старообрядческие певческие рукописи с точки зрения сохранения и интерпретации канонических принципов древнерусского пения и его письменной фиксации.

Ключевые слова: *старообрядческие певческие рукописи, древнерусское церковное пение и нотация.*

Прежде всего, старообрядческая певческая культура продолжает древнерусскую (а точнее — средневековую) не вообще, не в целом, а в том виде, в котором она состояла на период раскола.

А это время, как и время предшествовавшее, — т. е. XVI — середина XVII в. — время расцвета русского церковно-певческого искусства. Этот период изобилует разнообразием форм пения и его письменной фиксации. Наряду с многовековым столповым распевом распространяются специфические по мелодическому и ритмическому наполнению распевы демественный и путевой. Начинает проявляться индивидуальное начало в интерпретации канона: появляются многообразные местные и даже авторские варианты и редакции знаменного распева¹. Переписчики певческих книг на один текст песнопения «предлагают на выбор» несколько мелодических версий. Это явление, получившее название «многоороспевности» и широко отраженное в певческих рукописных памятниках XVI–XVII вв., само по себе вступало в некоторое противоречие со средневековой установкой на незыблемость канона распева и его неперменной передачи от учителя к ученику, от одного поколения певчих — к другому.

Еще один значительный факт — тот, что в XVI–XVII вв. в практике богослужения распространяется многоголосное пение. С одной стороны, это многоголосие линейного типа на основе сочетания по вертикали монодийных (одноголосных) распевов — знаменное и демественное, с другой — первые опыты партесных гармонизаций и партесных композиций «западного» образца, внедрявшихся в практику Московской Руси с польско-украинских территорий.

Наряду с «гармоническим» партесным пением распространялась и новая нотация — квадратная, или «киевское знамя» на пяти линейках. В отличие от безлинейных крюков она была менее информативна, детерминирована, но, видимо, более приспособлена для поздних одноголосных напевов (например, киевского) и партесного многоголосия. Кроме того, киевское знамя обеспечивало унификацию нотной записи с европейской нотолинейной системой.

Нововведения сопутствуют и собственно крюковой нотации. Во второй трети XVII в. распространяются буквенные звуковысотные пометы, проставляемые около крюковых знаков и существенно облегчающие их прочтение². В конце 60-х гг. XVII в. разрабатывается и внедряется в письменную среду система признаков, характеризующих звуковысотный параметр невм. По распространенной версии «тушевые», т. е. чернильные, признаки должны были заменить киноарные буквенные звуковысотные пометы в целях типографского одноцветного печатания крюковых книг.

Наконец, существенные перемены происходят в тексте поющих песнопений. В середине XVII в., непосредственно накануне нововведений, повлекших церковный раскол, в результате деятельности Комиссии по исправлению церковных книг, тексты были переведены на новоистинноречную редакцию. С XV в. существовал способ распевания текстов с огласовкой бывших редуцированных «ъ» и «ь» в «о» и «е». Теперь же тексты в нотированных книгах приводились в соответствии с ненотированными³.

После всего ранее сказанного возникает вопрос — что же все-таки сохраняют после раскола старообрядцы и что они считают исконным, традиционным, если дореформенное время характеризуется такой пестротой явлений и нововведениями?

Из элементов древнерусской культуры можно назвать сохраненным, *во-первых*, собственно способ производства певческой книги — переписывание. Даже с появлением возможности печати крюковых книг, их переписывание как феномен сохраняется до второй половины XX столетия.

Во-вторых, соблюден принципиально монодийный (одноголосный) тип пения. Хотя к периоду реформ патриарха Никона, как было сказано, существовали формы безлинейного (строчного) многоголосия и ранние формы партесного искусства, старообрядчество всех субконфессиональных ответвлений придерживается унисонного пения, выражающего соборное единение молящихся «едиными усты, единым сердцем».

В-третьих, в старообрядческую книжно-певческую среду переносится специфическая для записи одноголосного распева безлинейная (или крюковая) нотация.

Это стабильные элементы средневековой русской церковной культуры, поддержанные в старообрядческий период.

Однако и здесь нельзя говорить о безоговорочном следовании нормам. Все позиции имеют исключения. Так, если письменные источники, известные нам, дают картину строго одноголосного изложения, то устные формы гораздо разнообразнее. Во-первых, при пении монодии возникают элементы гетерофонии (непроизвольное вариативное расхождение голосов), во-вторых, известны примеры намеренного использования старообрядцами многоголосия (информант — певчая старообрядческой общины г. Балаково Саратовской области).

Есть исключения и в применении нотной графики. В Отделе редких книг Научной библиотеки Саратовского государственного университета (ОРК) есть сборник учебного характера, происходящий из Иргизских монастырей (нынешняя территория Пугачевского района Саратовской области), с двознаменной крюково-нотолинейной фиксацией распевов отдельных знамен (раздел — азбука-толкование). То есть по крайней мере в процессе обучения старообрядцы не обходили стороной и нотолинейную грамоту. О подобных примерах освоения нот старообрядцами-поморцами писала Ф. В. Панченко⁴. В ОРК также имеются две певческих рукописи, содержащие Октоих и Обиходные песнопения, которые датируются 2-й половиной — концом XVIII в., изложены пятилинейной нотацией, но должны быть признаны старообрядческими, так как в тексте содержат написание «Исус» и сугубое «Аллилуйя». Хотя эти рукописи представляют собой исключение, единичные образцы, они заслуживают отдельных изысканий.

Что касается собственно крюковой нотации, то в ее применении начинаются расхождения уже внутри старообрядческого движения. Так, в целом в среде поповцев (сначала беглопоповском, а затем белокриницком согласии) распространена крюковая нотация с признаками. Для старообрядцев-поморцев же характерна более древняя беспризначная форма. Однако все старообрядцы пользуются киноарными звуковысотными пометами, что говорит о том, что их появление в 1-й половине XVII в. было обусловлено объективными причинами и воспроизведение напева без них становилось невозможным.

В поморском согласии сохраняется также средневековая редакция богослужебного текста — раздельноречие. Таким образом, поморское согласие — одно из радикальных направлений старообрядчества, признавшее прерывание института священства и церковных таинств, поддержало более древние формы песнопений и их письменной фиксации — раздельноречие и беспризнанные крюки. Эти особенности являются атрибутирующими для рукописей поморского толка старообрядцев⁵.

Из примет Нового времени в старообрядческое богослужебное пение перешел феномен многораспевности. Отличительной особенностью использования нескольких напевов на один текст, как показывают старообрядческие книги, является их ограничение и местная локализация. Те или иные названия напевов становятся характерными для определенных регионов — например, уральских, поволжских, московских общин. Вместе с тем репертуар распевов регламентируется и стабилизируется для определенных песнопений. Так, на примере старообрядческих рукописей из ОРК, в большинстве представляющих иргизскую традицию, «Достойно есть» чаще всего встречается с напевами путевым и «тихвинским», Херувимская — с «болгарским» и вариантами демества, Трисвятое Великой субботы — «опекаловского» распева.

Сравнительный анализ вариантов песнопений стихирарной группы также дает свои результаты. Текстологическое сравнение распевов Праздников и Стихирарей XVII в. со старообрядческими показало, что в старообрядческих кодексах закрепились за стихирами те варианты, которые в рукописях XVII в. излагались вторыми — «ин распевы», фактически большей протяженности, чем основной знаменный столповой.

Безусловно, большое значение имеет кодикологический аспект в соотношении дореформенных и старообрядческих рукописей.

Певческие кодексы XVI–XVII вв., как отмечает большинство специалистов, изучавших разные собрания (З. М. Гусейнова, Н. Б. Захарьина), представляют собой, как правило, Сборники небольшого формата из нескольких типов певческих книг — т. е. Октоиха, Триоди, Ирмология и других под одним переплетом. Старообрядческие же рукописи обычно представляют собой фолианты, формат в 4⁰ становится минимальным, и в одном переплете заключен один тип книги. Соответственно и письмо значительно укрупняется и становится каллиграфичным.

Эта разница кодикологических и палеографических признаков свидетельствует и о сущностной разнице в применении книги. По

рукописям XVI–XVII вв. формата в 8⁰ и 16⁰, с большим количеством листов явно неудобно было петь совместно на клиросе во время богослужения. Книга плохо разворачивается, и размер письма нечитаем со стороны. Для богослужений они не слишком удобны и тем, что заключали большое число типов в одном сборнике под одним переплетом. Следовательно, такие певческие экземпляры предназначались для личного пользования, для выучивания, запоминания и т. д. Возможно, ею мог пользоваться domestik на службе, но вряд ли коллектив поющих. Особенности старообрядческих певческих кодексов свидетельствуют в пользу того, что данные книги предназначены для общего употребления на клиросе за богослужением: большого формата, имеют крупное письмо, хорошо видимое на расстоянии несколькими читающими.

Еще одна особенность — это большее число иллюминированных книг старообрядческого периода по сравнению с XVI–XVII вв. Неслучайно целое направление, стиль украшений — гуслицкий — выработался и применялся именно в певческих кодексах. Украшение рукописи становится настолько неотъемлемым пунктом, что книги порой «доукрашались» — например, современными переводными картинками с цветами и бабочками в рукописи конца XIX — начала XX в. или покрытыми лаком заставками и инициалами, выполненными акварелью или гуашью⁶.

Часто включаются миниатюры и лицевые изображения: Иоанн Дамаскин как «творец» Октоиха, святые Василий Великий и Иоанн Златоуст — легендарные составители Литургии, а также «сюжетные» иллюстрации. Певческой рукописи придаются новые качества. Она явно имеет статус атрибута, участвующего в церковных таинствах. М. В. Бражников писал: «Старообрядческие рукописи имеют свой характерный облик — они сохраняют древнюю традицию, но при этом по-новому, подчеркнута эстетичны, что выражается и в красочном оформлении рукописей, и в характере начертания знамен»⁷.

Многие элементы средневекового певческого искусства и его графического воплощения «переносятся» в старообрядческую книжность без необходимости их употребления. Это существенное свойство «ментальности» староверов проявляется в охранении всего, что однажды перенято: к примеру, упомянутые ранее признаки при крюках, фактически дублирующие имеющиеся звуковысотные буквенные пометы, или стабильное употребление терминов «захват» и «почин» в демественном распеве, которые имеют певческое значе-

ние только в многоголосии⁸, тогда как старообрядческая практика показывает строгое унисонное пение. Еще одно явление в ряду подобных — переписывание фрагмента «Летописца часть 3-я известие когда в Россию прииде с(вя)тое пение демественное» со следующим текстом: «Яко во времена княжения благочестиваго князя Ярослава Владимировича приидоша из Царяграда Богом подвизаеми трие мужие во град Киев и принесоша с собою певчия книги демественнаго пения паче же и с(вя)тое троестрочное гласование и оттоле начася в России с(вя)тое пение». Несмотря на то что в данном фрагменте чуждое культуре старообрядчества троестрочное гласование (т. е. трехголосное пение) названо святым, текст тщательно переписывается, видимо трактуемый как часть певческого канона, как его священная история.

Участие книги как таковой, книги как атрибута в богослужении подтверждается наблюдениями за тем, как в современной старообрядческой практике крюковые рукописи выставляются перед клирошанами, которые поют фактически наизусть. (В Успенском белокрыницком храме г. Саратова, в храме Петра и Павла беглопоповской общины г. Вольска.)

К особенностям певческих рукописей старообрядческого периода относится раскрытие «тайнозамкненных» начертаний, т. е. таких комбинаций знаков, которые скрывают за собой длительный мелизматический распев слога, слова. Крюковая нотация в целом с XV в. эволюционировала в сторону раскрытия формул дробным знаменем. Уже в XVII в. часты разводы формул в тексте наряду с начертанием самой формулы, следующий шаг — это вынесение «тайнозамкненной» формулы на поля напротив «развода», выписанного в самом песнопении. В старообрядческих рукописях распространяется написание на полях напротив мелизматического участка в тексте названия формулы уже даже без начертания. Подобный способ фиксации длительных распевов в старообрядческих рукописях — это также дань традиции, обозначение формул в данном случае также носит «этикетный» характер, так как собственно пение происходит, конечно, по основному тексту. Наконец, в XIX–XX вв. нередко певческие кодексы, выписанные сплошь дробным знаменем, что демонстрирует утрату искусства мелизматического пения по особым формулам, утрату «сакрального» певческого мастерства.

Безусловно, старообрядческая ветвь православия — «реликтовая ниша» (М. В. Богомолова) в современной культуре. Безусловно также то, что устная традиция и способы ее передачи (например,

современное богослужбное пение старообрядцев) — это один из источников познания отечественной церковно-певческой аутентичности. Бесспорно то, что и письменная традиция во многом наследует средневековой русской культуре и в основных параметрах хранит исконные национальные черты, не поддавшись общеевропейским веяниям, в конце концов утвердившись в богослужбном пении. Однако старообрядческая певческая книжность показывает такую же пестроту явлений, которая была присуща певческому искусству накануне реформ, и это разнообразие было поддержано размежеванием внутри старообрядчества.

Певческая культура старообрядцев относится к разряду традиционных, канонических культур, а канон, в силу отсутствия авторского приоритета, и предполагает вариативность и разнообразие воплощений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Процесс этот, возможно, был «подстегнут» канонизацией большого корпуса русских святых в XVI в., что потребовало составления новых служб и «распевания» новых песнопений.
- 2 Собственно только пометная нотация на сегодняшний день может быть с большой долей вероятности дешифрована. Беспометное знамя чаще всего расшифровывается на основе пометного ретроспективным методом.
- 3 Например, в древнерусской истинноречной редакции — «Христось Съпасъ нашъ», в раздельноречной — «Христосо Сопасо наше», в новоистинноречной — «Христос Спас наш».
- 4 *Панченко Ф. В.* Некоторые вопросы атрибуции певческих рукописей поморской традиции // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. С. 397–403.
- 5 См. работы Ф. В. Панченко.
- 6 См. рукописи РНБ. Ф. НСРК. № 458, 459.
- 7 *Бражников М.* Русская певческая палеография. СПб., 2002. С. 109.
- 8 «Почин демеством» или «почин верхом», к примеру, расшифровывается большинством специалистов как начало нового раздела (новой тексто-музыкальной строки) соответствующим верхним голосом — «демеством» или «верхом» на фоне паузирования остальных двух или трех голосов.

Khachayants A. G.

Old Russian Singing Tradition in the Manuscript Heritage of Old Believers: Canon and Interpretation

In the article the author analyses Old Believers' singing manuscripts from the point of view of preserving the Old Russian church music, written notation and its interpretation.

Keywords: *Old Believers' singing manuscripts, Old Russian church singing and notation.*

В. И. Косик
(Москва)

Русские зодчие в Югославии

Статья посвящена русским архитекторам, по проектам которых построено множество зданий в городах и селах Югославии в 1920–1950-х гг. Содержатся краткие сведения о зодчих. Подчеркнута роль русских архитекторов в югославском градостроительстве.

Ключевые слова: *архитектор, храм, памятник, Белград, Македония, Хорватия, Краснов, Лукомский, Самойлов, Панков, Ковалевский, Баумгартен, русский амтир.*

Приехавший в 1911 г. в Белград русский дипломат Василий Штрандман не преминул подчеркнуть в своих воспоминаниях, что на панораме низкоэтажного Белграда выделялись только колокольня Соборной церкви — символ веры, королевский двор с тремя куполами — символ королевской власти, и отель «Москва» — символ веры в Россию!¹ (Правда, в годы Второй мировой войны гостиница стала называться «Сербия».) И сейчас это красивейшее создание русского зодчества продолжает оставаться одной из архитектурных достопримечательностей Белграда.

К 1930 г. в Югославии было около 35 гражданских инженеров и архитекторов. Из них $\frac{3}{4}$ находились на постоянной службе по своей специальности в министерствах общественных работ, военном и в городских общественных управлениях, остальные занимались частной практикой, проектированием, надзором за работами и рядами.

Русскими зодчими спроектировано и построено не менее 200–250 частных домов только в Белграде. Большинство крупных как государственных, так и общественных сооружений нередко связано с русским именем.

Ни один город русского рассеяния, кроме Харбина, не может сравниться по количеству и разнообразию зданий, выстроенных русскими архитекторами, с Белградом, в красоту которого так много вложили своего таланта русские зодчие! Русские архитекторы были среди авторов интерьеров Народной скупщины в столице, Королевского двора на Дединье.

Блестящим мастером русского ампира, стиля власти, стал архитектор Николай Краснов. Немного о нем и его вкладе в архитектуру приютившей его страны. Он родился в крестьянской семье. В 1885 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Работал городским архитектором Ялты: занимался строительством и реставрацией дворцовых сооружений. В России он сделал себе имя на создании летнего дворца Николая II в Ливадии. В 1911 г. ему было пожаловано звание «архитектора Высочайшего Двора». Через два года он был удостоен звания академика.

В Королевство Краснов попал с Мальты — работы там особо не было, и он просил Союз русских инженеров содействовать переезду его в Королевство СХС. Союз принял соответствующие меры², и с апреля 1922 г. Краснов обосновался в Белграде, где довольно легко нашел работу по своей специальности в Министерстве строительства, возглавляя группу монументального строительства.

Известно, что ему принадлежит реконструкция церкви Ружице в центре Белграда — в крепости Калемегдан. Он работал над интерьерами Королевского белого дворца на Дединье, в здании Народной скупщины. Он же является автором проекта монументального, с «обязательными» колоннами здания государственного архива Сербии (ул. Карнеги, 2), украшенного у входа двумя мощными фигурами львов, «стерегущих» Сербию.

Из других белградских построек укажу на здание, расположенное на Топличином венце на улице Вука Караджича, 18. Оно было построено в 1927–1929 гг. по проекту сербского архитектора Стевана Белича. Однако авторство фасада принадлежит Николаю Краснову. С 1950 г. там находится Музей прикладного искусства Сербии. Само здание, по мнению сербов, выстроено в некоем академическом стиле. Однако украшение фасада тремя неравномерно расположенными по горизонтали балконами уже несколько противоречит этому утверждению. Во всяком случае, этот дом, построенный в центре сербской столицы, является одним из красивейших зданий.

В плеяду звезд в архитектуре входил и Роман Николаевич Верховской. Из зданий, построенных по его проектам, назову несколько. Это, в частности, великолепная постройка в самом центре Белграда на Кнез-Михайловой улице, 34, что рядом с чесмой, где утоляют жажду прохладной водой жители и гости Белграда, фланлирующие по одной из красивейших улиц столицы, застроенной в европейском стиле.

Есть у Верховского и два величественных мемориала, расположенных на Новом кладбище. (Всего Р. Н. Верховским в Югославии построено семь национальных памятников и усыпальниц, посвященных погибшим в Первую мировую войну.)

Первый — «Защитникам Белграда» — сооружен в 1931 г. Памятник воздвигнут над братской могилой нескольких тысяч воинов, погибших в 1914–1915 гг. и представляет собой югославянского воина (автор скульптуры В. Загороднюк), гордо держащего знамя и уверенно опирающегося на винтовку. У ног воина повержен смертельно раненный орел, представлявший немецкого врага. «Вся композиция памятника ярко выражает идею победы Добра над Злом»³. Высота монумента почти 20 м, фигура воина более 4 м, фигура орла 14 м. Эти две фигуры отлиты из темной меди, остальная композиция — камень. «Под памятником находится усыпальница, где собраны в отдельных ящиках, вделанных в стены, останки героев. На каждом ящике: номер, чин, фамилия и дата дня смерти. Среди сербских фамилий можно встретить также и фамилии русских офицеров»⁴. За этот памятник, самый большой на Балканах, Верховской был награжден орденом Св. Савы III степени⁵.

Второй — памятник Русской славы, воздвигнутый вблизи Иверской часовни (совместно с В. В. Шашевским). Его открытие состоялось 12 января 1935 г. в 11 часов утра. Монумент выполнен в форме снаряда с фигурой архангела Михаила на вершине. На памятнике высечены российский герб и несколько надписей. Одна из них гласит: «Вечная память императору Николаю II и 2 000 000 русских воинов Великой войны». Другая: «Храбро павшим братьям русским на Солунском фронте. 1914–1918».

Мастером архитектуры был и Валерий Владимирович Шашевский. В Историческом архиве Белграда находится свыше тысячи его проектов. Только с начала 1930-х гг. до 1944 г. Шашевский спроектировал 135 домов для белградцев. Его работы можно разделить условно на три группы. В первую входят богато украшенные элементы декора (пилястры, часто сдвоенные, треугольные фронтоны, украшенные навесы, балконы и пластичные украшения в форме круга, полумесяца, ромба, нередко вписанного в квадрат). В некоторых домах заметны элементы сецессии: веночки, вазы, цветочные мотивы, маски. Ко второй группе можно отнести скромные постройки без каких-либо украшений орнаментального характера. Третью группу составляют проекты по изменению уже существующих построек. В один из приездов в Белград я немало времени бегал по его

улицам, желая сам посмотреть на творения Сташевского. Немного скажу только о некоторых. Гундуличев венац, 1 — угловой двухэтажный дом уютной полукруглой формы с небольшими балкончиками, скупо декорирован геометрическими фигурами, отлично вписан в застройку. Улица Королевы Наталии, 52 — с узеньким фасадом четырехэтажная (сербы сказали бы в три этажа, так как первый у них это — «приземлье», а не этаж) постройка, украшенная двумя изящными полукруглыми балкончиками в центре второго и третьего этажей. На той же улице под номером 6 находится такая же узкая, стиснутая соседними домами, четырехэтажная постройка, обильно украшенная «классикой».

В построенной на пожертвования русских и сербов в 1924 г. по его проекту церкви Св. Троицы находится гробница генерала Врангеля.

Еще одно имя — Василий (Вильгельм) Федорович Баумгартен, по проекту которого в Белграде построен в стиле русского ампира Русский дом имени Императора Николая II — культурный и научный центр. Знарок творчества русских архитекторов Милан Просен подчеркивает, что здание Русского дома выделяется не только из зодчества Баумгартена, но и из всего построенного русскими в Королевстве Югославии по чистоте русского ампира, представляя его последний образец вдалеке от России⁶. Судьба уберегла его во время бомбардировок Белграда в 1940-е и 1990-е гг. После освобождения Белграда в 1944 г. он носил название Дома советской культуры. Сейчас он снова Русский дом.

Но еще до строительства Русского дома Баумгартен получил известность как автор проекта здания Генерального штаба (ул. Князя Милоша, 33), строившегося в 1924–1928 гг. Приведу два отзыва о его творении. Тогдашний критик Милутин Борисавлевич, весьма острый в оценках, назвал его «гордостью Белграда»⁷.

Строил Баумгартен не только в Белграде. Так, в Скопье, на площади Короля Петра I по его чертежам был воздвигнут по академическим канонам XIX в. величественный Офицерский дом (1925–1929 гг.) при открытии которого присутствовал король Александр, что свидетельствовало о важности построенного здания для военной элиты. Этот дом — доминанта центра города — считался самым монументальным и самым «элегантным» для такого типа построек на Балканах. Как пишет А. Кадиевич, это здание было своеобразным архитектурным символом Запада в Скопье⁸. По мнению другого известного исследователя работ русских зодчих, македонского ученого

Георгия Константиновского, оно выделялось «эkleктичным русским декоративизмом»⁹. Добавлю, что в 1963 г. дом пострадал от землетрясения и не был восстановлен.

В 1932 г. в одиннадцатом номере журнала «Бух!!!» можно было прочесть строки об одной из знаменитостей Белграда:

Хочу быть дерзким, хочу быть светским,
Хочу быть с девами на ты!
Хочу пашою быть турецким,
И строить арки и мосты!
Я совершаю благое дело,
Я все построил, я всех умней
В XX-м веке — Микель-Анджело
Быть может только Папков Андрей.
Таких, как я, не много нынче,
Мой предок Ленька был да-Винчи.
Я всех талантливей безмерно,
И потому мне жить нескверно.

Этим «потомком» великого Леонардо был Андрей Васильевич Папков. В 1932 г. он основал свое ателье, в котором выполнил до начала Второй мировой войны свыше семидесяти проектов, в основном для белградских жителей.

В военные годы он, как и большинство архитекторов, занимался, в ожидании лучших времен, уже не строительством, а восстановлением пострадавших от бомбардировок городских объектов. После окончания войны его надежды на дальнейшее применение своего таланта в народной Югославии не сбылись. Правда, известная построенная по его проекту с элементами соцреализма вилла в привилегированном районе Дединья на углу улиц Шекспировой и Ружичевой, — сейчас там резиденция финского посла. Вследствие невозможности продолжать творческую деятельность в новых, довольно тяжелых условиях Папков уехал в Аргентину, где успешно занимался архитектурной деятельностью¹⁰. Память о нем жива и сейчас в Белграде, где стоят построенные им здания.

Еще одно имя замечательного русского зодчего — Георгий Павлович Ковалевский. Он руководил развитием всего градостроения Белграда в межвоенный период. Ему принадлежит разработка генерального плана Белграда. Архитектор получил гран-при за проект развития Белграда в 1925 г. на Парижской декоративной выстав-

ке. Он автор труда «Большой город и города-сады». По его проектам построено студенческое общежитие имени короля Александра I (совместно с В. В. Лукомским), выполнена архитектурная обработка террасы крепости Калемегдан.

Русский белградец Ковалевский — создатель ряда архитектурных проектов для провинциальных городов Югославии. Около десяти городов строились и развивались по его планам. Он активно работал в сфере садово-парковой архитектуры, в частности участвовал в составлении проекта Топчидерского парка в Белграде. Ему принадлежит ряд проектов парков для частных лиц. Он является также автором ряда статей по городскому строительству¹¹.

Среди русских архитекторов был и Петр Дмитриевич Анагности, автор более 20 проектов жилых зданий в Земуне, Нови-Саде, Соко-Баньи, Вранье, Крушевце, Битоли, Белграде¹². Работая инженером на предприятии Савчича-Славковича, Анагности участвовал в строительстве санатория на Озрене (1936 г.), почты в Скопье (1937 г.), сберегательной кассы в Белграде (1937–1938 гг.), ветеринарного факультета Белградского университета (1940 г.)¹³. Из послевоенных работ Анагности упомяну его участие вместе с Александром Дероко и Зораном Петровичем в реставрации в 1964 г. здания Народного музея в Белграде, а в 1970 г. — Воеводинского музея в Нови-Саде. В декабре 1979 г. он вышел на пенсию. В 1985 г. награжден Орденом труда с красным знаменем¹⁴. В проектах П. Анагности присутствуют элементы академизма, сербско-византийского стиля и модернизма, т. е. его творчество органично соотносилось с межвоенным развитием самой сербской архитектуры, в которую он внес весомый вклад¹⁵.

Известность в Королевстве получил и Василий Михайлович Андросов. Его фамилия связана с разработкой фасада Главного почтамта, одного из монументальных зданий в центре столицы (угол Таковской улицы и бульвара князя Александра). Конкурс на постройку этого здания, имевший общегославский характер, был объявлен 15 июня 1930 г. Министерством строительства и Министерством почт и телеграфа. Из пятнадцати представленных проектов первое место занял выполненный в модернистском стиле совместный проект загребских архитекторов Йосипа Пичмана и Андрея Бараньи. Однако реализация этого проекта была отложена, а затем отменена. Причины случившегося следует искать как в наступившем в 1930-е гг. мировом экономическом кризисе, вследствие которого в Королевстве были приостановлены все строительные работы, так

и в недовольстве властей, включая и короля Александра I, стилем загребского проекта. Исследователи постройки этого здания Саша Михайлов и Бильана Мишич пишут, что, согласно некоторым записям, король повлиял на проведение нового, теперь внутреннего конкурса внутри Министерства строительства. На нем и был одобрен проект Андросова, по которому предполагалась постройка роскошного здания в академическом стиле с фасадами, обложенными гранитом, искусственным камнем, и непременно колоннами. Таким образом, проект Пичмана — Бараньи с его простотой решения фасада в комбинации стекла и бетона был забракован. Властям требовалось здание в имперском стиле, подчеркивающим мощь молодого югославского Королевства. Целесообразность монументализма нового здания была обусловлена и стремлением сохранить стилевое единство вокруг Скупщины. Центр столицы сейчас украшает творение русского архитектора¹⁶. Правда, несколько смущает помещенная Андросовым на верху здания постройка, напоминающая то ли мавзолеей, то ли античный храм, опять-таки с колоннами. И когда смотришь на фасад, то его верхнее «украшение» выглядит неорганично. Совершенно цельное впечатление красоты получаешь, когда видишь здание с бульвара князя Александра.

Добавлю, что Андросов в присущей ему манере — в сербско-византийском стиле — построил свыше 50 церквей, а проектировал еще столько же. Перечислю здесь только несколько городов, где он строил: Белград, Лесковац, Ужичка Пожега, Джаковица, Кривая Паланка¹⁷. Родившийся в России, он нашел вечное упокоение в славянской Сербии.

С русским именем связана и постройка монументального здания Патриархии, выстроенного в неовизантийском стиле (1933–1935 гг.). Это — Виктор Викторович Лукомский. Он активно занимался и проектированием, и строительством комплекса королевских вилл на Дединье (1925–1934 гг.), выстроенных в сербском стиле с элементами русской дворцовой архитектуры. В. В. Лукомский участвовал (вместе с Ж. Николичем, его начальником) и в проектировании в стиле средневекового церковного сербского зодчества дворцовой церкви св. Андрея, семейного покровителя династии Карагеоргиевичей. Искусство сербско-византийского стиля пригодились ему и при проектировании и строительстве отеля «Авала» (1928–1931 гг.) на одноименной горе, близ Белграда. В тогдашней прессе писалось, что «отель на Авале несет на себе печать личности, рассматривающей архитектуру как искусство»¹⁸. Подчеркну, что в 1930-х гг. он много

строит и храмов, некоторые из которых можно увидеть в Белграде, например церковь св. Савы на Врачаре, построенной в «прочищенном византийском стиле».

Со второй половины 1930-х гг. Лукомский строил дома, виллы для жителей Белграда. Даже если бы он был автором только одного здания — Патриархии, его имя вошло бы в историю Белграда.

Если задаться вопросом, в чем суть архитектуры, то один из ответов будет тривиально прост — в ее красоте, которая была присуща и работам Лукомского, и творчеству Григория Ивановича Самойлова.

Если Краснов был самым известным архитектором в 1920-х гг., то в 1930-х гг. и после войны таковым стал Григорий Иванович Самойлов, архитектор, художник, профессор Белградского университета. В 1931 г. Самойлов одержал победу в конкурсе на лучший проект здания (2400 кв. м) Пенсионного фонда чиновников и служащих Национального банка. В журнале «Русский зодчий за рубежом» писали, что верхние этажи предназначены для канцелярий, нижний этаж будет отдан под магазины, кафе и ресторан с театральной залой на 600 мест, найдется место и кинотеатру на 1200 мест¹⁹. Действительно, в отстроенном в 1939–1941 гг. здании фонда позднее разместился кинотеатр «Одеон». По мнению сербского исследователя М. Миловановича, это здание «едва ли не наиболее значительный образец белградского монументализма с конца тридцатых годов»²⁰.

Талант Самойлова в послевоенное время проявился в работе над проектами таких зданий, как Академия наук (1949–1951 гг.), Югославский банк внешней торговли (1950–1963 гг.). Ему принадлежит авторство интерьеров ряда гостиниц по всей Сербии, реконструкции отелей «Москва» и «Эксельсиор» в Белграде²¹, летнего театра в Нише, почтамта в Охриде, Зренянине, Скопье.

Можно долго любоваться зданием, расположенным в Белграде на углу улиц Дурмиторской, 21 и Князя Милоша, 84. Это семиэтажное здание, украшенное пятигранными по форме закрытыми балконами, нижняя половина которых выполнена из окрашенного в багровый цвет железа, а верхняя застеклена. Причем балконы соединены по вертикали, напоминая наши московские лифтовые наружные шахты. На каждой стороне дома находятся две «вертикали» таких балконов. Другой такой оригинальной постройки нет в Белграде.

Самойлову принадлежит и проект здания факультета машин Белградского университета (ул. Королевы Марии, 16), построенного

в начале 1960-х гг. По своей форме это параллелепипед, выполненный из стекла и бетона, так сказать, обычная функциональная постройка, не привлекающая особого внимания. Однако ее интерьеры замечательны своей феерической красотой, особенно первого этажа, где длинные ряды черных мраморных колонн, фигурная клетка потолка, а также выполненная с выдумкой конструкция цветных лестничных пролетов создают незабываемое впечатление. Чередование цветов во внутренней отделке и формы колонн на этажах, привлечение архитектором в союзники льющегося мощными потоками солнечного света, особенно на пятом этаже, плюс удачное решение внутреннего пространства с обширными аудиториями и почти везде просторными коридорами — все это в очередной раз свидетельствует о таланте архитектора-художника Самойлова. Добавлю, что долгие годы деканом этого факультета был еще один русский — Дмитрий Константинович Воронеж, с которым меня связывает длительное знакомство.

До сих пор речь шла о зодчих, которых знает Белград; о них пишут исследования сербские и русские ученые. Но в Югославии жили и строили многие другие русские, о которых мало что известно. Назову лишь некоторых.

Сергей Фармаковский прибыл вместе с семьей в начале 1920-х гг. в Королевство сербов, хорватов и словенцев уже сложившимся архитектором. В 1930–1931 гг., пишет авторитетный исследователь творчества русских архитекторов в Югославии профессор Александр Кадиевич, по его проекту была отстроена больница в небольшом сербском городке Гуча. Потом Фармаковский некоторое время работал в Вучитрне и Косовской Митровице, откуда переселился в городок Рашка. Там он прожил десять лет, работая по своей специальности, строя двухэтажные частные дома. Из его разнообразных построек назову возведенную в 1939 г. небольшую церковку с куполом-колокольней в с. Варево. В 1941 г. переселился в Дубровник. После окончания Второй мировой войны и до 1947 г. работал в Министерстве строительства Хорватии. И следует согласиться с Александром Кадиевичем, «открывшим» Фармаковского, что этот русский зодчий много сделал в архитектуре Рашки и его окрестностей²².

Виктор Залевский занимался проектированием и строительством зданий различного назначения в Косово и Метохии, в Зетской бановине (охватывала часть Косово, большую часть территории Черногории и часть Боснии и Герцеговины). В 1928 г. работал рай-

онным инженером в Приштине. В Цетинье спроектировал в 1934 г. Сокольский дом²³.

Павел Васильевич Крат работал над строительством многих зданий в Боре, готовил проектные чертежи для колонии чиновников и рабочих в Трепча, трудился над строительством зданий в Мачкатице, близ Сурдулицы. Ему принадлежала архитектурная обработка зданий в Лизи, около Иваньницы, а также фабрики в Злетове. Трудился над административно-управленческим зданием в Радуше, близ Скопье.

Евгений Макаревич (1916–1961), выпускник Николаевской военно-инженерной академии. Перед войной работал военным инженером, участвовал в строительстве Дома гвардии, что на Топчидере. В 1950-е гг. трудился в Агробюро, в Любляне, был связан со строительством²⁴.

Александр Мордвинов, руководитель и владелец архитектурного ателье в Баялуке. Сразу после освобождения страны восстановил здание городской гимназии, пострадавшей от бомбардировок союзнической коалиции²⁵.

Александр Александрович Ершов (10.11.1893, Калиш, совр. Польша — ?), получил высшее математическое образование в Санкт-Петербурге. В 1926 г., уже будучи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, завершил инженерно-строительное отделение технического факультета Загребского университета. С 22 августа 1935 г. по 3 декабря 1941 г. работал в сфере проектирования и строительства объектов, связанных с водообеспечением в Баялуке²⁶.

Павел Витольдович Дидзинский трудился в строительной фирме «Црнич». Строил административные здания в Баялуке и Нови-Саде. После войны работал в Министерстве строительства в Загребе²⁷.

Георгий Александрович Кульбицкий участвовал в таких известных постройках того времени, как Савский мост, нефтеперегонный завод в Смедерево²⁸.

Из наиболее известных архитекторов можно назвать Александра Ивановича Медведева. Благодаря исследованию, проведенному его сыном, Михаилом Александровичем Медведевым, теперь представлена достаточно полная картина деятельности А. И. Медведева на архитектурном поле Югославии. Сразу следует отметить, что стиль модерн был введен в югославское градостроительство Медведевым вместе с несколькими сербскими и русскими коллегами-архитекторами, когда зодчество все еще не оставляло академизма. В городах Баялука, Байна-Башта, Нише по его проектам построен ряд зданий, ор-

ганично вписанных в городские застройки. Его архитектурное наследие и сейчас не потеряло своей ценности. Многие его объекты приобрели статус памятников культуры строительства и подлежат охране²⁹. В знак признания трудов автора свыше сотни общественных и частных построек в Нише одному из бульваров присвоено имя Александра Ивановича Медведева.

В Загребе оставила о себе память Зоя Петровна Думенгич-Непенина (31.12.1904, Одесса — 14.05.2000, Загреб). Родившаяся в генеральской семье, она обосновалась в Загребе с 1923 г. После завершения в 1927 г. архитектурного отделения технического факультета Загребского университета много лет работала на разных должностях — от проектировщицы в ателье И. Фишера до директора и главного проектировщика архитектурного проектного бюро «Думенгич» (1954–1977 гг.). В основном занималась строительством больниц и других объектов здравоохранения. Над их проектами часто работала со своим мужем Селимиром Думенгичем и Георгием Киверовым. В 2000 г. ее вклад в дело архитектуры был отмечен очередной наградой³⁰.

Выпускница архитектурного отделения технического факультета Загребского университета Галина Рикардовна Фельдт (18.11.1909, Санкт-Петербург — 04.10.1979, Стокгольм) оставила о себе память как исполнительница проекта крипты церкви Лурдской Матери Божией в Загребе. В 1950 г., как и многие русские, покинула Югославию³¹.

В Загребе творила и Надежда Николаевна Залепугина (девичья фамилия Незнаева) (03.05.1901, Двинск — 13.01.1954, Загреб). Получившая архитектурное образование в столице Хорватии, она участвовала в проектировании и последующем появлении в Загребе многоэтажек, градостроительных комплексов Петровой улицы и на Сельской цесте³².

В столице Хорватии работал и Петр Павлович Фетисов (1877, Москва — 05.11.1926, Загреб), архитектор, художник. В Загребе его первые архитектурные проекты были оценены очень высоко — фасад Югобанка, сейчас в нем разместилось страховое общество «Croatia» (на углу площади Бана Елачича и Пражской улицы), отель «Эспланада», затем фасад дома по адресу Площадь Мажуранича, № 5, фасад здания «Exportdrvo», что на Площади Марулича, № 18, и ряд других. Выпустил первую серию рисунков в форме открыток «Старый Загреб»³³.

Свой архитектурный «след» в столице Хорватии оставил Андрей Павлович Шавцов (Шевцов) (06.12.1890 — 06.05.1944,

Загреб), по проекту которого на русском кладбище в Загребе была выстроена, а 4 ноября 1928 г. освящена часовня-памятник Воскресения Христова³⁴. Внутри, на мраморных плитах, укрепленных на стенах, были вначале фамилии тех, чьи могилы не сохранены, потом появились фамилии загребчан, умерших за границей. В начале XXI в. часовня, пострадавшая от «зуба времени», была восстановлена³⁵.

С именем Шавцова связано и возведение храма апостола Иоанна Богослова в Белой Церкви. Его красота поражает, хотя окружающие его постройки не позволяют увидеть полностью его великолепие. И кажется символичным, что совсем неподалеку от русской церкви находится могила русского солдата, погибшего при освобождении Югославии.

В Загребе жил и выпускник архитектурного отделения технического факультета Загребского университета (1939 г.) Игорь Львович Скопин (06.10.1914, Харбин — 28.09.1993, Загреб). Среди его работ комплекс Jadran filma (1956 г.), здание Центра иностранных языков (Водникова ул.). Занимался он и консервационно-реставраторскими работами, участвовал в выставках, в том числе и за рубежом, был автором статей в специализированных журналах³⁶.

Из других имен назову Юрия Николаевича Шретера (1888, Одесса — 1976, Сантьяго, Чили), выпускника архитектурного отделения Института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, и Константина Париса. Среди зданий русских архитекторов двухэтажный Дом народного здоровья, построенный в 1925 г. в стиле академизма. Эта постройка, украшающая город, и сейчас сохранила свое первоначальное предназначение. Сюда можно добавить и редкий по красоте Офицерский дом, построенный в 1926 г. и напоминающий богатые особняки на черноморском побережье из времени царской России. Украшает здание просторная терраса над главным входом, поддерживаемая четырьмя псевдорическими каннелированными колоннами³⁷.

В Скопле был известен имевший в этом городе свое бюро Иван Григорьевич Артемушкин, автор проекта постройки здания турецкого консульства, «Арабского дома» (1937 г.), для семьи Агопа Дикиджияна, позже известного как отель «Ядран». Он спроектировал еврейский район, торговый пассаж «Ароести», Этнографический музей³⁸. Ему принадлежат также проекты многих частных домов и ряда многоквартирных зданий. В построенных до 1932 г. домах по его чертежам доминируют неоклассические элементы, потом стиль

меняется на модернистский рационализм. В качестве примера назову спроектированное им в 1933 г. здание для кинотеатра, получившего позже название «Культура» (построено в 1936–1937 гг.)³⁹. В 1948 г. после фактического разрыва отношений между Москвой и Белградом архитектор был вынужден покинуть Югославию и уехать в Болгарию, в Тырново⁴⁰. Свой впечатляющий архитектурный след оставил в Скопье жилыми, хозяйственными и торговыми постройками и строительный инженер, имевший свое бюро, Борис Дутов⁴¹.

Другой русский архитектор, Константин Хоменко, вошел в историю не столько работой в строительстве частного жилья, памятников, сколько проектированием в Скопье храма Св. Архангела Михаила⁴². Дополню, что иконы для него писали четыре русских художника: Иван Дикий, Иван Шевцов, Борис Образков, Мейендорф⁴³.

В том же городе на военном кладбище по проекту инженера Хоменко была построена часовня (1931–1932 гг.), получившая название Храм Славы. Ее внешний облик далеко не соответствовал форме сербских средневековых церквей, считавшихся образцами для зодчих XX в. А. Кадиевич при ее исследовании подчеркивает, что «отдельно стоящая колокольня, воздвигнутая южнее часовни, в стилевом отношении сродни русским, нежели сербским средневековым церквам». В этой постройке, пишет далее сербский исследователь, можно увидеть элементы сербской и русской традиционной сакральной архитектуры, академического классицизма и актуального ар-деко⁴⁴.

И еще несколько имен русских зодчих, творивших в тогдашней Южной Сербии, нынешней Македонии.

Е. Бронштейн участвовал в проектировании на завершающем этапе здания Народного театра в Скопье, построенного в 1927 г. Он внес ряд существенных изменений в проект Иосифа Букавца, улучшивших внешний и внутренний облик здания: в частности, вместо прямоугольной формы здание получило подковообразный вид⁴⁵.

В сфере частного жилья в Скопье были заняты такие русские архитекторы, как Н. Бурхановский, Вячеслав Буйко, Тимофей Попов⁴⁶.

Н. Подгаин, также успешно работавший в сфере постройки частного жилья и вилл, известен спроектированным им домом для И. Србинова в Битоли. Построенный в 1938 г. в модернистском стиле, он дал своеобразный импульс для расширения этого архитектурного стиля в юго-западной Македонии. Другой русский архи-

тектор, Дмитрий Константинович Кудрявцев, построил в 1931 г. в центре Штипа здание для районного управления. В этой постройке осуществлен романтически-сецессионный синтез, вследствие чего она получила оригинальный вид, отличавший ее от многих других административно-государственных зданий в тогдашней Югославии⁴⁷. Зодчий Владимир Антонов, имевший еще до революции опыт постройки церкви Св. Троицы в Куманово (1899–1901 гг.), оставил значительный след в архитектуре северо-восточной Македонии. В межвоенный период по его проектам было построено несколько зданий в Куманово, в том числе здание Управы, Ремесленный дом⁴⁸. Занимался парками, в частности спроектировал нижний парк в Куманово⁴⁹. Еще один русский архитектор Михаил Дворников проектировал объекты, связанные с железнодорожным хозяйством⁵⁰. Владелец строительного бюро инженер, Михаил Матвеев, также занимался частным жильем в Скопье и реконструкцией объектов большого объема, таких как фабрика алкалоидов в македонской столице⁵¹. Автором многочисленных научных работ был Александр Попов, получивший в 1953 г. архитектурное образование в Белграде и работавший до 1957 г. в Битоли в проектировочном бюро «Новый Дом». Потом он трудился в македонской столице в разных организациях, связанных с городским хозяйством, в том числе и с проектированием⁵².

В историю македонского градостроительства вошло и имя члена многих международных организаций, связанных со строительством, Федора Венцлера, получившего архитектурное образование в Загребе (1952 г.) и защитившего в 1979 г. докторскую диссертацию. В 1961 г. он был удостоен третьей премии за проект центра Тетово (в соавторстве с Й. Голичем). В 1965 г. — занял первое место в международном конкурсе за архитектурное решение центра Скопье (в соавторстве с Р. Мишчевичем), поделенное с архитектором Кензо Танге. Из многих его работ назову генеральные планы городов Гевгелия, Кривая Паланка, участие в разработке плана для г. Куманово⁵³.

В истории архитектуры в Македонии есть имена и русских женщин. Начну с Веры Ушинской-Жежовой (29.09.1930, Штип), занимавшейся, кроме строительства жилых домов, интерьерами для торговых предприятий «Интертрейд» и «Ободин»⁵⁴. Видное место в архитектурной сфере занимает Лидия Филонова-Маркова (14.04.1927, Струмица). Из ее работ назову две: Высшая педагогическая школа в Битоли (1965), основное училище «Панайот Гиновски» в Скопье (1966). В 1974 г. она получила национальную награду «11 октября»

в области искусства и архитектуры за городской торговый центр в столице⁵⁵.

В 1938 г. русский архитектор С. Д. Сазонов, работавший в Югославии, писал: «Успехи русских архитекторов не являются в виде исключения в какой-либо художественно и технически отсталой стране, а замечаются по целой Европе. Эти успехи нужно признать доказательством высокой художественной культуры у русских архитекторов и редкой способности схватывать и понимать психологические особенности и духовные стремления народов, выражением которых всегда служили все виды искусства и особенно архитектура»⁵⁶.

И после этих слов я хочу повторить ранее сказанное: нигде в мире русского рассеяния не было так много построено русскими, как в Югославии. И всегда становится приятно, тепло и немного грустно, когда встречаешь на улице «другого» города здание, возведенное русским человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Штрэндман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. Књ. 1. Део 1–2. С. 75.
- 2 Новое время. 18.12.1921. № 197. С. 3.
- 3 Часовой. 15.12.1931. № 70. С. 28.
- 4 Там же.
- 5 Там же.
- 6 *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. 2008. № 11. С. 215.
- 7 Цит. по: *Просен М.* 75 година Руског дома... С. 216.
- 8 *Кадичевић А.* О раду руских архитеката у Јужној Србији у периоду између два светска рата // Лесковачки зборник. Лесковац, 2001. ХЛІ. С. 246, 249.
- 9 *Константиновски Г.* Градителите во Македонија XVIII–XX век. Скопје, 2001. С. 34.
- 10 *Андреј Васильевич Папков // Руси без Русије Српски Руси. / Изд. Д. Јанићијевић, З. Шлавик. Београд, 1994. С. 268–272; Ђурђевић М.* Архитект Андреј Васильевич Папков // Годишњак града Београда. 2005. Књ. 52. С. 306–308.
- 11 Русская эмиграция. Альманах. 1920–1930. Beograd, 1931. С. 60.
- 12 *Анагности П.* Сећања // Руси без Русије... С. 310.

- 13 *Бурђевић М.* Прилог проучавању живота и дела архитектке Петра Димитријевића Анагностија // Годишњак града Београда. 2000–2001. Књ. 47–48. С. 244–248.
- 14 Там же. С. 249–250.
- 15 Там же. С. 250.
- 16 *Михајлов С., Мишић Б.* Палата Главне поште у Београду // Наслеђе. 2008. № 9. С. 247, 248, 251, 253.
- 17 *Кадијевић А.* Допринос руских неимара-емиграната српској архитектуре између два светска рата // Руси без Русије... С. 250; *Кадијевић А.* О раду руских архитеката у Јужној Србији... С. 250.
- 18 *Кадијевић А.* Београдски период рада архитектке Виктора Викторовича Лукомског (1920–1943) // Годишњак града Београда. 1998–1999. Књ. 45–46. С. 122.
- 19 Русский зодчий за рубежом (Прага). 25.01.1938. № 1. С. 2.
- 20 *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 282.
- 21 Там же. С. 280–283.
- 22 *Кадијевић А.* О раду руского архитектке Сергеја Фармаковского у Рашкој и околини између два светска рата // Сепарат из Новопазарског зборника. 1998. № 22. С. 131–139.
- 23 Сообщение А. Кадиевича автору от 29 апреля 2008 г. // Архив автора.
- 24 Podatki o fondih Arhiva Republike Slovenije, ki vsebujejo podatke o rusko-slovenskih odnosih. Osebni in rodbinski fondi. S. 4.
- 25 Сведения взяты из отрывков книги: *Маскиć З.* «Вањалуќки шаховски клуб — Spomenica 1926–1941», присланных мне по Интернету русским историком, живущим в США, Р. В. Полчаниновым.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 http://www.xx13.ru/kadeti/kp7_13.htm.
- 29 *Медведев М. А.* Архитектор А. И. Медведев (1900–1984) и его роль в зарождении и развитии архитектуры модернизма в Сербии 1930-х годов // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья: проблемы, открытия, перспективы исследований. СПб., 2008.
- 30 *Пушкadija-Ribkin Т.* Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 132.
- 31 Ibid. S. 134.
- 32 Ibid. S. 173.
- 33 Новое время. 2.01.1927. № 1705. С. 2; *Медариć М.* Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi — slikarstvu, kiparstvu, ar-

- hitekturi, fotografiji i filmu (od 20-ih do 40-ih godina dvadesetog stoljeća) // *Oko književnosti Osamdeset godina Aleksandra Flakera.* Zagreb, 2004. S. 303–304; *Puškadija-Ribkin Т.* Emigranti iz Rusije... S. 134–135.
- 34 Новое время. 14.11.1928. № 2261. С. 3; *Пушкadija-Ribkin Т.* Emigranti iz Rusije... S. 242.
- 35 *Пушкadija-Ribkin Т.* Emigranti iz Rusije... S. 182–183.
- 36 Ibid. S. 165.
- 37 *Брдар В.* От Париса до Брашована / Архитектура јавних здања у Новом Саду између два светска рата. Нови-Сад, 2003. С. 36, 81.
- 38 *Арсењев А.* «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...» Руски уметници у Краљевини Југославији // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. Нови-Сад, 1994. Вып. 15. С. 205; *Томовски К., Петковски Б.* Архитектура и монументалната уметност во Скопје меѓу двете светски војни. Скопје. С. 42.
- 39 *Томовски К., Петковски Б.* Архитектура и монументалната уметност... С. 48.
- 40 *Константиновски Г.* Градителите во Македонија XVIII–XX век. С. 60.
- 41 Там же. С. 72.
- 42 Там же. С. 104.
- 43 *Томовски К., Петковски Б.* Архитектура и монументалната уметност... С. 113.
- 44 *Кадијевић А.* О раду руских архитеката у Јужној Србији... С. 249.
- 45 *Јовановић З. Т.* Народно позориште Краљ Александар I у Скопљу (1913–1941). Нови-Сад, 2005. Т. 1. С. 227.
- 46 *Константиновски Г.* Градителите во Македонија XVIII–XX век. С. 62, 63, 93.
- 47 *Кадијевић А.* О раду руских архитеката у Јужној Србији... С. 250.
- 48 Там же.
- 49 *Константиновски Г.* Градителите во Македонија XVIII–XX век. С. 59.
- 50 Там же. С. 68.
- 51 Там же. С. 83.
- 52 Там же. С. 190.
- 53 Там же. С. 136–137.
- 54 Там же. С. 222.
- 55 Там же. С. 175.
- 56 Цит. по: Русский зодчий за рубежом (Прага). 25.01.1938. № 1. С. 1.

Kosik V. I.

Russian Architects in Yugoslavia

The article performs Russian architects under which projects a set of buildings of different function was constructed in cities and villages through all Yugoslavia in 1920–1950-s. The article contains short data on such architects and describes the role of Russian architects in the Yugoslavian town-planning is underlined.

Keywords: *architect, temple, monument, Beograd, Macedonia, Croatia, Krasnov, Lukomsky, Samoilov, Papkov, Kovalevsky, Baumgarten, Russian empire style.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

Историческая биография как попытка реконструкции творческой личности: «Роман о Прешерне» И. Ваште

В статье рассматривается возникновение в словенской литературе историко-биографического жанра на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: *словенская литература, роман-биография, творческая личность и история.*

На рубеже 1920–1930-х гг. в словенской литературной жизни происходят существенные изменения, приведшие к перестройке художественной системы, трансформации в соотношении родов и жанров. Центр тяжести перемещается с поэтического творчества на прозу, экспрессионизм уступает место реалистическому направлению, которое в 1930-е гг. занимает в литературном процессе ведущее место, становится «главным словом в словенской эстетике»¹. Реализм восстанавливает в значительной степени прерванные связи с реалистической литературой предшествующих эпох, расширяет круг знакомства с литературами других стран. В существующих литературных группировках усиливается идейная дифференциация — демократически настроенная интеллигенция осознает необходимость объединения усилий против опасности фашизации страны. В начале 1930-х гг. на авансцену выходит социальный реализм, представленный творчеством ряда прозаиков левой ориентации, среди которых были П. Воранц, М. Кранец, И. Потрч, Ц. Космач, А. Инголич. Основную задачу они видели в объективном изображении тех процессов действительности, которые подводили массы к осознанию возможности ее революционного изменения. Ведущим прозаическим жанром становится общественный роман, представленный двумя типологическими разновидностями. Для первого типа — социально-политического, или «коллективного», — было характерно изображение революционной трансформации сознания социального коллектива, для второго — социально-психологического — глубокое и всестороннее раскрытие индивидуального сознания.

Некоторой альтернативой романам социальных реалистов и бесспорным подтверждением художественной зрелости словенской прозы, ее движения в ногу с европейскими литературными тенден-

циями становятся в 1930-е гг. романы-биографии. Усиление в прозе межвоенного периода психологической компоненты способствует расширению проблемно-тематического спектра, внимание прозаиков, работающих с историческим материалом, концентрируется на роли личности в национальной и мировой истории. На волне расцвета европейской исторической биографии (С. Цвейг, Р. Роллан, Д. С. Мережковский, А. Моруа, Ю. Тынянов и др.) в словенскую литературу входит историко-биографический жанр, обогативший художественную палитру национальной литературы новыми типами композиционно-стилистических единств, на которые, по мысли М. М. Бахтина, «распадается романное целое»². В это время «лицом» словенской исторической биографии становится крупнейший национальный поэт первой половины XIX в. Франце Прешерн, что отнюдь не случайно. Попытки художественно интерпретировать жизнь Прешерна предпринимались на родине и раньше, однако большого успеха не имели. В 1871 г. дочь друга и работодателя поэта В. Кробата Луиза Песьяк (1828–1898), лично знавшая Прешерна, начинает работу над трагедией в четырех действиях «Франце Преширн», которая останется незаконченной. В начале XX в. «Драматическую сцену из жизни Прешерна» в стихах публикует А. Ашкерц. И. Тавчар в историческом романе «За кулисами конгресса» (1905–1908) изображает поэта в качестве одного из эпизодических персонажей. В межвоенный период биография Прешерна впервые получает адекватное художественное воплощение: в свет выходит «Роман о Прешерне» (1937) И. Ваште.

Скромная учительница Клотильда Франя Бургер, в замужестве Ваште (1891–1967), остается в истории словенской литературы первым автором, создавшим полноценное прозаическое произведение о главном национальном поэте. Выпускница Люблянского педагогического училища, она начала свою учительскую и творческую деятельность в Триесте, откуда в 1918 г. была вынуждена бежать с тремя малолетними детьми от итальянских властей. Обосновавшись в Любляне, Ваште оказалась в центре литературной жизни Словении и довольно быстро нашла свою тему: вся ее проза популяризирует национальную историю во временном диапазоне от VII–VIII вв. до второй половины XIX в. От повести «Соседи» (1923) и романа «Мир на закате» (1953), повествующих о жизни славянских предков, до исторической биографии Я. Трдины «Отлученный» (1960). По мнению писательницы, именно этот жанр смог «привлечь внимание как юношества, так и зрелых читателей к тем, кто создавал словенскую

культуру»³. И в других своих исторических произведениях — романе о колдуньях XVII в. «Чертовка» (1933), повести о 1810-х гг. «Девушка с цветами» (1940) — автор подчеркнуто внимательна к крупным историческим фигурам изображаемого времени — Я. В. Вальвазору и В. Воднику. Стилистически добротные, доступные самому широкому кругу читателей, занимательные и содержательные произведения Ваште, развивающей традиции национальной исторической прозы, внесли вклад в совершенствование жанра в межвоенный период.

«Роман о Прешерне», как отмечают словенские литературоведы, — произведение, заложившее основы исторической художественной биографии в словенской литературе⁴, лучший написанный Ваште исторический роман⁵. Его появление во многом было вызвано тем, что в 1930-е гг. в словенском обществе усиливается интерес к проблемам национальной идентичности, а также несомненными успехами ученых-прешерноведов. К этому времени словенское прешерноведение имело в своем распоряжении значительный литературно-критический и мемуарный материал: статьи и записи Ф. Л. Челаковского, М. Чопа, Й. Бабника, Ф. Малавашича, Я. Блейвейса, В. Рицци, Я. Трдины, воспоминания сестры поэта Ленки и дочери Эрнестины Еловшек, его современницы Л. Песьяк, исследования и монографии И. Приятеля «Драма духовной жизни Прешерна» (1905), А. Жигона «Франце Прешерн, поэт и художник» (1925), Ф. Кидрича «Прешерн I» (1936). Три последние книги знакомили подготовленных читателей с авторскими научными концепциями жизни и творчества поэта и способствовали усилению общественного интереса к его личности.

Для прозаиков и критиков открытым и дискуссионным был и остается вопрос о специфике отражения жизненного пути деятелей литературы и искусства. Что первичнее — жизнь или творчество? У творца две биографии: житейская и поэтическая, и часто его произведения воспринимаются в большей степени как поступки, выражающие жизненную позицию, чем реальные совершенные им действия. Приведем две полярные точки зрения. «Материал для жизни художника один: его произведения, — писал в середине XIX в. В. Ф. Одоевский, — в них вы найдете его дух, его характер, его физиономию, в них вы найдете даже те происшествия, которые ускользнули от пера историка»⁶. Будучи уверенным, что обычные биографии не объясняют творчества великих писателей, современный американский биограф Ф. М. Достоевского Дж. Фрэнк в предисловии к своему роману подчеркивает: «...я иду не от жизни к творчеству, а

в обратном направлении. Моя цель — интерпретировать искусство Достоевского»⁷. В свою очередь, словенский писатель и публицист Ф. Боханец полагает, что, создавая роман о великом полководце, общественном деятеле или политике и располагая составленной им диспозицией, планом, политической программой, можно точно воспроизвести ход его мыслей, понять соображения, заставившие действовать так, а не иначе. Но когда речь идет о произведении, описывающем жизнь писателя, все оказывается куда сложнее, поскольку «невозможно воссоздать творческий процесс»⁸. Приоритет отдается адекватному отражению жизненного пути, который может лишь приоткрыть завесу тайны творчества. Личность героя формируют конкретные события, встречи, связи, они-то и накладывают свой отпечаток на его творчество. Думается, что истина где-то на пересечении двух этих подходов, соединение которых и может дать нам настоящую биографию поэта — «историю сокровенных движений его души»⁹. Конечно, от творчества к жизни, от художника к человеку биографу идти несравненно сложнее, но именно этот путь может привести к всестороннему воплощению характера «синтаксически развернутой творческой личности»¹⁰. На наш взгляд, наиболее верна здесь позиция Ю. Тынянова, который, создавая «эпос о рождении, развитии и гибели национального поэта», не отделяет «жизни героя от его творчества, а его творчества от истории его страны»¹¹. То есть понять своеобразие личности творца возможно, только учитывая субъективные составляющие: совокупность черт характера и тип его взаимодействия с окружающей действительностью, а также и сами объективные исторические реалии этой действительности. Важнейшим фактором является близость героя и автора, ведь образ человека, биография которого создается, складывается в поле индивидуального мировосприятия пишущего, выбор портретируемого, способ истолкования его деятельности выявляют этические и эстетические пристрастия писателя, его опыт, темперамент, вкус. Не без основания ряд исследователей оперирует понятием «соизбранность», которое способно фиксировать духовную, порой с трудом поддающуюся объяснению, но явно существующую связь между автором и его героем¹². Погружаясь во внутренний мир своих героев, проникаясь ритмами их бытия, автор исторической биографии помнит, что они живые люди, наделенные как достоинствами, так и недостатками. Часто биограф вынужден заниматься реконструкцией «белых пятен», иногда и демифологизацией, разбираясь, где его герой сказал правду, а где мистифицировал современников.

В романе Ваште жизнь и творчество героя рассматриваются именно в совокупности и без нарочитой идеализации, в нем присутствует своя, «женская» модификация «соизбранности». Здесь органично соединены историко-документальное и авторское начало, литературный портрет выдающейся личности дается через призму ее субъективного восприятия, синтез душевной жизни и фактов биографии реального лица «подпитан» индивидуальным творческим «я» автора. Главный упор делается на психологическом раскрытии личности, сформированной конкретной эпохой, на соразмерности этой личности эпохе, той соразмерности, которая «дает нам основание предположить, что в характер подобного рода личности как бы сама природа внесла типические черты времени»¹³. Прешерн показан как носитель важнейших черт развития целого культурного поколения — плеяды деятелей словенского национального возрождения (Цойс, Водник, Чоп, Зупан, Блейвейс, Кастелиц), объединенных не столько общностью судьбы, сколько исторически обусловленным совпадением этапов личного роста.

Автор пытается воспроизвести духовную жизнь поэта, творчество которого оказало воздействие на всю дальнейшую эволюцию национальной литературы, вышло за узконациональные рамки, обогатив славянскую и — шире — европейскую поэзию, определило не только все дальнейшее развитие национальной литературы, но и путь нации в целом. Ваште разделяет и развивает ставший ныне хрестоматийным тезис Й. Стритара об истинном масштабе личности Прешерна: «У любого народа есть человек, который мыслится со святым, чистейшим ореолом славы над головой. То, что для англичан Шекспир, для французов Расин, для итальянцев Данте, для немцев Гёте, для русских Пушкин, для поляков Мицкевич, — это для словенцев Прешерн»¹⁴. По глубине поставленных философских вопросов, лиризму мироощущения, выразительности и отточенности формы его поэзия не просто сопоставима с творчеством блистательных европейских романтиков первого ряда, но даже некоторым образом превосходит их в том, что касается ее значения для существования словенской литературы, литературы народа, веками боровшегося против национальной дискриминации за язык, школу, книгу. Соединив высокий слог европейского романтизма и родной для него гореньский диалект, он создал лирику широчайшего диапазона: от веселого амфибрахия анакреонтических стихов до таких изысканных форм мировой поэзии, как сонет и газель, реализовал себя в жанре эпической поэмы, первым начал отстаивать право на свободу

творчества и одним из первых не только заговорил о необходимости создания национальной литературы, соответствующей мировым образцам, но и воплотил эти идеи в жизнь.

Поворотные события жизни поэта даются в романе через осязаемую конкретность описываемых лиц, происшествий, эпизодов, мест действия. Сохранена топонимика Любляны первой половины XIX в., старые названия улиц (Слоновья, Еврейская, улица Монахинь), трактиров («Пекло», «У Блажа», «У Метки»), мостов.

Динамичность повествования создается благодаря двунаправленности сюжетных векторов. Один из них — центробежный — ведет повествование вширь, появляются новые персонажи: российский император Александр I, канцлер Меттерних, ученый-филолог Копитар, поэт Грюн, художник Лангус, редактор и общественный деятель Блейвейс, полицейский осведомитель Кремницер и др. Это дает возможность воссоздать атмосферу жизни Любляны, показать масштаб, которым будет измеряться стремительный духовный рост поэта. Второй вектор — центростремительный, он направлен только на главного героя, его внутренний мир, столкновение «данного и желанного», на изломе которого развивалось его творчество. Прозаическая повседневность и творческий дар, спасительно обеспечивающий чувство целостности личности, — таким предстает в романе Прешерн.

Перед читателем проходит жизненный путь первого национального романтического поэта Словении, путь трудный в бытовом плане (с борьбой за кусок хлеба), полный жестоких разочарований, борения с собой и с непониманием окружающих, путь трагической личности, которую автор показывает совершенно не романтизируя и не облагораживая. Жизнь поэта представлена автором как некая цепь невозполнимых утрат, к которым можно отнести и утрату иллюзий, и реальные личные потери — ранний и ничем не возполнимый уход из жизни близких друзей М. Чопа, Э. Корытко, А. Смоле, Б. Кробата.

Интуитивно исповедуя тыняновский принцип не отделять жизнь героя от его творчества, а творчества от истории его страны, автор ищет ключ к своему герою в его поэзии, которая развивалась под знаком романтической любви. Представление о том, что жизнь, судьба и личность поэта сливаются с творчеством, составляя для публики единое целое, принадлежит времени романтизма. Тогда творчество поэта стали рассматривать как огромный автобиографический роман, в котором стихотворения служили главами, а биография — сюжетом. Два гения романтической Европы — Наполеон, разыгравший

романтическую поэму своей жизни, и Байрон, превративший поэзию в цепь автобиографических признаний, — укрепили эти представления. Ваште стремится показать Прешерна через мироощущение его эпохи. Становление поэта происходило в условиях сложной, напряженной и увлекательной мировоззренческой и эстетической борьбы. Юная словенская словесность рождалась в азарте, в спорах, энергия которых была унаследована затем последующими поколениями литераторов. Самоутверждение нации шло через осознание самобытности языка, находившее воплощение в первых художественных текстах. Острота проблемы формирования литературного языка накладывала отпечаток на всю литературную жизнь. Развитие литературного процесса происходит на фоне проникновения в словенское общество идей просвещения, а затем романтизма. Словенские просветители-литераторы спорят о будущем национальной словесности, о том, должна ли «малая» литература вдохновляться и обогащаться за счет «больших», приобретая тем самым европейский дух (М. Чоп), или оставаться религиозно-нравоучительной, ориентированной на образцы народного творчества (Е. Копитар). Период романтизма был для словенцев эпохой секуляризации, временем освобождения личности от предрассудков, целой системы ограничений, ниспровержения авторитетов. Ставшее более доступным образование начало формировать общественное сознание и массовую культуру, литература к первой четверти XIX в. получила новый, особый социально-языковой статус. Художественное слово постепенно выходило за рамки культурного опыта определенного социального слоя, отвоевывая место, прежде принадлежавшее религии, уже в период раннего романтизма литература выполняла роль особого языка, сохраняющего ощущение единства и целостности жизненного опыта. Само творчество начало представлять главную ценность бытия, в которой воплощалось чувство прекрасного и чувство всеобщего, универсального. Прешерн полагал, что духовная состоятельность и самосознание нации определяются уровнем ее культуры, был знаком с эстетическими концепциями братьев Ф. и А. В. Шлегелей, идеями И. Гердера, с сочувствием относился к национальным освободительным движениям своего времени в Польше, Италии, Греции.

Писательница выстраивает сюжетный ряд своего произведения, стремясь сохранить пропорциональность аутентичного и вымышленного, документального факта и свободного творческого домысла. Взяв за основу подлинные факты биографии поэта, она использует свидетельства очевидцев и документы, чтобы найти в них, соглас-

но Дильтею, «сведения о внутренних процессах, которые определяют генезис определенных форм духовной жизни личности»¹⁵. При этом автор больше склонна не к непосредственному включению текста документа в ткань повествования, а к его «рассказыванию». Например, раскрывая взгляды своего героя на проблему иллиризма, она опирается на подлинное письмо Прешерна к С. Вразу, написанное 26 октября 1840 г., но не цитирует его прямо, а как бы «пропускает» его через призму сознания героя. Идея культурного, языкового и этнического единства южнославянских народов, являвшегося, по мысли основоположника иллиризма хорвата Л. Гая (1809–1872), предпосылкой объединения всех южных славян под эгидой Великой Иллирии (созданного на основе территориальной и литературно-языковой общности южных славян политического государственного объединения, название которого восходит к древнему индоевропейскому племени), в Словении нашла отклик в Штирии и Каринтии, где угроза ассимиляции для коренного населения была значительнее. Первым практическим шагом к такому союзу было создание языковой базы. С одной стороны, южнославянское «направление» идеи славянской взаимности укрепляло и активизировало межславянские культурные связи, способствовало взаимному обогащению национальных культур, с другой — сразу ставило крест на национальных устремлениях малых народов. Прешерн понимал, что создание единого литературного языка для южных славян, в котором словенский слился бы с хорватским, лишит словенцев возможности самостоятельного культурного развития, поэтому высказался весьма категорично: «Идея наших стихотворений и другой литературной деятельности есть не что иное, как введение в употребление нашего родного языка... Пусть объединение всех славян в единый литературный язык останется благим намерением»¹⁶.

Роман состоит из двадцати глав, в каждой из которых описаны события одного года жизни Прешерна. Вне поля зрения Ваште остается раннее детство героя, основной упор сделан на 1830-х и 1840-х гг. — самых плодотворных и трагических в жизни поэта. Действие происходит в Любляне и Кране, жизнь в Вене только упоминается. Основу каждой главы составляет рассказ о главных, с точки зрения писательницы, событиях, под знаком которых заявленный год проходит. Действие первой главы начинается с символической встречи юного героя с национальным поэтом-классицистом, педагогом и просветителем Валентином Водником (1758–1819), в последней описана ночь с 7 на 8 февраля 1849 г., канун смерти поэта. Каждая

глава имеет эпиграф — строку Прешерна, создающую конкретный литературный и биографический контекст. Эти эпиграфы не только связаны с содержанием главы семантически, но и задают общее настроение повествования. Так, рассказ о 1834 г., ознаменованном выходом в свет «Венка сонетов», предваряется строкой второго сонета «Хвала тебе и боль пережитого» (перевод С. Шервинского); глава о 1842 г., когда поэт был увлечен Ерицей Подбой, — строкой из посвященного ей стихотворения «Потерянная вера»: «Из божества моей мечты / красивой вещью стала ты» (перевод М. Павловой); глава о 1847 г. — первых месяцах жизни в Кране — строкой из «Сонетов несчастья»: «Года, что мне остались...» (перевод А. Гитовича); глава о 1848 г. — строкой «Да не будет злу в угоду мир враждою осквернен» (перевод Д. Самойлова) из стихотворения «Здравница» и т. д.

Ваште располагает цепочку событий в хронологическом порядке, двигаясь вместе со своим героем от эпизода к эпизоду, от события к событию, вводит в сюжет широкий историко-культурный контекст. Она опирается на этот контекст, делая акцент на важнейших событиях европейской истории, свидетелем которых стал герой, на событиях, объективно оказавших влияние на его личность: наполеоновских походах, провозглашении Иллирийских провинций, Люблянском конгрессе 1821 г., Мартовской революции 1848 г. Возможность изучать родной язык, приобщение к европейской культуре, наконец, достижение некоторых свобод — все это не могло не отразиться на внутреннем мире поэта.

Внутри каждой главы выделяются один-два ключевых, по мнению писательницы, эпизода, раскрывающих человеческую и творческую личность героя. Этот выбор может как совпадать с точкой зрения академического прешерноведения (что в основном и происходит), так и несколько отличаться от нее. Следуя за биографами поэта, Ваште фокусирует внимание на знакомстве тринадцатилетнего Прешерна с Цойсом (глава «1812»), первой публикации (глава «1827»), выходе альманаха «Краньска чбелица» (глава «1831»), встрече с Юлией Примич в Трновской церкви 6 апреля 1833 (глава «1833»), работе над «Венком сонетов» и участии в его редакции М. Чопа (глава «1834»), получении долгожданной адвокатуры в Кране (глава «1846»), публикации стихотворения «Здравница» после Мартовской революции 1848 г. (глава «1848») и ряде других фактов. В то же время отдельные общеизвестные события в ее интерпретации отходят на второй план, их место занимают другие, более интимные, пронзительные, почти шокирующие. Так, в романе описаны две неудачные

попытки самоубийства поэта: в 1835 г. после смерти Чопа он пытался застрелиться, в 1846 г. после разрыва с Аной Еловшек и ее отъезда в Триест — свести счеты с жизнью в водах озера Блед. Время зенита славы — 1836 год — показано как один из самых трагических периодов в биографии поэта: герой мучительно переживает неожиданную смерть лучшего друга М. Чопа. А ведь в этот год Прешерн добился официального признания — первое в истории словенской литературы лиро-эпическое произведение, поэма «Крещение у Савицы», было благосклонно принято властями и церковью. В главе «1846» главное внимание уделено эпизоду разбирательства с «крамольным» стихотворением «Райское шествие», по поводу которого поэта вызывали в полицейское управление, а не подготовке первого стихотворного сборника «Поэзии». Такая личностная расстановка акцентов, на наш взгляд, связана с желанием автора показать то соединение душевной чувствительности, стремительности поэтического роста и трагизма мироощущения, которые передают динамическое многообразие творчества и объясняют суровость, даже «катастрофичность» личной судьбы Прешерна. Желая вызвать у читателя ответную реакцию: гордость за героя, уважение, сочувствие, Ваште иногда использует смоделированные, а не реальные ситуации.

В произведении, где сюжет основан на подлинных фактах биографии, где действуют исторические персонажи, место вымышленного героя, придуманного события должно быть точно выбрано автором, чтобы не нарушить пропорции правдивого и придуманного, сохранить общую достоверность произведения. «Художник, обрабатывающий исторический материал, не может руководствоваться одним своим произволом: события и судьбы людей имеют объективный смысл и естественные пропорции. Когда писатель вымышляет фабулу, которая верно передает эти пропорции, историческая правда в его изображении получает человеческую и поэтическую жизнь. Если же фабула эти пропорции нарушает, то искажается и художественная правда всей картины»¹⁷, — отмечает Г. Лукач. Словенский литературовед и публицист А. Инкрет, размышляя о специфике художественных исторических биографий, подчеркивает: «Не беря на себя смелость предлагать общие критерии к историко-биографическому произведению, мы все же думаем, что авторы таких произведений имеют право домысливать обстоятельства, о которых известно только то, что они произошли, или эпизоды, о которых ничего не известно, но которые могли бы произойти в силу обстоятельств, логики жизни, деятельности и характера героев»¹⁸. Автор «Романа о Прешерне»,

опираясь на общую событийную канву, может и придумать эпизод, т. е. использовать вымысел как средство художественной типизации, воплощая свое представление об этапах становления творческой и человеческой личности великого соотечественника и о главных факторах воздействия на нее. Например, стремясь передать воодушевление словенской молодежи во время работы Люблянского конгресса 1821 г. и демократические взгляды своего героя, она довольно прямолинейна в трактовке гипотетически возможной, но документально не подтвержденной встречи Прешерна с российским императором Александром I:

«По лестнице спускался мужчина лет сорока, с округлым женственным лицом и немного сонными близорукими глазами. Одет в простую офицерскую форму.

— Царь!

У гимназистов мурашки забегали по спине, они слегка попятились. Когда император Александр показался в воротах, из молодых глоток раздалось:

— Да здравствует царь!

— Да здравствуют русские! — крикнул Прешерн, которому показалось унижительным славить самодержца.

— Да здравствуют славяне! — с энтузиазмом присоединился Смоле.

— Ура! Да здравствует! — гремела молодежь»¹⁹.

Важную роль в психологическом наполнении образа главного героя играет введение в ткань повествования эпизодов, показывающих идейные баталии с теми современниками, чьи взгляды на настоящее и будущее национальной культуры кардинально отличались от позиций поэта («азбучная война», проблемы иллиризма, полемика с Копитаром о стратегии развития словенской литературы). Одним из принципиальных в биографии Прешерна писательница считает эпизод так называемой «азбучной войны» — спор о едином словенском алфавите, который в конечном счете вылился в диспут о литературе.

Судьба поэта, уже только потому, что он поэт, — это судьба совсем особая, даже в том случае, если она целиком совпадает своими внешними событиями с судьбой самого заурядного современника. Судьба поэта, определяющего своим творчеством свою историческую эпоху, — особая вдвойне. Жизнь в историческом смысле не бывает уютной. Что отличает людей, чьи дела остаются в памяти человечества? Условия повышенной трудности, добровольно ими выбранные. Борьба так много забирает времени и сил, что для бла-

годушных излияний не остается ни того, ни другого. Потомки же часто склоняются к схематизированной идеализации, к простодушному объединению в стройные ряды деятелей, в реальности шедших одинокими тернистыми путями. Пьедестал, на который с самыми лучшими намерениями бывают вознесены поэты, лишает их земной почвы, а звон монументальной бронзы грозит заглушить реальный, конкретно своеобразный голос. Ваште, воплощая художественную правду о прошлом, полемизирует с идиллическим представлением о писательской судьбе, подчеркивая человеческое, житейское отношение к своему герою, живое и сострадательное. Как справедливо заметила литературный критик Н. Б. Иванова, выступая недавно в Пушкинской гостиной филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова на круглом столе, посвященном биографическому роману, этот жанр «подразумевает любовь автора к герою, но эта любовь не должна быть слепой»²⁰. Соединяя объективное знание с эмоциональной оценкой, биограф Прешерна субъективизирует, лиризирует образ художника, благодаря чему он приобретает некоторые гипотетические черты. Автор «Романа о Прешерне» думает о своем герое «мой Прешерн» и воплощает образ именно «своего Прешерна», руководствуясь личностно-психологическим подходом и «заполняя» пробелы между документами «цементом творческих домыслов»²¹. Ее ощущение времени основано на осмыслении противоречий личности и эпохи, но масштаб героя, роль его творчества для нации в целом она оценивает через перспективу современности, с позиций человека XX в. Вклад Прешерна в национальную и европейскую культуру — это не только его слова и мысли, но и его личность. Сама биография поэта — это «культурное явление высокого порядка, продолжающееся в веках»²².

Роман Ваште достойно открывает первую страницу в истории одного из самых продуктивных типов исторической прозы, своим появлением доказывая, что в национальной словесности жанр развивался в русле ведущего литературного направления межвоенного периода — реализма, модернизированного открытиями психологической прозы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Zdravec F.* Realistična estetika po ekspresionizmu v Sloveniji // *Slavistična revija*. Ljubljana, 1972. Št. 3. S. 270.

- 2 *Baxtin M. M.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1978. С. 75.
- 3 *Vašte I.* Podobe iz mojega življenja. Ljubljana, 1964. S. 68.
- 4 *Lah I.* Pregled književnosti. Ljubljana, 1996. S. 43.
- 5 *Grdina I.* Življenje umetnika kot umetnina // *Vašte I.* Roman o Prešernu. Ljubljana, 2000. S. 375.
- 6 *Одоевский В. Ф.* Сочинения. СПб., 1844. С. 216.
- 7 *Frank J.* Dostoevsky: The years of ordeal, 1850–1859. Princeton, 1983. P. 12.
- 8 *Bohanec F.* Biografsko berilo (o književnikah od Trubarja do Snoja). Ljubljana, 1974. S. 56.
- 9 *Щеголев П. Е.* Пушкин. СПб., 1898. 2-е изд. С. 201.
- 10 *Винокур Г. Н.* Биография и культура. М., 1927. С. 34.
- 11 Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М., 1966. С. 71.
- 12 Там же. С. 73.
- 13 *Bohanec F.* Biografsko berilo... S. 81.
- 14 *Stritar J.* Pravo Prešernovo življenje pa so njegove poezije. Цит. по: Mušič J. Sodobniki o Dr. Francetu Prešernu. Ljubljana, 1989. S. 78.
- 15 *Дильтей В.* Описательная психология. М., 1924. С. 5.
- 16 *Prešeren F.* Pismo Vrazu 5. julija 1837 // *Zbrano delo*. Ljubljana, 1965–1966. II. S. 197. Перевод автора статьи.
- 17 *Лукач Г.* Исторический роман // *Литературный критик*. 1937. № 12. С. 148.
- 18 *Inkret A.* Spomini na branje. Maribor, 1977. S. 115.
- 19 *Vašte I.* Roman o Prešernu. Ljubljana, 2000. S. 29. Перевод автора статьи.
- 20 Биография глазами биографа (По материалам круглого стола) // *Вопросы литературы*. 2008. № 6. С. 31–40.
- 21 *Чудакова М. В.* О Натане Эйдельмане // Тыняновский сборник. Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 322.
- 22 *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М., 1983. С. 93.

Starikova N. N.

Historical Biography as an Attempt of Reconstruction
of Creative Person: Novel on Presherne by I. Vashte

The author tells about the initial step of formation of historical-biographical genre at the edge of 1920–1930-s.

Keywords: *Slovene literature, novel-biography, creative person, history.*

Ю. А. Созина
(Москва)

**Между сокровенным и плакатным:
военные стихи советских, македонских и словенских поэтов**

В статье предпринята попытка взглянуть на советскую, македонскую и словенскую поэзию времен Второй мировой войны с перспективы, очищенной от идеологического или национально-государственного пафоса и направленной на общечеловеческое этическое начало.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, советская поэзия, македонская поэзия, словенская поэзия, лирика, пафос борьбы, интимное переживание.*

Лихолетье Второй мировой войны — с угрозой полного уничтожения для одних, полной ассимиляции, растворения для других, рабского ярма для третьих — стало временем мощного всплеска духовных, нравственных, физических сил наших народов. Этот напор, энергия эпохи воплотились и в поэтическом творчестве. В стихах тех лет звучит призыв быть мужественными, сохранить мечту о свободе, устоять, преодолеть, выжить. Пафос борьбы, консолидации всего человеческого — внешних и внутренних начал — в противостоянии смертельной угрозе, присутствующий в поэзии той поры, был обусловлен исторически. Личные устремления самых разных поэтов, а зачастую — что не менее важно — людей, прежде не имевших поэтических претензий, перерастали в желание именно в стихе запечатлеть суровое мгновение, сливаясь с жестоким ритмом эпохи. Вместе с тем характерные для военной поэзии чувство плеча, братское единение, связь с народными корнями находили выражение отнюдь не только в форме плакатного призыва, как, например, в стихотворении одного из самых значительных македонских поэтов военной и послевоенной поры А. Шопова (1923–1981) «Одредот „Гоце Делчев“ издаден» («Отряд „Гоце Делчев“ предан»), вошедшем в опубликованный незадолго до окончания войны в Македонии поэтический сборник «Песни» (1944):

Станите браќа, рипните
заедно рамо до рамо
еднашка крај да туриме

на тиа клетки фашисти,
слобода да донесеме
на нашта майка робинка —
на нашта Македонија...¹

Не менее важным для поэта, для человека тех военных лет были его сокровенные, «интимные» переживания. Кровавый ритм эпохи вовсе не предполагал обязательного отказа от собственного внутреннего голоса. Однако необходимо помнить о том, что весьма нередкими в ту пору были попытки извне сузить рамки искусства. Политическая ангажированность послевоенной действительности в тогдашней Югославии и тем паче Советском Союзе на первый план также выставляла именно поэзию плаката, лозунга, в лучшем случае закрывая глаза на существование иной, «надуманной», глубоко интимной, «индивидуалистической» лирики — или даже отрицая ее. Преодолеть такую, ложно понимаемую гражданственность в литературе было нелегко. Сегодня, к счастью, вопрос о том, мог ли борец за свободу своего народа молиться, видеть сны, бояться и сомневаться, больше не стоит. Но и тогда, в закаленное идеологией военное время эти естественные чувства — так или иначе — все равно проникали в суровое историческое полотно поэзии. Хотя многие из, так сказать, противоречащих определенным требованиям стихов не публиковались и писались не для чужих глаз, в данном случае можно говорить — вслед за российской исследовательницей Л. Н. Будаговой — о хронологической «двудомности» этих произведений, вызванной временным разрывом между их созданием в тяжелейший исторический период и публикацией в более позднее и спокойное время, нередко спустя многие годы².

Военная поэзия привлекала внимание многих ученых. Назовем в этой связи коллектив, создавший фундаментальный трехтомник «История литератур западных и южных славян»³, где в III томе целый раздел посвящен литературе Второй мировой войны (автором главы о македонской литературе стала А. Г. Шешкен, а словенской — Т. И. Чепелевская). Вспомним прекрасное четырехтомное издание «Словенская поэзия восстания: 1941–1945»⁴, результат кропотливого труда ученых Б. Патерну, И. Новак-Попов и других, которые собрали, каталогизировали, составили комментарий и подготовили к изданию словенские поэтические тексты военного времени — от безымянных надписей на тюремных стенах до изданных в подполье сборников. Упомянем и небольшую по объему, но яркую антологию

под редакцией академика Г. Старделова «Югославская революционная поэзия»⁵, вобравшую в себя произведения на всех языках послевоенной Югославии. Публикаций, посвященных творчеству отдельных писателей, а также и обобщающих трудов — множество. Тем не менее поэзия военных лет все еще хранит в себе тайны и дает возможности для дальнейших исследований.

Одной из особенностей поэзии военных лет многие ученые называют преобладание жанра баллады, который располагает такими возможностями, как повествовательность, описательность, зачастую даже драматическое усиление напряженности и почти обязательная смысловая кульминация в конце текста. И действительно, в лирике того времени гораздо реже, чем до или после, появляются произведения с выраженной автономностью лирического «я», основанные на субъективной метафорике и индивидуальном внутреннем ритме. Такие произведения редки, но все-таки они есть.

Так, например, только в поэтический сборник «Стихи»⁶ (1953) македонского поэта, исследователя, впоследствии академика Б. Конеского вошли около двух десятков лирических стихотворений, написанных в первой половине 1940-х гг., — большинство из них обладают подлинным лирическим содержанием, без примеси повествовательного начала. Если не знать о настоящем времени их создания и читать, непосредственно воспринимая лирическое настроение можно увидеть, что в них содержится совсем немного отсылок к военному времени. Передаваемое в них эмоциональное настроение, будет понятно и близко человеку другого времени, в частности нашему современнику. Таким образом, поэзия перерастает хронологические рамки и, преодолевая свою злободневность, несет в себе общечеловеческое, гуманистическое послание, усиленное болью эпохи.

Среди этих произведений Б. Конеского есть, например, стихотворение «Молитва» («До појдеш ноку в шума...» / «Пойдешь ночью в лес...»), в котором передано характерное для военной поэзии чувство глубокой любви к родной земле, в своей молитве поэт обращается именно к ней, как к источнику жизненных и духовных сил:

Ставити трепетни борје
до небо таму се вишат,
тревите околу бујно
опоен омав дишат.
[...]

Земјо, радост ѝ треба
на една младешка снага,
Лекуј ме, лекуј, земјо,
од немир темен и тага!⁷

Приметы родной земли для каждого из поэтов, конечно, разнятся, но едина искренняя, глубокая любовь, которой пропитана военная поэзия и которая так и дышит из на первый взгляд описательных, пейзажных строк Б. Конеского, приведенных выше.

Интимный характер обращения к родной земле проявляется и в творчестве других поэтов, достигнутых войной. Один из них — словенский поэт — Ф. Балантич (1921–1943), как известно, имеющий весьма спорную историко-политическую репутацию, но с художественной точки зрения являющийся одним из ярчайших представителей словенской военной поэзии. Отметим, что его творчество основывается прежде всего на интимных переживаниях человека, в которых явно прослеживается общегуманистическая направленность. Как раз в стихах Балантича нет политической подоплеки, а потому кажутся обоснованными попытки многих словенских литераторов — М. Меяк, Т. Кермаунера, Н. Графенауера и др. — на протяжении нескольких десятилетий существования Социалистической Югославии вернуть этого поэта своему народу. Приведем целиком стихотворение Ф. Балантича «Molitev ob sončnem zahodu» («Молитва на закате»):

Razvezal pred Teboj prošnja sem culo,
naj romar se z molitvijo nasitim,
z banderom svojih dni sem pred Teboj,
nikoli več ne bo z viharjem plulo.
Zdaj legel bom ko cvetoč negnoj,
počijem v Tebi s srcem naj odkritim,
v črnici Tvojih rok se bo razsulo⁸.

Примечательно, что стихотворение, внешне построенное как обращение верующего к Богу, заключительной метафорой перерастает в молитву к родной земле. Эта прекрасная поэтическая метафора соединила в себе трепетное отношение к земле и как плодородному источнику полноценной человеческой жизни, и как последнему приюту, принимающему в себя человеческий прах⁹.

Горсть земли — как частица Родины, как воплощение чего-то дорогого, теплого, начального — имеет традиционное символическое

значение у наших народов, а потому нередко используется поэтами в своем творчестве. Так, этот образ появляется и у К. М. Симонова (1915–1979), русского писателя, в чьей лирике переплетаются интимное и гражданское начала, — в стихотворении «Родина» (1942), где он, обращаясь к своему соотечественнику и пытаясь понять, что такое родина, говорит, что понимание этого приходит перед лицом смерти, когда:

Ты вспоминаешь родину, такую,
Какой ее ты в детстве увидал.
Кусок земли, припавший к трем березам [...]
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.
[...] Но эти три березы,
Их, даже умерев, нельзя отдать¹⁰.

Смерть, мотив смерти является одним из самых распространенных в поэзии Второй мировой войны. Гражданская лирика всячески пыталась противопоставить естественному для человека страху перед смертью более высокие устремления, также как — свобода народа, счастье близких, светлый мир будущего. Так, например, для А. Шопова смерть — это всегда возрождение:

Ja saкам да бидам,
Ja saкам да видам,
крв, кокали, глави, раскинати црева,
тамо дека вечно грмеж одзева,
дека прскат бумби, картешници ржат,
[...]
бунтовничка песна да викнам, запеам,
и после да паднам од куршум пронизан,
за да з а ж и в е а м ...

(«Борба»¹¹)

С ним солидарен и словенский партизанский поэт К. Дестовник-Каюх (1922–1944), во время войны создавший, несмотря на свою молодость, подлинные образцы гражданской лирики, расхвалившиеся в списках и отзывавшиеся в сердцах многих. В стихотворении «Preko

smrti stopamo v svobodo» («Через смерть мы вступаем в свободу»; 1942, посмертная публикация 1945) поэт напрямую прибегает к метафоре плаката:

Krvava platna smo čez vso zemljo napeli,
[...]
To so naša platna,
ki razpeli smo jih čez zemljo,
da izgrebemo stopinje
preko smrti v svobodo¹².

Свобода и смерть связаны и в «плакатном» стихотворении К. Симонова «Слава», написанном в 1942 г. «Плакатная» форма будто бы придает стихам большую убедительность, весомость. Вместе с тем поэту, для творчества которого, как уже отмечалось ранее, характерно единение глубокой «интимности» и гражданского пафоса, удастся даже в этих гремящих призывом строках затронуть сокровенные струны души, обращаясь к образу плачущей матери:

И слава мертвых осеняет
Тех, кто вперед решил идти.
В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать¹³.

В сознании военных поэтов мотив смерти становится настолько связанным с мотивами свободы выбора и жажды продолжения жизни, что довольно быстро — в том числе по психологическим причинам — теряет свою плакатную атрибутику. Жизнь вопреки кровавым картинам реальности остается прекрасным даром, со всеми ее противоречиями и сложностями достойной того, чтобы хотеть жить. Примечательно в этой связи безымянное стихотворение того же К. Симонова, написанного в первый год войны (1941):

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай...

Поэт размышляет о тех ценностях, что дарует жизнь, ради чего он живет и с чем, собственно, не хотел бы расставаться и после смер-

ти. И оказывается, что в рай он бы взял с собой: любимую «ветреную, колючую», «друга верного» и, как ни парадоксально, своего врага, и дальше следуют такие строки:

Ни любви, ни тоски, ни жалости [...]

На земле бы не бросил я.

Даже смерть...¹⁴

В другом своем стихотворении «Смерть друга» (1942), посвященном памяти Е. Петрова, К. Симонов пишет: «Неправда, друг не умирает, / Лишь рядом быть перестает»¹⁵. Уместно вспомнить и строки великой русской поэтессы А. А. Ахматовой (1889–1966): «А было... — Довольно, не мучь себя, / И все, кого ты вправду любила, / Живыми останутся для тебя» («Памяти Вали», 6 ноября 1943 г.). Создается впечатление, что поэты осознанно, будто уговаривая самих себя, приписывают смерти особое значение перерождения, возрождения, что свойственно традиционному фольклорно-поэтическому сознанию наших народов, а также христианскому миропониманию.

Особо важную роль в военной поэзии играет мотив инициации, т. е. перехода из одного качественного состояния в другое — как при смерти, так и при рождении, — что вообще характерно для славянской народной культуры. Поэтому — например — глубоко народным и естественным в стихотворении А. Шопова «Карпош», посвященном П. Карпошу (†1689), жестоко казненному турками предводителю антитурецкого народного восстания 1689 г., представляется замечательная картина преображения простого человека в богатыря, в национального героя:

Бесните вие планински бури,
Плачите мртви рамнини бели,
Извивай клетви народ поробен —
Денес се јунак од тебе дели!¹⁶

Инициация героя, его выход из народа показаны как мучительное рождение, где вместо женщины-роженицы кричит от боли родина поэта, — горы, долины, леса и ветры отдают свои силы новому богатырю. (Связь с родной землей останется характерной приметой поэзии А. Шопова на протяжении всей его жизни.)

Образу матери, как и образу любимой, принадлежит особое место в военной поэзии. Самые интимные стихи на эту тему зачастую вос-

принимались как нечто большее, чем частное письмо, за образами матери и любимой можно было увидеть объединяющий образ Родины, и наоборот, в плакатный настрой гражданской лирики обращение к матери или возлюбленной приносило более задушевный настрой. Трудно сказать, чего больше — плаката или исповеди — в строках стихотворения К. Дестовника-Каюха «Materi padlega partizana» («Матери павшего партизана»; опубликовано 10 декабря 1942 г.): «Lepo je, veš, mama, lepo je živeti, / toda, za kar sem umrl, bi hotel še enkrat umreti!»¹⁷. Этому стихотворению словенского поэта очень близко по теме «Претсмертно писмо на еден партизан» («Предсмертное письмо партизана») македонца А. Шопова, призывающего проливающую слезы мать саму подняться на борьбу. Здесь явно преобладает призывное начало:

Куршум ме, мајко погоди,
погоди — гради понижа,
очи ми гаснат, темнеат,
[...]
Не плачи, мајко, затрај се,
не жали, мајко по мене,
избриши слзи крвави,
раскини црна шамиа,
у рации знаме прифани,
на рамо пушка нарами,
на борба права кинисаи,
за правда и за слобода
за нашта земја убава,
и мојта, мајко, освета!...¹⁸

Также он призывает восстать и свою любимую в знаменитом стихотворении «Љубов» («Любовь»):

Сред тие бури [...]

другарко моја, другарко златна, [...]

немој да тажиш,
немој да жалиш —

[...]
Очи ти, сакам молња да режат,
кипнати гради оган да горат,
врели ти усни жар да се сторат,
под твоите раце,

под твојата сила
 врагој да мрзнат
 и да се ежат —
 другарко моја, другарко мила!¹⁹

Вместе с тем в военной поэзии о любимых еще более важным становится сохранение глубоко человеческого чувства. Поэтому, например, до сих пор декламируются и поются в нынешней России стихи А. А. Суркова (1899–1983) «В землянке», написанные в ноябре 1941 г. и положенные на музыку композитором К. Я. Листовым (1900–1983):

И поет мне в землянке гармонь
 Про улыбку твою и глаза.
 [...]
 До тебя мне дойти нелегко,
 А до смерти — четыре шага.
 [...]
 Мне в холодной землянке тепло
 От моей негасимой любви.

Так и К. Дестовник-Каюх совсем забывает про призывный плакат, столь свойственный его поэзии, в проникновенном задушевном стихотворении «Kje si, mati» («Где ты, мама»), написанном приблизительно между сентябрем 1941 и июлем 1943 г., когда оно было опубликовано:

Kjerkoli si, povsod sem jaz s teboj,
 povsod je s tabo moj pozdrav,
 in kjer sem jaz, si tudi ti z menoj,
 zato ne misli, da sem sam ostal²⁰.

Эти подлинно лирические стихотворения, написанные простыми, обыденными словами, проникают в самую суть живительного, ценнейшего дара любви. Однако именно любви не разглядеть за потоками крови, за искореженными злобой и страхом лицами, за слезами, что заволочили глаза... В другой «Молитве» («Девочке занесен што му се молам...» / «Девочке, которой очарован, я молюсь») Б. Конеского лирический герой обращается к лику то ли девочки, то ли Пречистой девы, что вкрался в его сновидения, и просит:

веселба јасна, веселба јасна
 ил црна мака да би ми дал.
 Ил црна мака, само да суни
 музика в срце, в бескраен шир.
 ...Но место песна влегува в срце
 никаков смрзнат, безвучен мир.
 И ти се губиш печална, зашто
 угасна љубов во крвав свет²¹.

Безвучная пустота — там, где должно слышаться многоголосие человеческих чувств, песня или стих, что «нека ме носи, да ме окрилува!» («пусть меня несет, пусть окрыляет!») — как признается сам же Б. Конеский в другом лирическом стихотворении «Ноќна песна» / «Ночная песня»²², — оторопь застывшей от ужаса души становятся для поэтов самым тяжелым испытанием войны. Благодаря напору призывной «плакатной» поэзии создается впечатление, что весь ужас войны, безжалостной мясорубки, боль от гибели близких словно оказываются преодоленными в сознании поэтов военного лихолетья. Вместе с тем противоборство становится еще более острым на уровне подсознания: смирившись с происходящим наяву, примириться с ним в душе человек не может. Как признается в своей пронзительной, грохочущей «Балладе о сапоге»²³, пророчившей уже в 1938 г. распространение коричневой чумы, сильнейший поэт Югославии, один из основоположников современной македонской литературы К. Рацин (1908–1943):

И шлепает дальше сапог
 по лужам струящейся крови,
 по трупам, по мясу, по гною,
 и, гнойно-кروавый, вспрыгнет на грудь
 и, гнойно-кроавый, выцедит жизнь
 сквозь явь и сквозь сон...²⁴

Страшные образы настигают поэтов в их снах. Одним из самых убедительных по накалу кровавого ритма факта и сгущению его до фантазмагории предстает стихотворение А. Шопова «Сон» (смещение поэтического фокуса на нереальное, почти бредовое видение в сборнике, опубликованном в 1944 г., для того времени в определенной мере удивительно):

Пред мене труп...
 зад мене труп,

крај мојте нози се грчи брат
и крв му плиска од пресечен врат,
[...]
ја знам —
ке станам пепел сред²⁵.

Вдруг перед лирическим героем появляется прекрасный всадник на арабском скакуне, безымянный, но названный лишь как «Он», с заглавной буквы, сравнимый с Аполлоном, — то ли сказочный богатырь, то ли древнее божество. Его появление в тяжелейших трагических обстоятельствах становится кульминацией стихотворения и означает продолжение борьбы вопреки смерти:

И пак крикнуам облиен в пот:
— Здравје живот!
и се срушуам од зрно врело
крај ладните нози
на мојте другари!²⁶

Схожее чувство почти нереального сна наяву, но совсем по-иному передает знаменитый словенский поэт Э. Коцбек (1904–1981) в стихотворении «*Strašne sanje*» («Кошмары»; написанное во время войны, оно было опубликовано только в «Собрании сочинений»²⁷ 1977 г.):

ena sama pošastna, nedopovedljiva nesreča,
ki človek nikoli ne bo razumel njenega strahu,
nobenega izhoda, nobene rešitve, podivljane črede
[...]
...gazijo po svoji krvi, tulijo v poslednjo
tesnobo sveta, padajo, tulijo, hropejo, mukajo
in brez pomoči poginjajo v sebi in v meni²⁸.

Ощущения от чудовищного исторического зла поэт передает метафорически — как дикуно, захлебывающуюся в собственной крови скачку понесших лошадей.

Разгул окровавленного бешенства, дикая пляска смерти навсегда остаются в памяти тех, кому выпало на долю пережить их, дожить до победы, увидеть свой народ освобожденным. И уже в другом — мирном — танце будет выражена сила, мечта и память народа, как это увидел Б. Конески и передал свои чувства — смесь боли и отра-

ды — в послевоенном стихотворении «Тешкото»²⁹, опубликованном в сборнике «Земјата и љубовта» («Земля и любовь», 1948):

О тешкото! [...]
Се залула танец низ крвје и огон,
и повик се зачу и грмеж во чад —
те разнесе сегде бунтовната нога
по родниот кат.
О тешкото! Сега по нашите села
Во слобода првпат штом оро ќе сретам,
Зар чудно е — солза да потече врела,
зар чудно е — жалба јас в срце да сетам?!
До вековно ропство, мој народе, идеш
но носиш ти в срце дар златен и пој³⁰.

Память — это то, что хранится в сердцах, что помогает выстоять, даря образы любимых. Это то, что объединяет народы в единое целое и... разъединяет их. Воспоминания могут быть мучительны, но единственный способ освободиться от них — это забвение, смерть. Возможно, именно в этом и заключен ужас смерти, а иногда и ее благословение, что смог выразить в своем — основанном на противоречии любви и смерти, свободы и памяти — сонете «Свобода» Ф. Балантич:

pa se bojiš svobode, cest brez mej.
Razumeš? Sej nekje pač mora biti,
vem, da umiraš tudi ti po njej —
nekje se je najedel bom do sitega.
Nekje... Kjer bo lahko mi pozabiti
podobo matere, sestrá in prej
še doma se kadečega, razritega³¹.

Словенский ученый Б. Патерну в своих исследованиях приходит к выводу, что содержание поэзии войны по большому счету можно свести к трем основным тематическим пластам. Это темы освобождения, темы страдания и самый определяющий из всех пласт — надежда. Надежда представляется ему не столько темой, сколько основной причиной и основной перспективой поэзии Второй мировой войны. Этот вывод представляется нам верным, глубоко проникающим в суть. За воинственным призывом плаката и за интимной

исповедью-молитвой еще в большей мере видна надежда на жизнь, свободу, любовь. Пусть не для себя, но для своих близких, не сегодня — но завтра. Через кровь, боль, слезы — надежда на будущее.

Существует мнение, что события перестают быть живой современностью, когда вырастают три новых поколения, не участвовавших в них, т. е. приблизительно спустя 60 лет. И хотя, к счастью, живы участники тех тяжелейших лет, действительно, оглядываясь назад, уже можно говорить о том, что для современного подрастающего поколения Вторая мировая война стала историей. Наверно, именно благодаря этой отдаленности во времени, обращаясь к поэзии тех лет, можно надеяться обрести новую перспективу, очищенную от идеологического пафоса, с одной стороны, и от некоторой, так сказать, «усталости» в восприятии — с другой. Поэтические послания той эпохи предстают перед нами иначе, по-новому в свете нынешних катаклизмов, переживаемых нашими народами. На первый план выступают другие, чем некогда, критерии психологического восприятия и эстетической оценки. Вместе с тем существует нечто, накрепко связывавшее нас с нашими предшественниками, выстоявшими в то лихолетье. Вероятно, некая генетическая память народа, как и прежде стремящегося выжить, дать будущее своим детям. Вспомните строки «Клятвы» А. Ахматовой (1941):

Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Цит. по: *Шопов А.* Одбрани дела. Поезија. Скопје, 1976. Кн. 1. С. 23. «Встаньте, братья, поднимитесь / вместе плечом к плечу, / раз и навсегда положим конец / этим проклятым фашистам, / свободу принесем / нашей матери поработанной — / нашей Македонии...» (здесь и далее, где это не оговорено особо, подстрочный перевод автора статьи).
- 2 *Будагова Л. Н.* Введение // История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3. Ч. 3. Литература периода Второй мировой войны (1939–1945). С. 733–742.
- 3 История литератур западных и южных славян: В 3 т. / Редакционный совет: Л. Н. Будагова, А. В. Липатов, С. В. Никольский. М., 1997. Т. 1. 888 с.; Т. 2. 672 с.; 2001. Т. 3. 992 с.

- 4 Slovensko pesništvo upora: 1941–1945. Ljubljana, 1987. Knj. 1. Partizanske. 566 s.; Novo mesto, 1995. Knj. 2. Partizanske. 709 s.; 1996. Knj. 3. Zaledne. 596 s.; 1997. Knj. 4. Zaporniške in taboriščne, izgnanske, iz tujih enot. 629 s.
- 5 Југословенска револуционерна поезија. Антологија / Редакција и предговор Г. Старделов. Скопје, 1959. 188 с.
- 6 *Конески Б.* Песни. Скопје, 1953. 106 с.
- 7 *Конески Б.* Избрани дела во седум книги. Скопје, 1981. Кн. 1. Поезија. С. 78. «Статные трепетные сосны / до неба там возвышаются, / травы рядом буйно / дурманящими чарами дышат. // [...] // Земля, радость нужна / молодому телу, / Лечи меня, лечи, земля, / от тревоги темной и печали!»
- 8 «Я развязал перед Тобой узел просьб, / чтоб мне, страннику, молитвой насытиться, / с хоругвью своих дней я перед Тобой, / никогда больше не будет она на ветру развеваться. / Сейчас я лягу, словно цветущий ракитник, / чтоб отдохнуть в тебе открытым сердцем, / и в черноземе Твоих рук она рассыплется» (*Balantič F.* Zbrane pesmi / Zbral in uredil F. Ribernik. Ljubljana, 1991. S. 124). Совсем недавно эти и другие стихи Ф. Балантича были переведены на русский поэтом Н. Ивановым и опубликованы в кн.: *Балантич Ф., Дестовник-Каюх К.* Крик раздвоенной души. Два поэта Словении / Сост. Ю. Ругел. СПб., 2009. 103; 80 с. В переводе Н. Иванова стихотворение звучит так: «Узел прошений я развязал пред Тобой, / молитва пусть спасет меня — бродягу, / я с грузом дней стою перед Тобой, / и дальше мне не одолеть ни шагу. / Я лягу как ракитник, весь в цвету, / чтоб отдохнуть в Тебе с открытым сердцем, / что сыплется на части в черноту» (С. 90).
- 9 С таким пониманием перекликается стихотворение Анны Ахматовой «Родная земля», написанное уже после войны, в 1961 г.:

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах,
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

- 10 *Симонов К.* Избранные стихи. М., 1948. С. 51.
- 11 *Шопов А.* Одбрани дела. С. 4. «Я хочу быть, / Я хочу увидеть, / кровь, глотки, головы, разбросанные кишки, / там потому что вечно грохот откликается, / потому что взрываются бомбы, пулеметы ревут, /

- [...] // [...] / бунтарскую песню закричу, запою, / и после упаду пульей пронзенный, / чтобы зажить...»
- 12 «Кровавые полотна мы через всю землю натянули [...] Это наши полотна, / которые мы распяли через все землю, / чтобы, прорываясь, шагать / через смерть в свободу» (Slovensko pesnistvo upora: 1941–1945. Knj. 2. S. 319).
- 13 *Симонов К.* Избранные стихи. С. 54.
- 14 Там же. С. 116–117.
- 15 Там же. С. 55.
- 16 *Шопов А.* Одбрани дела. С. 5. «Беснуйтесь вы, горные грозы, / Плачьте, мертвые равнины белые, / Кричи проклятья, народ порабощенный, — / Сегодня герой от тебя отделяется!»
- 17 «Ты прекрасно знаешь, мама, жить — прекрасно, / но за то, за что я умер, я хотел бы еще раз умереть» (Slovensko pesnistvo upora: 1941–1945. Knj. 2. S. 335). В переводе на русский Н. Иванова: «...жизнь прекрасна, но сможешь ли ты понять — / за то, за что умер, готов умереть я опять» (*Балантич Ф., Дестовник-Каюх К.* Крик раздвоенной души. С. 79).
- 18 *Шопов А.* Одбрани дела. С. 9–10. «Пуля в меня, мама, попала, / попала — грудь пронзает, / глаза у меня гаснут, темнеют, [...] // Не плачь, мама, успокойся, / не горюй, мама, обо мне, / вытри слезы кровавые, / разорви черный платок, / руками знамя подхвати, / на плечо ружье вскинь, / на бой правый отправляйся, / за справедливость и за свободу / за нашу землю прекрасную, и мое, мама, отмщение!..»
- 19 *Шопов А.* Одбрани дела. С. 24–25. «Посреди тех бурь [...] / подруга моя, подруга золотая, [...] / не грусти, не плачь — / [...] // Очи твои пусть молнии пронзают, / кипящие груди пусть огнем горят, / горячие твои губы пусть в жар превратятся, / под твоими руками, / под твоей силой / пусть враг леденеет / и съезживается — / подруга моя, подруга милая!»
- 20 «Где бы ты ни была, я повсюду с тобой, / повсюду с тобой мой привет, / и где бы ни был я, ты тоже со мной, / поэтому не думай, что я остался один» (Slovensko pesnistvo upora: 1941–1945. Knj. 2. S. 312). В переводе Н. Иванова: «Но где бы ни была ты, я с тобой / повсюду каждый день и каждый час. / И ты, где б ни был я, всегда со мной, / я не один, навеки двое нас» (*Балантич Ф., Дестовник-Каюх К.* Крик раздвоенной души. С. 46).
- 21 «...веселье светлое, веселье светлое / иль черную муку мне бы дала. // Иль черную муку, только пусть звенит / музыка в сердце,

- в бескрайнюю ширь. / ...Но вместо песни лег на сердце / какой-то ледяной, беззвучный покой. // И ты исчезаешь печальная, потому что / угасла любовь в кровавом мире» (*Конески Б.* Избрани дела. Кн. 1. С. 70).
- 22 *Конески Б.* Избрани дела. Кн. 1. С. 11.
- 23 Стихотворение «Баллада о сапоге» было напечатана в ноябре 1938 г. в Белграде в журнале «Младост» («Молодость». № 4. С. 27).
- 24 *Рацин К.* Белые зори / Сост. Г. Тодоровский, А. Парпара. М., 1997. С. 45–46 (перевод с сербохорватского языка осуществил В. Суханов).
- 25 *Шопов А.* Одбрани дела. С. 14–15. «Впереди меня труп... / позади меня труп, / около моих ног корчится брат / и кровь у него брызжет из рассеченной шеи, / [...] / я знаю — / я стану пеплом посреди».
- 26 «И снова я крикну, мокрый от пота: / — Да здравствует жизнь! / и рухну от пули горячей / к холодным ногам / моих товарищей!»
- 27 *Кочбек Е.* Zbrane pesni. Ljubljana, 1977. Knj. 1. 284 s.; Knj. 2. 286 s. Словенский исследователь А. Инкрет в своей сопроводительной к публикации статье «Между землей и ужасом» свидетельствует о том, что поэтическая тетрадь «Пентаграмма» («Pentagram»), в которую вошло данное стихотворение, «возникла в начале словенского партизанского движения, а окончательно оформлена была в 50-е гг.» (*Inkret A.* Med zemljo in grozo // *Кочбек Е.* Zbrane pesni. Knj. 2. S. 249).
- 28 «Одна только чудовищная невыразимая беда, / страха которой человек никогда не поймет, / никакого выхода, никакого спасения, необузданные табуны / [...] ...пробиваются по своей крови, / режут в последнюю / тоску мира, падают, режут, хрипят, зовут / и беспомощно гибнут в себе и во мне» (Slovensko pesnistvo upora: 1941–1945. Knj. 2. S. 617).
- 29 Македонский мужской танец.
- 30 *Конески Б.* Избрани дела. Кн. 1. С. 31–33. См. также в двуязычном издании: Из века в век. Поэзия Македонии. М., 2002. С. 30–35. Перевод М. Зенкевича: «О тешкото! [...] / Твой пляс закружился в огне и тревоге / под грохот ружейный в кровавом бою, / и вихрь твой взметали мятежников ноги / в родимом краю. // О тешкото! Вот почему, если в селах / я вижу твои хороводы на воле, / становится грустно от песен веселых; / и сердце сжимается тяжело до боли. / Из рабства ты вышел, народ мой свободный, / в душе своей дар золотой пронеся...»
- 31 «...но ты боишься свободы, дорог без границ. // Понимаешь? Ведь где-то все-таки она должна быть, / — знаю, что умираешь и ты по

ней — / где-то я наемся ее досыта. // Где-то... Где я смогу забыть / образ матери, сестры и прежде / еще и дома тлеющего, взорванно-го» (*Balantič F. Zbrane pesmi. S. 125*). В переводе Н. Иванова: «...но боишься свободы, бескрайних дорог. // Понимаешь? Должно это где-нибудь быть, / — знаю, ты умираешь и хочешь забыть... / — где-нибудь наконец-то он сыт... // Где-то будет, наверно, легко позабыть / мать, сестер, а потом / наш дымящийся дом» (*Балантич Ф., Дестовник-Каюх К. Крик раздвоенной души. С. 91*).

Sozina Yu. A.

Between the Inmost and the Poster: Military Poems
by Soviet, Macedonian and Slovenian Poets

The article is an attempt to look at Soviet, Macedonian and Slovenian poetry of the period of the WWII from the point of view cleared of ideological or national-state affectedness and directed to universal ethic values.

Keywords: *WWII, Soviet poetry, Macedonian poetry, Slovenian poetry, lyric, affectedness of battle, intimate experience.*

*Д. Ю. Анисимова
(Москва)*

Ментальные и эмотивные предикаты в лирике П. Яника и М. Руфуса

Статья посвящена анализу функционирования в лирике предикатных единиц, обозначающих мыслительную и эмотивную деятельность человека. Автор пытается выявить некоторые релевантные черты, определяющие идиостилевую специфику миропорождающего субъекта лирики.

Ключевые слова: *идиостиль, миропорождающий субъект, предикаты внутреннего состояния; семантические актанты.*

В статье пойдет речь об идиостилевой специфике творчества двух современных словацких поэтов — Павла Яника и Милана Руфуса с позиции употребления ими ментальных и эмотивных предикатов. Творчество этих авторов будет являться предметом рассмотрения в данной статье, поскольку они принадлежат к двум разным поэтическим направлениям, являются яркими представителями своих поэтических направлений и диаметрально различаются как по манере письма, так и по тематике. П. Яник, как правило, пишет верлибром и принадлежит к «поэтам города и цивилизации». М. Руфус предпочитает рифмованный стих и относится к так называемым «деревенским поэтам» — во всяком случае, тема деревни и народно-фольклорные реалии занимают в лирике Руфуса центральное место.

На примере авторов, пишущих в максимально различной манере, мы покажем, какие основные смысловые оппозиции определяют специфику ментосферы/эмосферы автора — по О. Г. Ревзиной, тип миропорождающего субъекта является одним из факторов, формирующих коммуникативную составляющую авторского идиостиля¹. Будет рассмотрено, как Яник и Руфус употребляют «предикаты внутреннего состояния»², которые подразделяются на предикаты, обозначающие умственную (рациональную), и предикаты, обозначающие эмотивную (иррациональную) деятельность. Выбор для анализа именно предикатов обусловлен тем, что предикаты актуализируют в речи объекты действительности (в художественном дискурсе предикаты актуализируют текстовые проекции объектов, или реалии) и маркируют способ восприятия реальности тем или иным субъектом. При этом мы пользовались двумя основными методами,

которые взаимно дополняют друг друга, — это статистический метод и метод контекстуального анализа семантики соответствующих предикатов.

Статистический анализ показывает, что и у Яника, и у Руфуса ментальные предикаты составляют 11% от общего числа предикатных знаков. При этом авторы различаются по проценту эмотивных предикатов — у Яника эмотивные предикаты составляют 9% от общего числа, у Руфуса — 6%.

Группы ментальных и эмотивных предикатов также имеют внутреннее членение. За основу классификации ментальных предикатов мы возьмем схему, предложенную В. Г. Гаком³. Он выделяет:

- предикаты ментальной деятельности (думать);
- предикаты сохранения знания (знать);
- предикаты соответствия степени адекватности (казаться);
- предикаты познания (приходить в голову, решать, узнавать);
- предикаты распознавания или установления причинно-следственных связей (понимать).

В основе данной классификации лежат следующие семантические оппозиции:

- присутствует прибавление информации / отсутствует прибавление информации. На одной стороне находятся предикаты «знать» и «думать», на другой стороне — предикаты «узнавать» и «понимать»;
- достоверность / недостоверность информации. На одной стороне находятся все предикаты, кроме «казаться», на другой — предикат «казаться»;
- актуальная информация / неактуальная информация. На одной стороне находятся предикаты «знать», «мечтать», «узнавать», на другой стороне — «думать», «распознавать».

Статистический анализ показывает, что Яник и Руфус сходны в употреблении предикатов сохранения знания и ментального действия — у обоих авторов они занимают центральное место, однако поэты различаются в процентном соотношении прочих ментальных предикатов — у Яника третьими по степени значимости являются предикаты со значением неадекватности знания, у Руфуса — предикаты моментального распознавания.

Эмотивные предикаты, вслед за Анной А. Зализняк⁴, будем подразделять на две группы:

- предикаты эмоционального состояния (второй семантический акт, или объект эмоции, является причиной эмоции);

- предикаты эмоционального отношения (второй семантический акт является объектом эмоции).

В плане употребления эмотивных предикатов Яник и Руфус соотносимы по употреблению предиката эмоционального отношения «бояться» и эмотивно-оценочных предикатов отношения «любить, восхищаться», которые занимают в их лирике центральное место. В употреблении прочих эмотивных предикатов данные авторы различаются — в творчестве Яника частотными являются предикаты со значением интенсивного эмоционального переживания («раздражаться», «возмущаться», «воодушевляться» и т. п.), в творчестве Руфуса — предикаты со значением ослабленной эмоциональности («грустить», «болеть», «быть усталым»).

Далее, рассмотрим контекстуальную семантику ментальных и эмотивных предикатов в лирике П. Яника и М. Руфуса, прежде всего сочетаемостные характеристики предикатов (объекты, которые могут фигурировать в качестве первого и второго семантического актанта предиката) и ситуации, в которых данные предикаты употребляются. Мы начнем с предикатов ментального процесса.

У П. Яника⁵ субъектом мысли может являться как человек, так и неорганические объекты — в том случае, когда автор олицетворяет объекты, сконструированные человеком. В своих стихотворениях Яник неоднократно соотносит Бога-творца и подобного ему человека (вторичную реальность по отношению к Богу), соответственно объекты, сотворенные человеком, начинают мыслить, подобно человеку, сотворенному Богом. Мысль представляет собой импульс, идущий от трансцендентного существа. Неорганические объекты — самолет и вентилятор — думают о близких им реалиях: «*Lietadlá si namýšľajú / že sú viac ako lode. — Самолеты выдумывают, / что они больше, чем корабли*»; «*Sam sebe sa sniva / starý neznositel'ný ventilator, / krúti sa mu hlava, / namysla si, že je vrtuľník, / vie viac, než ostatní. — Сам себе снится / старый невыносимый вентилятор / у него кружится голова / он выдумывает, что он вертолет / он знает больше, чем остальные*»*.

Объектом мысли у П. Яника является

- возлюбленная. Лирический герой сравнивает возлюбленную с раскрытой книгой, которую он пытается прочитать, познать и понять: «*listujem v tvojich očiach — я, перелистывая страницы, читаю в твоих глазах*»; «*doteraz ťa mýlim s hudbou — я*

* Здесь и далее стихи П. Яника в переводе Н. Шведовой, Д. Анисимовой и Е. Тамбовцевой, стихи М. Руфуса в переводе Д. Анисимовой.

до сих пор путаю тебя с музыкой». Мыслить о возлюбленной есть естественная неотъемлемая составляющая внутренней жизни лирического героя, возлюбленная принадлежит одновременно макрокосму и микрокосму лирического героя;

- объекты внешней реальности. События во внешнем мире Яник соотносит с событиями во внутреннем мире (мыслительным процессом на тему возлюбленной). Ментальные процессы и события во внешней реальности являются для него одинаково значимыми и протекают независимо друг от друга: «*Vždy, keď myslím na teba / sväta nad Buenos Aires / a Atlantik má farbu tvojich očí.* — Всегда, когда я думаю о тебе, / светает над Буэнос-Айресом, / и Атлантический океан такого же цвета, как твои глаза». Мыслимыми объектами внешней реальности являются люди, впечатления от их поступков, при этом мысль неизбежно влечет чувство как следствие. Сначала лирический герой мысленно конструирует объекты, потом он конкретизирует, что он по этому поводу чувствует: «*Myslím na pamiatku zosnulých taxikárov / dojíma ma ich osud* — Я думаю о памяти усопших таксистов / меня интересует их судьба».

Основными контекстами употребления предикатов ментального процесса у Яника являются:

- изображение мыслительного процесса как способности, полученной извне: «*Naučili nas / iba byť, / iba myslieť, / naučili nas / iba popamäti siahať do večnosti.* — Нас научили / только жить, / только думать, / нас научили / только на память прикасаться к вечности»;
- Приход мысли извне, при этом мысль неоднократно сравнивается с солнцем, свет которого ослепляет лирического героя: «*Slnko vychádza v oknách / oslepuje myšlienkou.* — Солнце встает в окнах / оно ослепляет мыслью»; «*Kdesi sa zabýslo / akoby vo mne svítila spomienka na vznik vesmíru.* — Где-то сверкнуло / как будто во мне сверкнуло воспоминание о возникновении вселенной». Ослепляя человека, ментальный или рациональный процесс замещает в нем природную способность непосредственного восприятия действительности, следовательно, рациональное представляет собой явление высшего порядка по сравнению с эмоциональным. Таким образом, для П. Яника мыслительный процесс является приобретенным умением, изначально он направлен извне (от солнца или другого источника света) в микрокосм лирического

героя, и затем мыслительная способность становится связующей нитью между лирическим героем и внешним миром.

У М. Руфуса⁶, помимо лирического героя, субъектом мысли могут являться также дети, однако примечательно, что с предикатами именно ментального процесса наименования детей не сочетаются — по Руфусу, дети не думают, мышление как рефлексия есть особенность взрослого мировосприятия. Второй семантический акт предикатов ментального процесса находится в перспективе будущего и представляет собой нечто позитивное, что необходимо найти. Ментальный процесс, по Руфусу, представляет собой целенаправленный процесс поиска добра, частотным в лирике Руфуса является мотив поиска утраченного рая. Основными контекстами употребления предикатов ментального процесса у Руфуса являются:

- изображение мыслей о светлом будущем в контексте неблагоприятной реальности, в данном случае мысль — это сон, мечта, построение планов: «*Môj otec často, často snival / v chlapčenských rečiach túžby hráli / o bielych školách, o vlakoch.* — Мой отец часто, часто мечтал / в мальчишеских разговорах возникали мечты / о белых школах, о поездах». При этом Руфус неизменно дает самому факту мыслительного процесса позитивную оценку, поскольку субъект мысли живет и борется, а не пасует;
- изображение мыслительной деятельности как буйной активной стихии, которую надо остановить и утихомирить: «*Myšlienska dymí / nič nepatrí mi.* — Мысль дымит / ничто не принадлежит мне»; «*Utiš sa, myšlienka.* — Успокойся, мысль». Мысль рвется через край, как наводнение, дымит и шумит — мысль есть материальная экспансивная субстанция.

Далее, рассмотрим употребление данными авторами предикатов сохранения знания или предикатов, в значении которых отсутствуют семантические компоненты динамики процесса и качественного прибавления знания.

У Яника объектом предикатов сохранения знания является:

- отсутствующая необходимая информация: «*Ako keby som stratil pamäť / tak prenikavo a nedvojzmyselne odchádzaš.* — Словно я потерял память / так пронзительно и недвусмысленно уходишь ты»; «*nevidíme nič a nevieme o ničom* — мы ничего не видим и ни о чем не знаем»;
- информация, которая отличает лирического героя от остальных (я знаю больше, чем другие / другие знают больше, чем

я): «*Dodnes si neprestávam klast' hlupú / otázku / aký má táto náhodná spomienka skrytý zmysel? / Ostatní sa pytajú iba na to, / koľko stal ten taxík / a kto ho zaplatil. / Neviem. — Я до сих пор не перестаю задавать себе глупый / вопрос, / каков скрытый смысл этого случайного воспоминания? / Остальные спрашивают только, / во сколько обошлось такси / и кто за него заплатил. / Не знаю*». Лирический герой и окружающие противопоставляются по степени владения информацией, следовательно, божественная мысль распределена или воплощена в мире дисгармонично, между окружающими возникает непонимание. Частотным является также употребление местоимений всеобщности/отрицательных местоимений — характерными для лирики Яника являются выражения вида: «это все, что мы знаем» или «мы ничего не знаем».

Основными контекстами употребления предикатов сохранения знания у Яника являются:

- отсутствие знания или наличие негативного знания. Лирический герой обладает информацией, но лирическому герою данная информация не нравится: «*to, čo vies, ťa mrzí — то, что ты знаешь, тебя раздражает*», что также свидетельствует о дисгармоничности мира;
- противопоставление желательной информации/реальной информации: «*telefón, ktory nás zdanlivo spája so svetom / ale ty dobre vieme, / že nás spája iba s ďalšími s kanceláriami — телефон, который нас как будто соединяет с миром / но мы хорошо знаем, / что он соединяет нас только с другими канцеляриями*»;
- суммирование результатов лирической авторефлексии. В основном лирический герой называет события, связанные с его творческой деятельностью: «*Už viem, ako sa píšú básne. / V elegantnej košeli... — Я уже знаю, как пишут стихи. / В элегантной рубашке...*»; «*Viem, že za túto báseň dostanem k náhrade / alebo ju odpracujem v deň pracovného pokoja. — Я знаю, что эти стихи мне придется возместить / или я их отработаю в выходной день*».

По характеру субъективной оценки в лирике Яника выделяется негативное знание, позитивное знание и совместное знание. Негативным знанием обладают окружающие: «*V tlacových agentúrach ráтали mrtvých. / Nezarátali mňa. — В информационных агентствах подсчитывали мертвых. / Не учли меня*». Позитивным знанием обладают неоду-

шевленные объекты — солнце как источник жизни и трансцендентной мысли: «*Slnko dobre vie, / komu dať prízevitosť / a komu nie. — Солнце хорошо знает, / кому отдать предпочтение, / а кому нет*»; музыка как эстетическое воплощение мысли: «*Hudba, / ktorá jediná vie / o čom je delo. — Музыка, одна она знает, / в чем дело*»; и неорганические сконструированные объекты как следующее после человека звено передачи трансцендентной мысли: «*Sú slová cenné / vedia to iba počítače. — Слова ценны. / Это знают только компьютеры*». Совместным знанием обладает лирический герой совместно с возлюбленной, и данное знание является наиболее истинным и подлинным; любовь, таким образом, является высшим воплощением разума — подчеркнем, именно разума, а не чувства. Только в любви изначальный божественный порядок обретает гармоничное воплощение в реальной действительности и устанавливается взаимопонимание между людьми.

Также частотным в лирике Яника является изображение объектов, которые мучительно хочется вспомнить: «*Nemôžem sa rozpamätať na rytmus bubnov vo mne. — Я никак не могу вспомнить ритм барабанов во мне*»; «*Ako keby som stril pamäť, tak odchádzaš. — Слово я теряю память, так ты уходишь*».

У Руфуса, помимо лирического героя, субъектом знания могут являться дети, которые, хотя и не способны думать, обладают максимальным знанием по сравнению со взрослыми людьми: «*Deti vedia, čo m nevieme. — Дети знают то, чего не знаем мы*». Кроме того, максимальным знанием могут обладать персоналии трансцендентного происхождения — сам Бог и апостолы: «*Bosé nohy apoštolov sa rozumejú so svetom, / preto pamätajú a vedia svoju úlohu. — Босые ноги апостолов и мир понимают друг друга, / поэтому они <апостолы> помнят и знают свою задачу*». Минимальным знанием обладает человек, причем у Руфуса человек и животные приравнены друг к другу по минимальности знания: «*Vieš abecedu, / piš, / viac nemôžeš. — Ты знаешь алфавит, / пиши, / большего ты не можешь*»; «*čo oddávna už vedia hoci psi — это уже давно знают даже собаки*». Объектом предикатов сохранения информации в лирике Руфуса являются трансцендентные сущности или реальность за пределами человеческого ума и познания. Для Руфуса противопоставление «я/окружающие» является менее актуальным, чем для Яника, поскольку он рассматривает себя как одного из окружающих и априори предполагает, что другие обладают той же информацией, что и лирический герой стихотворения.

Соответственно, основными контекстами употребления предикатов сохранения знания у Руфуса являются:

- противопоставление ума и мудрости как противопоставление детства/взрослого состояния. Мудрость представляет собой предшествующую и следующую ступень относительно ума. Исходно мудростью обладают дети, и в конце жизни старики возвращают себе утраченную мудрость: «*Básnik / ako zahanbený školák / odpisuje tvoj príklad od detí.* — Поэт, / словно устыдившийся школьник, / перенимает образ Твой <Бога> у детей». Под мудростью Руфус понимает мгновенное и глубинное познание вещей, не требующее предварительных логических умозаключений, характерными для Руфуса являются выражения вида: «*nevedome vie* — неосознанно знает»; «*nevie, že vie* — не знает, что знает» и т. п.;
- противопоставление ума и мудрости как противопоставление земного/божественного. Лирический герой трактует жизнь как процесс утраты Мудрости и замены ее Умом, который представляет собой последовательное и поверхностное познание вещей. Истинное знание, которым можно обладать, — это знание о глубинной сущности объектов, и любая информация такого рода сама по себе является большим благом: «*My nevieme, my iba poznáme.* — Мы не знаем, мы только знакомы с этим». При этом о недостоверности реальности как таковой в лирике Руфуса речи не идет. Противопоставляется только большая/меньшая глубина достоверного знания;
- изображение знания и памяти как тяжести, при этом подчеркивается материальность памяти как сохраненного знания и позитивный характер возможного избавления от этой тяжести: «*milosť zabudnúť* — милость забыть»; «*Vypadla z neho pamäť.* — Из него выпала память».

Помимо предикатов ментального процесса и предикатов сохранения знания, Яник и Руфус употребляют также иные разновидности ментальных предикатов.

Для лирического субъекта Яника познание, как и распознавание, всегда направлено либо изнутри наружу, либо снаружи на лирического героя в сфере действия отрицания (я не понимаю окружающую действительность, окружающая действительность не понимает меня). Объекты из микрокосма адаптируются в макрокосме, познание путей адаптации есть получение необходимого знания. Окружающая действительность обманывает людей, люди думают, что мир один, на поверку мир оказывается иной: «*Starým ľuďom už nič nehovorí ich vlastné slová. Nerozumejú im.* — Старым людям уже ничего не говорят их

собственные слова. Они не понимают их». Информация недостоверна, грань между объективным и субъективным условна, поскольку мир дисгармоничен: «*Som si ťa len vymyslel / možnože vôbec nie si.* — Я тебя просто выдумал, / возможно, ты вообще не существуешь»; «*Balansujem na horizonte sna / som celý bez seba, nálady a peňazí.* — Я балансирую на горизонте сна / совершенно потерянный, без настроения и без денег».

Для лирического субъекта Руфуса актуальным является противопоставление спонтанного, скачкообразного познания и линейного познания, а также противопоставление социального знания, реализуемого наяву/индивидуального знания, с которым Руфус связывает трансцендент и волшебство, а также сон и детство. Ментальный процесс в трактовке Руфуса всегда обозначает поиск, предчувствие и предвидение: «*Len jedno srdce mám / tiež hľadá, / hľadá / posledný kľúč od božej záhradky.* — У меня есть только одно сердце / и оно тоже ищет, / ищет / последний ключик от Божьего сада»; «*Svedok je ten, / ktorú videl, / nie ktorú vie.* — Свидетель — это тот, кто видел, а не тот, кто знает». Частотными являются выражения вида: «знать заранее». Характерная антитеза в лирике Руфуса: «*Ešte viem, ale už tuším.* — Еще знаю, но уже предчувствую». Отметим также подчеркнутое противопоставление перцептивного предиката *vidieť* «видеть» и ментального предиката *vedieť* «знать». Руфус часто ставит данные предикаты рядом, в соподчиненных придаточных, акцентируя таким образом их формально-фонетическое сходство, постулируемое автором как сходство в том числе семантическое. При этом Руфус ставит перцептивное знание выше, чем знание логическое — в отличие от Яника, который считает мысль явлением более высокого порядка, чем зрение или непосредственное восприятие действительности.

Далее, рассмотрим контекстуальную семантику эмотивных предикатов в лирике Яника и Руфуса.

В лирике Яника боится не только лирический герой — боятся окружающие и, наконец, «*strach sa bojí sam seba* — страх боится сам себя». Тот факт, что эмоции испытывает не только лирический субъект, но также и остальные, свидетельствует, что противопоставление «я/окружающие» в идиостиле Яника в значительной степени условно и является следствием представления об исходной неправильности окружающей действительности в его картине мира. Страх представляет собой наиболее интенсифицированное воплощение дисгармонии. Лирический герой, равно как и остальные люди, боится того, что он не понимает, и одновременно страх сопутствует познанию или контакту с внешней реальностью, без страха нет познания. В ка-

честве вторых семантических актантов при эмотивных предикатах группы «бояться» в творчестве Яника могут фигурировать:

- объекты, предполагающие эстетическую оценку. Таковыми являются мелодия оркестра, картины в музее и возлюбленная лирического героя, воспринимаемая как эстетический объект: «*Neboj sa náhlych zhiknutí orchestra. — Не бойся быстрых выкриков оркестра*»; «*Prechádzaš sa / a neodvažujem sa riečiť, že hore nohami. — Ты проходишь / и я не осмеливаюсь сказать, что вверх ногами*»;
- природные стихии — воздух и вода: «*voda, ktorej sa bojím — вода, которой я боюсь*»; «*Vojíme sa neba, / pozorujete ho radarom. — Мы боимся неба, / мы наблюдаем за ним при помощи радаров*»;
- безобъектный страх, или страх во имя страха. В данном случае лирический герой боится не чего-то конкретного, а «все-го» или «чего-то неопределенного». Контекстами употребления предикатов со значением страха у Яника являются либо эстетические впечатления, либо столкновение с внешней реальностью. При употреблении предикатов, выражающих страх, в контексте столкновения микрокосма и макрокосма, Яник чаще апеллирует к деперсонифицированному страху, или страху во имя страха.

В лирике Руфуса, как и в лирике Яника, много субъектов страха — лирический герой, ролевые герои лирики, а также персонифицированные природные явления. Объектом страха в лирике Руфуса, как правило, является трансцендент, который в ментосфере Руфуса олицетворяет «истинную» информацию. Также частотным является изображение страха бедности. Примечательно, что у Руфуса лирический герой боится не только за себя, но и за близких ему людей — за возлюбленную, за мать, за детей, определяющим в данном случае является страх потерять их. Ср. например, антропоморфное изображение глины, выстроенное по данному принципу: «*Hlina sedí na vajčkách, / bojí sa o mláda v škrupine. — Глина сидит на яйцах / и боится за свое дитя в скорлупе*». Лирический герой Руфуса, таким образом, боится либо социальных явлений: «*Chudoba, strach i smiech si verbovala. — Бедность, ты вербовала страх и смех*», либо перехода в иную, трансцендентную реальность: «*Spredu je smrť strašná. — Спереди смерть страшна*». Отсюда стремление лирического героя постичь трансцендент еще при жизни. Контекстами употребления предикатов страха являются либо призыв к субъекту страха не бояться: «*Neboj sa, / láska*

a smrť su blíženci. — Не бойся, / любовь и смерть близнецы», либо призыв к источнику страха, чтобы этот источник не пугал субъекта страха: «*Odstup sa, les, / nestraš nás. — Отступи, лес, / не пугай нас*».

Следующую группу эмотивных предикатов в творчестве Яника и Руфуса составляют эмотивно-оценочные предикаты с позитивным значением (предикаты группы «любить», «нравиться», «восхищаться»). Авторы сходны в том, что лирические герои обоих любят своих возлюбленных/своих близких. Различие между ними состоит в том, что у Яника подчеркивается единичность любимой женщины, она принадлежит одновременно внешнему миру и внутреннему сознанию лирического героя и таким образом является звеном между лирическим героем и внешним миром. Руфус апеллирует к женщине как таковой, которая реализуется в трех различных ипостасях:

- женщина-мать как существо, которое любит лирического героя и которому он обязан жизнью;
- женщина-возлюбленная как существо, которым эстетически восхищается лирический герой и которое он боится потерять;
- женщина-дочь как существо, которое является объектом любви лирического героя, хотя эта любовь неизбежно сопряжена со страданием.

Далее, Яник и Руфус могут также восхищаться объектами внешнего мира. У Яника восхищение является следствием предварительного ментального процесса — нельзя восхищаться тем, о чем сначала не помыслишь, и эмоцию вызывает только некоторым образом сконструированный и освоенный объект: «*Je to už dávno, čo som si bol istý, / že mám ťa rád. — Давным-давно я был уверен, / что люблю тебя*»; «*Kto má rozum, / ten sa má, / všetko sa mu zjaví v mysli, / nikdy nie je bez nálady. — У кого есть разум, / у того все в порядке, / у того все отражается в воображении / и он всегда в хорошем настроении*».

Руфус в большей степени, чем Яник, тяготеет к восхищению абстрактными понятиями, вычлененными из конкретных реалий: «*Jár vládne mu, / on je vznešený. — Он во власти весны, он воодушевлен*». Так, в цветке лирического героя восхищает не сам цветок, но красота, воплощением которой является цветок: «*Vari je tak, že krasa, od poznania / odbremenená, srdcu počarí. — Действительно, красота, освобожденная / от познания, согреет сердце*». Кроме того, Руфус считает, что эмоциональное познание вещей представляет собой истинное познание, т. е. спонтанная эмоция является не следствием разума, но его высшим проявлением.

В употреблении предикатов эмоционального отношения Яник с Руфусом принципиально различаются по степени эмоциональной реакции на действительность или по степени экзальтации. Яник гораздо чаще употребляет предикаты импульсивной реакции, в его стихотворениях частотны предикаты: «меня злит», «меня раздражает», «меня выводит из себя» или «меня трогает», «меня воодушевляет», «меня лишает сна». При этом спонтанно-позитивная реакция у Яника более частотна, чем спонтанно-негативная: «*Nadchýna ma zvuk áut.* — Меня воодушевляют гудки машин»; «*Obdivujem ovzdušie premier.* — Я обожаю атмосферу премьер». Раздражает лирического героя отсутствие информации: «*Pýtate sa, / o čo ide / a to ma desí.* — Вы спрашиваете, / о чем речь, / и меня это раздражает».

Руфус, напротив, чаще употребляет предикаты, сигнализирующие боль, грусть и усталость, в его лирике частотны противопоставления энергичного прошлого и апатичного настоящего: «*ochladol v srdci kov* — в сердце остыл металл»; «*dolúbil som svoje* — я отлюбил свое». Далее, Руфус называет стихи и творческую деятельность как таковую «своей болью». Творчество в его трактовке неизбежно сопряжено со страданием: «*Bolí ma báseň.* — Мне больно от стихов». Также боль и грусть в понимании Руфуса сопряжены с утратой контакта с Богом: «*A tak mi bolo, / tak mi bolo, / akoby práve umrel Boh.* — И я себя так чувствовал, / так чувствовал, / словно только что умер Бог». Выражением утраты контакта с Богом является умственная деятельность, которая поглощает лирического героя и приносит ему страдания. Лирический герой также страдает от собственного опыта и от тяжести прожитых лет. Страдает и грустит не только лирический герой — страдают и грустят ролевые герои его лирики — матери, утратившие своих детей, и бедные люди из разных стран.

Таким образом, специфику употребления ментальных и эмотивных предикатов в творчестве каждого из двух рассмотренных лириков во многом определяет:

- наличие либо отсутствие принципиального противопоставления «я/другие»;
- утверждение приоритета разума по отношению к чувствам либо утверждение приоритета чувств по отношению к разуму;
- направленность ментальных и эмотивных процессов на реалии внешней действительности либо на трансцендентные сущности;

- связанная с этим привязанность к земному либо к божественному. Для рационального Яника в приоритете находится трансцендентная сфера, для иррационального Руфуса в приоритете находится реальная, земная действительность.

В конечном итоге определяющим фактором в употреблении предикатов внутреннего состояния каждым из рассмотренных авторов, на наш взгляд, является специфика заполнения второго семантического актанта у эмотивных предикатов со значением страха. В случае страха жизни можно говорить о «рациональной» доминанте у миропорождающего субъекта, в случае страха смерти — об «иррациональной». При этом рациональность/иррациональность идиостиля выражается не в проценте употребления ментальных либо эмотивных предикатов, но в направленности причинно-следственных связей между высказываниями, в которых употребляются указанные предикаты.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ревзина О. Г. Марина Цветаева // Очерки истории языка русской поэзии XX века: опыты описания идиостилей. М., 1995. С. 305–363.
- 2 Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- 3 Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. М., 1993. Вып. 9. Ментальные действия. С. 22–29.
- 4 Зализняк Анна А. Многозначность в языке... С. 444.
- 5 Здесь и далее цит. по: Janík P. Táranie nad hrobom. Bratislava, 2004.
- 6 Здесь и далее цит. по: Rúfus M. Presné ako chlieb a voda. Martin, 2000.

Anisimova D. Yu.

Mental and Emotive Predicates in Lyric of
P. Yanik and M. Rufus

The article is dedicated to analysis of functioning predicative unities in lyric, notifying mental and emotive human activities. The author tried to reveal some relevant features which define the idiosyncrasy of lyrical subject.

Keywords: *idiostyle, world-creative subject, predicates of the inner state, semantic actants.*

Т. И. Вендина
(Москва)

Общеславянские лексические соответствия в пространственно-временном аспекте

Статья посвящена исследованию вопроса пространственной локализации и временной стратификации лексем, имеющих общеславянское происхождение. Используя материал Общеславянского лингвистического атласа, автор доказывает, что, несмотря на праславянский характер отобранных для картографирования в Атласе лексем, в славянских диалектах отсутствует последовательное единство в их распространении. Ключевые слова: *Общеславянский лингвистический атлас, пространственная локализация, временная стратификация, лексика, славянские диалекты.*

XX век в истории славистики ознаменован своеобразной «диалектологической революцией» (Ж. Фурке), обеспечившей победу лингвистической географии: во всех славянских странах идет интенсивная работа по созданию диалектологических атласов самого разного типа (территориальных, национальных, межнациональных, проблемных, уровневых, интерпретационных и пр.).

Лингвистическая география прочно заняла свои позиции, став одним из важнейших источников лингвистической информации о внутренней динамике языковых, этнических и культурных процессов. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Благодаря лингвистической географии современная лингвистика вышла в сопредельные области знания, вследствие чего ее эпистемологический облик изменился. И сегодня она предстает как полипарадигмальная наука, в которой язык исследуется в разных аспектах — структурном, функциональном, когнитивном, пространственном и временном.

Утверждению идеи изучения языка методами лингвистической географии в огромной степени способствовала и работа над Общеславянским лингвистическим атласом — крупнейшим международным проектом XX в.

Информация, содержащаяся на картах Общеславянского лингвистического атласа, не только расширила сравнительно-историческую парадигму языкознания, но и опровергла скептическое отношение ряда ученых к возможностям лингвогеографии¹.

Карты Атласа говорят о том, что современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского, но выявление этих соответствий возможно путем синтеза сравнительно-исторического метода с методами лингвистической географии.

Задача любого атласа, как, впрочем, и любого лингвогеографического исследования, состоит в том, чтобы дать представление об общей картине распространения изучаемых явлений с целью выявления изоглосс и определения их топографической и лингвистической значимости. Однако этим задача не исчерпывается. Следующий логический шаг связан с интерпретацией выявленных изоглосс в плане их обращенности в прошлое².

Трудность, однако, заключается в том, что в отечественной лингвистической географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы принципов научного осмысления картографических данных в пространственно-временном аспекте, а тем более методика чтения карт разного типа³. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

Объясняется это во многом тем, что лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам... Кроме того, недовостребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации» (Гриценко 2004: 86).

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-методического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсив-

ного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае сводится к описательной процедуре.

Между тем методика описания выявленных диалектных фактов и их интерпретация имеет свою специфику по отношению к методологии общего языкознания.

Иллюстрацией этой специфики может служить метод рекартографирования как один из способов прочтения лингвогеографической информации, содержащейся на карте. Он имеет своей целью упорядочивание материалов, представленных на карте, и укрупнение ареалов картографируемых лексем. Карта таким образом из иллюстрации превращается в самостоятельный объект анализа, и факты, отраженные на ней, становятся особенно значительными благодаря избранному масштабу исследования.

В этом отношении материал Общеславянского лингвистического атласа является особенно ценным. Он дает возможность по-новому взглянуть на межславянские лексические параллели и обратиться к изучению специфики отдельных славянских диалектов как компонентов славянского континуума в целом. А прием рекартографирования позволяет более четко представить сведения о характерных лексических особенностях тех или иных диалектов, рассмотрев их в общеславянском контексте. Общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих особенностей отражают и продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи.

Ценность материалов Общеславянского лингвистического атласа определяется еще и тем, что каждый том его лексико-словообразовательной серии организован по принципу тематической соотнесенности выбранных для картографирования лексем, а это значит, что при сравнении языковых явлений учитывается принцип тематической системности корнеслова, что предполагает параллельное соотношение как в корневой, так и в словообразовательной морфеме, чем достигается высокая степень достоверности результатов исследования.

Карты Общеславянского лингвистического атласа свидетельствуют о том, что, несмотря на праславянский характер отобранных для картографирования лексем, в славянских диалектах отсутству-

ет последовательное единство в их распространении: не порывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому, наряду с типологическим сходством, в них отчетливо выявляются и различия. Материал, представленный на картах, в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным. Изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости. Праславянские лексические единицы сосуществуют на картах Атласа в одном хронологическом срезе с более поздними образованиями, являющимися фактом уже собственной истории отдельных славянских языков.

Задача поэтому заключается в том, чтобы найти надежные критерии хронологического расслоения этого материала, которыми слаvistика, к сожалению, пока не располагает.

Сегодня в лингвистической географии прочно утвердился тезис основателя «неолингвистической» школы М. Бартоли о существовании взаимосвязи между географическим распространением языкового явления и временем его возникновения. Это положение явилось ключом к осмыслению проблемы разграничения архаизмов и инноваций и определения центров иррадиации новых явлений. Однако «закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений, сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, т. е. они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях» (Клепикова 2008: 363). Как справедливо отмечал Р. И. Аванесов, «из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если... используются данные языка письменных памятников, языковые данные сопоставляются с данными истории материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» (Вопросы 1962: 25). Трудности диахронической интерпретации фактов, синхронно зафиксированных на лингвистических картах, порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде: исследователь может лишь констатировать самый факт «специализации времени». При «декодировании проблематичны, по крайней мере, два момента.

С одной стороны, исследователь на базе синхронных фактов строит чисто *логическую* модель диахронических отношений, что вовсе не означает адекватного отражения соответствующих процессов. С другой стороны, пока не удастся точно сформулировать процедуру дешифровки хронотопической информации, содержащейся в двухмерном пространстве (плоскости) лингвистических карт, которая может способствовать достоверному восстановлению стадий в истории тех или иных явлений. Поэтому на современном уровне развития ареалогии приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой» (Клепикова 2008: 364).

Думается, однако, что при оценке межславянских ареальных связей и хронологической стратификации материала необходимо принимать во внимание прежде всего такой классификационно-существенный признак, как пространство, т. е. учитывать характер ареала корреспондирующих лексем — общеславянский или локально ограниченный. Однако и этот признак не является необходимым и достаточным, так как территориально ограниченные связи имеют тоже важное значение. Поэтому его необходимо дополнить другим, не менее существенным признаком — место локализации ареала (в одной, двух или трех языковых группах), ибо пространственная характеристика ареала многое проясняет в природе выявленных схождений.

Характер ареала той или иной лексики дает возможность рассмотреть ее не только в пространственном, но и временном аспекте, ибо ареал несет информацию о времени и условиях его развития и формирования.

При этом, устанавливая относительную хронологию выявленных изоглосс, необходимо принимать во внимание следующие диагностирующие признаки.

Формально-картографические признаки ареала

1. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).

2. Место локализации ареалов, т. е. находятся ли ареалы в трех языковых группах (в восточной, западной, южной), в двух (в восточной и западной, в восточной и южной или в западной и южной) или только в одной группе, что является важным при хронологической стратификации материала.

3. Качественная характеристика ареала — обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер его границ (ровные границы или резаные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дисперсным).

Однако помимо ареальных признаков при определении относительной хронологии выявленных изоглосс чрезвычайно важную роль играют и собственно лингвистические критерии.

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы корреспондирующих лексем (производный/непроизводный).

2. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с корреспондирующими лексемами.

3. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых групп).

4. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.

5. Характер значения корреспондирующих лексем (прямое или переносное).

6. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).

7. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или они вписываются в некую микросистему).

8. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных схождений невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя).

Эти классификационные признаки не претендуют на статус единой всеобъемлющей модели интерпретации лингвистической карты (тем более что создание такой модели в связи с многообразием типов атласов вряд ли выполнимая задача). Однако они позволяют, как представляется, соотнести генетический и ареальный критерий и установить относительную хронологию выявленных изоглосс, ибо «смысл лингвогеографического метода — в его эвристических возможностях, в том, что пространственное распределение языковых феноменов диагностирует их временную развертку, их генезис» (Мартынов 1983: 5).

Пространственный критерий дает возможность определить тип ареала, а также его локализацию. При этом наибольшей диагности-

рующей силой при определении относительной хронологии соотносительных явлений обладают не только масштабные, но и дистантные, обширные или островные ареалы, ибо наличие изоглосс, связывающих языки, удаленные на очень большое расстояние, говорит о том, что «языковая общность, сосредоточенная первоначально на сравнительно ограниченной территории, с течением времени рассеялась» (Принципы 1976: 184)⁴. Языковые явления, отмеченные в дистантных ареалах, могут сигнализировать, однако, не только о более древних контактах между двумя этносами или этническими группами в пределах одного этноса, но и о независимой параллельной инновации, а также о сохранении общего архаического фонда (подробнее см.: Гриценко 1988: 104–105).

Немаловажной является и качественная характеристика ареала, так как микроареалы являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм.

При этом следует отметить, что каждый тип ареала требует к себе особого внимания, поскольку даже так называемые *чистые ареалы* (когда существенных диалектных различий не наблюдается) или *мозаичные* (когда четкие изоглоссы выявить не удается) свидетельствуют о разных внутрдиалектных процессах и их временной глубине.

Что касается лингвистического критерия, то здесь чрезвычайно важным является характер основы выявленных корреспонденций, поскольку славянские лексемы с непроизводной основой (особенно если они имеют дериваты в языках разных языковых групп) будут обладать большим классификационным весом при хронологической стратификации материала, нежели их производные. И наоборот, «лексемы, строение которых в плане их словообразовательной структуры является прозрачным, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122). Это, однако, не означает, что лексемы, представленные производной основой, следует исключить из поля зрения. Ведь даже «Этимологический словарь славянских языков» — это словарь словообразовательно-этимологический, и «его задачей является инвентаризация праславянского пласта лексики славянских языков во всем словообразовательном многообразии, а отнюдь не одной только корневой лексики» (Трубачев 1967: 35)⁵.

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования корреспондирующей лексемы, в частности отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует о ее своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале. Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает и фактор системных отношений.

В этой связи существенным критерием является характер значения корреспондирующих лексем, так как диалектные названия, «возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале» (Дзендзелевский 1963: 97).

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте, — двучленный или многочленный, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные⁶.

Несмотря на это, провести хронологическую стратификацию представленного на карте материала и решить вопрос об архаичном характере тех или иных лексем по-прежнему трудно, поскольку «в лексике, более чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междиалектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других» (Клепикова, Попова 1968: 106). Думается, однако, что в решении этого вопроса важная роль принадлежит именно ареальному критерию, ибо локализация лексемы на всем пространстве terra Slavia (даже если она будет представлена в виде островных ареалов) является убедительным свидетельством ее архаичности (при условии, конечно, если это не позднее заимствование из неславянских языков).

Поэтому именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектным членением праславянской языковой общности и хронологической стратификацией картографируемого материала, «именно оно структурирует многообразные микросистемы тех языков, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство, накладывая на них неизгладимый отпечаток пространственной характеристики» (Макаев 1965: 18).

В рамках небольшой статьи невозможно подробно рассмотреть каждый из критериев, поэтому предметом нашего внимания будут формально-картографические признаки ареала, рассмотренные на материале шестого тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Выбор данного тома в качестве информационной базы определяется тем, что в нем впервые отражена вся территория Славии, включая болгарские диалекты⁷.

Прием рекартографирования материалов этого тома показал, что среди межславянских лексических параллелей нет ни одной лексемы, которая, будучи общеславянской, равномерно покрывала бы всю территорию Славии. Как правило, эти немногочисленные лексемы (ср. *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин'; *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво') имеют повсеместное распространение на одних территориях и ограниченное — на других (причем две из них — *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин' имеют локальные ограничения именно в русских диалектах).

Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

Так, в частности, лексема *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время'⁸ (рус. *o'b'et, o'b'et, o'b'ied, a'b'et, a'b'et; укр. o'b'id, o'bid, o'b'id, o'byed, ho'b'id, u'bit; блр. a'b'et, a'b'et, a'b'ed, o'b'ed; плс. ob'at, objat, uobjot, uob'ot, obzat; луж. ob'et, wob'et; чеш. vobjet, vobjet, vobit, objet, wubjet; слц. objet, obet, obit, objed; слн. o'bet; 'obet, 'obit; хрв. o'bed, o'bed, o'bid, 'obed, 'ubjed; серб. o'bet, o'b'jed, 'bed; мак. obet; блг. 'obet, u'b'at*) равномерно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет ареальные ограничения во всех южнославянских диалектах (см. карту-схему 1);

лексема *večer-j-a* к. 62 'ужин, вечерняя еда' (рус. *v'ačer'a, v'ačer'a, v'ičer'a, v'ačer'a, v'ačer'a, v'aš'er'a; укр. večera, v9čer'a, vyčera, večer'a, vyčyr'a; блр. v'ačera, v'ačera, v'ečera; плс. v'ečera, 'vječeřa, 'vječeřa, v'eceřa; луж. w'ečer'ja, w'ecer'ja, jacer'ja; чеш. večere, večere, večer'a, večere; слц. večera, večera; слн. vačerja, vič:rja, v'či:rja, v'čierja, veče:rja; хрв. večera, večera, vičera, večig:ra, vačarja; серб. večera, večera, večera, večera; мак. večera, vičera, 'w'eč'era; блг. večera, večera, vič'er'a*) имеет плотный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских и ограниченный латеральный ареал в русских диалектах (см. карту-схему 2);

лексема *večer-j-a-j-e-ть* к. 64 'ест ужин' (рус. *v'ečer'a, v'eč'er'ajot, v'ačer'ajot, v'ičer'ait'; укр. večer'aje, večer'a, v9čer'aje, v9čer'a, v9čer'ajot, vyčeraje; блр. večeraje, vyčeraje, v'ačer'ijic', v'ačeraje; плс. večera, v'ecežo, 'večeřa, v'ecežg; луж. večer'at', jacer'ja, w'eč'er'ja; чеш. večer'i, večer'i; večer'i; večer'a; večer'g; слц. večera.; večera.; večerja; слн. vačerja, v'čierja, w'ečierje, v'čierje; хрв. večera, vičera.; večig:ra, vačarja, večera, vyčera; серб. večera: večera.; večera; мак. večerat, večera, 'w'eč'era, vič'era; блг. večera, večera, vič'er'a*) широко представлена во всех славянских диалектах, за исключением польских и русских, где ее локализация ареально ограничена (см. карту-схему 3);

лексема *sěr-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' (рус. *'s'era, 's'er'a; укр. 'sara, 's'ara; блр. 's'era; плс. sara, šara, šara; луж. sera, syra; чеш. šara; слц. šara, šara; слн. 'ser'e; хрв. 's'era, s'j'era; серб. 's'era, 'š'era, s'j'era; мак. 's'era, 's'ara; блг. 's'era, 's'ara*) имеет островные или даже точечные ареалы во все славянских диалектах, за исключением польских, где она имеет повсеместное распространение (см. карту-схему 4).

Из всех перечисленных лексем, пожалуй, только лексема *ob-ěd-ъ* (рус. *o'b'et, a'b'et, o'b'et*) имеет общерусское распространение. Все остальные в русских диалектах локально ограничены: лексема *sěr-a* (*'s'era*) встречается sporadически в севернорусских говорах (Волог. пп. 587, 612; Яросл. п. 683), среднерусских (Новг. пп. 635, 636; Твер. пп. 682, 700), а также в западной группе южнорусских говоров (Смол. пп. 746, 758, 771). Примечательно, что ареал этой лексемы тянется узкой полосой с северо-запада на юг, и нигде, кроме польских диалектов, не имеет тотального распространения. Такой прерывистый характер ареала свидетельствует, как представляется, о древних трансдиалектных связях, продолжающих отношения исходной системы. При этом не исключено, что в прошлом ареал этой лексемы был значительно шире.

Совсем иной ареал имеют лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-ть*. В русских диалектах распространение лексемы *večer-j-a* (*v'ečer'a*) ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими и брянскими (Смол. пп. 747, 758, 771, 784; Брян. пп. 797, 798, 799, 811, 812, 813, 814, 822) и примыкающими к ним с юга белгородскими (Белгор. пп. 841, 844, 845, 848), тогда как на остальной территории Славии, за исключением польских диалектов, лексема *večer-j-a* имеет повсеместное распространение.

Немного шире в русских диалектах и ареал лексемы *večer-j-a-j-e-tь* (*v'əč'a'r'ejət*, *v'əč'er'əjic'*, *v'a'čerajic'*), локализуемой также в основном в говорах южнорусского наречия (Смол. пп. 758, 771, 784; Брян. пп. 797, 798, 799, 811, 812, 813, 822; Ряз. 795; Тул. п. 791; Калуж. п. 788; Курск. пп. 835, 837; Белгор. пп. 838, 841, 844, 845, 848), реже в западных среднерусских говорах (Пск. п. 675). Такой же ограниченный ареал отмечен только в польских диалектах, где с этим глаголом конкурирует описательная конструкция *ěs-tь (kolacij)-q (je kolacjo, je kolacyje)*, тогда как во всех остальных славянских диалектах наблюдается повсеместное распространение лексемы *večer-j-a-j-e-tь*.

Таким образом, обе лексемы характерны в основном для западной группы говоров южнорусского наречия. При этом следует отметить, что они плотно покрывают территорию украинских и белорусских диалектов, а также западно- и южнославянских языков, т. е. совершенно очевидно, что такая ограниченная локализация этих лексем в русских говорах — явление не случайное, а вполне закономерное, если принять во внимание тенденцию к сужению ареалов праславянских лексем.

О том, что эти лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития, свидетельствуют прежде всего памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: **кгда твориши обѣдъ или вечерю**. Панд. Ант. XI в.; **Сладькаа вечеря и сласть, хлѣвъ ти соль, новаа гадь**. Гр. Наз. XI в.; **Видиши обѣды и вечера и питѣння и прелестъ и говоръ**. Златостр.; **оуготован чьто вечераж**. Остр. Ев.; Панд. Ант. XI в.; **вечеряхомъ много же бесѣдовавъше**. Мин. Чет. февр. 288 — Срезн. I: 251–252). Значительно позднее, не ранее XVI–XVII вв., появляются в современном значении лексемы *ужин* и *ужинать* (см. Черных II: 285).

Данная ситуация находится в полном соответствии с положениями лингвистической географии: «Когда какое-либо новое языковое явление распространилось до того, что оно охватывает уже почти всю, но не целиком всю территорию данного языка, то понятно, что старое, теперь, так сказать, затопленное другим явлением сохраняется только кое-где в отдаленных углах. Поэтому можно предположить, что одинаковые языковые явления, находящиеся теперь в разных углах данной территории, представляют собой отдельные остатки некоторого старого явления, некогда охватывавшего целую территорию, но теперь отступившего перед наплывом нового» (Теньер 1966: 114).

Об этом же свидетельствует и еще существующее в тех же южнорусских и западных среднерусских говорах явление конкуренции лексем с корнями *večer-* и *už-*, ср.: п. 675 *'užynəjət*, *v'əč'a'r'ejət*; п. 747 *'vužyn*, *v'a'č'era*; п. 771 *v'a'č'era*, *'vužyn*; *'vužynajic'*, *v'a'č'erajic'*; п. 784 *v'a'č'er'a*, *'užyn*; *v'əč'er'əjic'*, *'užynəjic'*; п. 788 *'vužyn*, *v'a'č'er'ə*; *'vužynəjit'*, *v'i'š'er'it'*; п. 791 *'užynəit'*, *v'i'č'er'i:t'*; п. 797 *'užynat'*, *v'a'č'er'it'*; п. 798 *'užyn*, *v'a'č'er'a*; п. 799 *'vužyn*, *v'a'č'er'a*; п. 811 *v'a'č'er'a*, *'užyn*; п. 814 *'vužyn*, *v'a'č'er'a*; п. 822 *'vužyn*, *v'a'č'er'a*; *v'a'č'er'əjət'*, *'vužynait'*; п. 837 *'vužynait'*, *v'i'č'er'ət'*; п. 844 *v'i'č'erə*, *'vužyn*; *v'i'č'er'əjit'*, *'vužynəjit'*; п. 845 *'užyn*, *v'i'č'er'a*; *'užynəjit'*, *v'i'č'er'əjit'*.

Близость украинских и белорусских диалектов, в которых лексемы *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tь* имеют тотальное распространение, а также наличие межъязыковых контактов поддерживает «витальность» этих лексем в южнорусских говорах и сказывается положительно на их существовании.

Таким образом, характер ареала несет информацию о времени и условиях его формирования, в данном случае карты 62 'ужин, вечерняя еда' и 64 'ест ужин' дают представление об эволюции ареалов лексем *večer-j-a* и *večer-j-a-j-e-tь*, которая заключалась в постепенном сужении их за счет широкого распространения более поздних лексем с корнем *už-*.

Прием рекартографирования позволил обнаружить также, что разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, начинается часто с юго-востока южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала корреспондирующих лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексем *mqk-a* к. 11 'мука, из которой пекут хлеб' (см. карту-схему 6); или *ob-ěd-ъ* к. 59 'обед, еда в дневное время' (см. карту-схему 1) и др.)⁹.

Картографирование лексем, имеющих общеславянский характер распространения, показало, что они локализируются в пространстве *terra Slavīa* неравномерно, поэтому на карте образуются ареалы, в которых их концентрация достигает максимума (см. карту-схему 5):

это прежде всего **диалекты чешского, словацкого, лужицких, украинского и белорусского языков**, территория которых покрыта практически полностью этими лексемами; во всех остальных диа-

лектах их концентрация имеет очаговый характер: в польских — это северо-восток мазовецких говоров (пп. 251, 262–264, 266, 272–275, 285–287, 295, 297), юг малопольских (пп. 291, 294, 301, 303–305, 307, 309–313, 316–321, 323–325), запад великопольских (пп. 248, 254, 256, 258, 261, 269, 278, 280), некоторые кашубские (пп. 245–246, 249–250), шленские говоры (пп. 277, 288, 290, 308);

в словенских диалектах — это отдельные пункты приморских (п. 1), штаерских (п. 17), паннонских (п. 20) и прекмурских (п. 149) говоров;

в хорватских диалектах — это широкая полоса кайкавских (пп. 27–32), чакавских говоров (пп. 23–25, 37, 42–44, 56, 146а–148а);

в сербских диалектах — это очаг штокавских говоров в Черногории (пп. 71–77), а также отдельные пункты штокавских говоров в Боснии (п. 48) и Сербии (пп. 79, 84–85);

в македонских диалектах — это отдельные пункты в говорах северного наречия (п. 98), а также в говорах Эгейской Македонии (пп. 106–109, 112–113а);

в болгарских диалектах — это в основном юго-восточные (пп. 126, 133–134, 139–140, 850–852) говоры и отдельные пункты северо-восточных (п. 136) и западных говоров (пп. 115, 121);

в русских диалектах — это преимущественно западная группа южнорусских говоров — брянских (пп. 797–799, 811–813, 822), смоленских (пп. 758, 771, 784), а также белгородских (пп. 841, 844–845, 848).

В общей картине ареальных связей славянских диалектов эти общеславянские лексемы обладают высоким классификационным весом, так как являются свидетельством древних диалектных отношений славянских языков, разрушенных их многовековой историей¹⁰.

Таким образом, материалы Общеславянского лингвистического атласа говорят о том, что архаическое явление может быть зафиксировано не только на значительной по своим масштабам территории (как принято считать со времен неолингвистов), но может иметь и островной характер.

К этой группе межславянских лексических соответствий тесно примыкает другая группа лексем, распространенных также практически повсеместно, но отсутствующих в юго-восточной зоне южнославянских языков (ср., например, распространение таких лексем, как *mqk-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ (см. карту-схему б); *сь-met-*

an-a к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ (см. карту-схему 7). Их относительная хронология также достаточно древняя, так как они сформировались, по-видимому, в тот период, когда южнославянские диалекты еще не были оторваны от севернославянских.

Итак, картина общеславянских ареальных связей свидетельствует о том, что они относятся к истокам формирования славянского языкового единства. Однако в ходе исторического развития они оказались разрушены процессами, протекавшими в разных частях Славии самостоятельно и приведшими к последующему диалектному членению и образованию современных славянских языков. Поэтому при характеристике межславянских связей необходимо принимать во внимание фактор их постепенного изменения во времени и в пространстве и допускать для разных эпох не только расширение или сужение их ареалов, но и изменение их локализации и конфигурации.

Такая неоднозначная картина общеславянских ареальных связей согласуется с современными взглядами на праславянский язык как на систему чрезвычайно сложную, развивающуюся и диалектно дифференцированную¹¹. А это значит, что степень родства даже между близкородственными языками является величиной переменной, способной менять свое значение в разные хронологические периоды. И лишь строгое соотнесение данных сравнительно-исторического языкознания с данными лингвистической географии позволит ответить на вопросы, которые неизменно волнуют исследователей: *Что? Когда? Куда? Откуда?*

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист 1963 — Бенвенист Э. Классификация языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Бородин 1980 — Бородин М. А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов. Л., 1980.
- Вопросы 1962 — Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Гриценко 1988 — Гриценко П. Ю., Стоянов І. А. Українсько-інослов'янські лексико-семантичні міжзональні паралелі // Слов'янське мовознавство. Х Міжнародний з'їзд славістів: Зб. доповідей. Київ, 1988.

Гриценко 2004 — *Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М., 2004.

Дзензелевский 1963 — *Дзензелевский И. А.* Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // Вопросы языкознания. 1963. № 4.

Иванов 1993 — *Иванов В. В.* История и современное состояние диалектов славянских языков на картах Общеславянского лингвистического атласа // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов: доклады российской делегации. М., 1993.

Клепикова, Попова 1968 — *Клепикова Г. П., Попова Т. В.* О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // Вопросы языкознания. 1968. № 6.

Клепикова 2008 — *Клепикова Г. П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. М., 2008. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем).

Климов 1990 — *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.

Куркина 1992 — *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.

Макаев 1965 — *Макаев Э. А.* Проблемы и методы сравнительно-исторического языкознания // Вопросы языкознания. 1965. № 4.

Мартынов 1983 — *Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. М., 1983.

ОЛА 2007 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 2007. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи.

Принципы 1976 — Принципы описания языков мира. М., 1976.

Срезн. — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. 1–3.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Т. 1.

Теньер 1966 — *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5.

Трубачев 1967 — *Трубачев О. Н.* Работа над этимологическим словарем славянских языков // Вопросы языкознания. 1967. № 4.

Трубачев 2002 — *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002.

Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н. С.* Фонология и лингвистическая география // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.

Черных — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т. I–II.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М., 1974. Т. 1.

Bartoli 1925 — *Bartoli M.* Introduzione alla neolinguistica. Genève, 1925.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., например, высказывание Н. С. Трубецкого о том, что «всякое отдельно взятое слово, которое обнаруживает какое-то звуковое изменение, распространяется в своих собственных границах и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно» (Трубецкой 1987: 32).

² Ср. в связи с этим довольно жесткое определение целей и задач лингвогеографии, данное О. Н. Трубачевым: «Лингвистическая география не сводится к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не составление атласов, а их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» (Трубачев 2002: 7).

³ Кроме известных положений о типах ареалов (центральный ~ маргинальный, непрерывный ~ разорванный и пр.) и их относительной хронологии (ср., например, положение М. Бартоли об интерпретации явления как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в обширных ареалах, Bartoli 1925: 10–13), разработанных в свое время представителями неолингвистики (М. Бартоли, Дж. Бонфанте, В. Пизани), методологические приемы научного осмысления представленного на карте материала специальной разработки практически не получили. В этом отношении отрядным событием явилась статья И. А. Дзензелевского «Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт» (1963), в которой была предпринята попытка конкретизировать эти общие положения на материале различных славянских лингвистических атласов. Однако и эта ста-

- тья была посвящена в основном описанию типов языковых ландшафтов и установлению их относительной хронологии, и лишь в конце статьи, отмечая, что ареалы и изоглоссы на карте с многочисленным противопоставлением чаще всего хронологически различны, автор говорит о приеме последовательного снятия более поздних слоев с целью выявления на карте исходного двучленного (а иногда и нулевого) противопоставления (Дзендзилевский 1963: 100).
- 4 Ср. в связи с этим следующий тезис: «Когда в лингвистическом пространстве могут быть найдены два или более ареала с тем же явлением, это указывает на то, что данное явление существовало на промежуточной между ними территории» (Бородина 1980: 34).
- 5 Обосновывая такой подход к составлению «Этимологического словаря славянских языков», О. Н. Трубачев пишет: «Едва ли полезно проводить слишком ригористическое общее правило такого рода, так как в этом случае предлагается отбросить многое несомненно древнее и праславянское. Став на этот путь, следовало бы включить в словарь в основном темные и непрозрачные слова, что резко бы обеднило представление о вероятном реальном составе живых слов праславянского языка. Кроме того, сама специфика славянских языков во многом такова, что словообразовательная структура особенно долго сохраняет в них свою прозрачность» (Трубачев 1967: 36–37).
- 6 Эти наблюдения, свидетельствующие о существовании связи между типом ареала и хронологией репрезентируемых им явлений, носят предварительный характер, так как для выявления типологии этих связей необходимо изучение и каталогизация максимально большого количества ареалов.
- 7 Как известно, более двадцати лет Атлас выходил без болгарского материала, который был изъят болгарской национальной комиссией из фондов Атласа (о причинах отсутствия болгарских материалов на картах Общеславянского лингвистического атласа см.: Иванов 1993: 315).
- 8 Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОЛА.

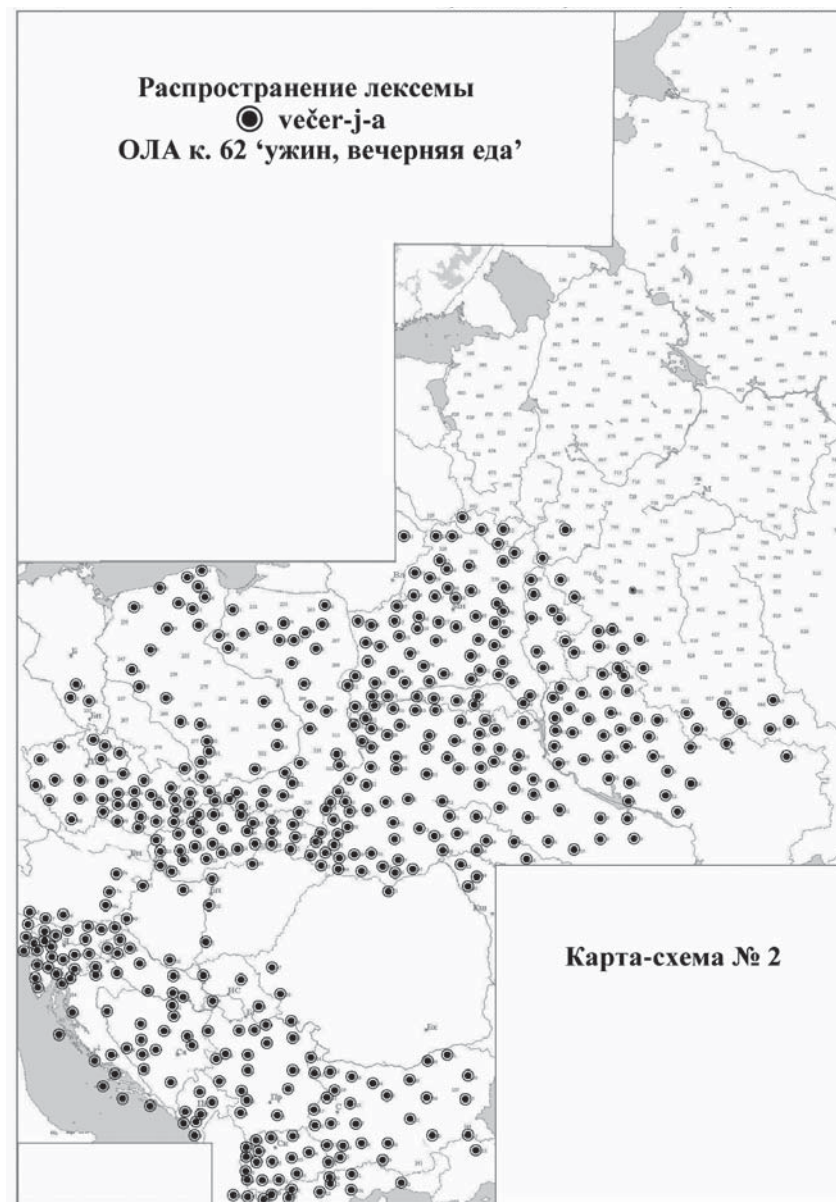
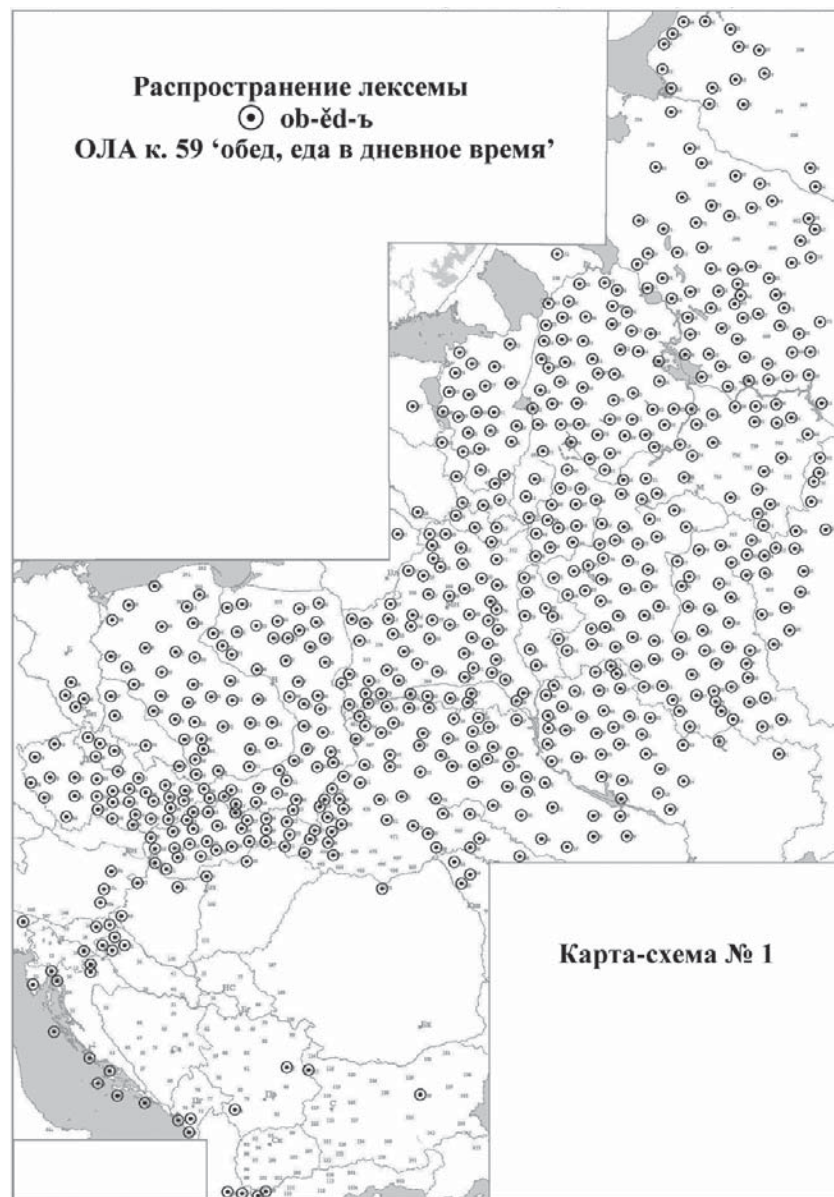
- 9 Интересно, что сходная картина прослеживается и в опубликованном недавно фонетическом томе Атласа «Рефлексы *о», в котором также представлены материалы по всем славянским диалектам. Именно в болгарских и частично македонских диалектах наблюдаются лакуны в распространении древнейших лексем, известных на всей остальной территории Славии (см., например, карты *оль, *она, *отьсь и др.).
- 10 По-видимому, возможна и дальнейшая классификация этих связей, но на иных основаниях, и прежде всего с привлечением этимологического инструментария, так как даже в рамках этой группы объединены лексем, разнотипные в структурно-этимологическом плане (ср., например, лексемы *sěr-a* к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ и *ob-ěd-ъ* к. 59 ‘обед, еда в дневное время’: первичность значения ‘молозиво’ в лексеме *sěr-a* дает основание для иной диахронической оценки межславянских лексических соответствий (по-видимому, реликт праславянской общности), нежели соответствий, представленных лексемой *ob-ěd-ъ*, значение которой ‘еда в дневное время’ является, скорее всего, более поздним семантическим параллелизмом в развитии этой лексемы (см. в связи с этим разные точки зрения на этимологию этой лексемы в ЭССЯ 26: 182)).
- 11 Ср. в связи с этим следующий вывод Л. В. Куркиной: «Праславянский язык, видимо, характеризовала сложная система диалектных отношений, которая неоднократно перестраивалась под воздействием многих факторов лингвистического и экстралингвистического характера» (Куркина 1992: 11).

Vendina T. I.

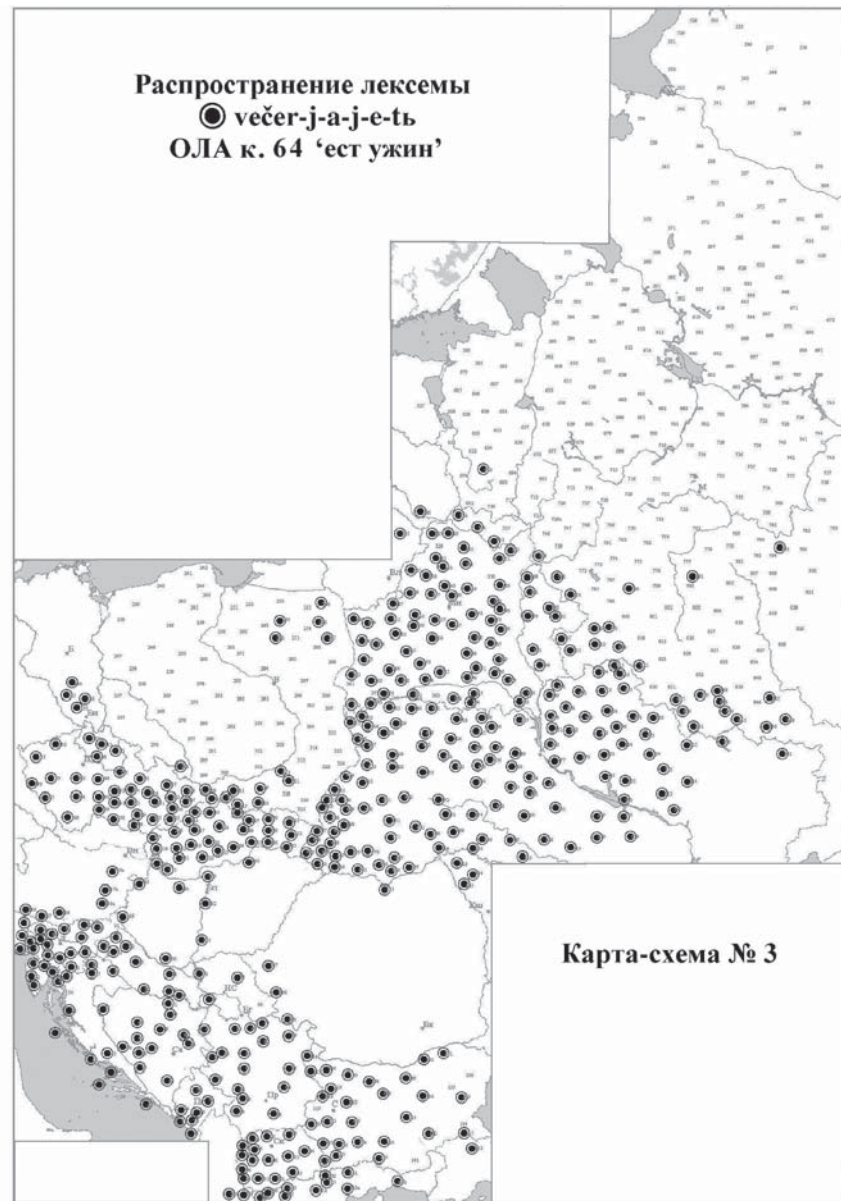
Common Slavic Lexical Correspondence in Space
and Time Aspect

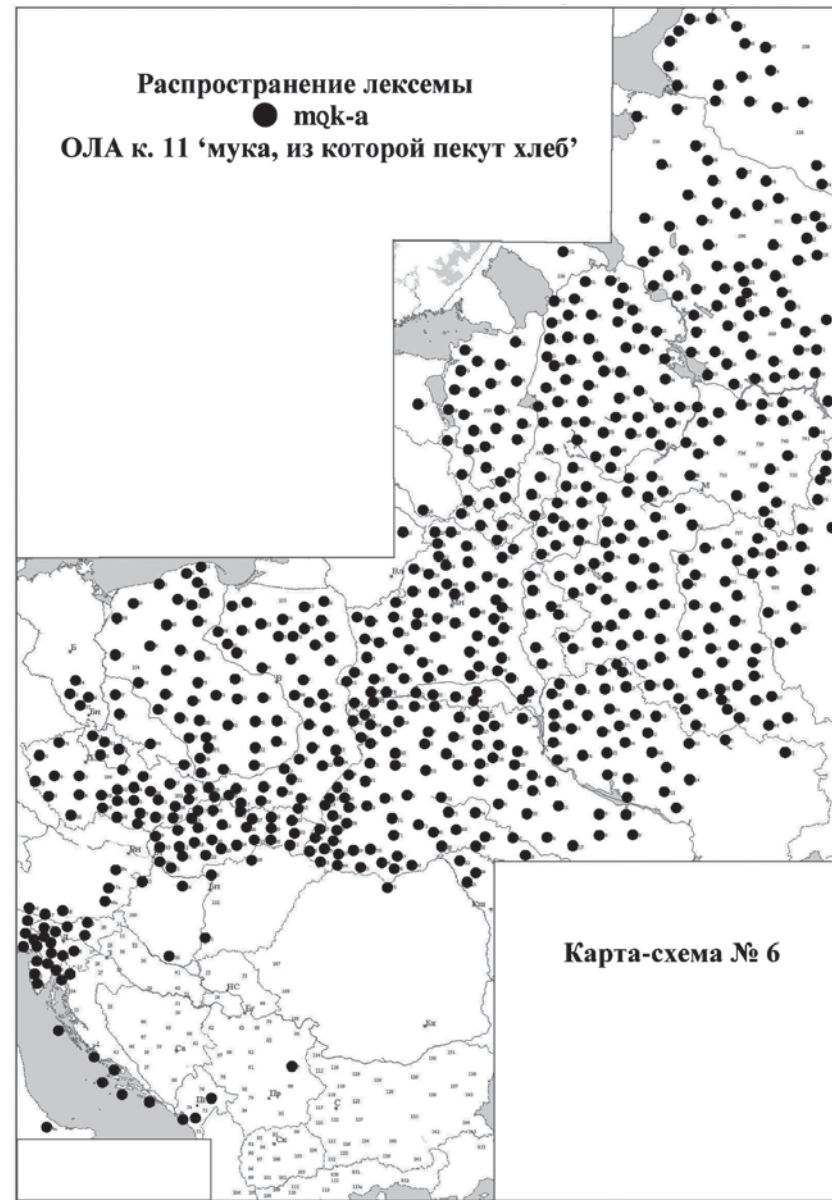
The article covers the topic of space localization and time stratification of lexemes of common origin. On the base of material of Common Slavic linguistic atlas, the author proves that in spite the pre-Slavic character of lexemes chosen for the Atlas, in Slavic languages a continuity and unity of their distribution were absent. Keywords: *common Slavic linguistic atlas, space localization, time stratification, vocabulary, Slavic dialects.*

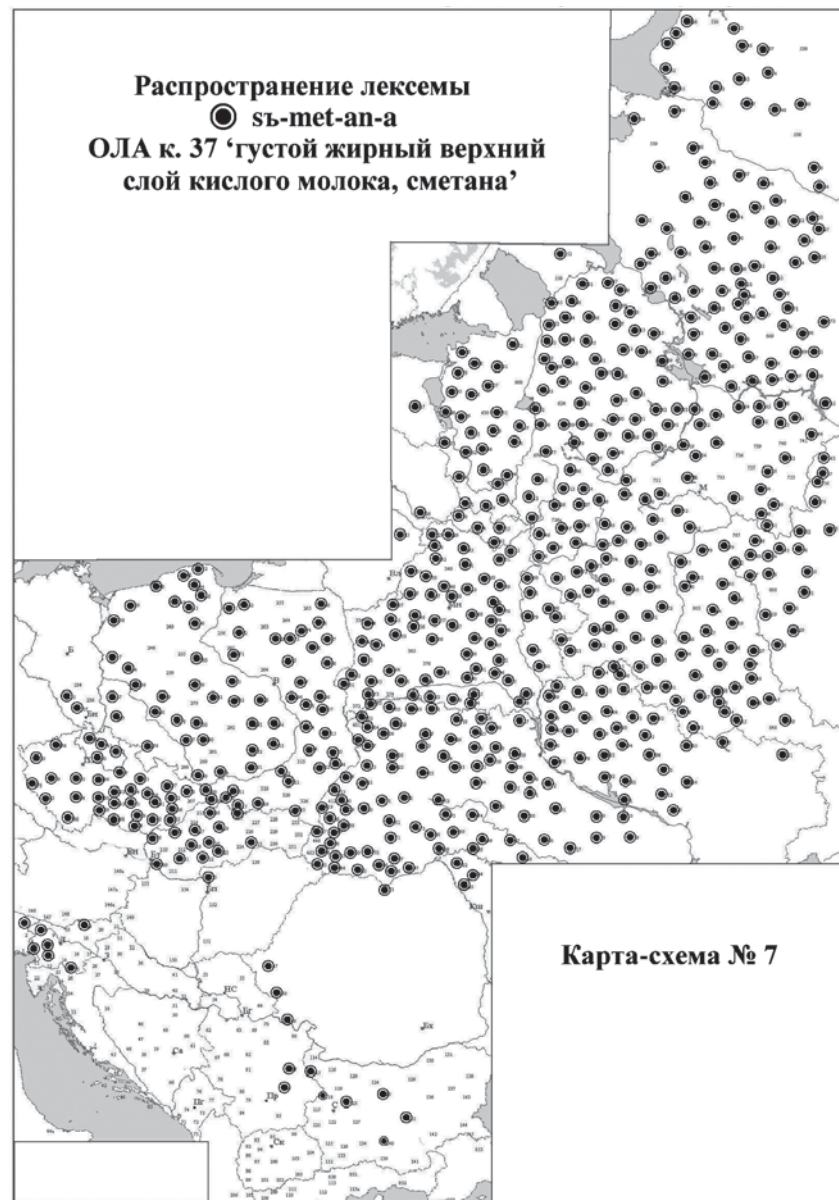

Н. М. Орлова
 (Саратов)

Универсализм и смысловая динамика концептов библейского истока

Концепты библейского истока характеризуются универсальностью и одновременно демонстрируют смысловую динамику. Этот процесс проявляется в русском, других славянских и западноевропейских языках. Предложена новая методика анализа: сравнение когнитивной матрицы библейского текста и текстов разных авторов.

Ключевые слова: *библейские концепты, прецедентный текст, когнитивная матрица.*

Церковнославянская традиция оказала огромное влияние не только на развитие русского литературного языка, но и на формирование русской словесности и национальной духовности в целом, поэтому текст Библии неоднократно становился объектом пристального филологического рассмотрения. В качестве исходных и основных единиц анализа выбраны прецедентный феномен и концепт — минимальная мыслительная единица, к которой может быть сведена прецедентная ситуация. Концепт представляет для нас интерес в первую очередь как многослойное образование, имеющее как понятийный уровень, так и культурные слои, в том числе образный и символический.

При рассмотрении библейских текстов мы стремились с максимальной полнотой проследить путь от познания предметной сферы, отраженной в Библии, к воплощению этой реальности в слове и тексте. Предметно-тематическая классификация библейской лексики выполняет функцию подосновы концептуального анализа и помогает раскрыть понятия о материальных и духовных ресурсах народа, явившегося создателем Библии, на базе выделения ряда тематических групп.

Концепты библейского истока формируются в рамках соответствующей прецедентной ситуации, образуя ее когнитивную матрицу. Когнитивная (концептуальная) матрица понимается как система смыслов и концептуальных признаков, отражение сюжетных линий и ключевых концептов (когнитивных линий) текста Библии в сознании носителей языка и воспроизведение их в текстах художествен-

ной литературы. Используя методику наложения когнитивной сетки (матрицы) библейского текста на тексты художественной литературы, мы можем наблюдать неполное, частичное совпадение основных когнитивных линий, их искажения, привнесения.

С указанной особенностью тесно связано и такое качество прецедентности библейского текста, как ее способность к *редукции*. Библейский текст воспроизводится как миф, бытующий в когнитивной памяти, в сознании миллионов носителей языка; естественно, что его прецедентность может ослабевать, «сворачиваться» до отдельного концепта. В когнитивной картине мира огромного большинства говорящих на том или ином языке может закрепиться одна когнитивная линия библейской прецедентной ситуации, один-два ключевых концепта — причем с учетом разницы дискурсов, в которых функционирует текст Ветхого Завета и художественный текст, сдвигов в смысловой структуре концептов библейского истока и т. д. Зачастую прозаический или поэтический текст — в соответствии с художественной задачей автора, в связи с нетвердым знанием библейского текста или непониманием религиозного дискурса, по причине возникновения новых смыслов у слова-номинанта ключевого концепта в общеязыковом употреблении и по ряду других причин — демонстрирует существенное искажение смысла библейского сюжета и понимания отдельных концептов. При чрезвычайной неоднородности этих концептов можно отметить универсализм их экспликации, а также национально-культурные смысловые кванты. Универсальность зиждется на бесчисленных обращениях к библейским ситуациям; на типологически сходных чертах и концептах, в которых находит отражение текст Библии в художественной речи; на сходстве аксиологического компонента этих ситуаций.

Даже при значительных искажениях и привнесениях в структуре когнитивной матрицы библейского текста по сравнению с текстами художественных произведений, написанных на разных языках, наблюдается как сохранение концептуальной связи с исходным (библейским) текстом, так и универсальный межъязыковой характер ключевых концептов и когнитивных линий. Так, *содом* во всех языках — символ греха и разврата, что зафиксировано в дефинициях слова-номинанта концепта; ключевой концепт прецедентной ситуации «жертвоприношение Авраама» — *жертва* (Лесков, Бродский, Лефевр, Липкин и др.). Одна из наиболее часто воспроизводимых в художественных текстах когнитивных линий Книги пророка Ионы — «чрево кита» (польск. *w brzuchu wieloryba*; ср. название

эссе Дж. Оруэлла: *Inside The Whale* — причем как в русских, так и в английских текстах отмечаются сходные пояснения относительно того, что *кит* на самом деле *китом* не является). В связи со сказанным можно заметить, что культурный универсализм библейской прецедентности в ряде случаев способствует наиболее адекватному переводу прозы и поэзии, достаточно близкой передаче образов, метафор, переплетений смыслов. Так, во французском переводе стихотворения Арсения Тарковского «И я ниоткуда...» находят экспликацию ключевые концепты 'жертва' и 'отец/сын', в равной степени значимые и для языка оригинала, и для соответствующей прецедентной ситуации:

*Я сын твой, отрада
Твоя, Авраам,
И жертвы не надо
Моим временам.*

*Me voici Abraham
Je suis ta joine ton fils
Et mes temps ne demandent
Plus d'humain sacrifice
(пер. Henri Abril).*

Можно привести огромное количество подобных примеров. Ср. у Александра Поупа («Умиравший христианин к своей душе»):

*The world recedes; it disappears!
Heav'n opens on my eyes! my ears
With sounds seraphic ring!
Lend, lend your wings! I mount! I fly!
O Grave! where is thy victory?
O Death! where is thy sting?*

(Alexander Pope
«The Dying Christian to his Soul»)

— экспликация концептосферы «воскресение, бессмертие» за счет вербализации прецедентного высказывания, восходящего к Книге пророка Осии (*Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? Раскаяния в том не будет у Меня. Ос. 13:14*) и характеризую-

щегося теми же смысловыми квантами в русской концептуальной картине мира.

Смысловая эволюция концептов библейского истока в разных языках может иметь отличия. Так, *the massacre/slaughter of the innocent* — *избиение младенцев* — в английском языке имеет трагическую окраску, в русском — ироническую; ср. также русское *манна небесная* и чешское *nebeská mana*, различающиеся как по семантическим оттенкам, так и по активности употребления¹.

Прецедентные импульсы Библии могут иметь осязаемое влияние не только в аутентичном тексте, обращенном к ней, но и сохраняться при прохождении через ряд вновь продуцированных текстов, обретая при этом новое смысловое наполнение. Так, в результате обращения Эрнеста Доусона (Ernest Christopher Dowson) к тексту 12-го псалма рождается новое прецедентное высказывание, позднее давшее название роману Маргарет Митчелл, концептуализировавшееся и в свою очередь обретшее новую прецедентность как в английском, так и в русском языках (*gone with the wind/унесенные ветром*).

Ср. *Дни человека, как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его.* — *As for man, his days are as grass; as a flower of the field, so he flour-isheth. For the wind passeth over it, and it is gone; and the place thereof shall know it no more* (Пс. 102: 15–16). У Доусона:

*I have forgot much, Cynara! gone with the wind,
Flung roses, roses riotously with the throng,
Dancing, to put thy pale, lost lilies out of mind*
(«Non sum quails eram bonae sub regno Cynarae»,
или «Cynara/Цинара»).

Обратимся к более подробному смысловому анализу некоторых концептов библейского истока.

В восточнославянских языках семантические сдвиги, затронувшие семантику номинанта концепта «содом», выдвинули на первое место значение ‘шум, беспорядок’; метонимическое значение, восходящее непосредственно к библейской ситуации (грех определенного рода, которому предавались жители Содомы), также сохранило свою концептуальную значимость, что отчетливо видно при анализе гнезда производных слова *содом*. Таким образом, лексема «содом» вербализует как концептуальное поле ‘беспорядок’, так и поле ‘грех, разврат’.

В русской, в особенности в диалектной речи зафиксировано огромное количество употреблений слова-номинанта концепта. По данным словаря Даля, эти употребления не связаны с концептуальной основой ‘грех’, т. е. непосредственно с библейской ситуацией, ср.: *Это не дом а содом; За содомом гостей не останется поглотать и костей; Слышь, в кабаке содомят как!* (= шумят) и т. д. В украинском: *Біля Наумишиної хати — содом. Вогонь обхопив стодолу, стіжки, перекинувся на хату* (М. Коцюбинский). *Доки балакаємо, уже може з Князівки содом та гоморру зробили* (А. Головка). Ср. также в белорусском: *Содом. Разг. Гарמידар, вэрхал, садом.*

Этот семантический процесс не затронул западноевропейские языки, включая западнославянские. Концепт ‘содом’ сохранил более четкую связь с генерировавшей его библейской прецедентной ситуацией, поэтому в толковании значения номинанта актуализирована сема ‘грех, греховность’, ср. в польском *Sodoma i Gomora* — ‘siedlisko występku, gniazdo rozpusty, niemoralności, grzechu, bezbożności’. В поэтическом тексте К. И. Галчинского *jeden z Sodomy i Gomory* (*один из Содомы и Гоморры, один из содомлян*) — ‘грешный, слабый человек’:

*Przebacz, Panie:
za duży wiatr na moją welnę;
ach, odsuń swoją straszną pełnię,
powstrzymaj flukty w oceanie
toć widzisz: jestem słaby, chory,
jeden z Sodomy i Gomory;
toć widzisz: trędowaty, chromy,
jeden z Gomory i Sodomy;
pełna «problemów», niepokoję,
z zegarkiem wielka kupa gnoju*
(«Notatki z nieudanych rekolekcji paryskich»)

В английском *Sodom* — ‘a sinful wicked place’. Производные (англ. *sodomy* и т. п.) также характеризуют один из тягчайших грехов.

Своеобразие прецедентной ситуации «Руфь» (Книга Руфь) заключается в ее необычайной значимости для религиозного дискурса, в котором реализуются две важнейшие когнитивные линии и соответствующие им концепты: ‘смена вероисповедания, прозелитизм’ и ‘праматерь царя Давида и Иисуса’. Развертывание этой прецедентной ситуации в рамках художественного дискурса дало жизнь мно-

жеству других концептосфер, прямо или опосредованно связанных с библейским текстом и чрезвычайно важных для художественной картины мира всей европейской и мировой культуры.

В русской языковой картине мира произошло некоторое ослабление прецедентности в связи с уменьшением значимости этой ситуации в советской литературе. Однако традиции русской классики, а также большое количество переводных текстов, в том числе хрестоматийных, обращавшихся к Книге Руфь (Н. Лесков, Конст. Леонтьев, С. Маршак, Себастьян Брант, В. Гюго, Г. Х. Андерсен и др.), — все это не позволило свести прецедентность в культурном и языковом пространстве к нулю. В позднесоветской и постсоветской художественно-когнитивной картине мира эта ситуация и ее ключевые концепты заняли прочное место.

В дальнейшем связь с религиозным дискурсом может оставаться весьма прочной или, как при обращении к любой библейской прецедентной ситуации, ослабевать. В последнем случае актуализируются концептосферы, связанные с непреходящими общечеловеческими нравственными ценностями:

— ‘иноземность, чужестранство’ (Руфь-моавитянка, чужестранка);

— ‘семья’ — оба концепта в наибольшей степени и напрямую связаны с библейским текстом;

— ‘женственность’ и неразрывно связанная с женственностью ‘скромность’;

— ‘трудолюбие’;

— ‘грусть, тоска’;

— ‘природа, времена года’.

Перечисленные концепты находят экспликацию в огромном количестве текстов; нетрудно заметить, что выделение их в определенной степени условно, поскольку они тесно взаимосвязаны, а соответствующие концептополя отличает изоконцептуальность (‘семья’ — ‘женственность’, ‘трудолюбие — женственность’, ‘иноземность’ — ‘грусть’ — ‘природные явления’ и т. д.).

Нетрудно заметить, что истоки зарождения новых концептополей (‘трудолюбие’, ‘скромность’) генерируются микроситуацией «Руфь, собирающая колосья». По количеству прецедентных обращений и значимости для художественного дискурса ее можно сравнить с ситуацией «Иона в чреве кита». Характеристики Руфи как *скромной, кроткой* имеют опосредованную ассоциативную связь с библейским претекстом (*Руфь, собирающая колосья — трудолюби-*

вая — скромная), однако эти концепты находят вербализацию в художественной картине мира разных авторов, что подтверждает их универсализм. Можно лишь отчасти согласиться с предположением С. Тер-Минасовой о том, что «чтобы уяснить смысл <...> отрывка из рассказа Д. Х. Лоуренса („Jimmy And The Desperate Woman“), нужно иметь обширные фоновые знания: знать, что в данном обществе включается в понятие „женственной женщины“, уметь разобраться в литературных и библейских аллюзиях (обусловленность культурой данного говорящего коллектива)»². Приведенные Лоуренсом прецедентные имена *Tess of the D'Urbervilles, wistful Gretchen, humble Ruth gleaning an aftermath* обладают, по нашему мнению, неодинаковой степенью прецедентности; при этом *Руфь (Ruth)* во всех европейских языках подходит под определение *womanly woman* и может быть охарактеризована (и в ряде текстов характеризуется) как *скромная (humble)* и *кроткая*:

Не нянькины сказки, а полные смысла прямого ведутся у Иды беседы. Читает она здесь из Плутарха про великих людей; говорит она детям о матери Вольфганга Гете <...>; читает и про тебя, кроткая Руфь, обретшая себе, ради достоинств души своей, отчизну в земле чужой (Н. Лесков «Островитяне»)

Вифлеем — жизнь, воздух, солнце, плодородие; его тесно насыпанные по холмам палевые кубы смотрят на восток, на солнечно-мглистые дали Моавитских гор, от которых некогда пришла кроткая прапраматерь Давида Руфь (И. Бунин «Иудея»).

Анализируя библейские образы в творчестве Мауриция Шимеля, И. Лисек также подчеркивает, что Руфь в поэме «Идиллия» («Sielanka») можно охарактеризовать как женщину, отличающуюся *смирением, кротостью, молчаливостью (pokora, cichość)*³.

Если говорить о смысловой эволюции концепта ‘неопалимая купина’ в языковом сознании носителей русского языка и в текстах русской литературы, то в самом общем виде она выглядит следующим образом. Языковое выражение номинанта концепта обладает богатой внутренней формой в русском и в других славянских языках, связанных с православной культурой (ср. укр. *неопалима купина*, болг. *неопалимата къпина*); в европейских языках употребляется

более близкое к библейскому первоисточнику имя «горящий куст» (англ. *burning bush*, франц. *buisson ardent*, польск. *krzak, krzew ognisty*). Образ этот является одним из самых поэтичных и наполненных глубоким символизмом в русском языковом сознании и в художественных текстах. Несомненна его близкая связь с концептом 'огонь', а через него — с концептом 'свет'.

Тексты русской классики эксплицируют его наиболее близко к библейскому пониманию. В современных текстах эта близость в целом сохраняется, однако может наблюдаться достаточно свободное обращение с когнитивными линиями библейской прецедентной ситуации, ее искажение, привнесение в ее структуру, косвенное воспроизведение и т. д. Традиция обращения к образу неопалимой купины не прерывалась в тексте советской литературы, однако произошло закономерное ослабление связи этого концепта с базовым концептом 'Бог', исходное словосочетание, служившее именем концепта, подверглось фразеологизации. Устойчивое сочетание *неопалимая купина* фиксируется в БАС со значением 'в библейской мифологии — *горящий, но чудом не сгорающий куст*'. Поэтичность образа неопалимой купины, богатая внутренняя форма фразеологизма, являющегося номинантом концепта, — все это предопределило его устойчивость и употребительность в текстах самого разного содержания и художественных направлений. Так, в пространстве советской литературы он продолжал выполнять текстообразующую функцию, хотя мог практически утрачивать связь с библейской прецедентной ситуацией и сохранять значение 'сильный <очищающий>, грозный *огонь*'. Далее развиваются смысловые коннотации: любые *испытания* (важнейший элемент концептуальной картины мира советского общества) — *стойкость, мужество* (= подвиг), проявленные в этих испытаниях. Эти смысловые кванты служат текстообразующим элементом поэмы Максима Рыльского «Неопалимая купина», повести Бориса Васильева с таким же названием.

На базе исходной семантики в текстах развиваются оттенки '*огонь, который не способен уничтожить, — в прямом и переносном смысле; испытания; мужество, стойкость, подвиг*' и т. п. Так, Виктор Шкловский (без сомнения, знакомый с Ветхим Заветом), обращаясь к массовому советскому читателю, связывает образ купины с творческим наследием Крылова без аллюзий на библейское понимание рассматриваемого концепта, но на основе советской риторики (*басни светят народу, огненное слово*):

*Неопалимая купина крыловских басен, которые светят столько времени всему народу, заслуживает для анализа огненного слова*⁴.

Этот фразеологизм сохраняется в языке, как уже указывалось, в силу особой образности, поэтичности и богатой внутренней формы; высока частота его употребления в публицистике:

Сегодня в центре реабилитации инвалидов «Творчество» прошла презентация поэтического сборника «Неопалимая купина-2». Его авторы — писатели-инвалиды. В поэтический сборник «Неопалимая купина» вошли стихи и проза двадцати писателей-инвалидов. Название книге «Неопалимая купина» авторы дали не случайно. Купина — это растение, которое имеет свойство не сгорать даже в сильном огне (анонс телепередачи).

В украинском языке смысловая структура рассматриваемого концепта и его эволюция, а также внешняя форма близки к русскому, однако современные украинские тексты, в особенности публицистические, выявляют одно существенное отличие: неопалимая купина символизирует «неистребимость» (незнищенність) и тем самым становится «поэтическим отражением судьбы Украины и украинского народа»: *Неопалима купина — поетичне відображення долі України та українського народу*.

Основы такого восприятия концепта были заложены в советское время, в годы Великой Отечественной войны, когда вся территория Украины была охвачена огнем. Кроме текста упоминавшейся выше поэмы Максима Рыльского, можно сказать еще об одном авторитетном текстовом источнике — киноповести Александра Довженко «Украина в огне»: *І стоїть Україна перед нашим духовним зором у вогні, як неопалима купина*.

Именно эта цитата используется либо в качестве интертекстуального фрагмента, либо без ссылок на источник, но с твердой уверенностью ряда авторов в том, что неопалимая купина — национальный символ Украины:

Біблійний вислів «Неопалима купина» став національним символом. Задаймо Довженкові: «І стоїть Україна перед нашим духовним зором, як неопалима купина»; значенні словотвір

*неопалима купина, як уже мовилося, символізує незнищеність рідної землі*⁵.

Такую символику концепт не приобрел ни в русском, ни в белорусском языке, ср.: *Испокон веков православные верующие, чтобы уберечься от ударов молний и пожаров, припадали к иконе «Неопалимая купина» и возносили молитвы святому Илье. Образ «Неопалимой купины» представляет собой восьмиугольную звезду. Этот символ взяли для себя сотрудники Министерства по чрезвычайным ситуациям Беларуси*⁶.

Исключительная важность концепта и всей прецедентной ситуации, в рамках которой он эксплицирован в претексте Библии, его значимость для Нового Завета создает предпосылки для порождения новых художественных смыслов.

Установление внутренней динамики и исторических судеб концептов и прецедентных феноменов библейского истока в филологической традиции — сама по себе чрезвычайно важная и актуальная проблема. Ее решение позволяет рассмотреть значительный пласт лексики под новым углом зрения в парадигме библейской прецедентности, глубже осмыслить закономерности эволюции внутренней формы библейских концептов на национальной почве, их роль в формировании литературных языков, отчетливее увидеть органическую связь лексики с исходными концептами библейского истока и в конечном итоге — лучше понять специфику славянской этнодуховности как неотъемлемой части общего евразийского культурного пространства, ориентированного на библейскую концептосферу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Степанова Л. И. Манна небесная в чешском и русском языках // Rossica Olomucensia XXXVII (za rok 1998). Olomouc, 1999. С. 73–78.*
- 2 *Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004. С. 32.*
- 3 *Lisek J. «Dziadowie moi!»: O postaciach Biblijnych w poezji Maurycego Szymła // Studia Judaica 3:2000 nr 2(6). С. 197.*
- 4 *Шкловский В. Уцелевший в огне // Литературная газета. 7.02.1957.*
- 5 Село Полтавське. 20.04.2000.
- 6 Минский курьер. 4.08.2005.

Orlova N. M.

Universalism and Semantic Dynamics of Concepts of the Biblical Source

Biblical concepts possess universal character and at the same time they are dynamical ones. This article explains the process on examples of Russian and other Slavic and European languages. The precedent texts and concepts were studied with new methods of comparing a cognitive matrix of the Biblical text and texts of numerous authors.

Keywords: *Biblical concepts, precedent text, cognitive matrix.*

свящ. Федор Людоговский
(Москва),
диакон Максим Плякин
(Саратов)

Литургические языки в Slavia Orthodoxa: современная ситуация

В статье рассматривается использование различных богослужбных языков в славянских Поместных Православных Церквях — Русской, Украинской, Белорусской, Болгарской, Сербской, Чешских земель и Словакии, Польской и др. Ключевые слова: *церковь, богослужбные языки, богослужение, перевод, русский язык, славянские языки, церковнославянский язык.*

Христианство, являющееся сегодня религией почти трети жителей Земли, зародилось около двух тысячелетий назад в ближневосточной провинции Римской Империи, Палестине, чьи жители говорили преимущественно на арамейском языке. Судя по реконструкции первоначального облика евангельских текстов, и сам Основатель новой религии общался на галилейском диалекте этого же языка.

Однако ученики Иисуса из Назарета, отправившиеся с проповедью нового учения по просторам Римской Империи, шли к народам, среди которых в ходу были их собственные языки, а также латинский, официальный язык Империи, и «язык межнационального общения» той эпохи — греческий.

На греческом распространялись по Империи тексты, позже объединенные в Новый Завет, греческий же мог быть родным и по крайней мере для части первых Апостолов. Однако практически сразу в христианских общинах, возникавших по всему Древнему миру, в качестве богослужбных стали использоваться те языки, которые были распространены в конкретных местностях.

Так, священник Леонид Лутковский высказывает предположение, что Пролог Евангелия от Иоанна (1: 1–18) был написан не на греческом языке, а на арамейском, родном языке апостола, и первоначально был богослужбным гимном малоазийских Церквей¹.

Сохранились свидетельства о существовании уже во II–III вв. богослужбных текстов на сирийском языке², в III в. о существовании богослужбных текстов на латинском языке пишет Тертуллиан³, от IV в. до нас дошли свидетельства о переводе богослужбных текстов на коптский⁴, готский⁵ и абиссинский⁶ языки, от V в. — о соз-

дании оригинальных богослужбных текстов на армянском языке⁷. К V–VI вв. относятся первые переводы богослужбных книг на грузинский язык⁸. (Есть предположение, что первые переводы богослужбных книг с греческого начались уже при св. Царе Бакуре (†364), сыне равноапостольных просветителей Мириана и Наны⁹.)

IV и V века дали Христовой Церкви имена великих гимнографов, творивших на национальных языках — св. Ефрема Сирина, св. Амвросия Медиоланского, св. Моисея Хоренского.

Появление богослужбных текстов на славянском языке связано с деятельностью просветителей славянских народов — святых равноапостольных Кирилла, Мефодия и (опосредованно) Фотия Великого. Святому Кириллу атрибутируется, возможно, самое раннее из дошедших до нас оригинальных богослужбных последований на славянском языке — служба на обретение честных мощей священномученика Климента I, Папы Римского¹⁰. М. Ф. Мурьянов отмечает, что святые Кирилл и Мефодий перевели на славянский текст мессы в честь св. Климента, что дает интересный пример изначального сосуществования в рамках славянской богослужбной традиции и византийского, и латинского обрядов¹¹. Дело перевода богослужбных книг и создания оригинальных богослужбных текстов уже на диалекте южных славян продолжили их ученики — равноапостольные Климент, Наум, Горазд, Савва и Ангеляр. Так, святитель Климент Охридский создал службы священномученику Аполлинарию Равеннискому, священномученику Стефану I, Папе Римскому, своему учителю равноапостольному Мефодию, святой Наум — оригинальный канон апостола Андрею Первозванному¹².

Таким образом был заложен фундамент для формирования гимнографической традиции, воспринятой со временем и Русью¹³.

Со времен славянских просветителей, осудивших и отвергших «трехязычную» ересь, богослужение в славянских странах, оставшихся «в орбите» Православной Церкви, совершалось на славянском языке, и славянский язык является богослужбным для восточноевропейских Поместных Церквей уже более одиннадцати столетий. Даже в тех странах, где возобладала Римско-Католическая Церковь и, соответственно, латинский обряд (Польша, Чехия, Хорватия), славянский язык далеко не сразу утратил свои позиции¹⁴, а в Хорватии в общинах так называемых глаголитов¹⁵ оставался в употреблении вплоть до 60-х гг. XX столетия.

Богослужбные книги славянских Поместных Церквей в разное время испытывали на себе влияние самых различных факторов.

Это и внесение в книги особенностей того или иного национального языка, и книжные исправления, инициированные как светской, так и церковной властью, и проекты отдельных энтузиастов, ревновавших об исправлении богослужебных книг. Можно упомянуть грецизирующий перевод Чудовского Нового Завета, выполненный, по преданию, св. Алексием Московским, реформу св. Киприана, приведшую к замене в Русской Церкви студийского устава иерусалимским в варианте св. Афанасия Высоцкого Старшего, исправление Псалтири, предпринятое св. Максимом Греком по инициативе Великого Князя Василия III, исправление Потребника, выполненное св. Дионисием Радонежским.

Естественно, что язык богослужебных книг также претерпевал изменения. Хотя и принято говорить о хранении кирилло-мефодиевского наследия в богослужении, необходимо понимать, что абсолютная фиксация языковых оборотов, синтаксиса, лексики языка не только невозможна, но и в известном смысле вредна, ибо консервирует не только гениальные находки переводчиков или оригинальных авторов, но и ошибки разной степени тяжести. Можно напомнить о вызывающем и по сей день серьезные трудности в понимании тексте 3-го воскресного экзапостилария, в котором греческая конструкция «Ὅτι Χριστός ἐγήγερται, μή τις διαλιπέιτω» калькирована в виде «Яко Христос воскрес, никтоже да не верует», а подобный церковнославянский оборот может восприниматься носителями русского языка как призыв не верить Воскресению Христову, что, конечно, является вопиющим нарушением самых основ нашей веры (см.: 1 Кор. 15: 14).

Таким образом, современный богослужебный язык той или иной Поместной Церкви необходимо рассматривать с учетом как процесса его становления и испытанных им изменений, так и с учетом реалий тех стран, в которых находится паства этих Церквей.

На сегодняшний день славяноязычные страны представляют собой каноническую территорию пяти автокефальных Церквей¹⁶ — в порядке диптиха это Русская, Сербская, Болгарская, Польская и Чешских Земель и Словакии. В составе Русской Православной Церкви существуют две автономные Церкви (Японская и Китайская), пять самоуправляемых Церквей (Украинская, Эстонская, Латвийская, Молдавская и Русская Православная Церковь Заграницей) и Белорусская Православная Церковь в статусе Экзархата. Кроме того, один из Экзархатов Константинопольской Православной Церкви (Архиепископия Православных Русских Церквей в Западной

Европе), исторически связанный с Русской Церковью, и ряд приходов Православной Церкви в Америке (также некогда бывшей частью Русской Церкви) используют славянский язык в богослужении, поэтому будет кратко описана ситуация и в этих епархиях. Таким образом, применительно к современной церковной ситуации вынесенный в заглавие статьи термин Slavia Orthodoxa используется в расширительном смысле, указывая не столько на территорию, сколько на область распространения определенных литургических традиций.

Первая по диптиху среди славянских Церквей и самая многочисленная Православная Церковь сегодня — **Русская**. Абсолютное большинство ее приходов используют в богослужении книги, вышедшие в Синодальных типографиях в течение XVIII–XIX вв. (и их более поздние переиздания), которые явились результатом книжной sprawy, начатой в 1654 г. при Святейшем Патриархе Никоне и завершенной изданием в 1751 г. так называемой Елизаветинской церковнославянской Библии¹⁷. Поскольку язык этих книг серьезно отличается (в силу книжной sprawy) от языка, зафиксированного в изданиях Московского Печатного Двора середины XVI — начала XVII в. (и, тем более, от языка позднерукописных богослужебных книг XIV–XV вв.), а язык месячных Миней редактировался и позже окончания sprawy¹⁸, то для языка этого корпуса богослужебных книг чешский палеославист В. Ф. Мареш предложил обозначение «новоцерковнославянский язык»¹⁹. Именно к группе новоцерковнославянских текстов можно отнести службы и акафисты, одобренные в последние два десятилетия к употреблению в Московском Патриархате²⁰.

В течение XIX — начала XX в. предпринимались попытки отредактировать новоцерковнославянские богослужебные тексты (в частности, в рамках работы специальной комиссии, возглавлявшейся архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским), будущим Патриархом Всероссийским), однако из-за наступивших гонений тексты, прошедшие редактуру, так и остались практически неиспользуемыми в богослужебной практике²¹.

Третьей формой богослужебного славянского языка, употребляемой на приходах Русской Православной Церкви, является так называемая «старая» или дореформенная редакция церковнославянского. Эта форма языка закреплена в книгах, изданных московским Печатным Двором при первых пяти Всероссийских Патриархах и употребляемых ныне в единоверческих приходах Русской Православной

Церкви. В настоящее время Патриаршим Центром древнерусской богослужбной традиции (г. Москва) предпринимаются усилия по созданию современной редакции дониконовских богослужбных текстов (в частности, справа текстов ектений), однако эта работа еще очень далека от завершения, и единоверцы используют в своей повседневной практике либо дониконовские книги, либо их репринты (как синодальных единоверческих типографий, так и современных старообрядческих издательств).

Этими тремя группами (староцерковнославянский, новоцерковнославянский и отредактированный новоцерковнославянский) практически исчерпывается употребление в богослужбной практике редакций славянского языка. При этом в лоне РПЦ МП существуют приходы, чей литургический язык отличен от славянского.

Прежде всего, необходимо выделить в отдельную группу те приходы (довольно немногочисленные), в которых предпринимаются попытки ввести в богослужбное употребление русский язык. Фактически вопрос допустимости русского языка в богослужении Отделом о богослужении, проповедничестве и храме Поместного Собора Российской Церкви 1917–1918 гг. был решен положительно: «Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языках в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью»²². Из русскоязычных текстов, получивших одобрение Священноначалия Русской Православной Церкви хотя бы в виде благословения епархиального архиерея, можно отметить переводы иеромонаха Феофана (Адаменко; †1937), Е. Н. и И. Н. Бируковых, архиепископа Ионафана (Елецких), профессора свящ. Георгия Кочеткова (Свято-Филаретовский православно-христианский институт). Достаточно большой популярностью пользуются переводы иеромонаха Амвросия (Тимрота), выложенные в Интернете на сайте «Азбука веры» (раздел «Православное Богослужение» — <http://azbyka.ru/bogosluzhenie>).

В следующую группу приходов следует выделить так называемые «этнические» приходы (чувашские, мордовские, марийские, крымские, якутские и др.), богослужение в которых полностью или частично совершается на национальных языках. В абсолютном большинстве это переводы, выполненные русскими миссионерами Синодального периода, ныне лишь переизданные. Как правило, при невозможности по тем или иным причинам совершать богослужение целиком на национальном языке (например, на якутском из-за не-

полноты перевода богослужбных книг), на соответствующем языке служит лишь Божественная Литургия или дублируется чтение на ней Священного Писания.

Наконец, особняком стоят те приходы под омофором Патриарха Московского, которые расположены в странах с преобладающим неславянским населением — в Западной Европе, Северной и Южной Америке, Австралии.

В этих общинах, где этнические славяне (как правило, эмигранты той или иной волны или их потомки) далеко не всегда составляют численное большинство, а обиходным языком членов прихода зачастую является язык страны пребывания (французский, английский, немецкий и т. д.), стремление слышать богослужение на ставшем родным языке становится гораздо более естественным и чаще реализуемым на практике. Если в самой России вопрос перехода в богослужении на русский язык является резко дискуссионным и до сих пор не получившим однозначного разрешения со стороны церковных властей²³, то в диаспоре переход на национальные языки проходит более спокойно. Подобные богослужбные книги (одобренные епархиальными Преосвященными к употреблению на приходах) существуют в Корсунской (французский), Сурожской (английский), Берлинской (немецкий) епархиях, Патриарших приходах в США (английский).

Интересной представляется практика многонационального прихода храма во имя Всех Святых в Лиссабоне. По словам его настоятеля, игумена Арсения (Соколова), на Божественной Литургии Апостол читается на трех языках (русском по Синодальному переводу, португальском и молдавском), Евангелие — на двух (русском и португальском), Евхаристический канон читается на церковнославянском или португальском, Молитва Господня читается всеми присутствующими по-славянски, затем один представитель каждой национальности читает ее вслух на своем языке (что дает чтение на португальском, молдавском, грузинском, белорусском, украинском, эфиопском и сербском языках). «Мир всем» после молитвы Господней говорится на грузинском, заамвонная молитва читается по-украински²⁴.

По этому же пути перевода богослужения изначально пошли миссионеры, создававшие нынешние **Японскую и Китайскую Автономные Православные Церкви**. Переводы на японский язык, выполненные равноапостольным Николаем (Касаткиным), и на китайский язык, выполненные святителем Гурием (Карповым)²⁵, еще в XIX в. получившие одобрение Святейшего Правительствующего

Синода, и по сей день являются основными богослужебными текстами этих Поместных Церквей.

Особая ситуация сложилась в **Украинской Православной Церкви** Московского Патриархата. Сложность в языковой вопрос вносит то, что раскольнические юрисдикции (УПЦ КП и УАПЦ) на Украине демонстративно используют «державну мову» как знак собственной приверженности «самостійності й незалежності» Украины. Иными словами, для раскольников украинский язык стал своеобразной «визитной карточкой», противопоставляемый «москальскому» церковнославянскому языку. При этом Украинская Греко-Католическая Церковь не накладывает принципиальных ограничений на язык богослужения, и в ее лоне есть как украино-, так и славяноязычные общины.

С учетом указанных обстоятельств Блаженнейший митрополит Владимир благословил переход на украинский язык в случае, если 2/3 прихода проголосует за это²⁶. При этом исследователи отмечают²⁷, что основная проблема, сдерживающая переход канонической Церкви на государственный язык в богослужении, — отсутствие качественных переводов самих богослужебных книг. И если переводы Священного Писания на украинский язык выполнялись еще с середины XIX в., то к середине 2007 г. переводов богослужебных книг еще практически не было. Едва ли не единственным исключением является перевод текстов Литургий святт. Иоанна Златоуста и Василия Великого, выполненный архиепископом Тульчинским и Брацлавским Ионафаном (Елецких)²⁸. Они прошли апробацию в Одесской Духовной семинарии, а в Херсонской и Тульчинской епархиях используются в некоторых приходах. Что же касается качества переводов, осуществленных «филаретовцами», диакон Андрей Глушенко приводит пример, который был бы курьезным, если бы не затрагивал православной догматики: «В песни „Единородный Сыне“ обращенная ко Христу фраза „Един Сый Святыя Троицы“ (т. е. „Тот, Кто есть Один из Святой Троицы“), подчеркивающая со всей ясностью, что Личность Иисуса Христа есть, собственно, Вторая Ипостась Святой Троицы — Личность Бога-Слова, в украинском переводе „Киевского Патриархата“ выглядит следующим образом: „Ти єдиний у Святій Тройці“. Подобный безграмотный перевод допускает лишь то толкование, что Сын Божий есть единственная Личность Святой Троицы. Таким образом, ортодоксальная формулировка VI века в данном украинском переводе превратилась в откровенное савеллианство»²⁹.

В результате лишь небольшое число приходов УПЦ МП перешли на украинский язык³⁰, но в этих приходах (по сообщению участников интернет-сообщества «Церковный устав во всей его полноте»³¹) используют либо переводы митрополита Илариона (Огиенко), на которые также есть нарекания, либо на свой страх и риск правят «филаретовские» тексты. Возможно, новый перевод с греческого языка корпуса богослужебных книг на украинский — дело ближайшего будущего. Официально одобренных на уровне священноначалия всей Украинской Церкви богослужебных текстов на украинском языке нет.

Отметим, что новонаписанные богослужебные тексты на Украине создаются практически исключительно на церковнославянском языке. Авторам известно лишь несколько исключений: так, молитва в честь Нанковской иконы Божией Матери написана на украинском языке, а один из акафистов преп. Амфилохию Почаевскому — на сильно русифицированном церковнославянском.

Локальной особенностью Черновицко-Буковинской епархии УПЦ МП является наличие приходов, служащих (с благословения митрополита Онуфрия) на румынском языке. Эта же особенность характерна и для ряда приходов **Православной Церкви Молдовы**, где наряду с церковнославянским языком используются румыноязычные богослужебные книги, выпущенные Румынской Православной Церковью. В частности, службы новопрославленным святым, почитаемым равно и в Русской, и в Румынской Церквях (святителю Петру Могиле, преподобному Антипе Калаподештскому) служатся исключительно на румынском языке, их переводов на церковнославянский язык нет до сих пор.

В **Белорусской Православной Церкви** по благословению Экзарха митрополита Филарета переводами на белорусский язык занимается братство святых Виленских мучеников при Петропавловском соборе г. Минска. Выпущен перевод Божественной Литургии святителя Иоанна Златоуста³², подготовлены переводы утренних и вечерних молитв, последования ко Святому Причащению, благодарственных молитв после Причащения, великой вечерни, молитв перед исповедью, последований обручения и венчания. Из книг Священного Писания переведено Евангелие (причем особо издано служебное Евангелие) и Деяния апостолов, ведется работа над переводом соборных посланий, а в перспективе — православная редакция перевода на белорусский язык всего Священного Писания.

В Минске и Витебске, а также в белорусских общинах Польши (в юрисдикции Польской Православной Церкви) регулярно проходят

службы на белорусском языке, в частности молебен за белорусский народ с акафистом Виленским мученикам. Можно отметить, что отношение к богослужению на белорусском литературном языке в Белоруссии (особенно в крупных городах) существенно иное, нежели в России. Несомненно, этому способствует то обстоятельство, что белорусский литературный язык, минимально дистанцируясь от своей диалектной базы, весьма далек (в противоположность русскому литературному языку) от церковнославянского языка, который оказывается малопонятен носителям белорусского языка³³.

Однако стоит отметить и тот факт, что богослужебные тексты, составляемые в честь новопрославленных белорусских святых и вносимых в календарь икон Божией Матери, пишутся исключительно на церковнославянском языке³⁴.

Официально богослужебным языком **Русской Православной Церкви Заграницей** является церковнославянский, однако реально в приходской практике общин РПЦЗ используются языки стран пребывания (английский, французский, нидерландский, испанский), есть переводы богослужебных текстов на эти языки³⁵, а действующий Первоиерарх РПЦЗ митрополит Иларион (Капрал) сразу после своего избрания на митрополичий престол заявил в интервью, что «если что-то менять (в Церкви. — *Ф. Л., М. П.*), так вот, например, я думаю, назрела необходимость в переводе молитв со старославянского на русский язык. Ведь многие не понимают старый язык, а следовательно, не понимают ни смысла, ни таинства обращения к Богу»³⁶. Языки богослужебного творчества — церковнославянский, а также английский и французский. На церковнославянском публикуются официальные богослужебные издания, выпускаемые в типографии преп. Иова Почаевского, расположенной в Свято-Троицком монастыре³⁷ (Джорданвилль, Нью-Йорк, США). Неславянские языки представлены в основном в трудах отдельных энтузиастов, из числа которых необходимо отметить чтеца Исаака Ламбертсена (Англия) и профессора Клода Лопеза (Швейцария, пишет на французском языке). Перу чтеца Исаака принадлежат десятки служб, в основном в честь древних святых Западного Патриархата³⁸, проф. Лопез создает гимны как в честь древних, так и новых святых³⁹ (в том числе тем, в честь кого уже есть славянские гимны).

В настоящее время в большинстве храмов **Болгарской Православной Церкви** в богослужении присутствуют как церковнославянский, так и болгарский язык, причем распределяются эти языки, как правило, следующим образом: то, что читается (и прежде

всего — Священное Писание, т. е. Евангелие, Апостол и паремий), читается по-болгарски, то, что поется, — по-церковнославянски. Такой способ сосуществования двух языков объясняется прежде всего тем обстоятельством, что на болгарский язык практически не переведена гимнография (Минея, Октоих, Триодь): как и в XVIII–XIX вв., в наши дни в болгарских храмах используются русские издания этих богослужебных книг. Описанное положение в отдельных случаях нарушается: так, в Софии имеются храмы, где богослужение (по крайней мере, литургия) совершается исключительно на национальном языке; в то же время существуют приходы, где преобладает церковнославянский язык (однако Писание везде читается по-болгарски).

Формальное решение о возможности и желательности служения на болгарском языке принял IV Церковно-народный собор (2–4 июля 1997 г.), постановив: «Поощрять использование современного болгарского языка в богослужении»⁴⁰. Однако реальное использование этого языка в богослужебной практике относится, вероятно, к значительно более раннему времени. Так, служебное Евангелие на болгарском языке было напечатано в г. Русчук священником Ненчо Несторовым еще в 1865 г. В 1908 г. Охридский митрополит Борис издал в Константинополе Требник на болгарском языке, а в 1910 г. — Служебник с параллельными церковнославянским и болгарским текстами. В 1925 г. после двадцатилетней работы над переводом увидело свет так называемое Синодальное издание Библии. В последующие годы выходят и другие богослужебные книги: Апостол, Паремийник, Часослов, Малый Требник, Служебник. Как уже отмечалось, непереверенными остаются наиболее значительные по объему книги — Минея, Октоих, Триодь (Постная и Цветная), существенная часть Большого Требника. Напротив, практически исключительно на болгарском языке издаются молитвословы и акафистники⁴¹. Как минимум два акафиста, изданных в последние годы (Евфимию, Патриарху Тырновскому⁴², и 26-ти Зографским преподобномученикам⁴³), — оригинальные тексты, написанные по-болгарски. О создании служб на болгарском языке авторы сведениями не располагают.

Ситуация в **Сербской Православной Церкви** во многом аналогична положению дел в Болгарии, с той лишь разницей, что сербский язык эпизодически начинает проникать в богослужебную практику еще с XIX в., постепенно упрочивая свое положение в течение первой половины XX в.; с середины 1960-х гг. сербский язык становится пол-

ноправным литургическим языком Сербской Православной Церкви наряду с церковнославянским. «Сегодня сербские священники пользуются полной свободой выбора богослужебного языка, — отмечает профессор Белградского университета Ксения Кончаревич, — так что в некоторых храмах текст молитвословий произносится на сербском, а за клиросом поют по-славянски, в других слышится только славянский, в третьих текст молитв произносится попеременно на обоих языках под церковнославянское пение, в четвертых пытаются и петь по-сербски (для многих песнопений, преимущественно из Миней и Октоиха, все еще не существует переводов на современный язык). Предпочтение того или иного решения во многом обуславливается конкретными условиями, т. е. зависит от специфических местных особенностей и характеристик среды: так, в диаспоре и в местах с многонациональным составом населения служат преимущественно по-сербски, в духовных школах и в монастырях — преимущественно по-славянски. Выбор языка зависит и от характеристик конкретной структурной части богослужения: элементы с ярко выраженной дидактической функцией — апостольское и евангельское чтение, а также совместные моления — произносятся преимущественно на сербском языке, тогда как элементы с функцией величания, возношения хвалы — антифоны, изобразительные псалмы, тропари, кондаки, богослужебные гимны — главным образом остаются на церковнославянском языке»⁴⁴.

Значительную роль в утверждении в богослужении сербского языка сыграли великие святые XX в. — «Сербский Златоуст» святитель Николай Жичский и преподобный Иустин Челийский. Святитель Николай (Велимирович) составлял на народном языке богослужебные гимны, его перу принадлежит написанная на сербском языке стихотворная служба святым новомученикам Сербского народа, погибшим от рук усташей⁴⁵. Преподобный Иустин (Попович) перевел многие богослужебные тексты (прежде всего акафисты) на сербский язык, а сам составил на сербском акафист преподобной Марии Египетской⁴⁶. Примечательно, что со времен преподобного Иустина все новые сербские акафисты (в том числе и акафист ему самому⁴⁷) пишутся только на национальном языке⁴⁸.

Вышедшее в Белграде в 1970 г. издание «Сербляка» (сборника, содержащего службы сербским святым), как признание ситуации с богослужебным языком в Церкви, было напечатано билингвой: сербский текст и транслитерованный сербским алфавитом текст на церковнославянском.

Исторически основным богослужебным языком **Польской Православной Церкви** (поскольку она образовалась путем отделения от РПЦ) является церковнославянский, однако в настоящее время в качестве литургических используются и другие языки — в первую очередь, естественно, польский, а также украинский и белорусский. Давней и широко распространенной практикой является чтение (или повторение) Священного Писания по-польски; немало храмов, в которых на национальном языке служитя литургия (в Варшаве, Вроцлаве и др.). В последние несколько лет ускорилась работа по переводу корпуса основных богослужебных книг на польский язык⁴⁹, что, вероятно, позволит заинтересованным приходам в ближайшем будущем перейти полностью на польское богослужение. Украинский язык используется в богослужении в приходах Холмско-Люблинской епархии и в некоторых приходах в других епархиях (в частности, в одном из храмов Вроцлава).

Богослужебное творчество охватывает как минимум три языка: есть новосоставленные тексты на церковнославянском, польском и украинском языках. Так, на польском были написаны служба и акафист священномученику Григолу (Перадзе), прославленному в лике святых в 1995 г.⁵⁰, а при прославлении в 2003 г. святых новомучеников Холмских и Подляшских тропарь и кондак им были одновременно опубликованы и по-славянски, и по-украински⁵¹.

Возрождение Православной Церкви в землях будущей **Чехословакии** связано с обращением чехов в Православие из католичества, и уже с последней четверти XIX в. стали выполняться переводы богослужебных текстов на чешский язык. Так, «в 1885 г. к 1000-летию преставления святого Мефодия была издана литургия святого Иоанна Златоуста (параллельный церковнославянский и чешский текст), в 1888 г. — литургия святого Василия Великого и акафисты Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице, в 1889 г. — великий канон святого Андрея Критского. Все эти переводы были выполнены протоиереем Николаем Апраксиным, служившим настоятелем Никольского [русского] храма с 1882 по 1901 гг.»⁵². В последующие десятилетия были переведены и многие другие богослужебные тексты. В 1933 г. вышел в свет «Народный сборник молитв и богослужебных песнопений Православной Церкви», автором которого был священномученик Горазд (Павлик), епископ Богемский и Мораво-Силезский (1879–1942). Фактически эта книга, получившая в народе название «Гораздов сборник», и по сей день является основной богослужебной книгой Православной церкви в Чешских землях⁵³.

В настоящее время в литургической практике употребляются как чешский (в Чехии) и словацкий (в Словакии), так и церковнославянский языки. При этом церковнославянский язык востребован почти исключительно эмигрантами из бывшего СССР (которые в настоящее время составляют едва ли не большинство прихожан православных чешских и словацких храмов), в то время как чехи (словаки) посещают чешское (словацкое) богослужение.

В Праге в кафедральном соборе святых Кирилла и Мефодия служат преимущественно на чешском, но иногда некоторые возгласения или молитвы читаются на церковнославянском (а в воскресенье и на греческом и даже на английском).

За время автокефального бытия Православной Церкви Чешских земель и Словакии в ней дважды было совершено прославление новых святых: в 1987 г. к лику святых был причислен священномученик епископ Горазд, в 1994 г. — равноапостольный Великий Князь Ростислав. Интересно отметить, что служба святому Горазду была издана на чешском языке⁵⁴, а святому Ростиславу — на церковнославянском⁵⁵.

Для приходов, связанных с русской богослужебной традицией, но находящихся в юрисдикции других Поместных Церквей, характерен языковой плюрализм в богослужении. **Архиепископия Православных Русских Церквей в Западной Европе** даже выпустила специальное заявление о том, что «Архиепископия больше не считает себя принадлежащей к „диаспоре“ [...] приходы русских эмигрантов, где службы идут на их родном языке⁵⁶, сосуществуют с многонациональными приходами, наряду с чисто западными приходами, где службы ведутся на языках стран, в которых они находятся»⁵⁷. В приходах Архиепископии службы проходят (кроме церковнославянского) на французском, фламандском, нидерландском, английском языках. В **Православной Церкви в Америке** богослужебных языков также де-факто несколько, в том числе есть несколько приходов, где богослужение идет на церковнославянском языке (например, в храме Христа Спасителя в Сан-Франциско). В Западно-Американской епархии ПЦА создано Русское миссионерское благочиние, объединяющее приходы, где основным богослужебным языком является церковнославянский. Во многих англоязычных приходах хотя бы одна ектения возглашается по-славянски⁵⁸.

Как видно из вышеизложенного, наибольшим консерватизмом отличается ситуация в РПЦ МП: основным богослужебным языком

здесь является церковнославянский (наряду с некоторыми языками народов России), попытки же ставить вопрос о русском богослужении воспринимаются большинством мирян и значительной частью клира крайне болезненно и являются небезопасными для вопрошающих. В УПЦ МП, которая на глазах все более обособляется, церковнославянский язык также является основным, при этом служение на национальном языке осознается как важная, но еще не решенная задача. Сходное положение дел в Белоруссии; впрочем, здесь литургическое употребление белорусского языка уже опробовано при официальном, внятном одобрении и поддержке священноначалия. Что касается РПЦЗ, а также Западноевропейского экзархата, то в этих юрисдикциях, образованных русскими эмигрантами, практикуется служение на европейских языках, вопрос же о русском языке на повестке дня до последнего времени не стоял (ср., однако, цитировавшееся выше высказывание митр. Илариона).

В Болгарии и Сербии, где в конце первого — начале второго тысячелетия укоренился церковнославянский язык соответствующих изводов, вытесненных впоследствии изводом русским, церковнославянский уже в течение нескольких десятилетий сосуществует в богослужении с национальными литературными языками. Можно сказать, что вопрос о литургическом языке в Болгарской и Сербской Православных Церквях не представляет проблемы, поскольку в целом он уже решен.

В Православной Церкви Чешских земель и Словакии и в Польской Православной Церкви используются как церковнославянский язык, так и национальные литературные языки — чешский, словацкий, польский, а также (в Польше) — украинский и белорусский. В противоположность ситуации у южных славян, где церковнославянский и болгарский, церковнославянский и сербский, как правило, чередуются в рамках большинства служб, в западнославянских странах разделение по языкам соотносится с национальной принадлежностью верующих: этнические украинцы, русские и белорусы обычно предпочитают церковнославянское богослужение, в то время как чехи, словаки и поляки выбирают служение на родном языке.

Представляется, что одним из важнейших параметров, показывающим реальное направление развития литургической языковой нормы в конкретной Поместной Церкви, является язык богослужебного творчества. Здесь в большинстве Церквей славянской традиции сосуществуют церковнославянский и национальные языки.

Лишь в Русской Церкви языком нормативного богослужебного творчества принципиально является только церковнославянский⁵⁹. Разумеется, он остается (и останется в будущем) востребованным в Православной Церкви (в качестве основного или одного из нескольких богослужебных языков), однако мы рискуем высказать мысль, что и в нашей Церкви ситуация изменится, если язык творчества не корректировать принудительно. Существование в наших Минеях по меньшей мере одной службы, язык которой сильно русифицирован⁶⁰, показывает, что этот путь для нас не закрыт, а опыт остальных Церквей, прежде всего славянских, — что подобное творчество не только возможно в принципе, но и может найти свою нишу в богослужебной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. предисловие переводчика и комментарии к публикации выполненного о. Леонидом перевода Евангелий: Литературная учеба. 1990. № 1, 4.
- 2 Гимны в составе апокрифических «Деяний Иуды Фомы апостола» см.: *Мещерская Е. Н.* Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.
- 3 Против Маркиона, 3, 22.
- 4 *Тураев Б. А.* К истории греческого периода в верхнеегипетском богослужении // Византийский временник. СПб., 1900. Т. 7.
- 5 В созданном арианом епископом Ульфиллой готском переводе Библии уже присутствовала таблица чтений, распределенных по дням года, что свидетельствует о богослужебном употреблении этого перевода. См.: Project Wulfila, University of Antwerp, Belgium, 2004. Сетевая версия проекта «Wulfila» расположена по адресу: <http://www.wulfila.be>.
- 6 Литургия эфиопского текста «Апостольских постановлений» // Собрание древних литургий / Сост. Е. И. Ловягин, Н. И. Глориантов, И. Е. Троицкий. М., 2007.
- 7 *Ткаченко А. А.* Армянская гимнография // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 510 (в ст. «Гимнография»).
- 8 *Гугушвили Ш.* Богослужение Грузинской Православной Церкви // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 234 (в ст. «Грузинская Православная Церковь»).
- 9 См.: *Скурат К. Е.* История Православных Поместных Церквей. М., 1994 (гл. I. «Грузинская Православная Церковь»).

- 10 *Мурьянов М. Ф.* Страницы гимнографии Киевской Руси // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991.
- 11 Текст мессы в честь св. Климента, взятый из древних хорватских глаголических миссалов, опубликован иеромонахом Венедиктом (Шнайдером), настоятелем прихода в г. Гёттинген (ФРГ), на интернет-страничке «Liturgia Romana in Ecclesia Orthodoxa»: http://www.orthodoxia.de/Liturgia_Romana/Clementis.pdf. К сожалению, вопрос о соотношении этого текста и первоначального кирилло-мефодиевского перевода остается неисследованным.
- 12 Подробно гимнографическое наследие «святых седмочисленников» описано в «Православной энциклопедии» (т. 11, статья «Гимнография»; там же на с. 495–496 приведен полный список их творений, предназначенных как для Минеи, так и для Октоиха).
- 13 Служба священномученику Клименту, созданная равноапостольным Кириллом, дошла до нас в составе русской Праздничной Минеи (РГАДА. Ф. 381. Д. 98. Л. 65–67 об).
- 14 Папа Климент IV (1265–1268) особым постановлением разрешил в славянских странах отправлять богослужение по латинскому обряду с использованием славянского языка. Опираясь на этот индульт, император Карл IV основал в Праге Эммаусский монастырь в честь святых Кирилла и Мефодия, Войтеха и Прокопия Сазавского (а позднее — и св. Иеронима Стридонского). Обитель была учреждена для того, чтобы в ней все богослужение было совершаемо только на славянском языке, а ее первыми насельниками стали бенедиктинские монахи-глаголиты из Далмации.
- 15 Подробнее о глаголитском богослужении можно посмотреть в статье д-ра Крешимира Веселича «Еще одна разрушенная традиция» (электронная публикация: http://www.unavoce.ru/library/veselic_glagolitica.html).
- 16 В данной статье рассматривается лишь ситуация в канонических Православных Церквях. Таким образом, за рамками рассмотрения остается богослужебный язык у русских старообрядцев и болгарских старостильников, в Киевском Патриархате и в Македонской Православной Церкви и во многих других юрисдикциях, соотносящих себя с восточным христианством. Подобный подход не только облегчает задачу в количественном отношении (неканонических деноминаций существенно больше, нежели канонических), но и делает предмет исследования более однородным, поскольку правым расколам свойствен, как правило, подчеркнутый консерватизм, а

- левым — нередко модернизм, канонические же юрисдикции имеют возможность принимать более взвешенные решения насущных проблем, в частности проблемы богослужебного языка.
- 17 Язык Елизаветинской Библии сильно грецизирован по сравнению с первопечатными русскими богослужебными книгами (в том числе с Острожской Библией), что отразилось не столько на лексике, сколько на его синтаксисе.
- 18 Последняя на сегодня редакция минейных служб была предпринята во 2-й пол. XX в. в ходе подготовки к печати так называемых «Зеленых» Миней — 24-томного собрания богослужебных текстов месяцесловного цикла, выпущенных издательством Московской Патриархии в 1978–1989 гг.
- 19 Толстой Н. И. Предисловие к первому изданию // Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык / Учебное издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. М., 2005. С. 4.
- 20 Большая часть этих текстов опубликована: Минейя дополнительная. М., 2005. Вып. 1.
- 21 Однако существует свидетельство свящ. Даниила Сысоева, что почивший Патриарх Алексий II читал Великий покаянный канон в редакции патр. Сергия. См. <http://pr-daniil.livejournal.com/12030.html>.
- 22 Доклад Священному Собору Православной Российской Церкви «О церковно-богослужебном языке», §5 // ГАРФ. Ф. 3431. Д. 296. Л. 1. Цит. по: Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // Язык Церкви. М., 1997. С. 70. Далее на с. 71–72 см. о процедурных вопросах прохождения данного постановления.
- 23 Публикации на данную тематику весьма многочисленны и, к сожалению, чаще всего представляют собой не столько попытки беспристрастно разобраться в данном непростом вопросе, сколько очередной виток ожесточеннейшей и весьма небесстрастной полемики.
- 24 Сообщение в сообществе «Церковный устав во всей его полноте»: <http://community.livejournal.com/ustav/191174.html?thread=8146118#t-8146118>.
- 25 Подробнее о переводческой деятельности св. Гурия см. в статье: Диакон Максим Плякин. Просветитель Поднебесной Империи // Электронная публикация на сайте «Православие в Китае» http://www.orthodox.cn/saints/20080817gurykarov_ru.htm.
- 26 Авторы благодарят за эту информацию диакона Андрея Глущенко (г. Ирпень Киевской обл.).

- 27 Прот. Андрей Ключев, диак. Андрей Глущенко. Проблемы богослужебного языка в Украине / Доклад на конференции «Славянский мир: общность и многообразие» (Коломна, 22–24 мая 2007 г.).
- 28 Ионафан (Слецькіх), архієпископ Херсонський і Таврійський. Божественна Літургія Святителів Іоанна Златоуста та Василя Великого українською мовою. Глумачний путівник Божественною Літургією з коротким історико-богословським коментарем. Молитви до Святого Причастя, євхаристологічні статті. Херсон, 2006.
- 29 Прот. Андрей Ключев, диак. Андрей Глущенко. Проблемы богослужебного языка в Украине.
- 30 К сожалению, авторы затрудняются дать точную количественную оценку численности этих приходов.
- 31 <http://community.livejournal.com/ustav/191174.html>.
- 32 Бажэственная Літургія свц. Іаана Златавуснага. Свята-Петра-Паўлаўскі сабор, Беларускае Праваслаўнае Брацтва Святых Віленскіх Мучанікаў. Мінск, 2001.
- 33 Людоговский Ф. Б. Церковнославянский и национальные литературные языки в славянских православных церквях в конце XX — начале XXI вв. // Литературные языки в контексте культуры славян. М., 2008.
- 34 Это службы в честь Крупецкой иконы Божией Матери (1998), святым новомученикам Белой Руси (1999), службы с акафистами святому праведному Иоанну Кормяанскому (1998), святителю Кириллу Туровскому (2005), в честь Купятицкой иконы Божией Матери (2007), акафист преподобной Манефе Гомельской (2007), тропари и кондаки священномученику Никифору Экзарху (2002), праведной Валентине Минской (2006), священномученику Николаю и исповеднику Владимиру Витебским (2007); в скобках указана дата первой публикации текстов.
- 35 Большая подборка переводов богослужебных книг на английский язык (в том числе текстов Служебника и Часослова) опубликована на сайте прихода святителя Николая Чудотворца в Далласе, Техас, США: <http://www.orthodox.net/services/index.html>.
- 36 Первоиерарх Иларион: надо перевести молитвы на современный русский язык // Комсомольская правда. 13.05.2008. Интернет-публикация: <http://www.kp.ru/daily/24096/324719/>.
- 37 В первую очередь это службы и акафисты новопрославленным святым: преподобным Оптинским старцам (1992), святителю Иоанну Шанхайскому (2001).

- 38 Наиболее полное собрание богослужебных текстов авторства чтеца Исаака Ламбертсена представлено на интернет-странице «Православная Англия»: <http://orthodoxengland.org.uk/zliturgics.htm>.
- 39 Они публикуются в его личном интернет-блоге: <http://acathistes-et-offices-orthodoxes.blogspot.com>.
- 40 Решения на Четвъртия Църковно-Народен Събор (2–4 юли 1997). Интернет-публикация: <http://bulch.tripod.com/boc/reshenia.htm>.
- 41 За информация, приведенную выше в данном абзаце, авторы благодарят протоиерея Людмила Спасова (София).
- 42 Акатист на светия наш отец Евтимий, Патриарх Търновский // Акатистник. Пловдив, 1998. С. 213–226.
- 43 Акатист и житие на светите двадесет и шест Зографски преподобномъченици и други слова. Славянобългарски манастир «Св. Вмчк Георги Зограф». Света Гора Атон, 2005.
- 44 *Кончаревич К.* Дискусии о богослужебном языке в Сербской православной церкви: исторический обзор и современное состояние // Электронная публикация на сайте «Балканская русистика»: <http://www.russian.slavica.org/article217.html>.
- 45 *Свети Владика Николај Српски.* Служба новомученицима Српским и крсни молебан Христу Спасителю народа српског у време нашествија иноплеменика. Манастир Рукумија, 1999–2000.
- 46 *Преп. Јустин Ђелијски.* Акатист Марији Египћанки // Электронная публикация на сайте «Светосавље.орг»: <http://www.svetosavlje.org/biblioteka/Bogoslužbeni/akatist04.htm>.
- 47 http://www.svetijakov.org/knjige/Ava_Justin/Akatist_Avi_Justinu_Celijskom.pdf.
- 48 По оценке авторов, оригинальных сербских акафистов уже около полутора десятков.
- 49 Бóльшая часть переводов на польский язык публикуется в рамках проекта «Prawosławna Liturgia w języku polskim»: <http://www.liturgia.cerkiew.pl>.
- 50 *Żywot Świątego Męczennika Grzegorza Archimandryty i nabożeństwa do Niego.* Warszawa, 2006.
- 51 Эти тексты были составлены архиепископом Ровненским и Острожским Варфоломеем, в силу чего их можно рассматривать и в контексте украиноязычного богослужебного творчества в УПЦ МП. См.: *Григорій Купріянович.* Прославлення Свв. Мучеників Холмських і Підляських // Электронная публикация на сайте прихода святителя Петра (Могилы) в Люблине: <http://chresto-vozd.harazd.net/lib/muchenyky.html>.

- 52 *Бурега В. В.* Особенности богослужебной жизни Православной Церкви в Чешских землях // Церковь и время. 2004. № 4. С. 251–252.
- 53 Там же. С. 259.
- 54 *Služba ke sv. Gorazdovi, biskupu českému a moravsko-slezskému, novému mučedníku.* Obsahuje obě varianty služby: pro juliánský i gregoriánský kalendář. Typografie u kaple svatých Václava a Ludmily v Jihlavě, 1994.
- 55 Служба святому благоверному князю Моравскому Ростиславу // Святый князь Ростиславъ. Б. м., 2001.
- 56 По контексту ясно, что речь идет именно о церковнославянском, а не русском языке, введение которого в богослужение даже не обсуждалось.
- 57 Заявление Епархиального совета Архиепископии от 9 декабря 2004 г. // Электронная публикация на официальном сайте Архиепископии, раздел «Ситуация сегодня»: <http://www.exarchat.org/spip.php?article30>.
- 58 За эту информацию авторы благодарят чтеца Алексея Черкасова (Сан-Франциско, ПЦА).
- 59 Отдельные русскоязычные богослужебные тексты — акафист «Слава Богу за все!», акафист мученикам Российским века сего, молитва Оптинских старцев (переведенная на новогреческий: <http://www.agiooros.net/forum/viewtopic.php?f=50&t=6724>), ежедневная молитва святителя Филарета Московского — на фоне массива новоцерковнославянских текстов остаются пока единичными исключениями из правила.
- 60 Служба святителю Иоанну, митрополиту Тобольскому, составленная митрополитом Новосибирским Варфоломеем (Городцовым; †1956). См.: Минея-июнь. М., 1986. Ч. 1. С. 309–323.

priest Fedor Ludogovsky,

deacon Maksim Plyakin

Liturgical Languages in Slavia Orthodoxa:
Contemporary Situation

The article deals with languages used for prayer in local Slavic Orthodox Churches: Russian, Ukrainian, Byelorussian, Bulgarian, Serbian, Czech and Slovakian, Polish, et. al.

Keywords: *Church, liturgical languages, liturgy, translation, Russian language, Slavic languages, Church Slavonic language.*

О. В. Соколовская
(Москва)

О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги)

В публикации приводятся отрывки из писем королевы эллинов Ольги к брату Константину Константиновичу, в которых затронуты события начального этапа Первой балканской войны. В них содержатся сведения о греко-болгарских и греко-сербских отношениях, даются характеристики греческим, болгарским и сербским военачальникам и политическим деятелям. Ключевые слова: *Первая балканская война 1912 г., Греция, Болгария, Сербия, международные отношения.*

Балканские войны 1912–1913 гг. стали для греческого государства не менее значимыми, чем национальная война 1821–1829 гг., в результате которой было создано первое независимое государство на Балканах — Греция.

Итало-турецкая война 1911 г. послужила неким толчком, выведшим из состояния неустойчивого равновесия внутреннюю и внешнюю жизнь Османской империи. На Балканах ускорилось сближение различных христианских стран на почве защиты своих церковно-политических и экономических интересов на случай нападения со стороны Турции или ее распада.

После многих сомнений Россия взяла на себя инициативу поддержки балканских государств и помогла Сербии, Греции, Болгарии и Черногории заключить в марте 1912 г. союз, который был направлен против Османской империи. Одновременно Россия убеждала балканских руководителей, готовых к вооруженной борьбе, проявлять благоразумие и терпение; говорила, что «хлопоча о балканском союзе имела в виду мирную солидарность балканских государств»¹. Другие великие европейские державы также беспокоились о возможности возникновения войны на Балканах. Они поддержали обращение России и Австро-Венгрии к балканским государствам, пытаясь еще раз удержать народы Балкан от решительных действий, обещая заставить Турцию провести до конца все реформы в Македонии.

Призывы к балканским странам не были, однако, услышаны. Тем более что именно тот факт, что за спиной балканского союза в 1912 г. стояла великая держава — Россия, позволял балканским народам

приступить к разделу оставшихся европейских провинций Турецкой империи. Декларация была оглашена 8 октября 1912 г. в день, когда Черногория объявила войну Турции. Через десять дней Болгария, Греция и Сербия присоединились к Черногории. Реакция российской дипломатии и ведущих политиков была почти единодушной: нужно оказать помощь, но избежать участия в конфликте.

Российский посланник в Афинах Е. П. Демидов (1912–1924) назвал Первую балканскую войну «каким-то несовременным крестовым походом против неверных». Демидов воздавал должное «удивительному чувству солидарности и патриотизма», проявленному греками в этой войне. Со всех концов земного шара в Афины ежедневно прибывало множество греков-добровольцев, «покинувших свои занятия и заработок для защиты отечества»². Греческое правительство 30 сентября 1912 г. объявило всеобщую мобилизацию. Уже 7 ноября 1912 г. греческая армия стояла у ворот Салоник — столицы Македонии, а после подписания Турцией капитуляции вошла в город³.

Сокрушительное поражение османской армии поставило на повестку дня пересмотр Берлинского трактата 1878 г., в который были втянуты все подписавшие его в свое время страны. 8 декабря 1912 г. конференция послов великих европейских держав в Лондоне начала обсуждение балканского вопроса, которое длилось почти год. Лондонским договором завершилась Первая балканская война, но не закончился балканский поединок в споре за османское наследство. Уже через несколько месяцев, в июне 1913 г. желание болгар заручиться более благоприятным для себя стратегическим положением толкнуло ее на военные действия в Македонии, разрушив тем самым балканский союз. В военные действия во Второй балканской войне вновь были вовлечены силы Болгарии, Сербии, Греции, Румынии, Черногории, а также Турции.

Россия оказала многостороннюю помощь воюющим балканским государствам, в том числе грекам. Но самой большой поддержкой была дипломатическая — согласие на передачу Греции островов Лемноса, Имброса, Самофракии и некоторых других, входивших в состав Османской империи⁴. Во время Первой и Второй балканских войн дипломатия России делала все, что было в ее силах, чтобы снять напряжение между балканскими странами, но эта политика не принесла желаемых результатов. Болгария надеялась заполучить почти всю Македонию и район Салоник, несмотря на то что Греция первая захватила эти территории. Дипломатическая служба России пыта-

лась урезонить болгар и греков разрешить спорные вопросы мирным путем. В результате в Афинах лишь усилилось раздражение.

Тем временем греческие войска двинулись в бой и провели 19–21 июня первое победоносное сражение при Килкисе, ставшее началом их победоносного вытеснения болгар с территории Македонии. 10 июля была оккупирована Кавала, еще через две недели Дедеагач (ныне греческий г. Александруполис) и многие другие территории. В декларации греческого правительства говорилось: «Мы поставлены ныне перед необходимостью принять военный вызов... без всякого предварительного объявления. Но мы имеем твердую веру в святость борьбы, в ее справедливость и неизбежность, ибо мы боремся не для того, чтобы завоевывать чужие территории, а для сохранения того, что нам принадлежит»⁵. Общественное мнение России посчитало результаты двух балканских войн и Бухарестского мира поражением национальных интересов России и победой центральных держав. Славянские государства теперь были разделены враждой; только Сербия оставалась верным другом России. Отношения с Грецией были испорчены, но в целом были лучше, чем со славянской Болгарией. Оплошность российской дипломатии была исправлена активным содействием в деле присоединения Крита — «Великого острова Средиземноморья» к Греции в 1913 г. (о чем мечтало не одно поколение греков, сражавшихся за это на протяжении всего XIX — начала XX в.).

Бухарестский мир 1913 г., который подвел итоги двух балканских войн, стал для греков настоящим триумфом. Получив богатые земли Южной Македонии, включая «лучший европейский порт на Эгейском море» — Салоники, часть Западной Фракии с Кавалой, Драмой, Серре, Южным Эпиром с г. Янина и большинство островов в Эгейском море, а затем и вожделенный Крит, Греция увеличила свою территорию и население почти в два раза. Таким образом, греки получили почти полное удовлетворение своих вековых чаяний. Восторженная встреча в Афинах короля Константина, получившего престол после убийства Георга I в Салониках в марте 1913 г., в день подписания Бухарестского мира превратилась в национальный праздник.

Королева эллинов Ольга (1851–1924) — урожденная великая княжна Ольга Константиновна, внучка Николая I и дочь великого князя Константина Николаевича. В 1867 г. в 16-летнем возрасте она стала женой короля эллинов Георга I и родоначальницей последней греческой династии (у нее было пятеро сыновей и две дочери). В 1913 г.

в ходе Первой балканской войны после убийства Георга I на престол вззошел кронпринц Константин. Королева эллинов вела обширную переписку в конце XIX — начала XX в. Особенно часто она писала младшему брату великому князю Константину Константиновичу (генерал-адъютанту, президенту АН России, поэту), с которым обсуждала всевозможные вопросы, в том числе политические.

В данной публикации приводятся отрывки из ее семи писем к брату, посвященные событиям первого периода Первой балканской войны (октябрь–декабрь 1912 г.), который характеризовался масштабным наступлением войск балканского союза. Во время перемирия боевые действия прекратили Турция, Сербия и Болгария, но Греция и Черногория продолжали войну. В марте, после гибели мужа Ольга Константиновна сначала на время, а затем надолго покинет Грецию.

Данная публикация писем осуществляется по оригиналам, хранящимся в личном фонде великого князя Константина Константиновича в Государственном архиве Российской Федерации — Ф. 660. Оп. 2. Д. 242. Текст писем приведен в соответствии с нормами современного правописания, однако сохранены некоторые особенности, характерные для автора данных писем, ее среды. Например, оставлены без изменения все авторские подчеркивания в оригинале, написание имен и фамилий, некоторые географические названия (Салунь, Салоника, Солунь, Елефтерополи), двойное датирование писем; взяты в кавычки отсутствующие в оригинале названия периодических изданий и королевской яхты. Сокращенные в тексте писем слова дописываются нами в прямых скобках. Без изменения даются в оригинале имена и выражения, написанные на иностранных языках.

№ 1. Афины 7/20 октября 1912.

Радость моя ненаглядная! Мое сердце, как кусок свинца... Вчера в 8 ч[асов] утра мы проводили наших мальчиков, Ники⁶, Андрея⁷ и Христофора⁸... Храни их Господь! Слава Богу, что Вилли⁹ удалось их задержать — я пришла в пятницу¹⁰, в первом часу, и видела их хоть один день; во вторник они все трое причастились (тихонько, так что даже Вилли этого не знал...¹¹), и я была так тронута этим и рада... милые мальчики!

Одно только и есть утешение в это жестокое время, что они в руке Божией! Я себя упрекаю, что у меня сердце так болит и так тяжело... Все они были произведены на один чин — Ники сделался генералом, Андрей полковником, а Христофор поручиком; он, т. е. Христо, бу-

дет находится в штабе Тино¹², как и его собственный сын Georgie¹³; Андрей будет командовать двумя эскадронами. Боюсь, что это очень опасное место...

Пока все идет хорошо: вчера взяли Элассону (посмотри на карту) (Элассон. — О. С.); было 13 раненых. Они идут дальше; может быть другое сражение на днях, но турок против нас немного — все главные силы под Адрианополем против болгар и сербов — там ожидается на днях большое сражение. Если турок там не побьют, то положение может сделаться очень серьезным, но никто как Бог!¹⁴ Софи¹⁵, Елена¹⁶ и Аликс¹⁷ очень много работают и все приготовления¹⁸ для раненых в полном ходу. Я, конечно, с места тоже начала заниматься этим делом и разъезжала вчера несколько часов, чтоб лично убедиться, сколько помещений и сколько кроватей приготовлено. Афины приняли совсем другой вид: город опустел, экипажей почти нет, автомобили все взяты для армии. Говорят, что мобилизация состоялась быстро и спокойно, без криков, шума и показного энтузиазма; и сравнить нельзя с 1897 годом¹⁹; теперь каждый сознает, что надо не шуметь, а исполнять свой долг. Но сегодня мне было и грустно и смешно. В Софье²⁰ был торжественный молебен, на кот[оро]м молились о победе и за всех нас и ожидали, чтоб здесь было сделано то же. Вот мы и поехали, Вилли и я, в собор. Главный, настоящий молебен, был отслужен тр[етьего] дня, когда Тино перешел границу с войсками. Мы входим и что я вижу: в середине собора возвышение в человеческий рост, окруженное роскошными растениями и... унтер-офицерами военного училища (yellow boys) с знаменами в руках в фуражках и спиною к алтарю. Так как они плотно и симметрично окружали возвышенность, то, конечно, тем, кот[орые] стояли лицом к входу, приходилось стоять задом к алтарю; вся эта «группа» представляла какой-то фантастичный «апофеоз», более подходящий для сцены театра, чем для храма Божия. Ты можешь себе представить мое негодование при виде этого смехотворного устройства... Вилли, разделяя мое чувство, сделал знак крайнему воспитаннику, чтоб он отошел; за ним ушли и другие, и стали поодаль со своими знаменами (что это за знамена, мне и до сих пор не ясно...) и, конечно, в шапках. Там наверху, над растениями, начался молебен — и митрополит (Феоклит. — О. С.) как-то вполоборота, издали, окропил знамена. Опять закипело мое негодование, и я говорю мужу, что знамена окропляют вблизи и каждое отдельно (а не как-то так entre autre!*). Когда служба кон-

* Между прочим (фр.).

чилась и прокричали ура в церкви и публика вне храма хлопала в ладоши (!!!!! О!!!)²¹, то Вилли подошел к митрополиту и сказал, чтоб он знамена окропил как следует, что он и сделал, и мы уехали. Я ничего подобного никогда не видала. И это православная церковь, где военные стоят в шапках и устраивают живые картины...

Христос с тобою +++ радость моя. Твоя Оля.

№ 2. «Амфитрида»²², подходя к Воло (Волос. — О. С.) 12/25 окт[ября] 1912.

Дузи мои родные (Константин и его жена Елисавета Маврикиевна. — О. С.)! Завтра две недели, что мы расстались, и я решительно ничего о вас не знаю... Слава Богу, до сих пор наши дела идут не только хорошо, но отлично, но какие мы пережили душевные волнения во время сражений, этого я и не пытаюсь описать... все от Господа. — И пока мои сыновья и внук живы и невредимы — слава Ему и благодарение! Были и очень радостные, потрясающие мгновения, когда приходили телеграммы от Тино и от начальника его штаба о поражении турок, кот[орые] покинули свои позиции, побросали множество вещей, даже оружие. Тино приказал их преследовать, чтоб не дать им возможности сосредоточиться выше в горах перед Сербией; в этот день у них взяли 22 полевых орудий с их снарядами. Турки были совсем деморализованы и, покидая Сервию, при приближении наших войск, зарезали 70 человек беззащитных жителей, священника, женщин и детей. И таких людей не только терпит, но защищает и поощряет Европа, soit desaut* христианская. Мы идем в Воло, пот[ому что] Вилли хочет ехать в главную квартиру. Тино поздравит войска, кот[орые] дрались великолепно — насколько они были ужасны 15 лет т[ому] н[азад], настолько Тино теперь не нахвалится ими! Сегодня всего только неделя, что я вернулась, а кажется мне как будто я уже несколько месяцев здесь — так много впечатлений. Я иногда так устаю, что больше ничего не соображаю и все забываю и путаю, что меня приводит в отчаяние. Я иду с Вилли, чтоб посмотреть и в Воло и в Лариссе, какие сделаны приготовления для приема и ухода за ранеными; надо и дом выбрать для русского отряда Кр[асного] Креста. Все мои невестки из кожи лезут, чтоб быть полезными и устраивать что возможно! Georgy и Marie²³ (кот[орая] сама кротость и прелесть) с нами; Georgy поедет с Вилли, а Marie останется со мной. Вчера мой махонький²⁴ уехал обратно

* Называющая себя (фр.).

в Питер, чтоб забрать семью... Мы с Marie остались здесь и будем стараться навести порядки. Сказать трудно, сколько нам придется еще здесь остаться, т. е. здесь и в Лариссе. Мы мечтаем побывать и в Элассоне, но не знаю, удастся ли. Молодец Alice полетела туда помогать раненым; Тино еще подвинулся вперед; о действиях болгар тоже отличные вести. Помогите нам всем Господь и спаси нас потом от дипломатии и решений Европы! Храни Тебя Господь +++ прелесть моя родная. Твоя Оля.

Нас прекрасно встретили здесь в Воло; Marie и я живем на нашей уютной «Амфитриде».

№ 3. Воло. «Амфитрида» 22 окт[ября] 4 нояб[ря] 1912.

Радость моя ненаглядная! Спасибо Тебе большое за твое дорогое послание от 9-го; прости, но я все эти 10 дней не могла писать, времени не было... Мы получили приказание идти на одно место Scala-Eleftherohori (Скала-Элефтерехори — О. С.) — на противоположный берег крепости Кара Бурну, кот[орая] защищает вход в Салоникский порт. На днях там прошел незамеченным наш миноносец и взорвал в гавани турецкий броненосец. Молодчина! Вилли уже 10 дней в армии, а я оставалась здесь, пот[ому] здесь было много дела по госпиталю. Приказание идти ближе к Салуни, вероятно, означает, что войско наше скоро войдет в этот город; хорошо было бы войти 26-го в день Св[ятого] Димитрия Солунского и отслужить молебен у его мощей...!

Вы, вероятно, все удивляетесь и любуетесь быстротой действий нашего войска и их храбростью. Они с самой Элассоны до Янины (где было большое сражение вчера) бьют турок и перед ничем²⁵ не останавливаются. Никто, в сущности, такой храбрости не ожидал, и мы все в неопишемом восторге! Нам Господь Бог помогает и всем балканским православным народам (одни противные румыны смотрят, сложа руки, но они потомки римлян...). Это крестный поход! И как это все случилось неожиданно, нежданно-негаданно, то, о чем я мечтала 45 лет, т. е. союз православных народов против ислама. И разве это не чудо Божие, как все сговорились и действуют заодно и как бьют турок повсюду, без единственной до сих пор неудачи. Помогите Бог выбросить этих извергов совсем вон из Европы, где присутствие их, срам и позор! Право, я не могу надивиться — вот 5 веков, что дипломатия не может решить восточного вопроса — а балканские государства, соединившись, решили его в несколько недель! Европа разинула рот и сама не понимает, что вдруг случилось

и как это вековые задачи решаются без нее! Путала она, путала, да завязала такой гордиев узел, что его развязать стало немыслимо — а четыре народа, тайно сговорившись, взяли да разрубили его! Ура! Я плачу (ты спрашиваешь) не много — иногда от умиления, пот[ому] освобожденные местности, и несчастный удрученный, измученный народ, такой трогательный и раненые такие милые и славные! Все так и рвутся назад в бой; везде подъем духа. Такие хорошие, возвышенные чувства, слава Богу! Я была в Элассоне, но теперь не успею описать — надо отсылать письмо; хотели ехать (Marie и я) дальше к Willy в Козани и Верриа, но Willy не пустил — путь еще был опасен, там скитались разбежавшиеся турки. Но, не правда ли, это изумительно, как быстро подвигается наше войско, и оно, и Тино молодцы! И болгары совершают чудеса храбрости и сербы и черногорцы-юнаки! Ну, пора кончать!

Христос с Тобой +++ Твоя Оля.

№ 4. Елевтерохори (Элефтере. — О. С.) (мерзкая пустыня, восточный берег Македонии, 10 миль от крепости Кара-Бурну под Салоники.)

27 окт[ября] 10 нояб[ря] 1912.

Прелесть моя ненаглядная! Вчера, в день Св[ятого] Вел[икого] Мученика Димитрия Солунского, город Солунь, или Салоники, сдался и греческая армия вошла в него! Слава и благодарение Господу! Но подробностей я никаких не имею, никто ничего не знает; только вчера утром я наконец получила телеграмму от мужа, из местечка Tuga — станция на жел[езно]-дор[ожной] линии, что он надеется сообщить мне вечером радостную весть и кончать au revoir, à bientôt*; но теперь уже 12 ½ и я никаких вестей не имею, т. е. прямых.

Мы пришли сюда во вторник вечером, на место утра, такой был скверный переход, и стоим с тех пор (сегодня суббота) без всякого дела, что просто изводящее, и ждем у моря погоды²⁶. Здесь стоит тоже госпитальный пароход, которым заведует Marie, и нагружает раненых, кот[оры]х привозят понемногу. Там я бываю, навещаю их и присутствовала на перевязках вчера; вот и все. Не знаю, намерен ли Вилли позвать меня в Салонику — если нет, то, право, жаль, что я не вернулась в Афины, где было бы дело. Делать нечего и надо вооружаться терпением. Софи устраивает госпиталь и заведует ими в Афинах, Marie перевозит раненых морем, кроме того, у нее есть и в

* До свидания, до скорой встречи (*фр.*).

Афинах большой госпиталь; Елена перевозит раненых по жел[езной] дороге, а Alice продолжает молодцом работать в первых рядах; только я совсем ни к чему...

Увы, на днях у нас была неудача в одной дивизии, кот[орая] была послана на север, на соединение с сербами, в Монастырь (Витолия); это, я думаю, неизбежно на войне, но все же обидно (не говори, что я тебе об этом писала, только если ты узнаешь об этом из других источников). Мне кажется, что теперь конец Турции, ей ничего не остается больше делать. От этого хочется верить слуху, что болгары потребовали перемирие... Они уже стоят у Мраморного моря, Адрианополь должен сдаться не сегодня завтра, и Драма по пути к Кавала у моря тоже взята ими. Кажись, что туркам остается только убираться из Европы подобру-поздорову, а Константинополь превратится в общий православный город, в котором мы все будем молиться по очереди в Св[ятой] Софии, восстановив ее общими силами, в ее былом великолепии!!!

Только что получила письмо от Вилли, написанное вчера. Он пишет, что Тино вел переговоры и ставил условия для сдачи и что он сегодня только, или даже завтра 28-го, войдет в Салоники, а на следующий день — Вилли. А вчера вечером, когда разнеслась весть о сдаче, мы чуть с ума не сошли. На всех судах команды (а нас здесь 15 судов, если не больше) стали кричать зито²⁷, пускать кораб[ельные] свистки, звонить в колокола, стрелять из ружей — было что-то неопишное — я плакала от радостного волнения! Это было чудесно, но... немного преждевременно! Вот 6 дней уже, что солнышко нас забыло и только изредка, на короткое время, показывает свои лучи. Здесь стоит тоже в томительном ожидании рус[ский] одесский отряд Красного Креста; теперь выяснилось, что им надо вернуться в Воло и там устроиться, т. к. нет возможности попасть в Салоники — не на чем их перевозить, т. к. у них громаднейший груз и нет способа перевозки...

До свиданья, радость моя ненаглядная [...] Христос с тобою +++
Твоя Оля [...]

№ 5. Солунь 18 ноября/1 дек[абря] 1912.

Радость моя ненаглядная! Как мне стыдно и досадно, что я тебе целых три недели не писала (чего, кажется, никогда не случалось), я просто и описать не могу!

Но я знаю, что ты меня не осудишь; ты знаешь, что я написала бы, если б было возможно; я все это время была занята с утра до вечера!

И я особенно виновата перед тобою, т. к. эти 3 недели были страшно «интересны» с исторической точки зрения, и все написанное под свежим впечатлением несравненно занимательнее, чем то, что вспоминается потом...

Итак, мое последнее послание было от 27-го окт[ября] из Элевтерохори. Я, кажется, описала тебе получение известия о сдаче Солуни и о нашем неистовом восторге — сдача турецкой армии была подписана как раз в день Св[ятого] Вел[ико]-Муч[еника] Димитрия Солунского. Въезд Тино в Солунь был в воскресенье 28 окт[ября], а в понед[ельник] 29-го был торжественный въезд Вилли и восторженный прием. После этого я с нетерпением ждала, чтоб меня выписали, что и состоялось 31-го ноября, в среду. Это была скромная, семейная встреча; ты можешь легко себе представить мое радостное волнение при встрече с моими мальчиками... Господь их милостиво сохранил здоровыми и невредимыми!!

Тино благодарит тебя от души за телеграмму, о кот[ор]ой я ему говорила и кот[орую] он не получил. Он молодчина! Представь себе поход со старой нашей границы до Солуни, ровно в три недели! На другой день, после моего приезда, он снова вернулся к армии, и было несколько сражений и несколько стычек; турецкое войско разбеглось, и его надо было бить по частям; потом было соединение с сербами, кот[орые] взяли Монастырь (Витолию), и Тино был в этом городе. С сербами у нас идет все хорошо, но с болгарями, увы, совсем не то. В Элевтерохори я жила в блаженных иллюзиях, но, приехав сюда, начались разочарования... Оказалось, что здесь нелады с болгарями и по всему тому, что я вижу и слышу, вся вина с их стороны. Конечно, почти всегда бывает так, что вина с той и другой стороны, и в этот раз вероятно так, но оно что-то незаметно; напротив того, я все время вижу полную «корректность» с нашей стороны по отношению к ним. Ты, вероятно, в «Нов[ом] Вр[емени]» заметил телеграмму, в кот[орой] сообщается о сдаче Солуни и турецкой армии Тино. И тут же — телеграмма ген[ерала] Петрова царю Фердинанду²⁸, что Солунь у его ног...!

Это, по меньшей мере, нахальство!

После сдачи Солуни на следующий день 27-го болгары подошли, и несмотря на сообщение греч[еского] полковника Каляри, что турецкая армия сдалась, они пустили несколько выстрелов против них — турок; и продолжали идти вперед, не обращая ни малейшего внимания на греческий отряд. Потом Станчиев, болгарский посланник в Париже (теперь вольноопределяющийся и состоящий,

кажется, при болгарских королевичах) явился к Тино и были долгие переговоры. Наконец Тино согласился на то, чтоб вошли два батальона, как гостеприимство, переночевать в городе под кровом ввиду ужасной погоды. Станчиев согласился, а потом болгары ввели в Солунь до 10 тысяч войска, заняв самовольно разные здания, напр[имер] больницу, из которой они ночью выгнали раненых турок! Le comble*, что они уверяют, что они дрались из-за Солуни, но все знают, что это неправда. Все это весьма прискорбно, т. к. у меня, конечно, сердце лежит к болгарам; то мне все это страшно больно, особенно пот[ому] я так верила в искренность союза балканских государств...! Но сыновья мои их просто ненавидят, увы (не сербов, а болгар).

На другой же день после моего приезда Тино вернулся к армии и назначил Ники здешним военным губернатором, а Андрея — его помощником. Ники делает все, что может для предупреждения всяких неприятностей: он изысканно вежлив и предупредителен, но он часто говорит мне, что он ни малейшей доброй воли не встречает со стороны болгар, а только одни неприятности. Он даже устроил прием в клубе и пригласил всех болгарских офицеров от имени греч[еских] офицеров, пил за их здоровье, как союзников, говорил страшно любезную речь; мы приглашали к завтраку королевичей (кот[орые] премилые мальчики) Станчиева и ген[ерала] Петрова. Наш консул нам говорил, что они были тронуты нашим приемом, et pourtant et pourtant** — с ними не с места, они хотят нас выжить из Солуни, а турки сдались нам, а не им! Сербы тоже пришли после сдачи Солуни, но поступили по-рыцарски. Командующий написал Тино замечательно милое письмо, поздравляя его с блестящей победой, и ушел со своим отрядом! У нас была неудача на левом фланге. Не случись этого, мы, вероятно, дошли бы раньше до Монастыря, чем сербы; но они взяли этот город и это нисколько не помешало Тино приехать туда, где его встретили восторженно и где Александр (брат Елены)²⁹ дал им большой обед, и все было отлично и по-дружески. Жаль, что с болгарам не то. Мы им недавно оказали услугу: после неудачи в Чатальжде, им нужно было перевести часть войск отсюда в Дедеагач — и наши суда перевезли их. Болгары ко всему другому безумно жестоки — они турок, и не только мужчин, но женщин и детей, убивают как собак... это так возмутительно, что слов нет!

* К тому же (*фр.*).

** И всё же, и всё же (*фр.*).

В Дедеагаче они теперь убили 300 беззащитных турок; и здесь тоже, недалеко, на глазах их жен и детей...

Христос с тобой +++ Твоя Оля.

Боже мой, чем все это кончится? [...]

№ 6. Солунь 20 ноября/3 дек[абря] 1912.

Дузи мои, прелесть моя ненаглядная! Опять берусь за перо, пот[ому что] идет проливной дождь и я сижу дома, и для того, чтоб не набиралось слишком много новостей, кот[орые] потом слишком трудно все передать. Вчера у нас обедал Александр Сербский и его троюр[одный] брат Алексей Карагеоргиевич — очень симпатичный. Ты знаешь, кто он такой? Я до сих пор не знала о его существовании. Отец его служил в Преображенском полку, а сам он не военный, и живет больше в Париже. Бывал у нас в России и изъездил всю Европу да Америку, говорит хорошо на всех языках, забавен и приятен; теперь он поступил в солдаты и находится при Александре в продолжение всей кампании. Александр мне говорил, как твой полк³⁰ гордится иметь тебя шефом и как он все время старался войти первым во все завоеванные места. Я ему сказала, что я тебе это напишу. Дня не проходит, чтоб Ники не рассказывал о недружелюбии болгар. Ники всячески удерживает офицеров (греческих), кот[орые] начинают жаловаться, что им и трудно, и обидно во всем уступать болгарам. Ники обещал написать речь, кот[орую] он произнес при приеме в военном клубе болгарских офицеров — я хочу послать ее тебе. Ники страшно осторожен и вежлив. Тино находит, что они вежливости не понимают, что грубость с ними целесообразнее. Не берусь судить, кто прав, но одно достоверно, что пока вежливость ни к чему не ведет — все с них как с гуся вода. Они всячески стараются доказать, что они имеют права на Солунь и что они ее себе присвоят. Представь себе, какие они невежливые. Афинский митрополит Феоклит был у них, а их старшее духовное лицо здесь, не был у Вилли. Вчера Алексей Карагеоргиевич рассказывал Ники возмутительную вещь. Надо тебе сказать, что с самого начала болгары завладели Св[ятой] Софией, старинным византийским храмом, кот[орый] теперь, как и Св[ятой] Димитрий и др., пока течет; они наставили там свой караул часовых; вчера Карагеоргиевич осматривал этот старинный храм и видел как солдаты разрушали вокруг храма турецкие могилы и рылись в могилах, не найдут ли они в них чего ценного. Что за гадость! Правда ли, как уверяет Georgy, что болгары совсем не славяне, а азиаты, те же турки, только крещенные?

Позволяю себе в этом сомневаться, но, во всяком случае, ведут они себя, как настоящие варвары.

Ты, м. б., недоумеваешь, отчего Александр Сербский и наш митрополит в Солуни.

Первый — из Монастыря, кажется, так проветриться, т. к. их кампания в сущности окончена. Второй — скоро после начала войны подвигался вперед за армией; теперь он вернулся восвояси.

В последнее время воен[ные] действия у Чатальджи приостановились и идут переговоры о перемирии. Фердинанд хотел вести их за всех... (он, вероятно, скоро провозгласит себя императором чего доброго...), но мы послали туда своего представителя, т. к. мы не можем же согласиться, чтоб Янину снабдили всякими припасами для того, чтоб снова начинать войну, т. к. турки хотят снабдить Адрианополь, Скутари и Янину. Мы хотим или продолжать войну, или сейчас заключить мир. Кажется, как будто Фердинанд склонен принять турецкие предложения для перемирия, пот[ому] положение болгар теперь у Чатальджи не так хорошо, и если турки нанесли бы им поражение, то они, разумеется, поставят другие требования, гораздо хуже. Этого, конечно, не следует допускать!

22-го ноябр[я]. Четверг.

Сегодня получены телеграммы (неофициальные), что болгары, сербы и черногорцы заключили перемирие без нас!

Если это правда, то это верх гадости! Но у меня еще луч остался надежды, что это неправда, т. к. наш представитель на переговорах еще ничего официально не сообщил. Дал бы Бог, пот[ому] такой образ действий нашего союзника был бы слишком бесчестен! Какое мы представляем умиленное зрелище всей Европе...!

Просто плакать хочется и выть от досады и огорчения...! А начало было так изумительно хорошо! «Нов[ое] Вр[емя]» писало до сих пор так удивительно хорошо, так что я могла бы обеими руками подписаться под каждой статьёй. Но, конечно, отголоски здешних неладов должны были раньше или позже дойти до Птб-а (Петербурга. — О. С.); и вот уже начинают появляться искаженные известия в наших газетах; и как теперь разубедить тех, кот[орые] читают и верят всей этой лжи? С начала войны в Грецию приехал бывший гв[ардейский] офицер Семенов, брат автора «Расплаты» (он пишет под псевдонимом Волин), и пишет очень доброжелательно и правдиво. Сегодня я его приняла как бывшего офицера (а то я бы с ним и не говорила, т. к. я не переносу корреспондентов). Он знает все подробности наших недоразумений и напишет все факты, как они были, в «Новое

Время». Станчиев просил его написать их «версию» сдачи Солуни, но он отказался, т. к. это неправда. Болгары не стесняются говорить, что они нас выгонят из Салоник!

Суб[бота] 24 ноябр[я]

Правда, что перемирие подписано нашими союзниками, а мы его подписываем, кажется, на днях, отдельно.

Мы предлагали высадиться за Галипполи и атаковать Дарданеллы да подкрепить их в Чатальдже. Тино очень хотел это сделать, и, как ты видишь в газетах, многие были уверены, что это так и будет. Но болгары даже не ответили на предложение, и видя их враждебное отношение к нам, думали, что эта помощь будет дурно принята, и она была отставлена; а могло бы это выйти весьма удачно и полезно. Хорошо, что мы избегли холеры — это утешение! Скоро собирается европейское заседание послов для решения участи союзников и деления плодов войны, как в 1878, после нашей войны, когда освобожденных христиан снова вернули под турецкое иго!³¹ А как я мечтала, что мы, союзники, сговоримся без подлого вмешательства Европы! Что делать encore des illusions envolées!*

Меня тянет назад в Афины: госпитали здесь хорошо работают и можно было бы уехать, без ущерба делу. На днях прибыл Московский отряд Кр[асного] Креста с общиной «Утоли мою печаль»; вчера освятили больницу, и она начнет принимать больных. Раненых, почти что, нет больше.

«Амфитрида» в пути в Халкиду, откуда мы по жел[езной] дор[оге] отправляемся в Афины. 26 ноября Софи должна была ехать в Афины, отвезти детей. Вилли отпустил меня с ней, и вот я иду в Афины на несколько дней — в конце недели надеюсь вернуться...

Обнимаю Тебя и Елисавету³². Христос с Тобой +++ Твоя Оля.

№ 7. Солунь 2/15 дек[абря] 1912.

Радость моя ненаглядная! Вчера и сегодня я получила два дорогих письма от тебя — из Каира и из Асуана. Благослови Господь твое пребывание там, чтоб тебе совсем вылечиться в стране Фараонов! Мне так совестно, что я тебе страшно долго не писала, но надеюсь, что ты получил мои два последние длинные письма с изложением текущих событий. С тех пор опять многое изменилось: болгары, сербы и черногорцы заключили перемирие, несмотря на наше несогласие; мы находили и находим весьма невыгодным заключать перемирие

* Вновь утраченные иллюзии! (*фр.*).

и продолжаем драться в надежде завладеть Яниной, в Эпире, для окончательного заключения мира. Увы, война, по-видимому, оканчивается не так, как мы мечтали! Что-то произошло с болгарями при Чатальдже, что не ясно — выбились ли они из сил, или испугались холеры, пока выяснить трудно — вероятно, это узнается со временем. Они давно не дерутся у Чатальджи, а этим временем из Малой Азии (*petite Asie*, помнишь?) все время прибывают подкрепления туркам — молодые и свежие войска; те, что до сих пор дрались, все больше были запасные. Если теперь не удастся заключить мир, — а турки, вероятно, не особенно-то будут теперь сговорчивы, чувствуя за собой силу, — то картина изменится и будет невеселая...! Поведение болгар непонятное: на место того, чтоб непроизводитительно держать здесь массу войска, естественнее было стянуть их на свои позиции и с радостью принять предлагаемые нами войска для подкрепления и общего, дружеского натиска на турецкие укрепления. На место того болгары даже не отвечали на наше предложение. Странно все это и не достойно честного союзника! На три дня я ездила в Афины — это было необходимо. В воскресенье после обедни и завтрака мы с Софи ушли на «Амфитриде» и на другой день были в Афинах; в четверг вечером отправились обратно, утром я навестила наш рус[ский] отряд Кр[асного] Кр[еста] в Воло, а в суб[боту] утром мы были опять здесь. Всякие выходки болгар продолжаются и огорчают меня до слез.

Суб[бота] 8-го/21 дек[абря].

Всю эту неделю мне не удавалось писать, прости моя прелесть. Здешнего ген[ерального] консула Бехтева (нрзб. — О. С.) потребовали в Птб. Вероятно, для получения сведений о происходящем здесь. Я не вытерпела и написала Сазонову, поправляла и переписывала, что отняло много времени. Последние дни отношения с болгарями как будто лучше — дай Бог, чтоб это продолжалось. Тино имел откровенный разговор с генералом, заменившим Тодорова³³, этого архилгуна (кажется, Хазанчиев³⁴). Тино совершенно откровенно высказал ему свое мнение, и тот это хорошо принял; с тех пор дела пошли глаже. Представь себе такую штуку, вот один пример: Ники (воен[ный] губ[ернатор]) все время предписывал греческим офицерам вести себя как можно осторожнее и вежливее с болгарями и всеми силами избегать недоразумений. На 14-й версте отсюда по жел[езной] дор[оге] есть мал[енькая] станция, в кот[орой] стоит наш отряд, человек 20 с офицером. В один прекрасный день 60 чел[овек] болгарских солдат окружили их и, грозя штыками, заставили их сесть в вагоне и уехать в город. Строго говоря, офицеру греч[еского] отряда не следовало бы уступать

и, конечно, если б он не уступил, то было бы кровопролитие. Он несчастный, отдан под суд. Конечно, было потребовано удовлетворение. Болгары долго тянули дело, но когда Тино вернулся в Солунь, он повторил свое требование — ему ответили предложением послать на эту 14 версту 6 греков и 6 болгар. Тино сказал, что об этом мы поговорим после, а что теперь он требует удовлетворения — тогда они извинились. Скоро после этого они попросили у Тино разрешения послать на эту станцию какого-то своего чиновника, на что Тино немедленно согласился. И таких историй бесконечное количество, пот[ому] болгары считают себя равноправными хозяевами Солуни! Они открыто говорят, что они Солунь у нас возьмут... Но самое неожиданное и удивительное, что распространились слухи, что царь Фердинанд придет сюда. Никто не хотел этому верить, но скоро пришло известие, что он действительно едет. 5-го числа он приехал, и [в] тот же день был у нас с визитом; очень любезен и мил, как всегда. На другой день 6-го, и он с сыновьями, и мы, были на молебне в Афонском Пантелеймонском подворье, после чего со своими прелестными мальчиками завтракал с нами в семейном кругу; было совсем хорошо и непринужденно! До завтрака Вилли навестил его, и они поговорили о делах, совсем дружелюбно. Потом, совсем неожиданно для меня самой, я имела a parte* с ним и поговорила с ним по душе и очень откровенно; он был замечательно любезен и весьма отзывчив. Видно было, что здешние недоразумения его одинаково огорчают, как и меня, т. к. он пламенно желал всегда этого союза и хороших отношений греков и болгар. Но Солунь — вот яблоко раздора! И как выйти из такого затруднения, я и ума не приложу, «с'est pour le Bulgares; ce que la Mecque esque esl pour les Turcs»**. На что Тино, (кот[орый] тоже с ним откровенно говорил) ответил «el pour nous aussi»***! В одном я убедилась, что Фердинанд искренно желает искреннего согласия и нерушимого союза. Он говорит, что он слышет филэллин и что это ему вредит. На следующий день после его отъезда, вчера уехали в Софию и его мальчики, кот[орым] здесь очень было скучно. Вот два дня, что замечается улучшение в разных подробностях: офицеры становятся во фронт, что они прежде не делали и т. п. Ах, дай Бог, дай Бог нам не ссориться, а крепко держаться нашего союза! Кажется, что Фердинанд начал убеждаться, что это перемирие большая ошибка. — Турки воспрянули духом, как

* Встречу (*фр.*).

** Это для болгар, как Мекка для турок (*фр.*).

*** И для нас тоже (*фр.*).

мы и предвидели, и очень несговорчивы. Тем временем наш флот их побил у Дарданелл. У Янины в Эпире наши дела шли страшно медленно, но хорошо; но войска устали и последние вести были менее утешительны — теперь туда послана еще дивизия; надеюсь, что мы Янину скоро возьмем! Тогда турки станут сговорчивее. Но вообще все думают, и Фердинанд тоже, что весьма вероятно, что нам придется войну продолжать. Тогда мы, вероятно, все четверо нагрянем на турок; но это страшная мысль — опять воевать — и столько будет опять жертв и страдания и горя...

Помоги нам Бог. Обнимаю нежно Тебя и Елисавету.

Христос с Тобой ++++ Твоя Оля [...].

ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 242. Л. 54–117 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Соколовская О. В. Греция в системе международных отношений. 1897–1913 гг. и российская дипломатия // В «пороховом погребце Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 461.
- 2 АВПРИ. Ф. Политархив, 1912. Д. 330. Л. 215.
- 3 Замечательные документы. Балканские войны 1912–1913. Афины, б. г. С. 19.
- 4 Соколовская О. В. Греция в системе международных отношений... С. 463.
- 5 АВПРИ. Ф. Политархив, 1912. Д. 332. Л. 303 об.
- 6 Принц Николай Греческий (Ники) (1872–1938), сын Георга I.
- 7 Принц Андрей Греческий (1882–1944), сын Георга I.
- 8 Принц Христофор Греческий (Христо) (1888–1940), младший сын Георга I.
- 9 Так она называла своего супруга, короля Георга I (1845–1913).
- 10 Имеется в виду: пришла на корабле в Пирей после долгого отсутствия в Греции. Ольга часто отправлялась в летние месяцы в Россию, а затем в Европу навестить своих многочисленных родственников.
- 11 Ольга была православной и пыталась привить это своим сыновьям. Король Георг I был лютеранином, хотя с уважением относился к православной вере.
- 12 Принц Константин Греческий (1868–1923), наследник греческого престола.

- 13 Принц Георгий Греческий, Георгиос (Джорджи) (1869–1957), второй сын Георга I.
- 14 Так в тексте.
- 15 Софи, София Гогенцоллерн, принцесса Прусская (1870–1932), жена наследника престола Константина, а с 1913 г. — королева-консорт Греции, сестра кайзера Вильгельма.
- 16 Великая княжна Елена Владимировна (1882–1957), внучка императора Александра II, жена Николая Греческого.
- 17 Алиса Батенбергская (1885–1969), жена Андрея Греческого.
- 18 Так в тексте.
- 19 Имеется в виду «30-дневная» греко-турецкая война 1897 г., в которой Греция, совершенно неподготовленная, была разгромлена турками, и великим державам пришлось вмешаться для сохранения греческой государственности.
- 20 Собор Святой Софии в Афинах.
- 21 Так в тексте.
- 22 Греческая королевская яхта.
- 23 Мария Бонапарт (1882–1943), жена принца Георга Греческого, писательница, ученица Фрейда.
- 24 Так Ольга называла своего личного секретаря — Михаила Юрьевича (Георгиевича) Гаршина (1882–1943), выпускника Петербургского Морского кадетского корпуса, героя Порт-Артура, раненного в голову, племянника писателя В. М. Гаршина.
- 25 Так в тексте.
- 26 Ольга часто употребляла это выражение, которое означало «ничего не делать».
- 27 «Зито» означает по-гречески «Да здравствует!».
- 28 Царь болгарский Фердинанд (1861–1948), правил в 1887–1918 гг.
- 29 Александр Сербский — сын Петра I Карагеоргиевича (1844–1921); Елена Петровна (Елена) (1884–1962) — принцесса, дочь сербского короля Петра I, с 1911 г. супруга князя Иоанна Константиновича, племянника греческой королевы.
- 30 Преображенский полк, которым с 1891 по 1900 г. командовал великий князь Константин Константинович.
- 31 Имеется в виду вступление Греции в последний месяц в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг., когда они хотели немедленного присоединения Эпира, Фессалии и Крита к Греции. Только часть Южного Эпира и Фессалия были присоединены к Греческому государству в 1881 г., Крит оставался под сюзеренитетом султана вплоть до 1913 г.

- 32 Великая княжна, принцесса саксен-альтенбургская Елизавета Маврикиевна (Елисавета) (1865–1927). С 1884 г. жена великого князя Константина Константиновича.
- 33 Генерал-лейтенант Георг Стоянов-Тодоров (1858–1934), командовал в Первой балканской войне 2-й и 3-й болгарскими армиями.
- 34 Так в тексте.

Sokolovskaya O. V.

On the Beginning of the First Balkan War of 1912
(Several Letters of the Queen of Hellenes Olga)

The author publishes fragments from letters of the Queen of Hellenes Olga to her brother Kostantin Konstantinovich where she mentioned events of the initial period of the First Balkan war. There are facts of Greek-Bulgarian and Greek-Serbian relations, characteristics of Greek, Bulgarian and Serbian military commanders and politicians.

Keywords: *the First Balkan war of 1912, Greece, Bulgaria, Serbia, international relations.*

А. Ф. Носкова
(Москва)

К истории выборов 1947 г. в Учредительный Сейм Польши

Впервые публикуется документ из российского архива, который содержит, возможно, подлинные результаты выборов 1947 г. в г. Кракове и по некоторым другим избирательным участкам.

Ключевые слова: *выборы 1947 г. в Польше.*

В современной исторической науке наибольшему пересмотру и переоценке подвергается первое десятилетие существования Народной Польши. На это есть ряд объективных и субъективных причин, среди которых важнейшие — смена общественного строя, происшедшая на рубеже 80–90-х гг. XX в., и формирование нового политического класса. Его элита формулирует собственные социально-политические цели, определяя их как общенациональные. Она укрепляет позиции, используя такое эффективное средство влияния на массовое сознание, как национальная память и историческая политика. Это происходит в условиях, когда для исследователей стал доступным хотя и неполный, но весьма существенный корпус ранее сугубо секретных советских, а также польских архивных документов. Они позволяют полностью или в значительной мере заполнять лакуны в событийном ряде исторического процесса документами, ранее неизвестными, мало известными, искаженными или изъятыми государственной, а порой и авторской «внутренней цензурой» для достижения «соответствия» текста политической конъюнктуре эпохи.

Введение новых документальных материалов в научный оборот особенно важно для понимания переломных исторических периодов, когда решалось будущее народов и стран. Одним из таких периодов в истории Польши являются 1944/45–1947/48 гг., время острого, включая и вооруженное, противостояния политических сил в борьбе за власть. Вокруг толкования политики правивших тогда группировок и партий идут сегодня упорные научные дискуссии.

В эти годы польские коммунисты-члены Польской Рабочей Партии (ППР) и их немногочисленные союзники — левая часть Польской Социалистической Партии (ППС), деятели и участники

крестьянского политического движения — людовцы, связанные с его левой традицией в Стронництве Людовом (СЛ), боролись за сохранение власти меньшинства, обретенной в ходе изгнания гитлеровских оккупантов Красной Армией, отстаивали геополитическую необходимость для Польши союза с СССР. Они пользовались самой разнообразной советской поддержкой, в том числе прямым участием подразделений НКВД СССР в подавлении силой антисоветского, антикоммунистического и антиправительственного военно-политического подполья. На такие действия в период войны Сталин получил своеобразный карт-бланш от западных союзников. На конференции в Ялте он мотивировал активное присутствие войск НКВД в некоторых воеводствах на востоке и юго-востоке Польши задачей не допустить развития гражданской войны в тылах действующей Красной Армии. Высокие партнеры Сталина, как и советский руководитель, считали общей приоритетной и неотложной целью разгром Германии, а не решение вопроса о характере власти в Польше. Поэтому они были вынуждены соглашаться, одновременно понимая, что речь уже идет не только о безопасности тыла советских войск, но и о том, кто будет править в Польше и под чьим контролем она окажется после войны¹.

Остававшиеся в подполье деятели и участники социалистического и крестьянского движений, сторонники развития Польши на основе принципов буржуазной демократии и союза с западными странами, весной 1945 г. заявили о переходе к легальной политической деятельности, признали решения Ялтинской конференции о советско-польской границе по известной «линии Керзона». Де-факто ими была признана и существующая в Польше власть. Эти признания они «обменяли» на право своих представителей войти в состав созданного польскими коммунистами и теперь подлежащего преобразованию правительства и на обязательство последних «как можно скорее» провести свободные выборы в Учредительный Сейм страны.

Начиная с середины лета 1945 г. деятели недавних подпольных ППС и СЛ заняли отведенные им посты во Временном правительстве национального единства, места в законодательном органе — Крайовой Раде Народовой и в органах местной власти.

Но если в руководстве ППС сторонники сотрудничества с коммунистами сохранили свои ведущие позиции, то в крестьянском движении левые людовцы утратили подавляющую часть своей массовой базы в пользу новой оппозиционной партии — Польское

Стронництво Людовое (ПСЛ), созданной С. Миколайчиком, бывшим премьер-министром польского правительства в эмиграции, возвратившимся в страну в июне 1945 г.

Основным «оружием» партии Миколайчика в борьбе с решающими позициями коммунистов во власти являлась широкая общественная поддержка, в том числе и военно-политическим подпольем. Что касается Великобритании и США, ориентированных на ПСЛ, то они не имели реальных инструментов помощи «своему человеку» в Польше до тех пор, пока были заинтересованы в сотрудничестве со Сталиным. И, как считает известный английский историк Н. Дэвис², упустив время, оказывались уже в 1944–1945 гг. лишенными возможности воздействовать на Москву, заставить ее отказаться от такого геополитического «трофея», как советский «пояс безопасности» и его ключевого звена — Польши. В их арсенале средств оставались дипломатические ноты и протесты в связи с репрессиями и попранием прав граждан Польши, отказ от экономической помощи и предоставления кредитов польскому правительству, финансовая поддержка политических сил, противостоявших ППР.

В такой ситуации основным инструментом, который могла использовать политическая оппозиция в борьбе за власть и облик страны, являлись всеобщие демократические выборы в Учредительный Сейм. Они были предусмотрены решениями глав великих держав в Ялте в феврале 1945 г. и настоятельно подтверждены летом 1945 г. на встрече в Потсдаме. Располагая информацией о высоком уровне доверия значительной части населения к ПСЛ и надеясь на помощь Запада, ее руководство сделало ставку на избирательный бюллетень и гражданскую ответственность своих сторонников. Уверенность в этом возросла после состоявшегося в июне 1946 г. референдума, когда, как были убеждены в руководстве ПСЛ и знали лидеры ППР и ППС, партия Миколайчика одержала победу, поскольку, как считали в ПСЛ, ей отдали предпочтение в подавляющем числе избирательных округов 83,5% голосовавших, в Кракове — 84% участников голосования³.

Советский посол доносил в Москву свой, достаточно проницательный анализ происшедшего: «...референдум дал [для] коммунистов отрицательные результаты. И в этом его положительное значение... Итоги референдума убаюкали Миколайчика и его партию»⁴. И, действительно, хотя население страны понимало, что официально объявленные результаты референдума искажены по договоренности ППР и ППС, на этот факт не последовало массового протеста сто-

ронников ПСЛ. Напротив, реакция тех избирателей, кто голосовал за позицию этой партии, была скорее пассивной, что означало согласие на поражение и на повторение подобной ситуации на предстоявших выборах. Это нетрудно было предположить.

Что касается ППР, то здесь подход к проблеме выборов был принципиально иным. Для коммунистов речь шла о выполнении международных решений и, что было значительно важнее, о подтверждении легитимности их власти, а также вытеснении ПСЛ на глухую периферию в партийной системе и управлении страной. Разными мерами, от политических переговоров и убеждений до репрессий, они организовали избирательный блок под своим руководством. В ПСЛ определилась группа известных политиков, выступавших за взаимодействие с коммунистами — ПСЛ-Нове Выволене, что предвещало утрату Миколайчиком абсолютного влияния в партии. Его сторонники подвергались силовому воздействию со стороны госбезопасности, вокруг партии создавалась атмосфера предстоявшего неизбежного поражения на выборах. Необходимо отметить, что пропагандистские усилия коммунистов, действия госбезопасности, административное давление государственной власти к концу 1946 г. уже привели к сокращению рядов ПСЛ.

Выборы состоялись 19 января 1947 г. По официально объявленным итогам голосования, Демократический избирательный блок получил в разных регионах страны от 64,9 до 95,2% голосов. Но руководство ПСЛ констатировало факт фальсификации результатов выборов, не признало своего поражения, настаивая, что в подавляющем числе округов получили не менее 68%, а в Кракове даже 82% голосов⁵. Миколайчик пытался протестовать, но фактически вновь не был поддержан массовыми протестами своих сторонников.

В современной науке общепризнано, что данные, оглашенные в 1947 г., недостоверны. В Отчете советского посольства за 1947 г. уже тогда сообщалось в Москву об отрицательных для блока результатах голосования⁶. В 1990-е гг. польские историки неоднократно констатировали факт искажения итогов выборов, производились поиски документальных свидетельств и подсчеты результатов, которые подтвердили бы абсолютную победу ПСЛ. Но достоверных данных 1947 г. и материалов, непосредственно свидетельствующих о подлоге и его масштабе, все еще не обнаружено. На наш взгляд, то, что публикуется теперь в Польше, требует дополнительной верификации. Сомнения вызывает продолжающаяся абсолютизация

победы антикоммунистической и антисоветской оппозиции, прежде всего на выборах 1947 г.

На рубеже XX и XXI вв. российскими исследователями были обнаружены в федеральных архивах России отдельные документы, на основании которых допустимо высказать некоторые соображения по вопросам, интересующим историков. Так, во многом подтверждаются те данные по итогам референдума 1946 г., что публикуются в наше время польскими историками. 2 июля 1946 г. советский посол в Варшаве В. З. Лебедев направил И. В. Сталину, видимо по требованию последнего, данные, полученные от члена политбюро ЦК ППР Я. Бермана. Они таковы: в пользу власти, т. е. положительно, ответило на первый вопрос — 35–40% голосовавших граждан, на второй вопрос — 55–60%, и на третий вопрос — 75–80%. Поскольку «пробным» политическим шаром являлся первый вопрос, то референдум выявил преобладающее влияние ПСЛ в обществе. Лебедев сообщил в Москву, что эти цифры будут скорректированы по решению руководства ППР и ППС в их пользу. При этом он информировал Сталина, что выговорил председателю КРН Б. Беруту, который задерживал отправку сведений в Москву: «...т. Сталин должен знать правду» — и получил ответ, что он, Берут, «хотел все сам сказать т. Сталину, чтобы даже по дипломатическим каналам не прошли реальные цифры»⁷. Иными словами, налицо документальное подтверждение фальсификации результатов референдума 1946 г.

К сожалению, российские историки не обнаружили среди доступных документов советского времени полной и достоверной информации об итогах выборов 1947 г. Публикуемое письмо В. З. Лебедева заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому выявлено в Архиве Президента РФ. Информация посла касается отдельных территорий, где влияние ПСЛ оставалось к 1947 г. наиболее сильным, но она показывает, что и здесь полная победа ПСЛ не просматривалась. Она могла бы быть, вероятно, лишь наиболее многочисленной партийной фракцией в Сейме.

Следует обратить внимание, что письмо посла было немедленно разослано высшему политическому руководству СССР, начиная со Сталина. Это свидетельствует о важности полученных сведений и дает возможность судить о «ранге» самого документа. Введение его в научный оборот позволит ученым делать предположения о соотношении голосов в других районах страны, а может быть, несколько уточнить современные представления о масштабе победы ПСЛ по всей стране.

*Телефонограмма посла СССР в Варшаве Лебедева В. З. заместителю министра иностранных дел СССР Вышинскому А. Я. об итогах выборов в Сейм по г. Кракову, некоторым другим округам и участкам*⁸.

Из Варшавы 20 января 1947 г.⁹

тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.

Из полученных мною во второй половине дня от Берута данных о результатах выборов заслуживают внимания *итоги по Кракову*, на поддержку которого особенно рассчитывал Миколайчик.

Голосовало в Кракове — 128.125 человек, из них:

За «Строництво Праци» ¹⁰	—	5.994,
За ПСЛ «Нове Вызволене»	—	5.824,
За демократический блок	—	66.357,
За ПСЛ	—	31.258,
За католический список	—	16.873

В избирательном округе Тарнов Краковского воеводства, где Миколайчик пользовался прежде сильным влиянием, результаты голосования следующие:

Всего избирателей — 24.829; голосовало — 17.671; недействительных голосов — 117; ПСЛ — «Нове Вызволене» — 2.842; «Строництво Праци» — 1.202; демократический блок — 8.433; ПСЛ — 4.958.

**В комиссиях, где доверенные лица Миколайчика принимали участие в подсчете голосов, результат следующий:

1. г. Варшава, участок № 25, в центре города (доверенный от ПСЛ — Конопцки): голосовало — 2.090, из них:**¹¹

недействительных бюллетеней	—	22
ПСЛ «Нове Вызволене»	—	1
«Строництво Праци»	—	20
демократический блок	—	1.127 или 54,4%
ПСЛ	—	915 или 43,8%

2. *В г. Вроцлав (Бреслау)*¹² избирательный участок № 33 (доверенный от ПСЛ проф. Шчура): всего избирателей — 1.094, голосовало — 969, недействительных голосов — 14; ПСЛ — 237; демократический блок — 718 или 75,4%.

3. *Гор. Магильно*¹³, участок № 34 (подсчет в присутствии доверенного от ПСЛ), подано за списки демократического блока — 97,7% голосов.

Как я уже сообщал, на Западных землях¹⁴ и Силезско-Домбровском воеводстве ПСЛ потерпела полное поражение.

В 10 избирательных участках *гор. Штеттина*¹⁵:

Всего избирателей — 17.681; голосовало — 15.576; недействительных голосов — 66; за демократический блок — 14.376 или 92%; за ПСЛ — 1.132.

В Силезско-Домбровском воеводстве:

Избирательный округ № 44; ПСЛ — 62, демократический блок — 23.168.

Уезд Рацибож: ПСЛ — 28; демократический блок — 23.168.

Уезд Глобчице: ПСЛ — 510 голосов, демократический блок — 21.281 голос.

ЛЕБЕДЕВ

Передал: Яковлев,
Приняла Балябина.
22.30 мин.

Верно: Подпись

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 137. Л. 22–23. Заверенная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История польского подполья и политической линии руководителей западных держав, а также тактики Сталина и действий НКВД в Польше достаточно хорошо обеспечены источниками и исследованы российскими историками. См. напр.: «Из Варшавы. Москва, товарищу БЕРИЯ...» Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001; *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. 1941–1945 гг. Документы и комментарии. М., 2004; и др.
- 2 *Devies N.* Europa walczy. 1939–1945. Nie takie proste zwycięstwo. Kraków, 2008. S. 86–87.
- 3 *Buhler P.* Polska droga do wolności. Warszawa, 1999. S. 167.
- 4 Архив внешней политики МИД РФ (Далее АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 30а. П. 247. Д. 3. Л. 10, 34; см. также: *Kersten K.* Historia polityczna Polski. 1944–1956. Warszawa, 1982. S. 43.
- 5 *Buhler P.* Polska droga do wolności. S. 172.
- 6 АВП РФ. Там же.

- 7 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. М., 1999. Т. 1. 1944–1948. С. 327; см. также: *Paczkowski A. Stanisław Mikołajczyk*. Warszawa, 1994. S. 56–57.
- 8 Телефонграмма за № 11. Отправлена по высокочастотной связи (ВЧ) и принята в Москве в 22 ч. 30 м. 20.01.1947 г. Разослано: И. В. Сталину, В. М. Молотову (2 экз.), Л. П. Берия, Г. М. Маленкову, А. И. Микояну, А. А. Жданову, В. Г. Деканозову, 4-й Европейский отдел, в дело (2 экз.).
- 9 Текст, отмеченный одной звездочкой (*), подчеркнут прямой линией Вышинским.
- 10 Страництво Працы (СП) — небольшая партия мелких, в основном городских слоев, не входила в Демократический блок, но в это время не противостояла власти.
- 11 Текст, отмеченный двумя звездочками (**), вертикально отчеркнут Вышинским по левому полю.
- 12 Вроцлав (польск.) — Бреслау (нем.).
- 13 Так в тексте. Правильно: г. Могильно.
- 14 Западными землями тогда именовались восточные провинции довоенной Германии, отошедшие к Польше по решению глав великих держав, принятому на конференции в г. Потсдаме летом 1945 г.
- 15 Штеттин (нем.) — современный польский г. Щецин.

Noskova A. F.

About the History of Elections of 1947
to the Constituent Seim of Poland

This is the first publication of a document from Russian archives; perhaps, it contains the authentic results of the elections of 1947 in Krakow and some other polling stations.

Keywords: *elections of 1947 in Poland*.

П. В. Королькова
(Москва)

Новый труд по изучению славянской литературной сказки

В рецензии рассматривается монография хорватского филолога А. Пинтариич «Литературные сказки — теория, обзор, интерпретации».

Ключевые слова: *мировая литература, славянские литературы, хорватская литература, авторская сказка, классическая литературная сказка, фольклорная сказка, притча, Библия*.

Монография «Литературные сказки — теория, обзор, интерпретации» (*Pintarić A. Umjetničke bajke — teorija, pregled i interpretacije*. Osijek, 2008), вышедшая в Хорватия, представляет собой итог многолетней работы филолога, доктора наук Аны Пинтариич, занимающейся в последнее время теорией детской и юношеской литературы, а также фольклорной и литературной (авторской) сказкой¹. Профессор А. Пинтариич — декан философского факультета Университета им. Штроссмайера г. Осиек, член Матицы Хорватской и Хорватского филологического общества, учредитель и ведущая международных научных съездов «Золотые деньки» («Zlatni danci»), посвященных проблемам детской и юношеской литературы. Книгу «Литературные сказки — теория, обзор, интерпретации», безусловно, можно считать важным этапом в осмыслении хорватской литературной сказки в контексте других славянских и европейских литератур.

Монография А. Пинтариич включает в себя три части: 1. Сказка — королева повествования; 2. Мировая литература и 3. Хорватская литература. Подобная структура вполне отвечает задачам исследования: первая глава посвящена теории «классической» литературной сказки; вторая — важнейшим этапам развития жанра авторской сказки в мировой литературе от Шарля Перро до Карела Чапека²; в третьей главе речь пойдет более чем о тридцати представителях этого жанра в литературе Хорватии и о своеобразии его развития на протяжении последних двух веков, а также его современном состоянии.

Термины «авторская» и «литературная сказка» А. Пинтариич использует в качестве синонимов. Вслед за хорватским исследователем сказки профессором С. Тежаком она принимает чрезвычайно широкое

определение жанра сказки как «повествования, в котором происходит нечто чудесное и необъяснимое»³ (с. 6). Таким образом, категория чудесного выступает как основной жанрообразующий элемент, который, однако, присутствует также в различных жанрах фантастической литературы, притчах, мифах, легендах, балладах. Интересно, что притчу А. Пинтарич трактует не как жанр, а как наджанровую форму, которая в свою очередь может реализовываться во многих жанрах и жанровых разновидностях. Поэтому проблема теории притчи не возникает даже в параграфе, посвященном творчеству О. Уайльда, — его сказки сознательно рассматриваются автором монографии исключительно в контексте проблематики литературной сказки.

Конечно, наличие «чудесного и необъяснимого» само по себе не может служить единственным критерием жанра сказки, поэтому в первой же главе исследовательница говорит и о таких критериях, как наличие чудесных превращений и повторов сюжетных ходов, стереотипной композиции, единстве реального и «надреального» мира, обязательном столкновении добра и зла, статичности характеров персонажей и некоторых других особенностях жанра (структура «классической сказки» рассматривается в этой же главе в соответствии с концепцией В. А. Проппа на примере сказок братьев Гримм). Примечательно, что Пинтарич, имея в виду в данном случае поэтику фольклорной сказки (ведь в сказке литературной этот канон может весьма существенно переосмыслиться), при этом ни разу не употребляет сам термин «фольклорная сказка»; вместо него автор монографии пользуется терминами «классическая сказка» («klasična bajka»), т. е. литературная сказка, сохранившая канон сказки фольклорной, «современная сказка» («moderna bajka»), началом которой исследовательница считает творчество Г. Х. Андерсена, и фантастическое повествование («fantastična priča»). Последнее хорватская исследовательница считает прямым продолжением сказочной линии в художественной литературе. Классическим образцом фантастического повествования стали «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла. Главная особенность фантастического повествования — четкое разделение реального и вымышленного мира, границей между которыми зачастую становится сон. Действие начинается и завершается в реальном мире, но развивается в мире вымышленном, героями становятся дети, а также сказочные и мифологические существа. Фантастическое повествование зачастую сближается с современной сказкой, только в первом в качестве помощников выступают не вымышленные сказочные персонажи, а герои-дети (наблюдается смена

функций персонажей по сравнению с «классической сказкой», подобно тому, как это происходит в сказках К. Чапека).

В своей монографии Пинтарич избегает разговора о целом комплексе проблем, связанных с разграничением сказочного и фантастического типов вымысла, ограничиваясь лишь констатацией факта их наличия и следующим замечанием: «В случае более значительного отступления современной сказки от сказки классической первые могут рассматриваться также в качестве фантастических рассказов» (с. 17). С одной стороны, автор монографии не ставит перед собой задачу выявить специфику сказочного вымысла по сравнению с фантастическим, исследование носит более общий, обзорный характер, однако подобное рассуждение, на наш взгляд, требует более подробного комментария в книге, посвященной в том числе теории литературной сказки.

Не вполне понятна также предлагаемая исследовательницей типология авторской сказки. По мнению Пинтарич, «классическая литературная сказка» как первый этап развития авторской сказки прекратила свое существование в Европе к середине XIX в. вместе с творчеством Г. Х. Андерсена (в Хорватии значительно позже — к 20-м гг. XX в.). Однако если под «классической сказкой» понимать текст, сохранивший канон народной сказки (а именно такое определение предлагает исследовательница), то можно возразить, что подобные тексты появляются в литературе и сегодня. Поэтому хотя сам термин «классическая сказка» вполне имеет право на существование, однако трактовка его в данном случае представляется нам расплывчатой и неточной. Непонятным остается также столь резкое противопоставление «классической» и «современной сказки», хотя так называемая «современная сказка» с точки зрения сохранности фольклорного канона может быть практически идентична «классической».

Отдельный параграф первой главы посвящен проблеме насилия в «классической сказке» и непосредственно связанной с ней проблеме адресованности сказки детской аудитории. Ведь изначально фольклорная сказка, канон которой унаследовала «классическая» литературная сказка, наряду с развлекательными выполняла и важные обрядовые функции, определившие своеобразие поэтики этого жанра. Впоследствии обрядовые функции были утрачены, однако канон фольклорной сказки сохранился практически без изменений. В свою очередь для «современной сказки» и «фантастического повествования» характерно отсутствие сцен насилия и убийства, на место которых приходят сцены высмеивания или унижения

персонажей-антагонистов в качестве наказания. Однако это не означает, что сегодня жанр сказки полностью переходит в область детской литературы. Зачастую проблематика текста (например, социальная или военная) может быть до конца осмыслена только взрослым читателем.

Небольшой параграф в конце главы посвящен библейским мотивам в литературной сказке, однако Пинтарич практически не анализирует их функцию, ограничиваясь перечислением имен и названий сказочных произведений О. Уайльда, Г. Х. Андерсена, К. Чапека и современных хорватских писателей С. Томич, А. Гьерек и М. Гьерек Ловрекович, Б. Просеняка, С. Лице и др. Проблеме взаимодействия Библии и художественной литературы посвящена следующая монография Пинтарич «Библия и литература — интерпретации» («Biblija i književnost — interpretacije». Osijek, 2009 г.).

Глава завершается обзором изданий литературных сказок в Европе, представленным в виде таблицы с указанием автора, названия произведения и года первого издания начиная с «Историй или сказок былых времен с поучениями, или Сказок матушки гусыни» Ш. Перро (1697 г.) и заканчивая сборником «Горшочек для колдовства» современной хорватской писательницы Вйекославы Хулич (2007 г.). Подобный обзор важнейших этапов развития жанра авторской сказки помогает читателю лучше ориентироваться в чрезвычайно обширном и богатом материале, который удалось собрать и проанализировать Ане Пинтарич.

Вторая глава монографии «Литературные сказки — теория, обзор, интерпретации» посвящена истории развития авторской сказки («классической» и «современной»). Хорватская исследовательница рассматривает сказочное творчество главных представителей этого жанра в Европе и России — Ш. Перро, Жанны-Мари Лепренс де Бомон, Я. и В. К. Гримм, А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, Б. Немцовой, А. Н. Афанасьева, О. Уайльда, К. Чапека. По мнению Пинтарич, творчество Ш. Перро оказало глубочайшее влияние на поэтику как «классической», так и «современной» литературной сказки, однако, как нам представляется, в данном случае автор монографии все же преувеличивает эту роль, забывая о непосредственном влиянии поэтики фольклорных текстов (немецких, русских, английских, датских, чешских сказок) на творчество этих писателей, что выражается как в национальной специфике, так и в разнообразии сюжетов.

Сборники сказок Ш. Перро и его последовательницы Ж.-М. Лепренс де Бомон, автора знаменитой сказки «Красавица и чудовище»,

остались единичными явлениями в литературе XVII и XVIII вв., в то время как в период романтизма в XIX в. жанр «классической сказки» переживает период расцвета в большинстве национальных литератур, в том числе и в некоторых славянских — например, в русской и чешской. Сравнивая интерпретацию одинаковых сюжетов у Ш. Перро и братьев Гримм (сказки «Красная Шапочка», «Золушка», «Мальчик-с-пальчик» и др.), Пинтарич приходит к выводу о том, что последним удалось освободить сказку от излишней назидательности, «смягчить» ее; однако примеры насилия и жестокости есть и в текстах братьев Гримм. Описания характеров героев в их сказках все еще достаточно поверхностны и стереотипны, читатель получает главным образом лишь сведения об их физической красоте и моральных качествах — таких как «добрый», «злой», «завистливый», «трудолюбивый».

Важнейшим этапом в развитии жанра авторской сказки становится творчество Г. Х. Андерсена, который, с одной стороны, продолжает путь Ш. Перро, братьев Гримм, А. С. Пушкина, т. е. создает свои произведения на основе народной сказки, однако в то же время «открывает множество других дорог, что отражается в богатстве тематики и мотивов, заимствованных из Библии, мифологии, магических и научных практик, наличии элементов эротики» (Там же, с. 80). Характеры его героев менее статичны, степень переосмысления фольклорно-сказочного канона выше. Сказочное творчество Г. Х. Андерсена оказало чрезвычайно большое влияние на развитие жанра авторской сказки в Хорватии (первый перевод сборника его сказок вышел в 1877 г. в издании Матицы хорватской, однако многие сказки Г. Х. Андерсена и ранее переводились на хорватский язык). Более подробно об этом влиянии Пинтарич говорит в третьей главе, посвященной хорватским авторам.

В сказках Божены Немцовой, так же как у Ш. Перро и братьев Гримм, характеры персонажей еще достаточно статичны (это можно объяснить замедленным характером развития чешской литературы по сравнению с другими европейскими). Пинтарич отмечает интересный факт: в большинстве сказок чешской писательницы главной героиней становится женщина или девушка, которая активно устраивает собственную судьбу.

Интерес романтизма к фольклору и народной традиции стал причиной появления одного из самых обширных и богатых сборников сказок — «Русских народных сказок» А. Н. Афанасьева (1855–1864 гг.), публикатору которых в большой степени удалось сохранить

их национальную специфику. Сборник включает как волшебные, бытовые и волшеббно-героические сказки, так и сказки о животных. Особенность русских сказок заключается в том, что многие герои, подобно героям мифов, получают имена. Это отличает русские сказки от большинства европейских, в которых имена персонажей чаще всего подменяются их фольклорно-сказочной функцией («добрая и красивая девушка», «злая мачеха», «завистливые сестры» и т. д.).

Сказками из сборников Ш. Перро, братьев Гримм, А. С. Пушкина, Б. Немцовой, А. Н. Афанасьева и отчасти Г. Х. Андерсена представлена линия классической литературной сказки, которая наследует канон фольклорной сказки. Публикатор в данном случае лишь фиксирует и незначительно обрабатывает фольклорный текст.

Линию «современной сказки» вслед за Г. Х. Андерсеном развивает О. Уайльд, а в XX в. чешский писатель-философ К. Чапек. По словам Пинтарич, О. Уайльд «внес множество изменений и поднял сказку на новый уровень... однако не в направлении ее разрушения и создания антисказки» (с. 117). В его сказках нет реального и фантастического мира, а есть мир земной и небесный. Повествование богато описаниями пейзажей, психологии персонажей, герои самостоятельны в совершении выбора и несут ответственность за свою судьбу, они активны, способны анализировать и критически осмысливать свои поступки, их характеры меняются (единственным исключением становится Инфанта в сказке «День рождения Инфанта»). В текстах О. Уайльда отчетливо ощущается сильное влияние поэтики Библии. Подобно сказкам Андерсена, сказки знаменитого английского писателя богаты образами из легенд, мифов, классической литературы, под его пером оживают цветы, деревья, статуи, птицы, животные, небесные тела, природные явления. Язык Уайльда богат стилистическими фигурами, которые весьма далеки от фольклорно-сказочных языковых формул. Однако при всем том его тексты остаются сказками в силу наличия ярко выраженного морального императива и фантастического элемента.

Ближе всего к хорватской традиции оказалась авторская сказка К. Чапека — знаменитого чешского писателя, критика, журналиста и переводчика, автора «Девяти сказок». Творчество Чапека Пинтарич сравнивает с творчеством его хорватской современницы Я. Трухелки, которая в 1930 г., за два года до К. Чапека, издает сборник сказок «Духи домашнего очага». Мир животных и птиц, их отношения и у Чапека, и у Трухелки уподобляются миру людей и человеческим отношениям. При всем его несовершенстве этот мир полон радости и

веселья. Мягкий тонкий юмор становится отличительной чертой стиля этих писателей. По мнению Пинтарич, сказки Чапека и Трухелки «в полной мере свободны от традиции» (с. 136). На наш взгляд, это утверждение слишком категорично — их сказочные произведения, безусловно, свободны от слепого следования фольклорному канону в отношении традиционных функций героев, пространственно-временной организации, однако «память жанра» (термин русского исследователя литературной сказки М. Н. Липовецкого) народной сказки в них присутствует (например, на уровне сказочных мотивов, системы персонажей — действующими лицами сказок становятся в том числе водяные, русалки, духи — и т. д.). Цель подобных сказок заключается не в нравовании, а в том, чтобы показать мир во всей его полноте — мир, в котором добро и зло, трагическое и комическое, высокое и низкое неразрывно связаны. В тематическом отношении сказки Чапека можно сравнить со сказками его хорватского современника — писателя Й. Цвртилы. Оба автора строят свои сказки как ответы на вопросы ребенка, например, почему птицы летают, собаки роют землю и т. д.

В третьей главе монографии А. Пинтарич выделяет три этапа развития хорватской литературной сказки: 1. «Классическая» хорватская сказка (1863–1922 гг.), включающая творчество А. Шеноа, В. Назора, И. Брлич-Мажуранич, Й. Цвртилы; 2. «Современная сказка» (с 1968 г. до наших дней) и 3. Авторская сказка XXI в. Своеобразие хорватской литературной сказки исследовательница видит в прерывистости ее развития, предлагая теорию о трех независимых фактах зарождения этого жанра в Хорватии. Один из истоков хорватской литературной сказки А. Пинтарич видит в балладе «Сапожник и дьявол» (1863 г.) знаменитого писателя А. Шеноа; вторая линия связана с именем не менее известной писательницы И. Брлич-Мажуранич, которую называют «хорватским Андерсеном»; ее «Сказки из давних времен» («Priče iz davnine») были опубликованы в 1916 г. Третья линия связана с творчеством С. Шкринярич и ее «Бальным платьем желтого одуванчика» (1951 г.).

А. Пинтарич отмечает интересный факт, что все три попытки создания жанра литературной сказки на протяжении второй половины XIX — первой половины XX в. так и остались единичными явлениями, эти писатели почти не нашли в литературе последователей. Однако в 70–80-е гг. XX в. жанр авторской сказки обретает в Хорватии второе рождение, питаясь, с одной стороны, поэтикой «классической» сказки (как хорватской, так и европейской — сказ-

ки Ш. Перро, Г. Х. Андерсена, братьев Гримм, А. С. Пушкина, Б. Немцовой переводились на хорватский язык начиная с середины XIX в.), а с другой стороны, христианскими мотивами, долгое время находившимися под запретом. Последние до сих пор оказывают существенное влияние на художественный мир хорватской литературной сказки.

Таким образом, по мнению А. Пинтарич, на рубеже XX–XXI вв., когда сказка начинает активно взаимодействовать с другими литературными жанрами и формами, можно говорить о трех путях развития авторской сказки, которая либо ориентируется на «классические» образцы, либо включает в себя современные мотивы, в то время как мотивы «классической» сказки играют второстепенную роль, либо же превращается в повествование с фантастическими и сказочными элементами.

В своей монографии хорватская исследовательница сравнивает особенности поэтики сказочных произведений хорватских и европейских авторов XVII — начала XX в. К сожалению, Пинтарич не обращается к современному сказочному материалу европейских литератур, ограничиваясь текстами современных хорватских писателей. С одной стороны, это оправданно — ведь задача исследовательницы заключалась в том, чтобы проследить влияние европейской традиции на эволюцию жанра авторской сказки в хорватской литературе. Однако материал современных европейских литератур, безусловно, значительно обогатил бы монографию, тем более что Пинтарич предлагает не просто сравнение отдельных текстов, а сравнение особенностей развития жанра в различных условиях протекания литературного процесса.

Монография носит характер обзора широкого корпуса текстов европейской литературы XVII–XXI вв., которые с той или иной степенью уверенности можно отнести к жанру авторской сказки. Многие факты (например, наличие общих сказочных сюжетов у разных народов мира, непригодность «классической» литературной сказки для детской аудитории и др.) в большей степени констатируются, чем анализируются, причины этих явлений не подвергаются теоретическому осмыслению. Не хватает также осмысления основных существующих на сегодняшний день теорий фольклорной и литературной сказок. Элемент пересказа в монографии зачастую значительно превосходит элемент научного анализа.

Без ответов остаются вопросы о специфике хорватской литературной сказки, о том, насколько ей свойственны радикальные

переосмысления канона фольклорной сказки, подобные, например, переосмыслениям в «Девяти сказках» К. Чапека или «Сказках» О. Уайльда, и какой характер они носят. Между тем эти вопросы закономерным образом возникают при чтении подобного рода монографии.

Несмотря на все вышеперечисленное, безусловная заслуга Пинтарич заключается в том, что ей удалось собрать обширный и богатый материал, ее монографию «Литературные сказки — теория, обзор, интерпретации» можно считать важным этапом в осмыслении хорватской литературной сказки в контексте других славянских и европейских литератур.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. работы А. Пинтарич (A. Pintarić): *Bajke, pregled i interpretacije*. Osijek, 1999; *Putevi umjetničke bajke*. Osijek, 2000; *Biblija i književnost — interpretacije*. Osijek, 2009; *Etika i estetika u bajkama Damjanovo jezero Ante Gardaša*, u: *Odrastanje u zrcalu suvremene književnosti za djecu i mladež*. Zagreb, 1998; *Gardaševe bajke na početku 21. stoleća*, u: *Podmorski kralj*. Zagreb, 2000; *Hrvatska bajka na kraju tisućljeća — posljednjih deset godina*, u: *Zlatni danci 3 — Bajka od davnina pa do naših dana*. Osijek, 2002.
- 2 В данном случае, на наш взгляд, корректнее было бы говорить все-таки о европейской, а не о мировой литературе, ведь далее речь пойдет исключительно о французских, немецких, английских, скандинавских, русских и чешских авторах.
- 3 Здесь и далее перевод наш. — П. К.

Korol'kova P. V.

A New Work in the Sphere of Studies
in Slavic Literary Fairy Tales

This article is a review of a monographic study by Croatian philologist A. Pintarich *Literary Fairy Tales: Theory, Survey, Interpretations*.

Keywords: *world literature, Slavic literatures, Croatian literature, author's fairy tale, classic literary fairy tale, folklore fairy tale, parable, the Bible*.

М. Ю. Дронов
(Москва)

Еще раз о Карпатской Украине

В рецензии рассматривается издание ужгородского историка В. Петрецького «Політична еліта на сторінках „Нової свободи“».

Ключевые слова: *Закарпатье, Подкарпатская Русь, Карпатская Украина, русины, украинцы.*

Как известно, нынешняя Закарпатская область (Подкарпатская Русь) — крайне самобытный регион, который вплоть до середины 40-х гг. прошлого столетия развивался изолированно от других земель, входящих в состав современной Украины. Во многом именно поэтому в постсоветском Закарпатье не утихают активные общественно-политические и национально-языковые споры. В частности, среди закарпатцев присутствуют кардинально отличные точки зрения на такие вопросы, как легитимный статус региона в составе Украины (область или автономная республика), этнонациональная принадлежность коренного восточнославянского населения (украинцы или русины) и т. д. Однако, хотя наличие подобных серьезных противоречий вряд ли идет на пользу консолидации общества, их существование позитивно отражается на развитии в Закарпатье исторической науки и краеведения, выходе в свет новых работ, переиздании старых, публикации источников.

Именно в данном контексте — незримой взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего единственной области Украины, расположенной за (или, с другой стороны, под) Карпатскими горами, — следует рассматривать вышедшую в Ужгороде брошюру «Політична еліта на сторінках „Нової свободи“¹. Ее основу составляет подборка избранных статей и заметок из газеты «Нова свобода», выпускавшейся в 1938–1939 гг. в Хусте и стоявшей на подчеркнуто украинских национально-языковых позициях. Составителем и автором вступительной статьи выступил преподаватель кафедры истории Украины исторического факультета Ужгородского национального университета В. Петрецький. Главным поводом к выходу публикации послужило такое в целом не однозначное, однако широко отпразднованное украинской общественностью историческое событие, как 70-летие провозглашения независимости Карпатской Украины².

В вступительном очерке, названном «Політична еліта Карпатської України: історичні умови творення» (с. 3–12), дается краткий исторический анализ процесса местного элитообразования (термин, используемый В. Петрецьким) в период 1938–1939 гг. и формирования высших органов краевой власти Подкарпатской Руси/Карпатской Украины. Нельзя не отметить предельно корректный и малоэмоциональный тон повествования автора по отношению как к деятелям украинской ориентации, творцам Карпато-украинского государства, так и к их тогдашним оппонентам — русофилам. В своих выводах В. Петрецький отмечает, что проблемы формирования политической элиты в интересующий период заключались прежде всего во взаимном недоверии украинофилов и русофилов. Поэтому, несмотря на незначительные взаимные уступки обеих ориентаций, как первое автономное правительство Подкарпатской Руси во главе с Андреем Бродием (1895–1946), так и, в особенности, второе во главе с о. Августином Волошином (1874–1945) являлись моноидеологичными. Собственно, именно при последнем из них автономный край Второй Чехо-Словацкой Республики Подкарпатская Русь получил официальное название Карпатская Украина, позднее перешедшее к провозглашенному самостоятельному государству.

Правда, не все смогут согласиться с итоговым заключением В. Петрецького, который, констатируя антиплюралистический характер элитообразования Карпатской Украины, считает, что «достижения основной цели — проголошення незалежності у важких тогочасних суспільно-політичних умовах [...] слугує політичним виправданням українським провідникам краю». В то же время было бы неправильным отказывать автору в праве на личное мнение. Тем более в вопросе, который во многом заранее относится к тесно связанной с современностью субъективно-эмоциональной сфере, а потому едва ли предусматривает однозначный ответ. Также нельзя исключать, что позиция В. Петрецького в какой-то степени формировалась под влиянием его маститых коллег и рецензентов — известных ужгородских историков украинской ориентации Р. Официнского и М. Токара.

Что касается вновь опубликованных материалов «Нової свободи», всего их в брошюре представлено 56 позиций (с. 14–74). В это число вошли отдельные статьи, заметки, сообщения, интервью, касающиеся деятельности представителей политической элиты региона. По сути, данные материалы являются своеобразным слепком

мировоззрения тогдашних местных украинофилов (примечательно, что особенно негативные коннотации, как правило, сопровождают информацию о русофилах). При этом подборка текстов не только является собой фактологический источник, но и несет нагляднейшее представление об общем уровне краевой журналистики конца 1930-х гг.

Крайне ценно сохранение языковых особенностей газетных оригиналов, что делает публикацию интересной и для филологов. Хотя язык «Новой свободы», несомненно, литературный украинский, в нем встречаются заимствования из местных русинских говоров, чешского и словацкого языков. Поэтому в ряде случаев составитель счел необходимым уточнить в скобках значение подобных слов.

Думается, что брошюра выиграла, если бы содержала больше информации о самой редакции, принципах редактирования и распространении газеты.

К сожалению, книге явно недостает алфавитного указателя, который бы помог сэкономить время при поиске информации о конкретных персоналиях упоминаемой политической элиты.

В любом случае эта первая по счету отдельная публикация В. Петрецького, несмотря на свой небольшой объем и некоторые недоработки, заслуживает положительной оценки. А соответственно и внимания у всех, кто интересуется новейшей историей Закарпатья (Подкарпатской Руси).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Політична еліта на сторінках «Нової свободи» / Упорядник і автор передмови Віктор Петрецький: До 70-річчя проголошення незалежності Карпатської України. Ужгород, 2009. 80 с.
- 2 Как, например, справедливо напоминает авторитетный исследователь русинской ориентации И. И. Поп, независимость Карпатской Украины «как юридический факт существовала не целых 30 часов (14 — 16.3.1939) и мало кто о ней знал, кроме депутатов сойма, ее утвердивших» (Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 206). К тому же идеи украинского национализма, к которым апеллировало это кратковременное государство, были и остаются чуждыми для значительной части жителей края.

Dronov M. Yu.

Once More about the Carpathian Ukraine

This is a review of a publication of historian from Uzhgorod V. Petretsky *Політична еліта на сторінках "Нової свободи"*.

Keywords: *Transcarpathia, region of Podcarpathian Rus', the Carpathian Ukraine, Russins, Ukrainians.*

С. О. Шмидт
(Москва)

Исследования и материалы по истории польского общественного движения середины XIX в.

По поводу выхода очередного тома совместного российско-польского серийного издания «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX в. Исследования и материалы».

Ключевые слова: *Польское освободительное движение XIX в., Шимон Конарский.*

Во второй половине прошлого года увидел свет еще один том указанной выше фундаментальной публикации исторических источников и исследовательских материалов, озаглавленный «Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w gubernii Kijowskiej. Szymon Konarski. Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский» (Редакционный комитет серии: Юльюш Бардах, Мария Янион, Галина В. Макарова, Константин В. Никифоров, Виктория Сливовская. Редактор тома Магдалена Мициньская. Warszawa, 2009. 581 с.). Это отнюдь не ординарное событие заслуживает специального рассмотрения.

Внимание к исследованию исторических источников по истории революционного и освободительного движения народов, входивших в состав Российской империи, обусловлено не только тем, что источниковедение стало одной из основополагающих дисциплин современной исторической науки, но и прежде всего тем, что в истории освободительных движений сконцентрировались и нашли выражение фундаментальные противоречия эпох Новой и Новейшей истории. Особенно это касается процессов исторического взаимодействия народов России со странами и народами Центральной и Восточной Европы. После Великой Отечественной войны, когда наступил новый качественный этап их развития, исторические исследования в этой области приобрели еще большее значение и стали одним из приоритетных направлений советской исторической науки. Не утратили они своей исключительной роли и в наши дни, чем, в первую очередь, и обусловлен интерес к ним современных исследователей.

В рамках этого направления осуществлялось активное сотрудничество между Российской и Польской академиями наук (ПАН). Наряду с публикацией документов, посвященных польскому восстанию 1863–1864 гг. (25 томов), на протяжении уже более тридцати лет выходит серийное издание «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы», подготовленное Институтом истории и Институтом литературных исследований ПАН совместно с Институтом славяноведения РАН. У истоков создания данной серии стояли известные польские и российские ученые — Стефан Кеневич, Виктория Сливовская, В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Задачей серии стала публикация исторических материалов и монографических исследовательских статей, посвященных комплексному изучению источниковедческих и конкретно-исторических проблем рассматриваемого периода, что обусловило уникальность предпринятого начинания.

Вышедший очередной том этого фундаментального издания посвящен польскому патриотическому движению под руководством Шимона Конарского в 30-е гг. XIX в. Он содержит статьи польских и российских историков, а также впервые вводимые в научный оборот документальные материалы, извлеченные из архивов и рукописных собраний библиотек России, Украины, Литвы и Польши. Статьи посвящены малоизученным вопросам истории польского освободительного движения в Российской империи в 30-е гг. XIX в. Например, политическим мерам царского правительства в отношении семей заключенных, в чем нашли отражение важные тенденции национальной и сословной политики самодержавия исследуемого периода (статья Г. В. Макаровой); а также жизни и деятельности польских ссыльных в Забайкалье и Сибири в 40–50-х гг. XIX в. (статья Е. Семенова, Я. Трынковского), в которых поставлены важные проблемы социокультурного взаимодействия европейских и восточных окраин Российской империи, что представляет весьма существенным вкладом в актуальную ныне исследовательскую работу в области сравнительного изучения имперского центра и периферии. Укажем также на поставленную в томе проблему специфики взаимодействия исторического и литературного процессов, нашедшую выражение в формировании литературных мифов особого свойства об участниках патриотического движения (статья Э. Кисляк).

Помещенные в томе монографические исследования органически сочетаются с его документальной частью, причем это сочетание находит выражение не только в количественном равновесии объемов

обеих частей, но главным образом в глубоких существенных связях, обусловленных общей проблематикой, методологией и методикой исследования.

В присоединенном к Российской империи в 1815 г. Королевстве Польском после подавления восстания 1830–1831 гг. было установлено военное положение, фактически сохранявшееся до конца 1850-х годов. Варшавская следственная комиссия во главе с заместителем, занимавшаяся расследованием деятельности «наиболее опасных» тайных организаций, отправляла подготовленные материалы в Военно-судный департамент Военного министерства, которые затем поступали на высочайшую конфирмацию. Аналогичные расследования предпринимались властями в западных губерниях — бывших польских территориях, которые по разделам Польши в XVIII в. отошли к России. Таким образом, ценнейшие материалы по истории польского освободительного движения оказались в российских центральных государственных архивах, а также архивохранилищах и библиотеках Украины и Литвы. Введение в научный оборот этого комплекса документов стало возможным лишь благодаря совместным усилиям польских и российских исследователей. Ко времени работы над вышедшим томом уже ушли из жизни крупные ученые, бывшие зачинателями серии: Стефан Кеневич, И. С. Миллер, В. А. Дьяков, в начале 2010 г. скончался Юльиш Бардах. Помещенные в томе материалы полицейских расследований условно можно разделить на две части: на показания подследственных, то есть вышедшие из среды участников освободительного движения, разумеется с учетом понятной специфики, и на собранные следствием дополнительные материалы. Их отбор, анализ и систематизация уже представляли собой немалые трудности для составителей и публикаторов, одной из наиболее существенных проблем при этом был, без сомнения, учет влияния субъективных факторов на характер и содержание публикуемых документов, с чем, по нашему мнению, авторы и составители успешно справились.

Тексты исторических источников на русском языке к данному изданию подготовили Г. В. Макарова и Л. П. Марней, при участии О. С. Каштановой. Тексты на польском — В. Сливовская и М. Мициньская. Хотелось бы подчеркнуть огромную заслугу в подготовке этого тома профессора Виктории Сливовской — постоянного члена редколлегии издаваемой серии. В. Сливовская сыграла ведущую роль как в выявлении и комментировании материалов, публикуемых в данном томе, так и в организации его издания.

Хронологически документы охватывают период 1835–1849 гг. В основном материалы датированы 1838–1839 гг. — временем, когда велось следствие над участниками патриотической организации Конарского.

В целом удачной и обоснованной представляется структура документальной части тома. Материалы разделены на четыре раздела: 1. программные документы патриотических организаций на Украине; 2. следственные показания и протоколы очных ставок (самый большой раздел); 3. переписка российских властей по вопросу конфирмации приговоров; 4. документы эпистолярного происхождения (дневники и переписка обвиненных и осужденных).

К «польским» материалам относятся в основном показания подсудимых, «уставы» и «статуты» конспиративных организаций, дневники и переписка участников патриотического движения. На русском языке, как правило, написаны вопросные пункты для обвиняемых, ответы ряда подсудимых (некоторые обвиняемые отвечали на вопросы как на польском, так и на русском языках), протоколы очных ставок и выписки из признательных показаний, записки о тайных обществах, составленные по распоряжению властей, списки лиц, наказанных за участие в антиправительственной деятельности, корреспонденция российских властей по вопросу конфирмации приговоров.

Публикация материалов выполнена на высоком профессиональном уровне. Документы снабжены обширными комментариями биографического, историографического и географического характера. Издание имеет именной указатель с подробными биографическими справками в отношении лиц, принимавших участие в польских тайных организациях.

Как всякая значительная и трудоемкая работа, публикуемый том не свободен от недостатков, в числе которых можно отметить не совсем точное воспроизведение, на наш взгляд, текстовых особенностей документов, то есть приведение окончательной редакции документа без оговорки мелких исправлений и вставок, вносимых при его составлении. Также следует указать на встречающиеся корректорские погрешности при подготовке издания, что повлекло за собой опечатки, иногда весьма досадные, в тексте статей и документов.

Однако это не умаляет значения данной публикации, весьма познавательной не только с точки зрения профессионального историка, но и в политическом, и в культурном аспектах. В изданных

документах нашли отражение такие явления, как процесс развития национального самосознания польского общества, взаимодействие его духовных исканий и общественно-политических чаяний с воззрениями передовых кругов российской общественности. Опубликованные документы и исследования детально раскрывают эволюцию идеологии представителей шляхты в период упадка общественно-политической роли дворянства, показывают их размышления о путях национального возрождения и возвращения утраченной польской государственности. Данные материалы также позволяют расширить наши представления о конкретных событиях и процессах, происходивших в 30–40-е гг. XIX в. (в частности, о функционировании административно-полицейского аппарата Российской империи). Они интересны не только для исследователей истории Польши, но и для широкого круга ученых, специализирующихся в области отечественной истории. Оценивая опубликованный том в целом, следует отметить, что он еще раз показал общность исторического пути народов России и Польши на всем его протяжении, что значимо не только для конкретного издания, но и в целом является существенным в методологическом отношении. Примененные в настоящем томе исследовательские подходы и принципы выдержали проверку временем и по структуре, содержанию и результатам исследования убедительно продемонстрировали соответствие данной публикации, как и серии в целом, современному мировому уровню исторической науки.

Как археограф и источниковед полагаю необходимым особо отметить, что это издание, используемые в нем приемы передачи текста и комментирования, имеют немаловажное значение для развития методики специальных исторических дисциплин. Объединение в одной книге подготовленной на высоком уровне публикации документов и исследовательских штудий, основанных на изучении источников, — это одно из достижений совместной деятельности российских и польских историков и археографов. Том, посвященный польскому национальному движению под руководством Ш. Конарского, как и другие тома серии «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы», может послужить образцом для последующих изданий такого типа. Хотелось бы подчеркнуть еще одно значение этой книги, заключающееся в том, что она является свидетельством долговременного плодотворного сотрудничества польских и российских ученых — исследователей и архивистов.

Shmidt S. O.

The Studies and Documents for the History
of the Polish Social Movement in the middle of the XIXth century

On the edition of next volume of the Polish-Russian series “The Polish Social and Literature Movement in the 30–50s of the XIXth century. The Studies and Documents”.

Keywords: *The Polish emancipation movement of the XIXth century, Szymon Konarski.*

Н. В. Шведова
(Москва)

Конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы»

10–11 ноября 2009 г. в Институте славяноведения РАН прошла международная конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы», организованная Центром истории славянских литератур. Сдвиг времени ее проведения с весны, когда отмечалось двухсотлетие со дня рождения писателя, на осень объяснялся, по замыслу руководителя конференции Л. Н. Будаговой, необходимостью оценить и прокомментировать резонанс юбилея в России и других славянских странах.

Литературоведы активно откликнулись на приглашение организаторов конференции. Свое согласие участвовать в мероприятии выразили ученые Украины, Белоруссии, Сербии, Словении, Македонии, Словакии, Чехии, Болгарии, Испании, США. Поддержали идею и коллеги из вузов Москвы и Санкт-Петербурга. В сборнике тезисов конференции, изданном к ее началу, опубликованы материалы 49 участников.

Открывая конференцию, Л. Н. Будагова отметила, что творчество Гоголя в советский период рассматривалось сквозь призму суждений В. Г. Белинского, высоко оценившего талант писателя. Вместе с тем в уточнениях нуждаются такие проблемы, как национальная идентификация творчества Гоголя, его восприятие в нерусской среде и отношение читателей к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Время показало, что Гоголь, вопреки прогнозам Белинского, был востребован и понят другими славянскими народами, причем влияние его творчества было весьма значительным как в XIX, так и в XX в. Л. Н. Будагова привела, в частности, такой факт: упоминание имени Гоголя в «Истории литератур западных и южных славян» (1997–2001) по численности уступает только Пушкину, превосходя других русских писателей. Большинство докладов на конференции было посвящено именно восприятию творчества Гоголя в славянских странах.

Первый тематический «блок» был связан с украинским началом у Гоголя в свете универсальности его творчества, в том числе — проблемой восприятия поляками повести «Тарас Бульба». Как сформулировал А. В. Лунатов (ИСЛ РАН), «Гоголь принадлежит к тем представителям культуры, чей гений на протяжении вот уже полутора веков сближает Украину и Россию». Доклад ученого назывался «Универсальное и национальное: казус Гоголя». В докладе

В. В. Мочаловой (ИСЛ РАН) «Славянская тема у Гоголя» освещались взгляды Гоголя на происхождение славян, обстоятельства их исторического существования, русско-украинские, польско-украинские отношения. Л. А. Софронова (ИСЛ РАН) рассмотрела оппозицию «свой / чужой» в ранних повестях Гоголя («москаль, лях, жид»). Выяснилось, в частности, что и к «москалям», т. е. русским, порой относятся нежелательные характеристики автора. Ф. Молина-Морено (Университет Комплутенсе, Мадрид) в докладе «Гоголевская русалка: воспоминания о „майской ночи“ в Полесье» сделал вывод о том, что «мотивы, присутствующие и в текстах Полесского Архива, и у Гоголя, присутствовали и в устной традиции гоголевских времен и продолжали жить дальше». И. Р. Монахова (Союз литераторов России) анализировала проблему «Украинские и русские народные песни в жизни Гоголя».

Ю. А. Лабынцев и Л. Л. Щавинская (ИСЛ РАН) рассмотрели бытование так называемой «гоголевской молитвы» (стихотворного сочинения) в народных литературах восточных славян. К восприятию «Тараса Бульбы» поляками, уже отмеченному в предыдущих докладах, обратился В. А. Хорев (ИСЛ РАН). Повесть в Польше оценивали как полонофобскую, за редким исключением (Б. Гальстер, 1967). Ее издали на польском уже в XXI в., через 150 лет после затерявшегося первого издания, и в послесловии историк Я. Тазбир называет повесть своего рода сказкой (такое определение присутствовало и у других докладчиков). Польской параллелью стал роман Г. Сенкевича «Огнем и мечом». Историю создания «Тараса Бульбы» (исторические источники) рассматривала А. Л. Хорошкевич (ИСЛ РАН). Н. Е. Ананьева (МГУ) сделала предметом исследования польские мотивы и польские языковые элементы в творчестве Гоголя. Доклад на тему «Гоголь и галичане» сделала Н. М. Пашаева. С. Ф. Мусиенко (Гродненский университет, Белоруссия) продолжила сопоставление творчества Гоголя и Сенкевича, анализируя сатирический эффект «Набросков углем» польского писателя. М. Ю. Досталь (ИСЛ РАН) рассмотрела связи Гоголя с первыми русскими славистами И. И. Срезневским и О. М. Бодянским. Л. П. Лантева (МГУ) избрала тему «В. А. Францев о восприятии творчества Н. В. Гоголя». Полемическим по отношению к этому докладу прозвучал доклад С. А. Шерлаимовой (ИСЛ РАН) о К. Гавличке-Боровском как переводчике Гоголя на чешский язык, где оспаривались суждения Францева о незнании и непонимании чешским писателем творчества Гоголя.

«Чешскую тему» продолжили С. В. Никольский (ИСЛ РАН) и Н. К. Жакова (Санкт-Петербургский университет). В первом докладе

де внимание было сфокусировано на восприятии Гоголя чешскими писателями, главным образом К. Чапеком, во втором — на духовных сочинениях Гоголя («Размышления о Божественной литургии» и др.). Докладчица отметила, что «Чехия, пожалуй, единственная страна, где переводят духовные сочинения Гоголя». Аспирантка Института славяноведения *А. В. Амелина* рассмотрела творческую связь Гоголя и чешского сатирика XX в. И. Гауссмана. Значение Гоголя для культурной жизни русских эмигрантов в Чехословакии (1920–1930-е гг.) показала *Е. П. Серапионова* (ИСЛ РАН). *А. Г. Кузнецова* рассказала о гоголевских материалах в музее-заповеднике «Абрамцево».

Второй день конференции открылся «словацким блоком». О восприятии Гоголя в Словакии в целом рассказала *А. Г. Машикова* (МГУ). Конкретизировали тему *Л. Ф. Широкова* (ИСЛ РАН) с докладом «Гоголевские мотивы в словацкой прозе (Кукучин, Есенский, Грегор-Тайовский)» и *Г. Кубишова* (Университет М. Бела в Банской Быстрице, Словакия) с докладом «Н. В. Гоголь и Й. Шкультеты». *М. Г. Смольянинова* (ИСЛ РАН) проанализировала связи Гоголя и болгарской литературы эпохи национального возрождения. В докладе *И. И. Калиганова* «О рецепции Н. В. Гоголя в Болгарии» устанавливались причины обострения (или уменьшения) интереса болгарских читателей к творчеству писателя в целом, равно как и к отдельным его произведениям, разнящимся в жанровом и «направленческом» (романтизм, критический реализм) отношении. *Л. К. Гаврюшина* (ИСЛ РАН) рассмотрела первый сербский перевод «Мертвых душ», сделанный М. Глишичем. «Сербскую тему» продолжил *Б. Косанович* (Новисадский университет, Сербия), представивший историю и нынешнее состояние постановок произведений Гоголя в сербском театре. Более локальный материал по Сербии и Хорватии рассмотрела *М. Н. Дробышева* (Педагогический университет, Санкт-Петербург), анализируя постановки «Ревизора» в Загребе и Белграде на рубеже XIX–XX вв. Театральный аспект дополнила *И. А. Герчикова* (ИСЛ РАН), обобщив историю пьес Гоголя в Чехии и назвав писателя одним из любимейших драматургов чешского зрителя.

Широкий охват проблематики продемонстрировал доклад *Д. Ристеского* (Университет Кирилла и Мефодия, Скопье, Македония) «Творчество Гоголя в македонской литературной и культурной среде». Развитие темы прозвучало в докладе *А. Г. Шешкен* (МГУ), сосредоточившейся, в частности, на романах Д. Солева (1980-е гг.). *Н. Радический* (Университет Кирилла и Мефодия, Скопье, Македония) рассмотрел проблему «„Вий“ Гоголя и мифологические существа в македонской

народной и художественной литературе». В докладе *М. Гюрчинова* (Македонская Академия наук и искусств, Скопье, Македония) образ Вия анализировался в связи со стихотворением Б. Конеского. Два доклада были посвящены Гоголю как предтече сюрреализма в славянских литературах. *Л. Н. Будагова* обоснованно представила Гоголя как провозвестника славянского литературного авангарда. *Н. В. Шведова* (ИСЛ РАН) продолжила рассмотрение сюрреалистических элементов в творчестве Гоголя, сопоставив его Петербург с Прагой в поэме словацкого сюрреалиста В. Райсела «Нереальный город» (1943).

Т. И. Чепелевская (ИСЛ РАН) обратилась к мотиву сна в творчестве Гоголя и словенского классика И. Цанкара. Влияние произведений Гоголя на драматургию Цанкара рассмотрела *А. Енстерле-Долежалова* (Карлов университет, Прага, Чехия). Темой доклада *С. Н. Мецеракова* (МГУ) стали сопоставления творчества Гоголя и постмодернистской прозы М. Павича. *М. Б. Проскурнина* (ИСЛ РАН) конкретизировала «македонскую тему», анализируя гоголевский гротеск в романах В. Урошевича и Э. Лафазановского. *В. Мойсова-Чепишевская* (Университет Скопье, Македония) остановилась на чертах гоголевской фантастики в современной македонской литературе. Итоги конференции были подведены в заключительном слове *Л. Н. Будаговой*.

Международная конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы» показала значимость творчества писателя для всего славянского ареала, плодотворность гоголевских импульсов вплоть до наших дней, возможность взвешенного и объективного рассмотрения «неудобных» проблем, таких как восприятие поляков в «Тарасе Бульбе» и др. Из «юбилейного мероприятия» конференция превратилась в результативное общение ученых, выявивших немало нового и чрезвычайно интересного в связях Гоголя и славянских литератур. Так она, впрочем, и задумывалась.

*А. А. Силкин
(Москва)*

**Конференция «Человек на Балканах
глазами русских наблюдателей
(конец XIX — первая половина XX в.)»**

10 ноября 2009 г. в Отделе истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН состоялась научная конференция «Человек на Балканах глазами русских наблюдателей (конец XIX — первая половина XX в.)». В работе конференции приняли участие не только сотрудники института — историки, литературоведы, культурологи, но и представители других научных учреждений — МГИМО, истфака МГУ, Нижегородского государственного университета. С докладами выступили зарубежные коллеги: *А. Ю. Тимофеев* (Институт новейшей истории Сербии) и *М. Йованович* (Философский факультет Белградского университета).

Открыл заседание доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*, напомнивший присутствующим, что конференция продолжает серию мероприятий под общим названием «Человек на Балканах в процессе модернизации». На предыдущих конференциях были рассмотрены социальные особенности модернизации «по-балкански» и ее социокультурное измерение, типы государств и их институтов, а также взаимоотношения власти и общества и, в связи с этим, специфика балканских элит. Причем, продолжил *А. Л. Шемякин*, члены научного коллектива отошли от чисто «институционального» анализа, неспособного объяснить, почему, например, одинаковые по форме органы государственной власти в разных странах действуют порой по-разному, дополнив методологию изучения движения от традиционного общества к цивилизационно более высокому его типу антропологическим подходом, поставив в центр внимания *Ното Balkanicus...* Что касается новой конференции, то в центре ее внимания оказались имагологические сюжеты. Они позволяют ввести в исследование специфики модернизационных процессов в традиционных обществах, к которым принадлежали и балканские, новый комплекс источников — наблюдения российских путешественников о балканских социокультурных и политических реалиях. Шемякин отметил, что ценность этих источников заключается в том, что «заморский гость» обращает внимание на непривычные для него, но привычные для местных жителей стороны жизни. Эти «рутинные» с точки зрения обыденного опыта детали, как правило, не попадают во

«внутренние» источники, каковых по определению не так уж много, ведь «традиционное общество» исторически относится к дописьменной культуре, и, соответственно, значение наблюдений иностранцев для его изучения возрастает.

Первые доклады конференции осветили теоретические проблемы имагологического метода исследования. С докладом «Имагологический аспект межславянских культурных связей» выступил доктор филологических наук *В. А. Хорев*, подчеркнувший, что «в последнее десятилетие одной из актуальнейших проблем гуманитарных наук стала проблема взаимного видения народов...». Затем докладчик описал истоки и развитие появившейся в середине прошлого века научной дисциплины — имагологии (от лат. *imago* — образ), изучающей картины, образы мира, которые складываются в текстах культуры. Важным для слушателей доклада стала характеристика имагологического подхода, нацеленного, по словам *В. А. Хорева*, на «изучение комплекса взаимосвязей духовной культуры двух народов». Концептуальную часть своего выступления докладчик проиллюстрировал на примере взаимного восприятия поляков и русских, нашедшего выражение в их национальных литературах.

Кандидат исторических наук *М. В. Лескинен* сделала доклад на тему «Принцип изображения „другого“ в российской науке второй половины XIX века: термины, методы, стереотипы восприятия». Упор в выступлении был сделан на этническую сторону понятия «другой». При этом докладчик отметила, что «описание себя через „другого“ — один из первичных инструментов самоидентификации».

Теоретический блок конференции завершился докладом доктора исторических наук *М. В. Белова* «Русские путешественники и дипломаты на Балканах в 1-й половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий». Выступление было посвящено способам восприятия балканских реалий русскими путешественниками и дипломатами первой половины XIX в. В начале столетия сформировалось два типа описательных стратегий: сентиментализм и неоклассицизм. Романтическая модель формировалась под влиянием идеологии «славянского возрождения» в середине рассматриваемого периода, но она не стала доминирующей и сочеталась в разных вариантах со своими предшественницами.

В докладе «Российское общественное мнение и Балканы» доктор исторических наук *Р. П. Гришина* рассмотрела движение в России в 1875–1877 гг. в поддержку борьбы славянских народов Балканского полуострова за освобождение из-под османской власти и, более кон-

кретно, — существующее в историографии положение о том, что наиболее активной силой этого движения были крестьяне. Автор задается вопросом: почему именно крестьяне, почему они несли «последнюю копейку» сборщикам денежной помощи, почему готовы были идти добровольцами на фронт сербско-турецкой войны? Р. П. Гришину интересует, какими знаниями о балканцах располагало российское крестьянство, какой информацией оно питалось, какую роль в его «образовании» играла православная церковь.

Кандидат исторических наук *В. Б. Хлебникова* сделала доклад на тему «Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблемы диалога и взаимопонимания». Проанализировав большое количество документов Архива внешней политики Российской империи и Государственного архива Российской Федерации, докладчик пришла к выводу, что «история русско-черногорского дипломатического диалога — это яркий пример разрушения стереотипов и создания образов, которые решительно опровергали уже укоренившиеся представления о нерушимой русско-черногорской дружбе... Чувство глубокого разочарования настигло каждого из российских дипломатов, работавших в Цетинье на рубеже XIX–XX веков. Никто из них не мог остаться лояльным по отношению к черногорскому монарху. Каждый по-своему негодовал и возмущался, насколько неверны и неблагодарны славянские друзья...».

В докладе доктора исторических наук *А. Л. Шемякина* «Русские о Сербии и сербах. Т. 2» говорилось о работе над сборником, который должен включать в себя на сей раз исключительно архивные источники. Особое значение автор придает сербскому «досье» П. А. Кулаковского — видного русского слависта, в течение четырех лет занимавшего кафедру русского языка и литературы в Белградской Великой школе, причем в одну из самых переломных эпох в истории Сербии — сразу же по обретении страной независимости (1878–1882). Анализ вновь обнаруженных материалов позволил значительно углубить и нюансировать базовый вывод предыдущих исследований — за фасадом европейских новаций, в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, в Сербии скрывались устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого крестьянина, но и большей части сербской элиты.

Кандидат исторических наук *Л. В. Кузьмичева* выступила с докладом на тему «Балканы глазами представителей Дома Романовых в конце XIX — начале XX века». Важность темы, по словам

Л. В. Кузьмичевой, определяется тем обстоятельством, что, при наличии большого числа введенных в научный оборот свидетельств русских путешественников, не до конца освещенным остается «личный фактор отношения императора к той или иной внешнеполитической инициативе». Кроме того, выбранная тема позволяет представить, «как воспринимали братские православные страны представители правящей элиты самой крупной православной державы», заинтересованной в «реабилитации православных традиций и восстановлении позиций православной церкви» в балканских странах. Не менее интересно проанализировать, «насколько соответствовали представлениям русских императоров монархи православных государств».

Кандидат исторических наук *М. Л. Ямбаев* прочитал доклад на тему «Русская общественность об этническом составе населения Македонии в конце XIX — начале XX века». Автор затронул проблему восприятия этничности македонских славян российскими дипломатами, учеными, путешественниками, общественными деятелями и журналистами. Данная тематика обсуждалась и на страницах периодической печати. Авторы статей вступали в жаркие дискуссии о том, кто такие славяне Македонии — болгары, сербы или все-таки отдельная этническая группа славян — македонцы. Между тем главенствующей точкой зрения в среде российской общественности оставалась одна — славяне Македонии это «западная ветвь „болгарского племени“, не обладающая национальным самосознанием». Поэтому из этой «массы», как писал один наблюдатель, «равно легко можно было вылепить и болгарина, и серба».

Кандидат исторических наук *А. А. Силкин* прочитал доклад «Политическая ситуация в Королевстве сербов, хорватов и словенцев глазами русского офицера. 1919–1920 гг.». Речь идет о донесении русского военно-морского агента в Королевстве СХС капитана второго ранга Апрелева, озаглавленном «Политические партии в Королевстве СХС, их борьба, роль коммунистов, влияние событий в России, пресса, роль партий в деревне и городах. Борьба по созыву Учредительного собрания». Донесение привлекло внимание докладчика тем, что содержащиеся в нем пронизательные наблюдения обладают тремя ценными свойствами. Во-первых, это актуальные на момент составления отчета точные характеристики югославского общества в целом, а также отдельных его групп; во-вторых, они представляют собой не устаревшие до сегодняшнего дня описания национальных черт югославян, в первую очередь сербов; в-третьих, в них содержится неосознаваемое автором выявление ключевых стратегических проблем,

как осложнявших наблюдаемое им становление югославянского государства, так и предопределивших его дальнейшее существование, оцениваемое нами в исторической ретроспективе.

В докладах кандидатов исторических наук *Я. В. Вишнякова* «Сербская армия в начале XX века глазами русских военных агентов» и *В. Б. Каширина* «Старший и высший командный состав балканских армий в оценках и суждениях русских военных специалистов. Начало XX в.» речь шла о «поколении балканских военачальников, которые получили генеральские чины в первые полтора десятилетия XX в.». Их особая роль была предопределена тем, что в своих странах они стали «первыми генералами современных постоянных армий европейского образца». «Время их активной профессиональной деятельности пришлось на период ускоренной, догоняющей политической и военной модернизации молодых государств региона, когда введение новых форм и методов государственного и военного управления существенно опережало темпы необходимой для этого эволюции общественного сознания и психологии народов Балкан...» Основным источником для обоих докладов стали донесения русских военных агентов в балканских странах, хранящиеся в Российской государственном военно-историческом архиве.

Доктор исторических наук, профессор Белградского университета *М. Йованович* выступил с докладом «Образ Балкан в восприятии русских эмигрантов». Как полагает сербский коллега, столкновение русских с балканским обществом представляло собой встречу и взаимное знакомство двух родственных, но различающихся культур, двух разноликих миров. Как и всякое столкновение с «другим/чуждым», этот контакт привел к созданию специфических взаимоотношений, которые могут быть выражены противопоставлением местоимений «МЫ» — «ОНИ». «...Столкновение с „другим“, с „тем государством размером как моя губерния“ и „маленьким пограничным городком“, с „весной в марте“ и „низким южным небом“, представляло лишь часть пережитого эмигрантами комплексного опыта, связанного как с адаптацией, интеграцией, аккультурацией, денационализацией и ассимиляцией, так и с уникальным, специфическим феноменом — с идеей о Зарубежной России, которой в значительной мере была подчинена организация общественной жизни русских людей в изгнании».

Кандидат исторических наук *А. Ю. Тимофеев* прочитал доклад «Русские и сербы: опыт взаимовосприятия. Осень 1944 г.». Особый характер контактов, имевших место между населением сербских земель и красноармейцами, определялся тем, что это был первый после

длительного перерыва опыт общения двух народов, которых некогда связывали исторические и духовные узы, но которые в силу известных потрясений надолго потеряли друг друга из виду. Поэтому можно говорить о «глобальном» значении встречи освободителей и освобождаемых для «формирования современных стереотипных представлений русских о сербах и сербов о Советском Союзе».

Кандидат исторических наук *А. С. Стыкалин* выступил с докладом на тему «Румыния 1960-х гг. глазами членов Союза писателей СССР». Докладчик обратил внимание на тип источника, до сих пор не привлекавший должного внимания исследователей, хотя и представляющий несомненный интерес для изучения общественных настроений (особенно настроений интеллигенции) в странах Юго-Восточной Европы. Речь идет о сосредоточенных в фондах Иностранной комиссии Союза писателей СССР в РГАЛИ отчетах о поездках писателей за рубеж. Более подробно докладчик остановился на донесении заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» С. Дангулова по итогам поездки в Румынию в августе 1964 г. в момент осложнения советско-румынских отношений, вызванного неприятием румынской стороной советских планов экономической интеграции в рамках СЭВ.

Г. Н. Энгельгардт сделал доклад „Местное общество“ глазами русского наблюдателя на рубеже XX–XXI вв.», посвященный анализу описания сербского общества эпохи балканских войн 1991–1995 гг. и 1999 г. в мемуарах и работах О. В. Валецкого. Его тексты являют собой включенное наблюдение за жизнью сербского общества в Боснии и Сербии на протяжении 1990–2000-х гг.

*Е. Л. Валева
(Москва)*

20 лет со времени начала демократических перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе

16–17 ноября 2009 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «Трансформационные процессы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже веков: двадцатилетний (1989–2009 гг.) исторический опыт». Как видно из названия, общая тематика конференции — анализ и обобщение уроков двадцатилетнего революционного и постреволюционного развития в странах региона. Трансформация в целом, ее генезис и внутренняя логика, универсальные закономерности и национальные характеристики были проанализированы с опорой на методы регионалистики и страноведческие подходы. Участники конференции рассмотрели опыт решения конфликтогенных ситуаций в регионе, противоречия внутри элитаобразующих групп, особенно в процессе вхождения государств ЦЮВЕ в общеевропейские структуры, критерии завершенности в этих странах трансформационных процессов. Обсуждалась проблема применимости уроков исторического опыта стран Центральной и Юго-Восточной Европы для определения векторов развития восточноевропейского региона (стран — республик бывшего СССР).

В представительном научном форуме участвовали более 40 ученых из восьми стран — России, Чехии, Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словении, Австрии. Российских ученых представляли сотрудники Российской Академии наук (РАН): Института славяноведения (ИСл), Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), Института экономики (ИЭ), Института Европы, Института социологии (ИС), а также МГУ им. М. В. Ломоносова и Воронежского госуниверситета. Конференцию открыл директор ИСл *К. В. Никифоров*.

Тематически все выступления были сгруппированы в рамках пяти секций. На заседании первой секции «СССР и Центральная и Юго-Восточная Европа: истоки и начало трансформаций» прослеживалась взаимосвязь между социально-политическим развитием Советского Союза, политикой его руководства и революциями 1989 г. в странах рассматриваемого региона.

Ю. С. Новопашин (ИСл) уделил внимание причинам восточноевропейских революций 1989 г., делая основной упор на междуна-

родном аспекте. *Т. Краус* (Институт политической истории Венгрии) поднял в своем выступлении вопрос о том, что принято понимать под «сменой систем» в странах бывшего советского блока. *В. Л. Мусатов* (ИЭ РАН) посвятил свой доклад влиянию политики М. С. Горбачева на демократические революции рубежа 1980–1990-х гг. *И. Купер* (Институт истории Румынской Академии) остановился на проблеме «СССР и эволюция стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». *В. Мюллер* (Центр изучения новейшей и современной истории Австрийской Академии наук) уделил внимание взаимоотношениям СССР/России и Германии после 1989 г. *С. П. Глинкина* (ИЭ РАН) осветила тему «Трансформации через взаимодействие: результат и пределы возможного». Доклад *Д. Луджева* (Институт истории БАН) был посвящен идеологии и технологии перехода к демократии в странах Восточной Европы. *И. С. Яжборовская* (ИС РАН) затронула проблему перехода стран Центральной и Юго-Восточной Европы от реформ к социально-экономической трансформации в конце 1980-х — начале 1990-х гг. *Э. Г. Задорожнюк* (ИСл РАН) посвятила свой доклад теме «Советский Союз и революции конца 1980-х гг.».

Во второй секции анализировалось развитие России и стран региона в трансформационный период. *Л. Н. Шишелина* (Институт Европы) выступила на тему «Россия и Восточно-Центральная Европа на фоне трансформационных процессов (1989–2009 гг.)». *Н. Я. Лактионова* (ИЭ) затронула в своем докладе феномен ностальгии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. *В. П. Любин* (ИНИОН) выступил с докладом «Итальянские левые и политические перемены в Восточной Европе конца 1980-х — начала 1990-х гг. XX в.». *Э. Ворачек* (Институт истории АН ЧР) рассмотрел проблемы развития и взаимоотношений Чехии и России после 1989 г. *Ю. А. Щербакова* (ИНИОН) остановилась на роли политических элит в разделе Чехословакии (1990–1992 гг.). *Ю. В. Кускова* (МГУ) исследовала специфику взаимодействия чехословацких организаций «Гражданский форум» и «Общественность против насилия» в период с ноября 1989 г. по июнь 1990 г. *С. О. Волотов* (ИЭ) посвятил свое выступление трансформационным процессам в Венгрии и стоящим перед ними новым вызовам.

В третьей секции анализировались особенности преобразований в странах Центральной Европы. *Б. Й. Желицки* (ИСл) охарактеризовал в своем докладе процесс демократических преобразований 1989–1990 гг. в Венгрии и некоторые аспекты последующего общественно-политического развития. *М. Барат* (Архив венгерских спецслужб)

осветила венгеро-советские отношения 1985–1989 гг. (по материалам встреч на высшем уровне). *Л. Н. Шанишева* (ИНИОН) выступила с докладом на тему «Трансформация в Восточной Германии — универсальная модель смены систем». *О. Н. Майорова* (ИСл) в своем выступлении дала оценку «Круглого стола» (1989 г.) в Польше с позиций сегодняшнего дня. *Л. С. Лыкошина* (ИНИОН) охарактеризовала польскую политическую элиту и остановилась на проблемах идентификации в условиях трансформации. *О. Ю. Михалев* (Воронежский университет) проанализировал становление многопартийности в Польше после 1989 г. Тема «Католическая церковь в планах польских властей по общественно-политическому преобразованию ПНР (вторая половина 1980-х гг.)» нашла отражение в выступлении *С. А. Кувалдина* (ИСл).

В четвертой секции рассматривались особенности преобразований в странах Юго-Восточной Европы. Ученые-югославы Института славяноведения посвятили свои доклады различным аспектам трансформационного процесса в странах бывшей Югославии. *К. В. Никифоров* осветил специфику этого процесса в Сербии. *А. Б. Едемский* говорил о фрагментарной биполярности противостояния власти и оппозиции в титовской Югославии и особенностях социальных потрясений в 1990-е гг. *А. И. Филимонова* затронула внутренний и внешний аспекты процесса евроинтеграции Сербии. *Г. Н. Энгельгардт* посвятил свое выступление урокам трансформации стран бывшей Югославии. *И. В. Руднева* остановилась на проблемах вступления Республики Хорватии в общеевропейские структуры. *Е. Ю. Гуськова* коснулась в своем докладе вопроса о том, насколько архивы югославянских стран открыты для исследования современной истории.

Проблемы и перспективы евроинтеграции Болгарии были проанализированы в докладе *Е. Л. Валева* (ИСл). *Н. Н. Старикова* (ИСл) охарактеризовала роль творческой интеллигенции в политической жизни независимой Словении, уделив особое внимание *Д. Рупелу*. *Д. Балан* (Институт по изучению стран Восточной Европы Румынской Академии) рассказал о событиях декабря 1989 г. в качестве их очевидца. *Т. Г. Биткова* (ИНИОН) выступила с докладом на тему «Румынский европеизм и проблема национальной идентичности в начале XXI в.». *С. Георгиу* (Институт истории Румынской Академии) исследовал вопрос о том, что произошло в Румынии после декабря 1989 г.: революция, заговор или реставрация. *В. Буга* (Институт по изучению проблем тоталитаризма Румынской Академии) проанализировал декабрьские события 1989 г. в Румынии в контексте румыно-советских отношений.

Работа пятой секции была посвящена теме «Центральная и Юго-Восточная Европа: новые ориентиры духовной жизни». *П. Бахмайер* (Болгарский институт в Австрии) осветил в своем докладе культурную политику Болгарии и западное влияние на нее в трансформационный период 1989–2009 гг. *А. Бабуш* (Институт литературы Венгерской Академии наук) посвятил свое выступление творчеству венгерских писателей в условиях смены власти (1988–1990 гг.). *С. А. Шерлаимова* (ИСл) рассмотрела развитие чешской литературы за двадцать лет, прошедших после ноября 1989 г. *Л. Ф. Широкова* (ИСл) подвела итоги двадцатилетнего развития словацкой литературы после «бархатной» революции. *Г. П. Мельников* (ИСл) выступил с докладом на тему «Чешская культура рубежа XX–XXI вв.: изменение форм, содержания и социальных функций». *М. В. Медынцева* (ИСл) остановилась в своем выступлении на проблеме чешского абсурдизма и творчестве *В. Гавела* как представителя этого направления в литературе.

Каждое заседание заканчивалось оживленной дискуссией по затронутому кругу вопросов. Материалы конференции, внесшей немало нового в освещение трансформационных процессов в странах ЦЮВЕ, планируется издать отдельным сборником. Участники научного форума были приглашены на торжественный вечер в Посольство Чешской Республики в Российской Федерации, организованный Чешским центром — Чешским домом в Москве и посвященный 20-й годовщине «бархатной» революции. После вступительного слова Э. Г. Задорожнюк и Э. Ворачека состоялась демонстрация документального фильма о «нежной революции» в Чехословакии.

Сведения об авторах

Аксенова Елена Петровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научного центра «Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли» Института славяноведения РАН.

Анисимова Дарья Юрьевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН.

Аристова Людмила Юрьевна — кандидат филологических наук, главный специалист Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ им. М. В. Ломоносова.

Валева Елена Любомировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН.

Ващенко Михаил Сергеевич — аспирант Института славяноведения РАН.

Вендина Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН.

Гиппиус Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН.

Досталь Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научного центра «Россия и славянские народы в истории науки и общественной мысли» Института славяноведения РАН.

Дронов Михаил Юрьевич — соискатель Института славяноведения РАН.

Исаева Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового, новейшего времени и международных отношений Института истории и международных отношений СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Киреева Елена Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы и фольклора Института филологии и журналистики СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Кириллин Владимир Михайлович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, зав. кафедрой филологии Московской духовной академии, профессор Московского государственного университета культуры и искусства.

Козловцева Елена Николаевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и архивоведения исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Королькова Полина Владимировна — младший научный сотрудник Отдела истории культуры Института славяноведения РАН.

Косик Виктор Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Кочегаров Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Крючкова Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Лециловская Инна Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Людоговский Федор Борисович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН, преподаватель Московской духовной академии, священник Покровского храма Московской духовной академии.

Макарова Галина Васильевна — научный сотрудник Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Носкова Альбина Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра по истории сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН.

Орлова Надежда Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории языка Педагогического института СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Плякин Максим Евгеньевич — диакон храма Рождества Христова г. Саратова, секретарь Саратовской епархиальной комиссии по канонизации подвижников благочестия.

Полозова Ирина Викторовна — кандидат искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова.

Попкова Нэлли Алексеевна — зав. Отделом редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки им. В. А. Артисевич СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Серапионова Елена Павловна — доктор исторических наук, зав. Отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

Созина Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела славянских литератур Института славяноведения РАН.

Соколовская Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славянских литератур Института славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН.

Терентьева Елизавета Юрьевна — преподаватель кафедры теории и истории языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Турилов Анатолий Аркадьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН.

Флоря Борис Николаевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН.

Хачаянц Анжела Григорьевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки Саратовской гос. консерватории им. Л. В. Собинова.

Шведова Наталия Васильевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела славянских литератур Института славяноведения РАН.

Шмидт Сигурд Оттович — академик Российской академии образования, советник РАН.

Научное издание

Славянский альманах

2009

Издательство «Индрик»

Корректор *М. В. Архиреев*
Оригинал-макет *Г. А. Шпэт*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте Славянского альманаха:
www.slav-almanakh.narod.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside
Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
23,0 п. л. Тираж 300 экз. Заказ №